

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

OH 3158.49.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ПИСЬМА съ ВОСТОКА.

ПИСЬМА

СЪ

ВОСТОКА

съ 1849 — 1850 годинахъ.

ЧАСТЬ II.

С. П. Б.

ВЪ ТИПОГРАФИИ III ОТДѢЛЕНІЯ СОБ. Е. И В. КАНЦЕЛЯРИИ.

1854.

Ott 3155.49.5

✓

JAN 11 1928
WALTER RUSSELL BATES
GIFT OF
HARVARD YENCHING LIBRARY

Отъ С. Петербургскаго Комитета духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ чтобы до выпуска изъ типографіи представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 25 дня, 1850 года.

Ценсоръ *Архимандритъ Іоаннъ.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Письмо	Стр.
XXI. Аѳины	1
XXII. Парѳенонъ и Ареопагъ	13
XXIII. Коринѳъ, Мегаспилеонъ, Патрасъ	28
XXIV. Патмосъ	56
XXV. Родосъ, Бейрутъ	67
XXVI. Иерусалимъ	88
XXVII. Лавра Св. Саввы	93
XXVIII. Путь по Ливану, Баалбекъ и Дамаскъ.	114
XXIX. Море Галилейское, Назаретъ и Самарія.	140
XXX. Подробности о Иерусалимѣ	165
XXXI. Виѳлеемъ и лавра Св. Харитонія	179
XXXII. Пустыня Иорданская	193
XXXIII. Храмъ Воскресенія.	220
XXXIV. Праздникъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ	236

	Стр.
XXXV. Геесиманія и Сіонъ	243
XXXVI. Новый Годъ и Богоявленіе, Горняя .	265
XXXVII. Прощаніе съ Виелемомъ и лаврою Св. Саввы	277
XXXVIII. Прощаніе съ Іерусалимомъ.	289
XXXIX. Гора Кармилъ, Акра, Тиръ и Сидонъ.	296
XL. Мѣра-Ликійская и гробница Николая Чудотворца	309
XLI. Древнія церкви въ Константинополь.	329
XLII. Живоносный источникъ и обитель Сту- дійская	344
XLIII. Мечети и церкви, посѣщеніе Патріар- ховъ и Св. Софіи.	356
XLIV. Представленіе Султану	370
XLV. Патріаршее служеніе въ недѣлю Пра- вославія.	376
XLVI. О великой Церкви Константинополь- ской.	399
XLVII. Прощаніе съ Царьградомъ	415

ПИСЬМО ХХІ.

А Ф И Н Ы.

Афины, 1 Октября 1849.

И такъ я въ пресловутыхъ Афинахъ,—не громко ли такое имя въ заглавіи письма? но лучше остаться при одномъ имени, если не хочешь разочарованія... Грустно смотреть на нынѣшнюю Грецію и вспоминать давно минувшую ея славу! Съ чего начать,—не вѣдаю: тутъ и язычество, тутъ и Христіанство, и обновляемое Эллинизмо послѣ бури Исламизма! Толпа различныхъ образовъ, изъ многихъ вѣковъ, стѣснилась, если такъ позволено выразиться, на одномъ небольшомъ пространствѣ, какъ бываетъ на позорищахъ народныхъ, и все это сливается въ одну безразличную громаду развалинъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали себя пом-

Часть II.

1

нить, или лучше сказать учиться, мы уже въ Аѳинахъ; но классическіе предметы изученія являются предъ нами колоссами, отъ того что мы сами были очень малы, когда начали о нихъ слышать въ училищѣ; они начертались въ воображеніи нашемъ, самыми яркими красками первыхъ дней молодости, едва ли еще не золотистѣе нежели какъ представляются теперь глазамъ моимъ, при утренней и вечерней зарѣ, подъ лучами Аттическаго солнца. Это солнце даетъ имъ жизнь; каждая нѣмая развалина какъ будто готова отозваться, звуками Мемнонова изваянія, и всѣ одиноко разбросанныя колонны, на пустырь бывшихъ Аѳинъ, совокупляются въ одно стройное, свѣтлое, красно-рѣчивое цѣлое.

Въ три дня перенесся я изъ Македоніи, чрезъ Дарданеллы и Смирну, въ новую столицу Греческую. Мысль Суніума, съ его двѣнадцатю удѣлѣнными колоннами храма Минервы, гдѣ любилъ бѣсѣдовать съ учениками божественный Платонъ, какъ его звали Эллины, первый изъ мысовъ Атики привѣтствовалъ плователей. Поприще славы Саламинской открылось предъ устьемъ Пирея: его сторожить теперь упразднившаяся могила Фемистокла, на соседнемъ утесѣ, наполняемая только приливомъ волнъ: онъ еще тутъ, какъ бы во дни славныхъ дѣлъ своихъ, когда по гласу оракула, изъ стѣнъ каменныхъ въ деревянныя пловучія перешли, ради спасенія, его сограждане и несмѣтныя полчища Ксерксовы погрязли въ волнахъ. Но при-

станъ Пирея, столь громкая въ древности и удобная для малыхъ флотилій Греческихъ, хотя и представляетъ нынѣ вѣрное пристанище кораблямъ, однако обмелѣла уже для ихъ размѣра. Первое что мы испытали, ступивъ на землю Эллинской свободы, было заключеніе карантинное, стоящее узъ темничныхъ. Щастливо еще, что оно не продолжалось болѣе четырехъ дней и что насъ было довольно вмѣстѣ для развлечения, при благоприятномъ времени, которое позволяло дышать, на берегу моря воздухомъ Аѣнскимъ, если не наслаждаться красотами Аѣнской природы и древностей.

Со мною было семейство Мавромихали, одного изъ беевъ Майнотскихъ, которые удержали свою независимость въ горахъ Спартанскихъ, во все время ига Турецкаго, и одинъ изъ паликаровъ Греческихъ, участвовавшій въ народной войнѣ для освобожденія своей родины. И такъ было съ кѣмъ побесѣдовать о послѣднихъ событіяхъ Греціи, на самомъ ихъ поприщѣ. Но признаюсь, утѣшительнымъ чувствомъ было освобожденіе отъ парохода Французскаго, гдѣ нынѣшній духъ своеволія обнаруживался въ совершенномъ безначаліи матросовъ. Какая разница съ пароходами Австрійскими, гдѣ все такъ благоустроено, подъ управленіемъ отличныхъ Иллирійскихъ моряковъ, соотчичей нашихъ. — Простите мнѣ этотъ эпизодъ въ письмѣ Аѣнскомъ; невольно вырвалось слово, потому что не только для меня, но для всѣхъ моихъ спутниковъ, невыносимо было такое общество, и я далъ

себѣ слово избѣгать пароходовъ Французскихъ. Мнѣ хотѣлось начать Аѳинскую жизнь впечатлѣніями Христіанскими, и я былъ очень доволенъ, что могъ выйти изъ карантинна на канунъ праздника Покрова Богоматери, чтобы слышать всенощную въ малой церкви нашей миссіи. Желаніе такого рода впечатлѣній особенно чувствуется тамъ, гдѣ, по несчастію, воспоминаніями языческими занимаются болѣе нежели Христіанскими, которыя уже и безъ того ослабли при новѣйшемъ ученіи, когда напротивъ они должны бы быть близки сердцу искупленныхъ кровію Христовой.

Освободившись отъ карантинна мы понеслись, вмѣстѣ съ бывшимъ паликаромъ, въ Аѳинской колесницѣ, только новѣйшихъ временъ, отъ Пирея къ столицѣ, по древней дорогѣ, которая пролегла между остатками стѣнъ, ограждавшихъ некогда сообщеніе города съ пристанью. Странно было, послѣ Царьградскихъ коней и Аѳонскихъ муловъ, ибо тамъ нѣтъ другаго рода вѣзды, чувствовать себя опять въ покойномъ экипажѣ на шоссе. Но только ближайшія окрестности Аѳинскія пользуются такимъ удобствомъ; не много далѣе надобно опять садиться на коня; отъ Пирея до города не болѣе полутора часа. Паликаръ указалъ мнѣ, вправо отъ дороги, могилу знаменитаго вождя Греческаго Кара-искаки, который тутъ былъ убитъ во время послѣдней осады Аѳинъ Турками, столь бѣдственной для ея памятниковъ, когда и самый

Акрополисъ принужденъ былъ сдаться. Все это еще живо было въ воображеніи стараго воина; онъ рассказывалъ съ жаромъ о войнѣ отечественной и о тѣхъ битвахъ, въ коихъ принималъ большое участіе. Мнѣ иногда казалось, что онъ рассказываетъ о Троянской войнѣ, когда указывалъ въ Пирее мѣсто става Эллинскаго, чтобы не сказать Ахейскаго, и говорилъ, выраженіями Омира, какъ втащили они на берегъ свои черные корабли подобно Ахейцамъ. При созвучіи классическихъ именъ можно было принять Акрополисъ Аѳинскій за вышгородъ Трои, Пергамъ, перенеся только поприще битвы съ одного берега Эгейскаго моря на другой. Имя же древняго вождя Одиссея явилось опять на сцену, при разгромѣ Аѳинъ. Тутъ дѣйствительно было много поэзіи и неподдѣльной; Албанскій нарядъ съдаго воина умножалъ очарованіе его разсказа.

Оно достигло высшей степени, когда возсталъ предъ нами дивный Акрополисъ, съ своимъ Парѳенономъ, издали будто бы неприкосновенный времени, парящій въ воздухъ легкими колоннами и весь облитый солнцемъ, которое наполняло, золотомъ своихъ лучей, всѣ гармоническіе промежутки уцѣлѣвшихъ еще столбовъ. Это свѣтлое созданіе древней славы Аѳинской, въ полумракѣ окрестныхъ холмовъ, окружающихъ новую столицу, сіяло надъ нею какъ бы нѣкое видѣніе изящнаго вѣка Периклова, на мигъ только олицетворенное игрою пылкаго воображенія; вотъ, у подножія Акрополи-

са, но уже въ тѣни его и въ болѣе строгихъ формахъ, представился другой величественный остатокъ того же золотого вѣка искусствъ, — храмъ Тезеевъ, котораго всѣмъ знакомый образъ есть совершеннѣйшій типъ языческаго капища. Видя его, у подошвы холма Ареопага и господствующаго надъ нимъ Акрополя, можно бы подумать, особенно намъ, вѣхавшимъ отъ гроба Оемистоклова и неизмѣнившася поморія Саламины, что ничего не измѣнилось и въ Аѣинахъ; но какъ только въѣхали мы въ городъ, древнею улицею Эрмеса, ведущею ко дворцу Королевскому и еще громкою старымъ именемъ, очарованіе минувшаго исчезло, какъ разсѣявшійся паръ; новѣйшая проза Аѣинской жизни и Аѣинскихъ жилищъ, или убогихъ или уже отзывающихся Европейскимъ полуобразованіемъ, охладило разгоряченное воображеніе. Напрасно говорилъ мнѣ мой паликаръ: «это улица Минервы, а вотъ улица Эола, ведущая къ башнѣ вѣтровъ!» когда я увидѣлъ на перекресткѣ Эрмеса и Эола надпись кофейни, я уже не хотѣлъ ни на что смотреть. Желалъ бы найти Христіанскія воспоминанія, но недоконченный храмъ Св. Ирины не обещалъ много ревности въ жителяхъ новыхъ Аѣинъ.

Я остановился въ гостинницѣ Востока, которая служила долгое время жилищемъ Королевскимъ, доколѣ не выстроился новый дворецъ, и теперь ищете вы тамъ изъ бывшаго кабинета Королевы Амаліи; подлѣ моего жилья также недостроенная цер-

ковъ Великомученика Георгія, на которую не могутъ собрать достаточно денегъ бѣдные горожане. Прямо противъ окна, у котораго сижу, возвышается чудный Акрополисъ, но уже въ мрачномъ величїи, потому что солнце его оставило; какъ темная туча, господствуетъ онъ надъ городомъ, который прильпался къ его подножію, словно гнѣздо ласточекъ укрывшихся подъ его зубчатая бойницы, иззубренныя временемъ, увѣчанныя Парѣнопомъ. Я бы сравнилъ вышгородъ съ широкимъ эгидомъ Омировой Паллады Аѣины, осѣнившей городъ нѣкогда ей посвященный, если бы такое сравненіе не было анахронизмомъ; но многимъ здѣсь оно бы не показалось не своевременнымъ, ибо нынѣшніе Эллины доискиваются съ любовію слѣдовъ Парѣнона Минервы и будто забыли, что въ Христіанскія времена былъ онъ обращенъ въ храмъ Пречистой Дѣвы. Господь велѣлъ намъ опасаться закваски Фарисейской, но едва ли здѣсь Эллинская не столь же опасна какъ Фарисейская въ Палестинѣ; слава предковъ, какъ медомъ, помазываетъ уста новыхъ Эллиновъ и щекотитъ ихъ воображеніе, заставляя погружаться въ давноминувшее, мимо среднихъ вѣковъ славы Христіанской. А кажется Аѣины, гдѣ проповѣдывалъ Апостоль Павелъ, гдѣ изъ членовъ Ареопага возсталъ первый ихъ Святитель Діонисій и послѣ него святительствовалъ Героеей, оба удостоенные чести погребать, вмѣстѣ съ Апостолами, Божию Матерь, гдѣ написалъ пер-

вую апологію Христіанства Кодратъ и воспитывались Василій Великій и Григорій Богословъ, обличители соученика своего Кесаря Іуліана, Аѳины, во дни ихъ новозавѣтной славы; могутъ насытить и Христіанскими воспоминаніями новыхъ чадъ своихъ: — лишь бы только опять не пали на нихъ горькія слова, изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, обличившія современныхъ Павлу Аѳинянь: «Аѳиняне же вси и приходящіи странніи, ни во что же ино упражняхуся, развѣ глаголати что или слышати новое» (Дѣян. XVII, 21).

Коснусь однакоже остатковъ пресловутыхъ древностей Аѳинскихъ, какъ нѣкогда касался Римскихъ, хотя и весьма бѣглымъ обзоромъ, чтобы вы могли о нихъ имѣть нѣкоторое понятіе, и чтобы не прослыть варваромъ у любителей древности. Помню, что въ одномъ журналѣ меня осудали за то, что я пошелъ въ Римъ прежде въ базилику Св. Петра, нежели въ Капитолій. Я началъ съ тѣхъ памятниконъ, которые окружаютъ со всѣхъ сторонъ вышгородъ, отложивъ до конца его обзорніе, какъ самое любопытное въ мірѣ Аѳинскомъ. Говоря о достопамятностяхъ новой столицы, нельзя умолчать о Королевскомъ дворцѣ, который такъ величественно сталъ посреди лѣтописной мѣстности; онъ на концѣ улицы Эрмеса, между холмомъ Ликабета, который, по сказкѣ народной, уронила Минерва, когда несла его для возвышенія горы Акрополя, и новыми Аѳинами Адриана, гдѣ довершилъ Кесарь храмъ Олимпійскаго Юпитера. Паль-

новые сады Королевы распространяются по направлению древних садов Академических, отколь во всю образованную Европу перешло название Академив. Не замѣчательно ли такое положеніе, хотя быть можетъ слишкомъ огромны самыя палаты по нынѣшнимъ Аѳинамъ, и даже едва ли соответствуютъ жизненнымъ средствамъ королевства.

Теперь, на остроконечной вершинѣ Ликабета, малая церковь Великомученика Георгія, который во многихъ мѣстахъ изгналъ боговъ языческихъ изъ ихъ старыхъ жилищъ, а на дворцовой площади древняя церковь Св. Никодима, современная Императрицѣ Иринѣ: ее предлагало правительство Греческое для нашей миссін, какъ одну изъ болѣе обширныхъ; но она такъ ветха, что нельзя уже совершать въ ней богослуженіе и къ сожалѣнію вѣроятно разрушится. На востокъ отъ Акрополиса, посреди пустыннаго поля, возвышаются врата Адриановы, никуда уже не ведущія, ибо съ той и другой стороны та же пустыня. Память благодѣянія Кесаря уцѣлѣла, но самое благодѣяніе стерлось съ лица земли; отъ дивнаго храма Олимпійскаго Юпитера, который достроилъ Императоръ послѣ шести вѣковыхъ тщетныхъ усилій Аѳинянь, хотя имъ помогали Цари Македонскіе и Сирскіе и даже Кесарь Августъ, остались теперь только шестнадцать великолѣпныхъ столбовъ, высотой въ десять сажень каждый; а ихъ было сто двадцать четыре Коринтскаго ордена, и они въ три ряда окружали капище, гдѣ высилась колоссальная статуя

Зевеса. Весьма любопытно и полезно для смиренія кичливости человѣческой, что на вершинѣ архитектурныя уцѣлѣла между двухъ колоннъ, келлія невѣдомаго столпника, спасавагося тутъ въ VI вѣкѣ: въ народномъ преданіи сохранилось имя его Дамаскинъ. Время посмѣялось надъ суетною славою: орлиное гнѣздо столпника оказалось прочнѣе великолѣпнѣйшаго изъ зданій Аѳинскихъ; его имя соединилось съ именами Пизистрата, Персея, Антиоха, Августа и Адриана, строителей храма.

Ближе къ Акрополису, съ южной его стороны, среди обломковъ, гдѣ еще Байронъ находилъ себѣ пристанище въ бывшей обители Капуцинской, стоитъ памятникъ Лисикрата, или такъ называемый въ простонародіи фонарь Діогена, съ которымъ однако не обрѣлъ онъ искомаго имъ челоуѣка. Треножникъ, изваянный на его вершинѣ, показываетъ, что это память какихъ либо игрищъ, а не жилие челоуѣческое, безъ оконъ и дверей. У самой подошвы Акрополя, на концѣ улицы Эоловой, существуетъ доселѣ осмиугольная башня вѣтровъ, съ указателемъ солнечныхъ часовъ и съ аллегорическими фигурами вѣтровъ, украшающими ея карнизы. Полагаютъ, что они служили вмѣстѣ солнечными часами и водяными, при мрачной погодѣ, потому что возвышавшійся поверхъ башни Тритонъ кружился, отъ размѣреннаго движенія воды внутри ея, и указывалъ часы на карнизѣ. Тутъ же недалеко остатки воротъ бывшаго торговища, съ четырь-

мя Дорическими колоннами, на конхъ еще начертанъ указъ Императора Адриана, о вѣсахъ и мѣрахъ. Сколько столбтій дѣйствовали вокругъ нихъ Турки и новые Греки, вопреки сего указа! Вдоль нынѣшняго торжища, замѣнившаго древнее, тянутся еще нѣсколько изящныхъ колоннъ, Коринтскаго ордена, называемыя стоа или пикли т. е. разноцвѣтныя; ихъ осталось семь отъ четырнадцати, каждая изъ одного куска; но ввѣчавшія ихъ статуи разбиты временемъ, и утрачено назначеніе сей колоннады. Тутъ существовали двѣ малыя церкви, Богоматери и Безплотныхъ, которыя теперь уничтожены, чтобы очистить древность отъ пристроекъ.

Если въ числѣ памятниковъ, уплывшихъ отъ разгрома времени и людей, я еще назову вамъ знаменитый храмъ Тезея, съ юго-западной стороны Акрополиса, но уже въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, то достаточно будетъ и сего краткаго очерка, чтобы имѣть понятіе о древностяхъ внутри нынѣшняго города. Вамъ извѣстно, что Аѳиняне соорудили храмъ сей, въ самое цвѣтущее время своей воинской славы и изящныхъ искусствъ, которое ознаменовалось именемъ Перикла, и созданіе сіе его достойно. Послѣ битвы Мараѳонской, сокрушившей полчища Персидскія, граждане, по гласу оракула, перенесли кости своего героя, съ пустыннаго острова, гдѣ онъ окончилъ дни, опять на родину, и новое капище сдѣлалось хранилищемъ сихъ остатковъ. По чрезвычайной ли прочности

строения, или по случаю, оно сохранилось почти невредимо, въ теченіе столькихъ вѣковъ и при позднѣйшихъ переворотахъ Греціи, отъ коихъ много пострадалъ Парѳенонъ. Пріятна для глазъ его стройная четверогранная продолговатая форма, съ двѣнадцатью столбами въ длину и шесть въ ширину, которые всѣ уцѣлѣли. Входъ былъ съ востока; капище раздѣлено внутри на три части: преддверіе, самое святилище и сокровищницу. Теперь раздѣленія не существуетъ, и храмъ обращенъ въ Музей тѣхъ древностей, какія могли только спасти въ новѣйшія времена отъ рукъ варваровъ. Въ числѣ ихъ замѣчательна купель, выдолбленная въ мраморномъ монолитѣ, покрытомъ изваяніями, ибо Христіане пользовались всѣми памятниками язычества для своихъ потребностей: они обратили капище Тезея въ церковь Св. витязя Георгія, въ VII вѣкѣ, но входъ въ нее открыли съ запада. Внутри еще видны въ полумракѣ ваянія боговъ Олимпійскихъ, какъ описалъ ихъ Омиръ, пріемлющихъ съ вершины Иды участіе въ битвахъ земныхъ героевъ, а на внѣшней архитравѣ сохранились отчасти подвиги Тезея и сподвижника его Геркулеса. Турки хотѣли обратить церковь въ мечеть, въ исходѣ XVII вѣка, но Христіане отстояли свое святилище и спасли отъ разрушенія силою фирмана Султанскаго; пострадали двѣ только колонны отъ ревнителей Ислама, еще двѣ сокрушены землетрясеніемъ и одна молніею. Такъ и стихія и люди соединились противъ сего вѣковаго па-

мятника, доколь наконецъ новыя Элины не сдѣлали его хранилищемъ древности. Не странны ли всѣ сіи измѣненія, проишедшія съ капищемъ полубога Аѳинскаго?

ПИСЬМО XXII.

ПАРΘΕΝΟΝЪ И АРЕОПАГЪ.

Афины, 4 Октября 1849.

Вчерашній день, память Св. Діонисія Ареопагита, провелъ я въ полномъ смыслѣ съ Ареопагитомъ. Рано утромъ осмидесятилѣтній Епископъ Аѳинскій, Неофитъ, совершилъ литургію, въ убогой, тѣсной, хотя и древней церкви Богоматери, Кумъ-Карен, которая служитъ соборною въ ожиданіи, когда достроятся митрополія и храмъ Св. Ирины. Скудость средствъ не позволяетъ ихъ окончить, а между тѣмъ начали сооружать новую церковь митрополіи, слишкомъ въ широкихъ размѣрахъ, подлѣ старой весьма замѣчательной по своему Византійскому зодчеству, но недостаточной для соборнаго служенія. Впрочемъ, если и въ другія

празднества не собирается больше богомольцевъ, какъ въ нынѣшній, народный можно сказать праздникъ покровителя Аѳинскаго, то кажется не зачѣмъ было предпринимать такое обширное зданіе. Едва ли до пятидесяти человекъ было въ церкви, а изъ властей одинъ только Министръ просвѣщенія, въ Греческой одеждѣ, присутствовалъ на бархатныхъ ступеняхъ трона Оттонова, съ градскимъ главою Аѳинъ. Грустно было видѣть такое охлажденіе къ памяти великаго Ареопагита. Но служеніе почтеннаго старца Неофита было трогательно, по самому его убожеству. Ему сослужили только два пресвитера и два діакона, остатки минувшей славы Аѳинской митрополіи, которая, какъ я сказалъ, считала нѣкогда въ одной столицѣ до четырехъ сотъ, хотя и малыхъ церквей.

Чтеніе дѣяній Апостольскихъ, о проповѣди Св. Павла въ Аѳинахъ, умиляло сердце, на самомъ мѣстѣ событія. Послѣ обѣдни посѣтилъ я старца Епископа, гдѣ нашелъ и другаго дряхлаго члена Синода Греческаго, Епископа Калавритскаго. Предсѣдателя же, Епископа Евбейскаго, я не видалъ; четвертый членъ, бывшій Самосскій, умираетъ отъ дряхлости; епархіальныхъ, оставшихся отъ прежняго сонма Архіереевъ, теперь не болѣе осьми и не всѣ на своихъ каеэдрахъ. Одна епархія составлена изъ всѣхъ острововъ, и каеэдра ея въ Сирѣ, между тѣмъ какъ пять Латинскихъ Епископовъ живутъ на островахъ, для осьми тысячъ душъ своего исповѣданія; болѣе ста двадцати монастырей

православныхъ было упразднено въ послѣдніе годы. Лучше не говорить о настоящемъ, въ чаяніи времени лучшихъ! Я желалъ знать, будутъ ли на слѣдующій день праздновать память Св. Героея, ученика Ареопагита и втораго Епископа Аѳинскаго? Мнѣ сказали, что нѣтъ сего обычая; память его чествуется только на островъ Саламинъ, въ монастырѣ Божіей Матери, куда недавно перенесена священная глава его изъ упраздненной обители Мегарской; но я не могъ туда ѣхать.

Предъ вечеромъ просилъ я ученаго Г. Питакки, Аѳинянина по рожденію, показать мнѣ Акрополисъ и Ареопагъ, и теперь могу сказать вамъ нѣсколько словъ о вышгородѣ, Паренонѣ и прочихъ его храмахъ. Сколь ни кратко будетъ мое описаніе, однако оно можетъ быть для васъ любопытно, потому что хотя много говорили о сихъ памятникахъ, но изъ числа соотечественниковъ не многіе, а совѣстно стоять на вершинѣ Акрополиса, обозрѣвать его чудные остатки и лѣтописную окрестность, и безмолвствовать.

Мы поднялись на крутой холмъ вышгорода, какъ бы нарочно сооруженный природою, въ сто двадцать сажень высоты, для такого назначенія, съ сѣверной его стороны отъ башни вѣтровъ, и шли мимо пещеры Пана, который прославился у Аѳинянъ послѣ Мараѳонской битвы, отъ паническаго страха Персовъ. Здѣсь самая твердая часть стѣны Акрополиса, не сокрушенная временемъ со дней Кимона полководца ее соорудившаго, и укрѣпленная

еще въ средніе вѣка. Но единственныйъ входъ въ нижнюю ограду крѣпости Аѳинской, съ югозападной оконечности холма, минуя холмъ Ареопага. Отсель открылся намъ у южной подошвы Акрополя, бывшій знаменитый Одеонъ или театръ Ирода Аттика, который прославился своимъ великолѣпіемъ. Если подумаешь, что отсель начало всѣхъ театровъ Европы и что досель трагическая сцена въ Парижѣ носитъ названіе Одеона, то судьба сихъ развалинъ, разбитыхъ у подножія Акрополиса, покажется весьма замѣчательною. Иродъ Аттискъ соорудилъ святилище Музъ, по выраженію Эллинскому, на память рано отжившей своей супруги, чтобы поминалъ ее народъ въ своихъ увеселеніяхъ, не въдавши Бога истиннаго. У насъ благодаря вѣдомому Богу, проповѣданному здѣсь Апостоломъ Павломъ, установлено другаго рода поминовеніе по душамъ усопшихъ, болѣе свойственное пользѣ ихъ въ міръ духовномъ. Есть остатки и другаго театра, который гораздо древнѣе Одеона, и былъ устроенъ подъ открытымъ небомъ, въ устьѣ пещеры посвященной Вакху, виновнику сихъ зрѣлищъ; три тысячи зрителей могли въ немъ помѣщаться; досель видны подъ самою стѣной Акрополиса, съ южной стороны, два уцѣлѣвшіе столба сего театра, который много пострадалъ въ послѣднюю войну, какъ и всѣ памятники Аѳинскіе. Благочестіе Христіанъ обратило, въ средніе вѣка, подземное капище языческое въ церковь Панатин, теперь оставленную.

Часть II.

2

Простите, что на самомъ прагъ Акрополиса задержалъ васъ, рассказомъ о зрѣлищахъ Аѳинскихъ, послужившихъ началомъ нашихъ. Присоединю воспоминаніе болѣе вызвышенное: на противоположной сторонѣ глубокаго оврага, отдѣляющаго вышгородъ отъ высотъ Музея, ученика Орфеева, котораго имя сохранилось всеѣмъ музеямъ, видно въ скаль тройное устье пещеры; она слыветъ темницею Сократа и преданіе гласитъ, что здѣсь онъ испилъ ядъ за обличеніе истины. — Справедливо ли такое мѣстное преданіе, не знаю; но посреди языческихъ воспоминаній Аѳинъ едва ли не самое утѣшительное о Сократѣ, который первый изъ всѣхъ мудрецовъ Эллинскихъ, достигъ до такой высоты въ понятіяхъ о добродѣтели, посредствомъ одного естественнаго разума.

Извилистою стезей вступили мы, изъ нижней новѣйшей ограды, въ древнюю собственно Акрополиса, и стали подниматься къ Парѳенону, по крутымъ уступамъ, по коимъ спускалась колесница Минервы, съ ея статуею, во дни торжествъ Панаѳинскихъ. Еще видны на камнѣ слѣды несуществующей уже колесницы, давно забытой богини языческой. Все это пространство покрыто обломками наружныхъ стѣнъ, разбитыхъ и въ предъидущія и въ послѣднюю осаду: но главный портикъ по счастью уцѣлѣлъ. Съ лѣвой стороны его находилась знаменитая Пинакотека, или картинная галерея лучшихъ художниковъ Аѳинскихъ, вся посвященная славѣ героевъ; теперь она обрушена.

Съ правой же стороны досель выдается, какъ бы на нѣкоемъ подножіи, малый изящный храмъ безкрылой Побѣды; отсель бросился нѣкогда отчаянный Эгей, не распознавъ побѣдныхъ судовъ сына своего Тезея, возвращавшагося изъ Крита, послѣ побѣды надъ Минотавромъ.

Афиняне думали удержать у себя побѣду, отнявъ у нея крыла и наложивъ на нее цѣпи:—долго она имъ не измѣняла, но въ свое время и безъ крылъ улетѣла, не смотря на узы. Вотъ наконецъ знаменитые въ ученомъ мірѣ Пропилеи, о которыхъ всѣ слышали съ дѣтства и рисунокъ коихъ извѣстенъ каждому: это западный входъ въ Парѳенонъ; досель любятъ устроить по сему образцу, хотя и въ иныхъ размѣрахъ, триумфальныя врата. Тройной входъ, раздѣленный шестью колоннами, изящнаго мрамора и отдѣлки, есть конечно верхъ совершенства древняго зодчества, по гармоніи всѣхъ своихъ частей; природная скала служитъ основаніемъ Пропилеямъ; громадныя перекладины, или веревы изъ мрамора, соединяли ихъ вершину; одна еще уцѣлѣла въ двѣнадцать сажень длины. Позади колоннъ представляется гладкая мраморная стѣна, на которой нельзя было замѣтить соединенія камней; пять величественныхъ вратъ открывали входъ, изъ Пропилей на площадку Акрополиса, гдѣ возвышается самый Парѳенонъ. Въ половинѣ минувшаго столѣтія еще Пропилеи были въ полной красѣ; но Турки избрали залу Пинакотеки хранилищемъ пороха, и ударъ молніи повредилъ ихъ:

такъ прочно однако было зданіе Перикла, что столбы Пропилеевъ не двинулись съ мѣста. Пострадали Пинакотека и Византійская башня, прижнувшая къ нимъ съ правой стороны, которую Турки обратили въ минаретъ. Недавно еще памятна она, изверженіемъ съ ея вершины храбраго вождя Греческаго, соименнаго первому Одиссею пѣсней Омировыхъ, котораго подозрѣвали въ сношеніи съ Турками. Какое смѣшеніе великаго рода воспоминаній въ Акрополисъ, начиная отъ Кимона и Перикла до послѣдняго Одиссея, котораго имя какъ бы возвращаетъ опять къ мнувшему!

Дополню языческія воспоминанія Христіанскими. Со внутренней стороны видно еще, на мраморной стѣнѣ Пропилеевъ, иконное писаніе; потому что въ Парѣнонѣ устроена была, въ первыя времена Христіанства, церковь во имя Богоматери. Языческій Парѣнонъ посвященъ былъ Пречистой Дѣвѣ, дабы омыть, безкровною жертвою, кровь языческихъ жертвъ, въ немъ приносившихся столько столѣтій. Турки уничтожили церковь, и она не возобновляется; вся площадка, передъ самымъ Парѣнономъ, наполнена остатками древностей всякаго рода, которые сложены въ одну груду.

Не стану описывать всѣхъ красотъ языческаго Парѣнона, который дѣйствительно есть верхъ совершенства, до какаго можно было только достигнуть зодчеству. Г. Пятаки показалъ ихъ намъ, во всей подробности, и надобно дивиться, до какой тонкости древніе постигали это искусство: такъ

напримѣръ, зданіе представляется издали бѣльшимъ нежели вблизи, отъ того, что всѣ линіи его не прямыя а нѣсколько выгнуты для оптическаго дѣйствія; самыя колонны наклонены, едва приметнымъ образомъ, внутрь храма, столькоже для прочности, сколько для оптики; ибо это даетъ ему ту стройность и цѣлость, какой не имѣютъ новѣйшія зданія; только недавно открыли это антикваріи. Колонны Дорическія, составленныя изъ двѣнадцати кусковъ каждая, съ триглифами и отдѣлами самой изящной, представляются какъ будто эластическими, въ сильныя бури, оттого что, при ихъ сплачиваніи, осталось нѣсколько воздуха между кусками мрамора. Не берусь объяснить вамъ всѣ сіи топки архитектурныя; скажу только что, судя по остаткамъ внѣшнихъ столбовъ, древній Акрополисъ долженствовалъ быть однимъ изъ чудесъ міра. Неронъ, обобравъ лучшія его статуи, еще оставилъ въ немъ до трехъ тысячъ истукановъ; колоссальная Минерва Промакось, мѣдная въ семнадцать сажень высоты, не даромъ испугала Готеа Аларика, заставивъ его пощадить Парѣнонъ.

Но Англійскій путешественникъ, Лордъ Эльгинъ, явилъ себя немилостивѣе Нерона и Аларика, и расхитилъ большую часть великолѣпныхъ ваяній, украшавшихъ архитравы Парѣнона, которыя изображали битву Лапитовъ съ Кентаврами. Я видѣлъ ихъ въ Лондонскомъ музеумѣ, гдѣ они не производятъ никакого впечатлѣнія, и гораздо бы

лучше желалъ видѣть опять на фронтопѣ Парѣнона. Не ужели Англія никогда не возвратитъ ему это сокровище? Жестоко страдалъ несчастный Парѣнонъ, начиная отъ Персовъ, впервые разорившихъ его Экатомпедонъ или стошаговый храмъ, до Лорда Эльгина и послѣдней осады Турецкой, довершившей раззореніе! Отъ зданія Периклова, которое соорудилъ онъ подъ руководствомъ ваятеля Фидіаса, сохранились можно сказать однѣ только колонны; но хотя изъ сорока шести осталась едва ли половина, все въ нихъ такъ соразмѣрно, что издали представляется, будто весь Парѣнонъ въ цѣлости. Знаменитая статуя Минервы, изъ золота и слоновой кости, изваянная Фидіасомъ, похищена была еще въ первыя столѣтія Христіанства; но самый Парѣнонъ долго оставался не прикосновеннымъ.

Онъ пострадалъ всего болѣе, при осадѣ Венеціанской въ 1687 году, когда знаменитый вождь Морозини отнялъ его и возвратилъ опять Туркамъ. Впервые испыталъ тогда храмъ Минервы дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія, дотолѣ поражаемый только молніей; бомбы, упавшія внутрь его, разбили отчасти стѣны и колонны; но самое горькое раззореніе послѣдовало въ послѣднюю войну за независимость Греческую; тогда пробита была крыша другаго смѣжнаго Парѣнону храма Эрехея, который стоялъ невредимъ, отъ того, что находясь нѣсколько ниже, на уступѣ вышгорода, защищенъ былъ высотой стѣнъ его отъ непріяз-

ценнаго оружія. Однако досель еще великолѣпнѣе храмъ сей, по своимъ Каріатидамъ и вѣшнимъ изваяніямъ портиковъ, и отдалкою мраморныхъ перекладинъ потолка, въ upheldвшихъ частяхъ зданія. Онъ былъ воздвигнутъ въ честь Минервы Полліады и Нимфы Пандрозы, дочери Кекропса, и Царя Эрехея, одного изъ его внуковъ, при коемъ Церера научила земледѣлію Аѳинявъ. Внутри стѣнь произрастала священная маслина Минервы, на память ея состязанія съ Нептуномъ, ради чести дать свое имя новому городу Кекропса; тамъ же существовалъ источникъ Нептуна. Не мудрено, что столько баснословныхъ, хотя и славныхъ воспоминаній, ознаменованы были столь изящнымъ произведеніемъ зодчества Греческаго; по словамъ современныхъ писателей, взоры, утомленные красотами отдалки, желали для разнообразія найти въ немъ какое либо несовершенство и не находили. Остатки Каріатидъ и Коринескихъ столбовъ свидѣтельствуютъ о истинѣ этихъ словъ.

Бронзовая колоссальная статуя Минервы Промасъ, испугавшая Аларика, которую мы привыкли видѣть на медаляхъ Акрополса, стояла впереди храма Эрехея, ближе къ западной стѣнь крѣпости, осѣняя щитомъ своимъ весь городъ. Если теперь, оставивъ разбитый памятникъ окинуть взоромъ, съ высоты Акрополя, то чего не могла ни создать, ни раззорить рука человѣческая, — взорамъ представится одна изъ самыхъ очаровательныхъ панорамъ, какую только можно себѣ вообразить, съ лѣтпи-

свыми именами окрестныхъ горъ. Тутъ и мелочный Гинетъ къ востоку, съ Пентеликомъ, прославленнымъ своими мраморами. Парнасъ выглядываетъ къ северу изъ за хребта, съ Кносрономъ, ознаменованнымъ бѣдствіями Эдипа и его соникомъ. Посмотрите къ западу и югу, минуя городъ, прилежащій къ подножію Акрополя, и окрестныя поля съ масляною рощею, надъ полуисохшимъ ручьемъ Кеонса:— вамъ представится Эгейская пучина, съ мысомъ Суниума и Саламинскимъ островомъ, все поприще славы Аѳинской, Эгина и Эпидавръ, уже на берегу Пелопоннеса и, въ яркомъ голубомъ небѣ, другой Акрополисъ Коринѳскій: утрожь и вечеромъ горитъ онъ лучами солнца, какъ бы выпрѣнный маякъ поставленный свѣтитъ всей Элладѣ, съ того горняго мѣста, отколѣ Павелъ пролилъ лучи Христіанства на всю область Аттики и Пелопоннеса и во всю вселенную.

Теперь сойдемъ съ вышгорода; подлѣ холма Акрополиса возвышается другой утесистый холмъ Ареопага, столь именитый въ лѣтописи Аѳинской. Мы взошли на него со стороны вышгорода, лѣстницею, изсѣченною въ камнѣ, по которой спускались одни оправданые симъ страшнымъ судилищемъ, собиравшимся ночью; тутъ при входѣ стоялъ, на уступѣ скалы, жертвенникъ Минервы Ареопагитской. Самый Ареопагъ, состоявшій изъ девяти верховныхъ судій, засѣдалъ нѣсколько ниже лицомъ къ городу, который прѣстврается у подножія сего утеса. Было прежде иное мѣсто собра-

ніа Ареопага еще ниже, но то обрушилось отъ землетрясенія; колоссальные его камни еще лежать на скатъ холма и видны высѣченныя въ скаль сѣдалища, отъ конхъ оторвались камни. На мѣстѣ новѣйшаго Ареопага два отверстія въ скаль знаменуютъ мѣста обвинителя и обвиненнаго; сѣдалища судей не существуютъ болѣе, но осталось углубленіе въ скаль, безъ всякаго покрова, ибо подъ открытымъ небомъ собирался Ареопагъ. И такъ тутъ засѣдалъ Св. Діонисій, тутъ стоялъ Апостолъ Павелъ, и когда говорилъ: что «Господь не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, и что Божество не подобно злату и серебру или камению художь начертану» онъ указывалъ на Акрополь, съ его тремя тысячами статуй, на колоссальную Минерву и на весь городъ, лежавшій у ногъ его, исполненный капищъ. Какъ торжественно должно было быть такое обличеніе! Быть можетъ, въ память словъ его о воскресеніи, на краю утеса Ареопага, стоитъ часовня или церковь во имя Св. Анастасія т. е. воскресенія. Павелъ восходилъ на холмъ Ареопага по дорогѣ отъ Пирея, лѣстницею осужденныхъ: не знаю откуда сошелъ онъ обратно. На пути, у подножія холма, увидѣлъ онъ алтарь невѣдомаго Бога, присловенный къ скаль: мѣсто это обозначено теперь крестомъ, высѣченнымъ въ камень, и быть можетъ тутъ была церковь, ибо видны отверстія для бревенъ въ скаль. Нѣсколько лѣтъ, у подножія Ареопага, присловена была къ скаль древняя митрополія, во имя

Св. Діонисія, отъ которой уцѣлѣла еще стѣна; Турки разрушили ее не болѣе какъ двѣсти лѣтъ, чтобы удалить Грековъ отъ Акрополиса; но ученики Аѳинскіе и самъ Пятаки съ ними, ежегодно приходили на это мѣсто съ духовенствомъ, читать молитвы въ день Св. Діонисія. Въ послѣдній годъ, предъ возстаніемъ Грековъ, случился въ этотъ день праздникъ Турецкій Байрама, и Магометане прогнали камнями Христіанъ. Съ тѣхъ поръ прекратился благочестивый обычай, и теперь нѣтъ въ цѣлыхъ Аѳинахъ церкви Св. Діонисія.

Подлѣ Ареопага, на другой высотѣ, Пниксъ или знаменитая каеэдра, съ коей витѣйствовали ораторы Аѳинскіе, и предъ нею обширное поле для народа. Сперва каеэдра сія стояла немного выше, на верху горы, отколѣ открывалось море и Саламина, со всею славою Аѳинскою: но тридцать тиранновъ спустили ее ниже, чтобы витіи не возбуждали народъ къ войнѣ, зрѣлищемъ славы: все это громко и все уцѣлѣло въ природной простотѣ! На близъ лежащемъ холмѣ обсерваторіи стоялъ прежде храмъ родильницы Иліеи и Геркулеса, гдѣ мѣняли на больныхъ дѣтяхъ рубашки для ихъ исцѣленія: что же? и теперь къ мѣсту Иліеи приходятъ женщины Аѳинскія брать землю, которая имѣетъ будто бы тайную силу плодотворности брачной, и въ часовню Св. Марины, надъ мѣстомъ бывшаго капища, приносятъ дѣтей и мѣняють имъ рубашки; язычество доселѣ еще борется тутъ съ Христіанствомъ. — Солнце садилось

и, золотомъ лучей своихъ , обливало Паренонъ и весь Акрополисъ, и памятникъ послѣдняго изъ рода Антиоховъ Сирскихъ, Филопапа, на дальнемъ холмѣ Музея, и чудный храмъ Тезея, у подножія Ареопага. Зрѣлище было очаровательно , въ поэтической рамѣ Греческихъ горъ, столь разнообразныхъ своими очерками и громкихъ именами баснословными. Я восхищался картиною природы, но Св. Діонисій и Апостолъ языковъ наполняли сердце мое и воображеніе, болѣе всѣхъ сихъ памятниковъ древняго міра, давно уже угасшаго и будто вновь угасавшаго предо мною , въ лучахъ заходящаго солнца.

ПИСЬМО XXIII.

КОРИНѢ МEGACПИЛЕОНѢ, ПАТРАСѢ.

Афины, 16 Октября 1849.

Вотъ я благополучно возвратился изъ Коринѳа, Мегаспилеонъ и Патраса, хотя очень утомился труднымъ осьмидневнымъ путемъ; послѣ завтра собираюсь въ путь дальнѣйшій, въ Сирію, чрезъ острова Патмосъ и Родосъ, гдѣ долженъ застать Австрійскій пароходъ, идущій въ Бейрутъ. Время не со всемъ благопріятно, но уповаю на милость Божію, да сохранитъ меня отъ непогодъ морскихъ, какъ сохранила доселѣ на водахъ и на сушѣ. Такъ какъ холера свирѣпствуетъ въ Марсели и Триестѣ, и пристани Греческія не имѣютъ теперь съ ними сообщенія, то я совершу плаваніе до Родоса, на военномъ бригѣ нашемъ Птоломей, который дол-

женъ отвезти Консула на островъ Сирю; я уже плавалъ на этомъ отличномъ бригъ, изъ Аоннъ до Каламаки и обратно, чтобы избѣжать труднаго пути чрезъ Мегару и перешеекъ Коринескій, гдѣ еще есть потомки Прокруста и Керхюна, истребленныхъ Тезеемъ; они тамъ занимаются тѣмъ же ремесломъ, обирать путниковъ. Отъ селенія Каламаки, которое служитъ пристанью для Коринеа, вмѣсто древней Кенхрен, гдѣ приставалъ Апостолъ Павелъ, до бывшей столицы Ахейской, не болѣе двухъ часовъ ѣзды чрезъ перешеекъ; тамъ встрѣчашь много развалинъ, древнихъ ристалищъ и не давнихъ укрѣпленій, защищавшихъ входъ въ Морею.

Что сказать вамъ о Коринѣ? это развалина, увѣнчанная вышгородомъ или Акро-Коринеомъ, приходящимъ также въ состояніе развалинъ; подъ нимъ въ полускалѣ, съ большимъ трудомъ, достигъ я такъ называемой пещеры Св. Павла, гдѣ, говорятъ, обиталъ Апостолъ, и показываютъ родъ купели съ дождевою водою, гдѣ будто бы крестилъ Криспа и Гаія. Сомнительно однако, чтобы тамъ жилъ Апостолъ языковъ; вѣроятное какой либо отшельникъ позднѣйшихъ временъ, ибо эта пещера въ отвѣсной скалѣ, хотя и есть въ ней слѣды зданія, какъ будто церкви. Не безъ опасности можно было туда подняться, но меня влекла память двухлѣтняго пребыванія Павлова въ Коринѣ и явленія ему Господа на сихъ мѣстахъ, и отголосокъ двухъ его незабвенныхъ посланій къ Ко-

ринеянамъ. Пусть будетъ тутъ или не тутъ жилище Апостола, думалъ я; но если здѣсь его называютъ и нѣтъ иныхъ слѣдовъ пребыванія его въ Коринѣ, то какъ пройду мимо такого высокаго воспоминаія, когда и въ Солуни и въ Аѳинахъ я слѣдилъ повсюду за Св. Павломъ; здѣсь же наипаче истекло, изъ подъ его пера, столько чудныхъ посланій, къ Солунянамъ и Римлянамъ, Ефессеямъ и Галатамъ, скрѣпленныхъ его рукой: «цѣлованіе моею рукою Павлею.» Теперь сказавъ вамъ все, что только могъ о Апостолѣ въ Коринѣ, упомяну и о другихъ памятникахъ.

Всего замѣчательнѣе вышгородъ, который господствуетъ надъ двумя заливами, Лепантскимъ и Аѳинскимъ, и двумя материками Морей и собственно Греціи. Не напрасно почитался онъ неприступнымъ, отъ самой глубокой древности и до нынѣ: — его одолевала только одна измѣна; Римляне находили, что послѣ ихъ столицы, Коринѣ могъ бы быть средоточіемъ вселенной; но съ такимъ мнѣніемъ Цицерона не согласилось новое правительство Греческое и, увлеченное громкимъ именемъ Аѳинъ, предпочло ихъ Коринѣу. Было довольно поздно, когда мы стали подыматься въ вышгородъ, не оставалось другаго времени, потому что рано утромъ надобно было продолжать путь въ Патрасъ. Однако мы еще застали послѣдніе лучи солнца въ Акро-Коринѣ и могли полюбоваться оттоль чудной панорамой нынѣшней Эллады. Заливъ Лепантскій далеко развивался къ западу, подъ сѣнію

поэтическихъ вершинъ Парнасса и Геликона, къ востоку же Архипелагъ рисовалъ своиравные свои заливы, устьянные живописными островами; Парѳенонъ догаралъ послѣднимъ румянцемъ дня на темени своего Акрополя; тутъ была написана вся слава Греціи по ясному ея небу, легкими чертами колоннъ Парѳенона и Суніума, какъ бы таинственными буквами, заставляя угадывать полноту надписи по остаткамъ.

Отъ малой церкви Пророка Іліи, гдѣ было некогда капище Афродиты, открывается самый очаровательный видъ, съ высочайшей точки Акро-Коринѳа. Нѣсколько ниже много было развалинъ храмовъ и домовъ, въ обширномъ объемѣ древней и новѣйшей крѣпости, которая еще не давно выдержала осады Турковъ и Грековъ, теперь же приходитъ въ совершенный упадокъ и самыя пушки ея отчасти обобраны. Правительство Греческое не въ силахъ содержать такой твердыни, и несчастный гарнизонъ, состоящій изъ нѣсколькихъ солдатъ, есть какъ бы насмѣшка надъ древнею молвою о ея неприступности. Эллины, чтобы лучше выразить выпренность ея положеніе, болѣе доступное крылатымъ нежели безкрылымъ, баснословили, будто витязь Беллерофонтъ, здѣсь уловилъ пернатого ковыя своего Пегаса. Знаменитый ключъ Пирренскій, доселѣ бьетъ широкою струей въ Акро-Коринѳъ, раздѣляясь на много кладезей внутри той же крѣпости. Удивительно какъ можетъ подняться, сама собою, вода на такую высоту и въ

столь большомъ количествѣ. Последнее взятіе вышгорода, необузданными толпами горцевъ Греческихъ, ознаменовалось жестокостями, а малодушное ихъ бѣгство, при появленіи новыхъ полчищъ Турецкихъ, смертію лучшаго изъ вельможъ Коринѳа, Кіамиль-бея, который наследственно управлялъ всею областью и благопріятствовалъ Христіанамъ; по его слову сдалась крѣпость Грекамъ, но онъ былъ умерщвленъ ими, въ виду своихъ роскошныхъ палатъ и садовъ.

Ощупью спустились мы съ Акро-Коринѳа, по крутымъ извилинамъ мощеной дороги, потому что совершенно смерклось и уже невозможно было вѣхать верхомъ, ночью, по такимъ пропастямъ. На разсвѣтъ успѣлъ я объѣхать обширный амфитеатръ, хорошо сохранившійся по сосѣдству нынѣшняго убогаго городка; видѣлъ остатки Нептунова храма, съ полуразбитыми колоннами, посреди базара, и въ садахъ роскошнаго некогда жилища Кіамиль-бея, такъ называемыя бани Афродиты; это свѣжія воды, падающія со скалы въ обширный природный водоемъ. Время не позволяло медлить, потому что намъ предстоялъ далекій невѣдомый путь вдоль поморія Лепантскаго, къ знаменитой обители Мегаспилеонъ. Одинъ изъ офицеровъ брига В*, пожелалъ быть моимъ спутникомъ, и еще Майнотскій бей Мавромихали, съ которымъ я совершилъ плаваніе изъ Дарданеллъ. Общество ихъ было для меня весьма пріятно и полезно потому, что люди и обычаи были знакомы бегу; но онъ не зналъ

мѣстности, и не имѣлъ предосторожности взять съ собою, кромѣ жандармовъ, хорошихъ проводниковъ въ обитель Мегаспилеонъ, которая глубоко вътѣснилась внутрь горъ Целопоиисса. Много терѣли мы отъ сей опромечтивооти; но первый день, доколѣ ровная дорога пролегала еще вдоль поморія, не предвидѣли того, что насъ ожидало.

За три часа отъ Коринеа, миновали мы развалины знаменитой нѣкогда республики Сикіонской, которой имя исчезло теперь подъ новымъ названіемъ селенія Василики. Живописно извивалась дорога промежду виноградниковъ Коринескихъ, мелкаго изюма и коринки, которые составляютъ главный доходъ сего поморія; иногда встрѣчались горные потоки, но въ селенія, коихъ довольно на пути, были пусты, такъ какъ жители еще не сошли съ горъ, куда удаляются обыкновенно отъ лѣтнихъ жаровъ и болѣзней. Когда же смерклось, мы начали заботливо искать себѣ ночлега, оттого что видѣли невозможность достигнуть хана или гостиницы Акраты, на берегу бурной рѣки сего имени, отколѣ поворачиваетъ дорога въ горы, къ обители Мегаспилеонъ. Наконецъ, въ селеніи Захоли, рѣшились остановиться, потому что нашли тамъ нѣсколько жителей; одинъ изъ нихъ предложилъ намъ свои услуги и казался знающимъ мѣстность; но мы горько испытали его знаніе, въ теченіи слѣдующаго дня. Самъ онъ вызвался указать намъ ближайшую дорогу, по которой будто бы, проѣзжали въ

минувшемъ году, Король съ Королевой и, поверотивъ прямо въ горы, повелъ насъ такими тропами, по коимъ едва могли пробираться лошади, особенно вьючныя; мы поздно увидѣли свою ошибку, но вожатый все общалъ лучшее впереди и оставилъ насъ наконецъ въ селеніи, на руки другихъ проводниковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога дѣлалась до такой степени непроходимую, что мы должны были идти пѣшкомъ по обрыву скалъ; не понимаю, какъ не обрушились въ пропасть наши вьюки, но въ горныхъ потокахъ купались не разъ. Довольно вамъ сказать, что мы перешли потокъ Стикса, впадающаго въ бурный Акратасъ, и конечно не безъ причины помѣстили древніе, этотъ Стиксъ, въ число адскихъ рѣкъ.

Солнце уже садилось и мы потеряли надежду достигнуть къ ночи до обителя; это меня очень смущало, потому что дни были разсчитаны, для прихода за нами брика, въ ту же пристань, изъ Аѳинъ; по счастію повстрѣчался намъ въ одномъ селеніи человекъ, въ Европейскомъ платьѣ, и на вопросъ мой: далеко ли Мегаспилеонъ? отвѣчалъ; «два часа и вы еще поспѣете туда къ ночи, а васъ тамъ ждутъ.» Я изумился, встрѣтивъ нечаяннаго знакомца въ дикихъ горахъ, почти у истоковъ Стикса, и спросилъ его: какъ онъ меня знаетъ? «Вчера получено было извѣстіе изъ Аѳинъ въ обитель, отвѣчалъ онъ, о вашемъ путешествіи, и я только что прибылъ сюда: но зачѣмъ предприняли вы такую ужасную дорогу по этимъ пропастямъ?» Я

просилъ его указать намъ путь, но и тутъ мы едва не сбились съ настоящаго направленія; наконецъ сошли въ глубокую долину, оживленную широкимъ потокомъ, по которой надлежало бы намъ слѣдовать отъ Акраты. Это былъ однако не тотъ потокъ, надъ которымъ виситъ Мегаспилеонъ; мы опять поднялись на высокій хребетъ, осыненный соснами, къ источнику и кресту, ознаменовавшему здѣсь пораженіе войскъ Ибрагима Паши, во время отечественной войны. Онъ хотѣлъ отселъ спуститься въ долину Вуры или Калаврицы, и проникнуть въ обитель, но на окрестныхъ горахъ собрались защитники роднаго святилища; хотя малые числомъ, разбили они полчища Египетскія, и заставили удалиться горделиваго Пашу, предъ коимъ смирилась Сирія. — Иноки Мегаспилеона относятъ нечаянное сіе спасеніе, видимоу надъ ними покрову Матери Божіей, которой чудотворная икона, писанная Евангелистомъ Лукою, у нихъ чествуется и водрузили на семь мѣствъ высокій крестъ, въ знаменіе побѣды.

Совершенный мракъ объялъ насъ, у подножія сего креста, и почти ощупью стали мы спускаться до полугоры, въ чащу лѣса, къ знаменитой обители, до которой оставалось еще около получаса; мы прошли отъ ранняго утра по крайней мѣрѣ часовъ двѣнадцать и совершенно изнемогли. Можете себѣ представить, каково было утѣшеніе наше, когда вдругъ, при обходѣ выдавшейся скалы, намъ блеснули огни въ нѣсколькихъ ярусахъ

оконъ , потому что предъ нами возвышалась лицевая стѣна обители , заграждающая трехъ-ярусное устье обширной пещеры , давшей ей имя Мегапилеонъ .

Ворота были уже заперты ; постучались и все пришло въ движеніе внутри монастыря ; съ шумомъ отпали крѣпкіе запоры и открылись врата ; въ темной глубокой галлерей , освѣщенной тускло факелами , увидѣли мы весь сонмъ иноковъ какъ бы въ пещеръ ; это зрѣлище было чрезвычайно величественно . Игуменъ , привѣтствуя меня , извинялся , что не могъ сдѣлать ночью болѣе торжественной встрѣчи Русскимъ единовѣрцамъ , посѣтившимъ ихъ пустыню , и повелъ насъ въ самую пещеру , которая служитъ соборною церковью Богоматери . Въ правомъ ея углубленіи приложились мы къ древней иконѣ Пречистой Дѣвы , изъ воскомастики , совершенно почернѣвшей , которая , по преданію , есть дѣло рукъ Евангелиста Луки , временно здѣсь обитавшаго и даже написавшаго тутъ свое евангеліе . Нельзя было рассмотреть во мракѣ самой церкви ; видно было только , при свѣтѣ факеловъ , что въ иныхъ мѣстахъ , вмѣсто сводовъ , простиралась надъ головами каменная стѣна природнаго утеса . Насъ повели узкими переходами и крутыми лѣстницами въ самую верхнюю часть обители , гдѣ устроены гостинныя келліи , и тамъ долго занимали бесѣдою братскою , въ ожиданіи вечера . Утомленные едва могли мы досидѣть до конца трапезы , во время коей пѣла братія многолѣтіе каждому изъ насъ .

До разсвѣта надобно было опять вставать для утрени и литургіи, которую, хотя и въ буни, служили для насъ соборно, всѣ іеромонахи съ Игуменомъ, числомъ до десяти, чтобы показать намъ свою любовь.

Послѣ литургіи приступили мы къ обзорѣнію обители и мнѣ показалось, что я опять на Аеонѣ. Мегаспилеонъ есть дѣйствительно какъ бы отрывокъ Св. горы; двѣсти человекъ его братіи составляютъ корень православія нынѣшней Эллады, скорбя духомъ о ея церковномъ упадкѣ. Прежде описанія святилища скажу вкратцѣ о ея основаніи, какъ о томъ сохранило мѣстное преданіе. Симеонъ и Θεодоръ, два брата изъ Солуни, были ея ктиторами въ IV вѣкѣ. Услышавъ, о началахъ иноческой жизни, въ Египтѣ и Палестинѣ, и о подвигахъ Антонія и Иларіона, они сперва уединились на близъ лежавшей Св. горѣ Аеонской, а потомъ предприняли дальнее странствіе въ Египетъ, на Синай и въ Палестину, чтобы тамъ быть самовидцами великихъ мужей пустыни. Во Св. градѣ явилась имъ Матерь Божія съ тремя Апостолами: Павломъ просвѣтителемъ языковъ, Андреемъ первозваннымъ и споспѣшникомъ Павла, Евангелистомъ Лукою, которые всѣ три подвизались въ Ахаіи, и велѣла идти въ землю Ахейскую, укрѣплять тамъ слово истины, общая утѣшительное явленіе своего образа. Повиновались ревностные иноки и опять, чрезъ Св. гору и родную Солунь, пришли въ Пелопонисъ на берегъ Ахейскій. Недоумѣваю-

щимъ, гдѣ основаться, явились еще разъ три Апостола и велѣли идти вверхъ потока Калавритскаго, доколѣ не укажетъ имъ желаемое мѣсто дѣва, именемъ Евфросивія; ее обрѣли они, пасущемою стада надъ потокомъ, и дѣва, посѣщенная также небеснымъ видѣніемъ, назвала ихъ по имени; на канунѣ, слѣдуя за своими козами, обрѣла она источникъ въ пещерѣ и въ купинѣ блистающей образъ Богоматери. За дивною вожатою послѣдовали пришельцы Палестинскіе; ихъ самихъ огласилъ въ пещерѣ небесный гласъ и озарилъ свѣтъ, отъ явленной иконы: тутъ избрали они себѣ мѣсто упокоенія; когда же хотѣли очистить огнемъ пещеру отъ дикихъ раствнй, широко разлившееся пламя, выгнало изъ подъ нижней части вертепа страшнаго дракона, который немедленно былъ пораженъ, какъ стрѣлою, лучемъ свѣта отъ иконы.

На этомъ мѣстѣ было нѣкогда капище языческое и жрецы, ложными оракулами, обольщали народъ; но было время, когда мѣсто сіе было освящено присутвіемъ Апостольскимъ, ибо Евангелистъ Лука, сокрушивъ алтарь идольскій, вселился въ маломъ углубленіи верхней пещеры и, по преданію, тутъ существующему, написалъ даже свое евангеліе, прежде нежели удалился въ Фивы, гдѣ святительствоваъ до конца жизни. Отшельники, какъ говорятъ, нашли самый камень, служившій трапезою для литургіи Евангелиста, и вскорѣ собрали довольно учениковъ, въ окрестныхъ предѣлахъ Ахаіи, которые основали обитель Мегаспиле-

онъ. Тутъ скончались оба первые ктитора и преподобная Евфросинія, избравшая себѣ жилищемъ вертепъ Евангелиста.

Лѣтопись монастырская, рассказывая о многочисленныхъ чудесахъ, бывшихъ отъ иконы Богоматери, безмолвствуетъ о событіяхъ самой обители до среднихъ вѣковъ, говоря только, что она пользовалась постоянно покровительствомъ Императоровъ Греческихъ. Но въ XII вѣкѣ, Андроникъ старшій, движимый усердіемъ къ иконѣ, соорудилъ вновь всю церковь, вдвинутую въ устье пещеры, какъ бы въ нѣкое хранилище; потому здѣшею ея носитъ отпечатокъ современныхъ ей Аѳонскихъ обителей, т. е. четыре мраморныя колонны, поддерживаютъ арки легкаго купола. — Преемники его, Іоаннъ Кантакузенъ и Андроникъ младшій, были также благодѣтелями обители и укрѣпили ея достояніе своими хрисовуллами. Страшный пожаръ 1400 года много истребилъ въ Мегаспилеонѣ, но Игуменъ Исаія, ревностный собиратель ея лѣтописныхъ преданій, въ началѣ XVI вѣка, и, послѣ вторичнаго пожара, достойный подражатель Исаіи, Игуменъ Симеонъ въ XVII вѣкѣ, не дали опустѣть древнему святилищу. Послѣдній по справедливости почитается настоящимъ ктиторомъ Мегаспилеона, ибо съ тѣхъ поръ мало въ немъ измѣнилось; ему приписываютъ сооруженіе передней стѣны съ келліями, которая защищаетъ устье пещеры. Владычество Венеціанъ и Турковъ не было губительно для обители; она продолжа-

ла процвѣтать , какъ лучшій послѣ Аѳона разсадникъ вночества во всей Греціи , и такимъ почитается донынѣ .

Во время возстанія Греческаго , которое началось по сосѣдству Мегаспилеона , обитель сія показала назидательный примѣръ Христіанской вѣротерпимости и любви ; всѣ Магометанскіе жители близъ лежащаго города Калаврицы , испуганные возстаніемъ Грековъ , бѣжали въ Мегаспилеонъ и нашли себѣ вѣрное тамъ пристанище , доколѣ не утихло первое ожесточеніе народной войны . Это привлекло къ ней общее уваженіе и спасло въ послѣдствіи отъ опустошенія Турковъ , когда опять ихъ оружіе возымѣло верхъ .

Чрезвычайно любопытно внутреннее ея расположеніе , подѣ трехъ-ярусными сводами обширной пещеры , которые отдѣляютъ , каменными навѣсами , три различныя жилья , такъ что природный потолокъ одного служитъ помостомъ для другаго ; въ нижнемъ , гдѣ теперь погреба , обширное подземелье служило жилищемъ страшному дракону ; въ среднемъ много братскихъ келлій : тамъ и трапеза и источникъ , гдѣ явилась икона ; въ самомъ верхнемъ также нѣсколько келлій , бібліотека и сборная зала , а посреди ихъ , въ самомъ углубленіи вертепа , церковь построенная , какъ я уже сказалъ , въ Византійскомъ вкусѣ , съ двумя преддверіями , внутреннимъ и вѣшнимъ . Оба расписаны стѣннымъ писаніемъ : на противъ Господа славы , возсѣдающаго посреди тмы темъ ему служащихъ ,

начертано, во вѣншемъ притворѣ, земное собраніе служащихъ ему вѣрою Отцевъ Никейскихъ, прилично мѣсту; ибо сія вѣншая храмина, полу-изсѣченная, полу-достроенная, служитъ мѣстомъ собранія для иночествующихъ, при выходѣ ихъ изъ церкви, когда рѣпаютъ какія либо дѣла обители. Очаровательный видъ открывается изъ ея оконъ, висящихъ надъ бездною потока, въ глубину долины, усяянной виноградниками, по обѣимъ сторонамъ рѣки; она теряется вдали, за живописными изгибами крутыхъ береговъ, а напротивъ поднимаются изъ за нихъ дикія горы Ахаіи, покрытыя почти всегда снѣгомъ. Внутренній притворъ, нѣсколькими ступенями, выше перваго; врата, съ позлащенными изваяніями Пророковъ и Евангелістовъ, заключаютъ входъ въ самый храмъ, въ которомъ до семи сажень длины съ олтаремъ и не болѣе пяти ширины.

Весьма необычайно видѣть цѣлый храмъ съ куполомъ, высотой слишкомъ въ шесть сажень, вставленный какъ бы въ природный кивотъ каменнаго вертепа. Полумракъ его освѣщается только западными вратами и нѣсколькими окнами купола, отъ коихъ однако мало свѣта, потому, что и онъ подъ навѣсомъ скалы. Четыре колонны, поддерживающія сводъ, разноцвѣтнаго дорогаго мрамора, равно какъ и помость храма, весьма изящный, съ символическими изображеніями солнца и луны; иконостасъ витіеватой рѣзьбы, съ древними иконами письма Византійска-

го ; въ тѣсномъ алтарѣ , углубившемся въ скалу , престолъ , подъ рѣзною стѣною , утвержденъ на оди-
нокомъ мраморномъ столбѣ . Въ иконостасѣ нѣ-
сколько священныхъ иконъ привлекаютъ вниманіе
богомольцевъ , особенно одна , съ позлащеннымъ
окладомъ правой руки для цѣлованія ; она стоитъ
у дверей жертвенника и ее обыкновенно носятъ въ
крестные ходы , какъ вѣрный снимокъ съ иконы
Евангелиста ; но лучшее сокровище обители есть
чудотворная икона , слѣпленная изъ воскомастики
и расписанная золотомъ и красками , руки самаго
Евангелиста . Хотя и называлась она Златощер-
ною , отъ золотыхъ красокъ , однако теперь онъ уже
стерлись ; лики Божіей Матери и лежащаго въ ея
объятіяхъ Младенца , представляются совершенно
черными : на плоскомъ полѣ , выдающейся лѣвной
иконы , написаны Архангелы и небесныя Силы ,
позднѣйшею кистию . Вся она покрыта , кромѣ са-
мыхъ ликовъ , золотою ризою , которая открывает-
ся для благоговѣйнаго цѣлованія ; весьма драго-
цѣнный вѣнецъ на главѣ Господа и Пречистой его
Матери . Священная сія икона почитается одною изъ
пяти , писанныхъ рукою самаго Евангелиста : изъ
нихъ одна въ нашемъ Успенскомъ соборѣ . Утѣши-
тельно , посѣщая отдаленныя святыни думать , что
и въ сердцѣ Россіи находится такое же сокрови-
ще . Во внутреннемъ притворѣ храма поклонился я
еще одной древней иконѣ Палеологовъ , которая
была вѣроятно царственнымъ вкладомъ , по какому
либо обѣту , ибо на ней изображена Матерь Божія

съ Божественнымъ младенцемъ , благословляюще царственную дѣвицу, въ златой порфирѣ, и есть надпись нѣсколькихъ именъ дома Палеологовъ.

Поверхъ сего притвора, не много ступеней ведутъ въ малую келлію, гдѣ спасалась преподобная Евфросинія, и въ ту тѣсную церковь, гдѣ литургия самъ Евангелистъ, на уцѣлѣвшей еще трапезѣ, привикшей къ углу утеса; тутъ же, въ верхней галлерей надъ притворомъ, три малыя церкви Евангелиста Луки, Безплотныхъ силъ и Св. Екатерины. Вотъ то, что заключаетъ въ себѣ наиболѣе примѣчательнаго Велико-пещерная обитель: снаружи есть еще нѣсколько служебныхъ зданій, съ кладбищенскою церковію въ саду монастырскомъ. А на самой вершинѣ скалы, подъ которою находится пещера, и куда весьма труденъ входъ по обрывамъ утесовъ, сооружена сторожевая башня, гдѣ живетъ уже нѣсколько лѣтъ подвижникъ, весьма рѣдко спускающійся въ храмъ; ему приносятъ хлѣбъ и маслины, убогую его пищу. Хорошо имѣть такого молитвеннаго стража, на всегдашней стражѣ обители. Любопытно, что въ громадной скалѣ, нависшей надъ пещерой обители, сами собою треснули камни крестообразно и образовали три креста, на чель утеса. Господь видимо осѣнилъ сей природный кивотъ своей святыни.

Прискорбно было оставлять такъ скоро обитель Мегаспилеонъ и привѣтливую его братію, которая отъ души радовалась пршшествію Русскихъ; но невозможно было медлить, потому что на слѣдующій

день мы необходимо должны были достигнуть Патраса, отстоявшаго еще на пятнадцать часовъ. Не за долго до захожденія солнца, при звукъ колоколовъ Велико-пещерныхъ, мы спустились съ терасы монастырской на дно глубокой долины; дорога наша живописно пролегла по берегу рѣчки, часто переходя съ одной стороны на другую до города Калаврицы, не большаго но веселаго, по своему открытому мѣстоположенію. Мы однако миновали его и сосѣднюю ему лавру, которая пользуется особеннымъ расположеніемъ новыхъ Эллиновъ, потому что тамъ вспыхнула первая искра ихъ отечественной войны, въ 1821 году. Мы провели ночь недалеко оттолъ, въ убогомъ селеніи Игуменицы, которое окончаніемъ своего имени, равно какъ Калаврица и многія другія въ окрестности, напоминаетъ о Славянскихъ поселенцахъ вторгшихся въ Морею, въ IV и V вѣкъ; они оставили ей свои наименованія, да и самое слово Морея, замѣнившее первобытное названіе Пелопониса, чисто Славянское, отъ поморія. На слѣдующее утро намъ предстояла довольно трудная дорога до Патраса, по пустынному хребту Панахайскихъ горъ, которыхъ ущелія славилась весьма недавно разбоями; мы отдохнули не много на половинѣ дороги, въ уединенномъ ханѣ, близъ источника Предтечи, гдѣ стоятъ двѣ малыя церкви Крестителя Іоанна и Апостола Первозваннаго; къ вечеру спустились съ вершины горной, въ обширную равнину Патраскую.

Самая великолѣпная панорама открылась намъ на ближайшее поморіе, заливъ Патраса и противулежащій берегъ Румелійскій, съ утесами Левкады, и на море Адриатическое, устьянное островами, Занта, Кефалонія, Итаки и Св. Мавры. Солнце, склоняясь къ западу, румянило яркимъ багрянцемъ Ионическій Архипелагъ; отечество Улисса, озаренное еще всеми красками Омировой Одиссеи, болѣе другихъ говорило воображенію; какъ ни разсуждай, а великая сила заключается въ поэтическихъ порывахъ такихъ пѣвцовъ, каковъ Омиръ: каждое слово его есть созданіе и, рѣзкими чертами, отделяетъ воспѣтое имъ отъ прочей толпы воспоминаній.

Я торопился достигнуть Патраса еще до захода солнца, которое уже висѣло багровымъ щитомъ надъ самымъ горизонтомъ, чтобы мнѣ успѣть поклониться, на краю города, гробу Ангела моего, Апостола первозваннаго, ибо это было цѣлю моего странствія въ древнія Патры. Все удалось какъ нельзя лучше, потому что я еще засталъ престарѣлаго пресвитера, сидящаго предъ дверьми открытаго храма Апостольскаго, и немедленно могъ поклониться самой гробницѣ. Это кусокъ бѣлаго мрамора, съ изваяніями цвѣтовъ и изголовьемъ; на немъ покоилось святое тѣло Первозваннаго, здѣсь пострадавшаго; преданіе мѣстное гласитъ, что когда Императоръ Константій, сынъ великаго Константина, пожелалъ перенести въ Царьградъ мощи Первозваннаго изъ Патраса, такъ

какъ онъ взялъ изъ Оивъ мощи Евангелиста Луки, то въ утѣшеніе гражданамъ оставилъ гробницу Апостольскую, на мѣстѣ его страданія, и соорудилъ въ честь его великолѣпный храмъ. Долго стояло неприкосновеннымъ святилище и большой монастырь, съ крѣпкими стѣнами, былъ около него построенъ, уже во времена владычества западнаго, потому что въ 1204 году Франкскіе вожди овладѣли Мореею и вслѣдъ за ними Венеціане оспаривали ее у Турковъ. Но въ 1615 году, когда Турки окончательно отняли у Венеціанъ Пелопоннись, Патрасъ пострадалъ отъ жестокой осады; разрушена была до основанія обитель, потому что она служила твердынею для осажденныхъ. Съ тѣхъ поръ, до 1840 года, надгробный памятникъ Апостола хранился въ малой церкви, или почти въ хижинѣ, наскоро сооруженной для необходимаго богослуженія; но послѣ освобожденія Греціи граждане Патраса, который началъ процвѣтать торговлею, будучи подвижны усердіемъ къ своему покровителю, соорудили новый въ обширныхъ размѣрахъ, съ портикомъ, напоминающимъ входы древнихъ базиликъ Римскихъ, и съ колоннами внутри. Онъ еще не довершенъ, потому что не достало средствъ: вмѣсто помоста мозаическаго, коего остатки показываютъ отъ временъ Константія Императора, теперь еще глиняный и нѣтъ никакихъ украшеній внутри храма; самая рака бывшихъ мощей заключена въ деревянномъ шкафу съ дверцами, съ правой стороны алтаря, предъ иконою Пер-

возваннаго; но богослуженіе совершается ежедневно; похвально, при малыхъ средствахъ, такое усердіе гражданъ.

Мы Русскіе, конхъ земля просвѣтилась проповѣдію Первозваннаго Апостола на горахъ Кіевскихъ, не можемъ быть равнодушны къ необходимымъ потребностямъ его святилища, на томъ мѣстѣ, гдѣ Апостоль нашъ, запечатлѣлъ кровію своею слово истины, намъ проповѣданное? — Достоинно вниманія, что Славянскія племена, даже въ состояніи язычества, уже испытали могущество Первозваннаго. Вотъ, что гласитъ лѣтопись: въ 807 году, при Императорѣ Никифорѣ Вотаниотѣ, всѣ Славянскіе языческіе Жупаны, населявшіе Морею, заключили союзъ съ Магометанскими Эмирами Африки, чтобы въ одно время съ ними напасть, съ земли и съ моря, на Патрасъ, и вытѣснить оттоль Грековъ. Окрестности города опустошены были огнемъ и мечемъ. Смятенные жители просили помощи у Византійскаго стратига, стоявшаго въ Акрокоринѣ, но не могли ее дожидаться. При жестокой осадѣ посланъ былъ воинъ на вершину горы, съ знаменемъ, которое долженъ былъ опустить, если издали увидитъ дружеское ополченіе; онъ уже возвращался безъ всякой надежды, когда споткнувшаяся подъ нимъ лошадь, невольно заставила опустить знамя. Граждане, одушевившись условленнымъ знакомъ, отразили мужественно отъ всѣхъ воротъ непріятеля; полчища Славянскія бѣжали: въ пылу битвы видѣлся ратнымъ самъ Первозван-

ный Апостолъ, освятившій вѣрныхъ сыновъ своихъ: только чрезъ два дня пришла желанная помощь отъ стратига Корипескаго. Одинъ лишь Апостолъ одержалъ побѣду, говоритъ Багрянородный летописецъ Константинъ, и потому Императоръ повелѣлъ посвятить всю добычу Первозванному. Съ тѣхъ поръ Славянскіе старшины окрестныхъ горъ Элиды, обязались платить ежегодную дань въ церковь Апостольскую Патраса и это было скрѣплено хрисовулою Императора Никифора. Лисботытно, что языческіе предки наши заблаговременно, какъ бы по указанію Промысла, обрекли себя кровнотельству будущаго просвѣтителя ихъ племени.

Я просилъ сошедшихся священниковъ, отслужить на утро соборную литургію, въ храмъ моего Ангела, и рано пришелъ въ церковь, съ своими спутниками и нашимъ Вице-консуломъ. Мало было народа, потому, что день былъ не торжественный, но кто только услышалъ, что будетъ служба, пришелъ по усерлію къ Апостолу. Послѣ молебна у гробовой его раки, спросилъ я пресвитеровъ: имѣютъ ли они хотя какую либо часть мощей Апостольскихъ, на мѣстѣ его страданія? — Они съ прискорбіемъ объявили, что нѣтъ ни одной; все утратилось въ смутныя времена среднихъ вѣковъ, когда столько страдалъ Патрасъ отъ Франковъ и Турковъ. Мнѣ показали подлѣ храма, съ правой стороны источникъ, иъкогда Нимфы языческой, но освященный потомъ молитвами Апостола и цѣлебный для бользней; туда спускаются

нѣсколькими ступенями , подѣ древніе Римскіе своды .

Остатки бывшей ограды монастыря разсыяны по берегу моря, но не осталось и слѣдовъ древняго храма. Мнѣ желательно было знать, гдѣ собственно пострадалъ Апостолъ : тутъ ли гдѣ погребенъ или въ другомъ мѣстѣ? потому что въ житіи его писано, что онъ издали привѣтствовалъ крестъ свой, водруженный на холмѣ. Старецъ священникъ сказалъ , что нѣкоторые полагаютъ мѣсто распятія тамъ же гдѣ была и гробница ; но есть другое преданіе, что Апостолъ распятъ былъ предъ домомъ Префекта Эгеата на холмѣ, среди нынѣшняго города. Мы пошли искать сего мѣста и мимоходомъ заходили во вновь строящуюся церковь Богоматери , въ большихъ размѣрахъ , если только достанетъ средствъ; въ древней весьма убогой, которая стоитъ подлѣ , издавна чествуется чудотворная икона пречистой Дѣвы. На возвышенномъ холмѣ , гдѣ еще есть развалины древнихъ Патрѣ Кесаря Августа , который особенно покровительствовалъ сему городу , за то что, въ виду его, одержалъ знаменитую морскую побѣду надъ соперникомъ своимъ Маркомъ Антоніемъ , показываютъ часть ствны палатъ Эгеатовыхъ; если только вѣрно преданіе, тутъ должно быть мѣсто распятія; съ вѣрою поклонился я священному поприщу страданій Апостольскихъ. Не очень далеко бывшій соборный храмъ Патраса , который сперва Франки отняли у Грековъ, украсивъ его снаружи въ готи-

Часть II.

4

ческимъ вкусъ, а потомъ Турки отняли у Венеціанъ и обратили въ мечеть. Нѣсколько выше широко раскинулась, на темени холма, опустѣвшая нынѣ цитадель, каменный вѣнецъ Патръ, будто забытый на горахъ.

Новый городъ простирается отъ подножія сихъ высотъ къ морю, съ правильными улицами и широкими площадями; торговля привлекаетъ къ нему жителей, по счастливому его положенію на устьѣ залива Лепантскаго, близъ Ионическихъ острововъ. Набережная Патраса достойна Италіянскихъ городовъ; скоро онъ сдѣлается однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ Греціи. Когда мы воротились въ гостиницу и ко мнѣ собрались, вместе съ Консуломъ нашимъ, Номархъ или начальникъ области, и священники различныхъ церквей Патраса, я сказалъ пресвитеру храма Первозваннаго: «что мнѣ больно видѣть лишеніе города, не имѣющаго у себя сокровища мощей Апостольскихъ, а такъ какъ меня благословили, двумя частицами мощей его, на Св. горѣ Аѳонской, то я проношу одну изъ нихъ въ даръ соборной церкви моего Ангела, другую же отнесу на родину, въ Кіевъ, на то мѣсто, гдѣ онъ намъ проповѣдалъ». Сказавъ это я свялъ съ себя малый кивотъ, съ мощами Первозваннаго, который принадлежалъ духовнику незабвеннаго Графа Каподистрія, и вручилъ оный Консулу, въ присутствіи всѣхъ, чтобы въ первый воскресный день святыня сія была внесена въ храмъ Апостола. Надобно было видѣть изумленіе и радость духовен-

ства ; Номархъ благодарилъ меня вмѣстѣ съ пресвитерами, за дарованное сокровище, котораго уже столько лѣтъ лишень былъ ихъ городъ, и вѣроятно, много богомольцевъ привлечетъ оно изъ окрестныхъ мѣстъ въ храмъ Первозванного.

Тотчасъ послѣ я выѣхалъ, поспѣшая на ночь въ Востипу, древнюю Эгію, которая отстоитъ за восемь часовъ отъ Патръ. Здѣсь нѣкогда Агамемнонь собралъ окрестныхъ властителей на Троянскую войну. Вотъ какія здѣсь воспоминанія, отзывающіяся еще пѣснями Илиады ; таковъ весь этотъ край. Дорога пролегла вдоль поморія, мимо двойныхъ замковъ Морейскаго и Румелійскаго, запирающихъ входъ въ заливъ Лепантскій; они слывуть по справедливости малыми Дарданеллами. На противоположномъ берегу лежалъ самый Лепантъ, прославленный побѣдою Донъ-Жуана Австрійскаго, съ соединенными галерами Папы и Венеціанъ, надъ страшнымъ флотомъ Султана Солимана. Впервые были тутъ сокрушены неодолимыя дотолъ полчища Турецкія. И такъ, почти на томъ же мѣстѣ, воспоминанія двойной побѣды : Кесаря Августа надъ міромъ языческимъ, и Христіанства надъ Исламизмомъ, близъ Лепанта. Довольно славы сосредоточилось въ одномъ заливѣ, ознаменованномъ столькими битвами и обиліемъ торговли, ибо тутъ лежитъ путь изъ Адриатики, чрезъ перешеекъ Коринтскій въ Архипелагъ. Чѣмъ были бы доселъ Коринтъ и самый Патрасъ, если бы столицу Греческую опредѣлила не поэзія воспоминаній, а сущ-

ность необходимыхъ нуждъ новаго королевства! — Радужное гостепрѣимство ожидало насъ въ домѣ одного изъ старшинъ Востицы, служившаго въ рядахъ Русскихъ, еще во дни Суворова; — и туда занесена его слава!

Отъ Востицы до памятнаго намъ селенія Захолы, дорога была чрезвычайно живописна, потому что нѣсколько потоковъ, исторгающихся изъ лѣсистыхъ горъ Ахайскихъ, впадаютъ тутъ въ море и густая роща, шелковицъ и лавровъ, осѣняла мѣстами путь. Не напрасно одно селеніе носило названіе Парадисъ, въ роскошной лавровой рощѣ. Есть и мѣста дикія, какъ напримѣръ около мыса Акрата, далеко выдающагося въ море, трудная стезя пробита конскими копытами въ скалахъ, подмываемыхъ пучиной; злою лѣстницею (Какискали) слыветъ въ народѣ этотъ горный проходъ, ознаменованный разбоями и кровавою битвою Эллиновъ съ войсками Ибрагима Паши. Далѣе мы перешли въ бродъ пѣнистую рѣку Акрата, древній Кріосъ или холодный, который принимаетъ въ истокахъ своихъ адскій потокъ Стикса; высокій мостъ чрезъ него былъ сломанъ, по нерадѣнію мѣстныхъ властей о благосостояніи путешественниковъ: мы должны были взвѣрить себя бурнымъ волнамъ. Древняя Эгира висѣла на сосѣднихъ высотахъ, но мы не могли подняться къ остаткамъ ея вышгорода, которымъ некогда кончалась Ахайя, и вскорѣ вышли опять на старую дорогу въ Захолы. Смутился бывшій нашъ вожатый, услышавъ какимъ опасностямъ подвер-

гли насъ его совѣты, и сознался, что самъ не ходилъ этою дорогою, а только по наслышкѣ насъ туда послалъ; вотъ какъ осторожно надобно принимать такого рода совѣты на пути! Небо покрыто было тучами и въ горахъ шелъ проливной дождь, по обѣимъ сторонамъ залива Лепантскаго, такъ что Парнасъ и Геликонъ были повиты мглою; однако насъ миновалъ ливень и до ночи мы успѣли достигнуть пустыннаго хана или гостинницы, гдѣ испытали всю жадность негостепрѣимства Греческаго. На слѣдующее утро, по дорогѣ къ Коринѣу, мнѣ случилось впервые, не только чувствовать, но и видѣть землетрясеніе; остановившись на минуту, посреди селенія Ксилокастронъ, мы внезапно услышали глухой подземный гулъ, отъ котораго пробѣжала полоса вдоль всего залива, какъ бываетъ когда трескается ледъ, и въ ту же минуту народъ съ воплемъ сталъ выбѣгать изъ домовъ, потому что въ нѣкоторыхъ посыпались камни съ крыши; я не могъ сперва объяснить себѣ, что значило это явленіе? такъ все было мгновенно. Въ Коринѣу мы не останавливались, потому, что должны были спѣшить, чрезъ перешеекъ въ Каламаки, гдѣ ожидалъ насъ брикъ, и до разсвѣта уже плыли въ Аѣны. Такимъ образомъ въ недѣлю совершили весьма любопытное путешествіе, которое по настоящему требовало вдвое болѣе времени, но обстоятельства не позволяли медлить: горизонтъ политическій не прояснялся и я рѣшился поспѣшить въ Сирію, не вѣдая, что принесетъ утренній день.

Весьма сожалею, что не могу посетить некоторых окрестностей Афинских, особенно Элевзиса, где мало следов таинственного храма Цереры, но есть древняя церковь называемая Дафне, с остатками мозаики, и не много далее весьма замѣчательныя развалины Мегары. Гора Гиметь, славная своимъ душистымъ медомъ, и каменоломни Пентелика, отколъ открываетъ обширный видъ на всю Аттику и где есть также малая обитель, селеніе Кефиси, которое служитъ лѣтнимъ пребываніемъ для почетныхъ семействъ Афинскихъ, на прасно возбуждали мое любопытство; осенніе дожди совершенно испортили дорогу и надобно отказать отъ всѣхъ сихъ поѣздокъ. Особенно жаль мнѣ древнихъ Эивъ и сосѣдней къ нимъ обители Св. Луки Эладскаго, которая славится великолѣпіемъ своего храма, сооруженнаго Императоромъ Романомъ въ IX вѣкѣ, съ драгоцѣнными колоннами, во вкусъ базилики Солунской. Между тѣмъ я воспользовался краткимъ временемъ, чтобы ознакомиться съ некоторыми знаменитостями отечественной войны Эллинской, которыя еще въ живыхъ, и прежде всего посѣтилъ славнаго Адмирала Канариса, грозу флотовъ Турецкихъ. Онъ занимаетъ теперь мѣсто перваго Министра, но едва ли не легче ему было править рулемъ своихъ огненныхъ судовъ, нежели кормиломъ королевства, при нынѣшнемъ духѣ партій его раздѣляющемъ. Видѣлъ я и Маврокордато, представителя Англійской, и храбраго Суліота Завелу, теперь военнаго Мини-

стра, и благороднаго Іонійца Графа Метаксу, рыцаря въ полномъ смыслѣ слова, и Князя Суцо, бывшаго Господаремъ Молдавіи, а потомъ посланникомъ у насъ. Многихъ славныхъ именъ уже не досчитывали, Ипсилантиевъ, Колокотрони, и въ день моего пріѣзда въ Пирей, хоронили знаменитаго Туркофага Никиту (Туркоѣда), столь славнаго въ битвахъ Эллады. Я имѣлъ честь представляться Королю и Королевѣ и даже обѣдать въ ихъ великодушныхъ палатахъ, у подножія Акрополя. Весьма оригинально, послѣ всѣхъ переворотовъ Атики, отъ золотаго вѣка Перикла и до желѣзнаго Пашей, недавно владычествовавшихъ въ бывшемъ городѣ Паллады Аѣины, видѣть тутъ дворъ Королевскій, съ этикетомъ Германскимъ, но въ нарядахъ Греческихъ; такъ все измѣняется подъ луною. Простите; время помышлять о дальнемъ морскомъ странствіи.

ПИСЬМО XXIV.

ПАТМОСЪ,

Смирна, 2 Ноября 1849.

Вы ожидали получить письмо мое изъ Бейрута, но вотъ я пишу вамъ изъ Смирны, потому что въ теченіи двухъ недѣль, начиная отъ Афинъ, преслѣдуетъ меня постоянный рядъ неудачъ, которыя не смѣю назвать несчастіями. Мнѣ данъ былъ, какъ я уже писалъ вамъ, военный брикъ Птоломей для посѣщенія Патмоса, который внѣ пути пароходнаго, и для того чтобы избѣжать холерныхъ карантиновъ въ Смирнѣ. Я долженъ былъ догнать чистый пароходъ Австрійскій, идущій изъ Царьграда, на пути его въ Бейрутъ, или въ Смирнѣ или Родосъ и, судя по числу дней, имѣлъ для того довольно времени, выѣхавъ 19 и не намѣреваясь

быть въ Родосъ прежде 26 ; вышло все на оборотъ. Консулъ нашъ съ острова Сиры, котораго я долженъ былъ туда везти , увѣрялъ , что мнѣ не нужно ждать въ Афинахъ денегъ моихъ и фирмана , потому что онъ приказалъ удержать ихъ въ Сирь ; прѣзжаемъ туда и узнаемъ , что все послано въ Афины . Не желая терять напрасно времени , я взялъ нѣсколько денегъ у Консула и продолжалъ путь , зная что Г. Базили все мнѣ устроятъ въ Бейрутѣ , и просилъ только туда направить мои деньги , фирманъ и вещи , чрезъ Смирну , обыкновенный путь пароходовъ ; на мою бѣду случились противные вѣтры . Мы двинулись къ Патмосу и въ виду его встрѣтили безвѣтріе , странное въ Октябрѣ мѣсяцѣ , такъ что простояли неподвижно , за 20 миль отъ острова , два дня . Наконецъ я рѣшился поѣхать тула на лодкѣ и видя , что не могу болѣе застать парохода въ Смирнѣ , направился прямо къ Родосу , имѣя еще передъ собою болѣе двухъ сутокъ . Но едва только мы пустились въ море , поднялся сильный южный вѣтръ , который принудилъ насъ лавировать , т. е. дѣлать извилинами въ трое болѣе дороги , для достиженія нашей цѣли . На третій день Родосъ былъ въ виду , но уже по расчету времени пароходъ прошелъ , а мы не могли еще и къ ночи достигнуть острова . Чтобы не мучить напрасно людей , напряженною работою парусовъ , и не оставаться потомъ въ Родосѣ двѣ недѣли , до слѣдующаго парохода , безъ фирмана , я рѣшился воротить къ Смирнѣ , надѣясь тамъ собрать всѣ мои

пожитки, для дальнѣйшаго пути. Но попутный вѣтръ благопріятствовалъ намъ обратно только до Патмоса; опять, въ виду таинственнаго острова, сдѣлалось сперва безвѣтріе, а потомъ задулъ сильнѣйшій сѣверный вѣтръ, совершенно намъ противный, такъ что мы, съ трудомъ лавируя два дня, едва достигли материка Анатоли, у Хіоскаго пролива, и бросили тамъ якорь, потому что не могли войти въ проливъ.

Между тѣмъ вѣтеръ на другой день сдѣлался сильнѣе и я видя, что нѣтъ надежды скоро достигнуть Смирны, рѣшился ѣхать туда верхою черезъ Чесму, оставивъ все мои вещи на брикъ. На берегу не было селенія; ближайшее отстояло болѣе нежели за часъ и матросы принуждены были нести на себѣ необходимыя вещи. Такъ мы достигли Чесмы, лежащей на проливъ и оттолъ уже, съ помощію Австрійскаго Консула, я нашелъ лошадей и проводниковъ до Смирны, отстоящей на два дня хода. Въ Чесмѣ былъ я въ воскресный день у обѣдни, и помянулъ нашу добрую Графиню. Какъ бы ей пріятно было узнать, что я былъ свидѣтелемъ поприща славныхъ подвиговъ ея отца! Мнѣ очень сгрустнулось по ней въ Чесмѣ, какъ будто бы я посѣтилъ ея Новгородскій пріютъ, близъ Юрьева, и не засталъ ее дома. Впрочемъ она конечно болѣе дома теперь, нежели мы все и наипаче я безпріютный скиталець. Неудачи мои тѣмъ не кончились! На пути въ Смирну, я слѣзъ съ лошади, посреди камней, и поскользнувшись ударился ногой объ острый камень. Теперь

уже сижу два дня дома и залѣчиваю рану; слава Богу, лучше и есть надежда, что до слѣдующаго парохода Бейрутскаго заживетъ совсѣмъ; по счастью со мною прѣхалъ и докторъ съ брика. Но хотя мы уже здѣсь третій день, однако брикъ еще не пришелъ и я начинаю беспокоиться о своихъ вещахъ, чтобы онъ не опоздалъ къ сроку; а вѣтеръ вчера только улегся и опять сдѣлалось безвѣтріе. Между тѣмъ деньги мои изъ Аѳинъ пришли сюда, но фирмана и писемъ нѣтъ. Скажу вамъ нѣсколько словъ о Патмосѣ.

Какъ только увидѣлъ я издали Апокалиптическій островъ, взялъ книгу Откровенія Богослова, и прочелъ ее всю, какъ бы предъ лицомъ самого Тайновидца. Слѣдующій день былъ воскресный, какъ и тотъ, въ который созерцалъ онъ свое откровеніе; но, отплывши до восхода солнечнаго съ корабля, мы не могли, прежде четырехъ часовъ, дойти до углубившейся внутрь острова пристани Патмоса, который простираетъ далеко въ море каменныя объятія своихъ утесовъ; литургія давно кончилась, когда вышли на берегъ. Оставалось часа два до полудня, и мы поспѣшили подняться на вершину каменной горы, гдѣ стоитъ обитель Богослова, съ малымъ селеніемъ вокругъ нея. Въ полугоръ, съ лѣвой стороны, проводникъ указалъ намъ малое зданіе, богословскаго училища Патмоса, нѣкогда знаменитаго, подъ которымъ находилась таинственная пещера видѣній Апокалипсиса; но мы хотѣли посѣтить прежде обитель, что-

бы потомъ спуститься съ монашествующими въ пещеру, для совершенія молебна.

Самая обитель, тѣсная и высокая зданіями, по недостатку мѣста на вершинѣ скалы, напомнила мнѣ въ маломъ видѣ Аѳонскія, и принадлежитъ къ тому же времени, т. е. къ XI вѣку, потому что сооружена Императоромъ Алексіемъ Комнинымъ, какъ явствуетъ изъ его хрисовуловъ. Малая темная церковь совершенно того же зодчества, какъ и на Св. горѣ, съ арками на четырехъ столбахъ и съ преддверіемъ. Она уцѣлѣла отъ самаго начала, не подвергаясь ни разу, ни опустошеніямъ враговъ, ни пожарамъ, но живопись обновлена была на стѣнахъ лѣтъ за двѣсти. Изъ древнихъ иконъ сохранились только три большія: Спасителя, которая теперь въ ризницѣ на хорахъ, Матери Божіей и Евангелиста Іоанна, въ преддверіи. Сія послѣдняя, времямъ Комнина, особенно замѣчательна и писана совершенно по образцу Аѳонскому Панселина, какой я видѣлъ въ обители Пантократора, и взялъ съ собою на иконѣ общей всѣхъ Апостоловъ. Братія показали мнѣ крестъ наперстный Императрицы Екатерины, пожалованный ею Архимандриту Патмоса, который и доселѣ носятъ во дни торжествъ, и Казанскую икону Матери Божіей, украшенную жемчугомъ и камнями, которую, вѣроятно, прислалъ Царь Алексій Михайловичъ, съ жалованною грамотою для сбора милостыни. Еще драгоценную вещь они вынесли мнѣ изъ своей сокровищницы: это шесть звѣнцевъ той цѣпи, кото-

рою былъ окованъ Евангелистъ, когда прислали его въ заточеніе въ Патмосъ и, по преданію мѣстному, расторглась цѣпь на ногахъ Апостола, какъ только ступилъ онъ на берегъ острова. Я приложился къ ней съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какииъ цѣловалъ узы Петровы въ Римѣ, и просилъ взять сію цѣпь съ собою, въ пещеру Апокалипсиса, чтобы тамъ надѣть ее на себя во время молебна. Говорятъ, что Императоръ Комнинъ пожертвовалъ ее обители.

Въ преддверіи съ правой стороны, въ маломъ придѣлѣ своего имени, почиваетъ открыто основатель обители; Св. Христодулъ, и я въ первый разъ на Востокъ видѣлъ такія цѣльныя мощи, какъ бы у насъ въ Россіи. Рака его окована серебромъ, и все тѣло въ ней покоится, но открыта только одна глава; можно еще почти разобрать черты его лица, сходныя съ его иконою, хотя кожа почернѣла. Св. Христодулъ, родомъ изъ Никеи, спасался сперва на гѣрь Олимпъ, потомъ избранъ былъ братією Латрійской обители въ настоятели и, принужденный бѣжать на островъ Косъ, съ братією, отъ нападеній Сарацинскихъ, удалился наконецъ въ Царьградъ, сопутствуемый молвою о святой своей жизни. Онъ искалъ болѣе глубокаго уединенія и, принятый благосклонно Императоромъ Алексіемъ, умолилъ его даровать ему островъ Апокалипсиса, тогда совершенно пустынный, исполненный только великимъ именемъ Евангелиста. Комнинъ выстроилъ для него обитель въ томъ видѣ, какъ она суще-

ствуеетъ нынѣ ; но святой отшельникъ принужденъ былъ опять бѣжать отъ нашествія Сарацинскаго, на сей разъ, уже на островъ Негрепонтъ, гдѣ и окончилъ дни свои. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, осиротѣвшая братія, не смотря на покушеніе нѣкоторыхъ остаться въ роскошномъ Негрепонтѣ, рѣшилась возвратиться на утесистый Патмосъ, и принесла съ собою мощи основателя. Вскорѣ Латины крестовыхъ походовъ, посѣтивъ островъ, хотѣли унести съ собою нетлѣнные остатки Св. Христодула, и уже принесли ихъ на пристань, но возникшая внезапно буря принудила ихъ возвратить инокамъ ихъ сокровище; съ тѣхъ поръ почиваютъ Св. мощи неприкосновенно на уединенной скалѣ Апокалипсиса. Я просилъ видѣть библіотеку обители, богатую книгами и рукописями, но для ея разбора нужно было много времени а часы наши были сочтены. Мы спустились къ училищу духовному Патмоса и, сквозь его врата, сошли еще нѣсколькими ступенями въ церковь Богоотецъ, пристроенную съ лѣвой стороны къ пещерѣ Апокалипсиса. Церковь обновлена, но преданіе гласитъ, что первую соорудилъ здѣсь Св. Христодулъ и посвятилъ ее памяти Іоакима и Анны, потому что его мать носила имя Анны. Въ преддверіи гробы бывшихъ знаменитыхъ учителей Патмоса, Макарія, Даніила и другихъ. Глубокое благоговѣніе проникло въ душу, когда изъ церкви вступили мы въ боковой придѣлъ Богослова, подъ навѣсъ той самой пещеры, гдѣ, по мѣстному преданію, имѣлъ онъ свои

высокія откровенія и началъ писать евангеліе. При самомъ входѣ, указали намъ трещину на низкомъ сводѣ, раздѣлившуюся на три вѣтви, когда небесный гласъ благовѣстилъ сыну громову божественное начало его евангелія: «въ началъ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово». Я прикоснулся рукою къ священной разсыльни и прочелъ въ слухъ все пасхальное евангеліе Іоанна, чтобы дивныя слова сіи огласили меня и моихъ спутниковъ, на родномъ нарѣчїи нашемъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впервые произнесла ихъ Божественная истица. Далѣе, взойдя въ церковь, поклонился я иконѣ Апокалипсиса. Самъ Тайновидецъ изображенъ поверженнымъ предъ лицомъ Господа, окруженнаго семью свѣтильниками, съ семью звѣздами въ десницѣ и пламеннымъ мечемъ въ устахъ, по словамъ откровенія.

Умилительно было для сердца видѣть изображеніе таинственнаго видѣнія Іоанна, на самомъ мѣстѣ событія; чтобы еще болѣе проникнуть себя впечатлѣніемъ Апокалипсиса, я прочелъ въ слухъ первую главу его: «Іоаннъ седмимъ Церквамъ иже суть въ Асіи: благодать и миръ вамъ отъ Сущаго, и иже бѣ и грядущаго», (Апок. 1. 4). Потомъ, положивъ себѣ на шею цѣпь Евангелиста, я просилъ священнослужителей, съ нами пришедшихъ изъ обители, отслужить молебенъ Богослову. Сладко было слышать на томъ мѣстѣ, гдѣ простирался онъ ницъ предъ Господомъ, его возлюбившимъ, сіи трогательные стихи: «Апостоле,

Христу Богу возлюбленне, ускори избавити люди безответныя, приемиеть тя припадающа, иже падша на перси приемиый, его же моли Богослове, и належащую мглу языковъ разгнати, прося мира и велія милости.» Дѣйствительно, мгла языковъ, Агарянскихъ и мнимо-Христіанскихъ, облегаетъ насъ въ сію тяжкую эпоху! Умилительно было и чтеніе евангелія крестнаго, о любви Господа къ его ученику, заключающагося свидѣтельствомъ самаго Евангелиста о истинѣ всего, что онъ видѣлъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ начерталъ сіе свидѣтельство. Такія минуты невыразимы; онъ только доступенъ сердцу а не языку, и въ вашемъ сердцѣ, конечно, имъ будетъ отголосокъ при недостаткѣ моихъ словъ.

Подлѣ иконы Апокалипсиса стоитъ въ иконостасѣ образъ ученика Іоаннова, Прохора, раздѣлявшаго съ нимъ сіе пещерное уединеніе; мѣсто его жительства указываютъ въ преддверіи, въ сторонѣ. Въ камняхъ вертепа, близъ самаго иконостаса, есть углубленіе, какъ бы для головы челоувѣческой, и говорятъ, что здѣсь отдыхалъ Евангелистъ. Показываютъ еще одно отверстіе, въ сводѣ пещерномъ, и говорятъ, что оттолѣ спускалась вервь, за которую держался Евангелистъ, чтобы не лечь и не заснуть, когда проводилъ ночи въ бдѣніи. Такое же отверстіе въ преддверіи, гдѣ жилъ Св. Прохоръ; но можетъ быть, то и другое служило для иного назначенія. Испытавъ такія впечатлѣнія въ пещерѣ Апокалипсиса, я уже не во-

шелъ въ убогое нынѣ училище Патмоса, которое утратило всю свою прежнюю славу, вмѣстѣ съ великими дидаскалами, процвѣтавшими здѣсь до возстанія Греческаго; это теперь простое начальное училище для дѣтей. Къ берегу моря направилъ насъ вожатый и тамъ, близъ убогой церкви Евангелиста и другаго ученика его Поликарпа, Епископа Смирнскаго, указалъ остатки крещальни, гдѣ окрестили они до четырнадцати тысячъ жителей Патмоса, когда по манію Іоанна, волхвъ, долго соблазнявшій народъ, ввергнулся въ море. Указываютъ даже и камень, посреди моря, доселѣ издающій смраднѣйшій запахъ, и называли его именемъ волхва.

До четырехъ сотъ малыхъ церквей, или лучше сказать часовень, было разсѣяно по всему острову, но теперь ихъ не болѣе двадцати; есть еще, на вершинѣ одной скалы, малая обитель Пророка Іліи, почти опустѣвшая по малому числу иноковъ. Слѣды пустынножителей видны въ скалахъ, недоступныхъ со стороны моря, потому что нѣтъ сомнѣнія, что и прежде Св. Христодула тамъ спасались подвижники. Монастырь его ставропигіальный зависитъ прямо отъ Патріарха и довольно богатъ средствами и числомъ иноковъ, восходящимъ до пятидесяти, но они большею частію разсѣяны по метохамъ внѣ острова. Таковъ Патмосъ въ нынѣшнемъ его положеніи; но утѣшительно для сердца представлять себѣ, какимъ онъ былъ во дни откровенія Господня Іоанну, и вмѣстѣ съ Еван-

гелистомъ повторять : «въ началѣ бѣ Слово , и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово».

Простите; въ Смирнѣ я еще ничего не видалъ, да и нечего видѣть; едва ли уцѣлѣли воспомина- нія о Св. мученикѣ Поликарпѣ, первомъ ея Епи- скопѣ.

ПИСЬМО XXV.

РОДОСЪ, БЕЙРУТЬ.

Бейрутъ, 14 Ноября 1849.

Вчера, въ день памяти Святителя Иоанна Златоуста, достигъ я наконецъ желаннаго берега Сиріи, ему родственнаго, и завтра уже собираюсь въ путь по горамъ Ливанскимъ: бурно было плаваніе и трудовъ не мало, но благодареніе Богу достигнута цель. Я опять на Востокъ, на рубежь земли обитованной, и забыты опасность и труды. — Сильно забилось сердце, когда на разсвѣтъ увидѣлъ я снѣжные верки Ливана и роскошное поморіе, которое оставилъ за девятнадцать лѣтъ предъ сямъ, ибо я отплылъ изъ Бейрута; но Бейрутъ процвѣлъ и расширился въ этотъ долгій періодъ, въ теченіи коего протекли лучшіе годы путника, возвращаю-

щагося съ тѣмъ же странническимъ посохомъ и уже съ опытностію накопившихся лѣтъ. Въ ту самую минуту, когда пароходъ нашъ бросалъ якорь въ пристани Бейрутской, мимо насъ проходило, на всѣхъ парусахъ, легкое судно Арабское, на которое мы почти не обратили вниманія. И что же? едва вышелъ я на берегъ и поспѣшилъ подъ гостепріимный кровъ нашего Генеральнаго Консула Базиди, пришли сказать ему, что сей часъ приплылъ изъ Акры, Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ съ Архіепископомъ Птолемаиды. — И такъ это онъ проѣхалъ мимо насъ и благопріятный случай соединилъ насъ, въ первую минуту моего вступленія, если не въ предѣлы его епархіи, то по крайней мѣрѣ на рубежъ ея, въ сопредѣльную епархію Антіохійскую; но грустно было услышать, что Патріархъ плыветъ далѣе въ Царьградъ и что я не увижу его въ Іерусалимѣ, гдѣ и въ первый разъ мнѣ не удалось застать Патріарха. — Такъ первое впечатлѣніе Бейрута было вмѣстѣ пріятное и прискорбное.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о моемъ странствованіи по морю. Мнѣ не жаль было оставить Смирны, гдѣ я почти не выходилъ изъ комнаты по болѣзни, но послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ пріятномъ обществѣ брика Птолемея, жаль было прощаться съ морскою семьей, которая такъ скоро дѣлается намъ присною; всѣ они, начиная отъ капитана до самаго младшаго офицера, дружески проводили меня на пароходъ Австрійскій

и тутъ встрѣтилъ я радушный пріемъ добрыхъ Иллирійцевъ. Мы снялись съ якоря при тихой погодѣ, но едва только вышли изъ длиннаго залива Смирны, какъ задулъ противный вѣтеръ, съ осеннею бурей, которая провожала насъ чрезъ весь проливъ Хіосскій. Не постигаю какъ пронесли мы ночью, посреди его утесовъ, даже безъ кормчаго: одна только опытность отличныхъ моряковъ, спасла парходъ отъ невидимой опасности; но погода была такъ ужасна, что мы принуждены были, около полдня, бросить якорь въ пристани Патмоса, хотя этотъ островъ лежалъ внѣ нашей дороги. И такъ я опять ступилъ на Апокалиптическій его берегъ и хотя не могъ взойти на вершину горы въ монастырь, успѣлъ однако еще разъ поклониться пещерѣ Евангелиста, въ полугорѣ, и это доставило мнѣ большое утѣшеніе. До разсвѣта мы опять пустились въ путь, между острововъ прилегающихъ къ Азіятскому берегу; но какъ только миновали узкій проливъ Коса, или Станкію, и взошли въ болѣе открытое море, та же непогода заставила насъ искать себѣ на ночь пріюта, въ одной изъ пристаней острова Смы; почти ошупью взошли мы въ нее, въ темнотѣ ночи. Весьма сожалѣлъ я, что это не та, въ которой находится знаменитая обитель Архангеловъ, но моряки увѣряли, что пристань ея мелка для парходовъ. Только на разсвѣтъ третьяго дня достигли мы Родоса, гдѣ бы надлежало быть за сутки прежде, и тамъ застали еще другой парходъ Ав-

стрийскій, шедшій въ Александрію, который за-
гнала туда буря совсѣмъ не по дорогѣ.

Очарователемъ Родосъ и много сожалѣлъ я,
что не рѣшился къ нему пристать, когда за двѣ
недѣли предъ тѣмъ видѣлъ издали долгій хребетъ
его. Теперь, приблизившись къ острову, я былъ
пораженъ его веселымъ и вѣдствъ воинственнымъ
видомъ. Величаво поднимался, изъ за свѣдхъ
бойницъ, упраздненный замокъ Великихъ Магистровъ
и бывшая соборная церковь Св. Іоанна Іерусалим-
скаго. Три уединенныя башни, Св. Эльма, Св. Ни-
колая и Архангеловъ, выдавались въ море, на
остроконечной грядѣ камней, прославленные при-
ступомъ двойной осады Родоса, и заключаютъ досе-
ля входъ въ двѣ его пристани. Устье одной изъ
нихъ сторожилъ нѣкогда знаменитый колоссъ,
одно изъ семи чудесъ свѣта; кругомъ всего города
и на поморіи, усыянномъ лимонными садами, бы-
стро кружились вѣтренныя крыла мѣльницъ, при-
давая необычайную жизнь сей разнообразной кар-
тинѣ.

Какъ только вошелъ я подъ древніе своды го-
тическихъ воротъ, еще украшенныхъ рыцарскими
гербами, я уже былъ пораженъ особеннымъ харак-
теромъ города, въ которомъ будто ожили вновь
средніе вѣка, давно забытые въ Европѣ: вооружен-
ный Западъ какъ бы поднялся опять на стражу
Востока: такъ все отзывалось еще рыцарскою дер-
жавой! По счастью я былъ встрѣченъ, у самыхъ
воротъ, нашимъ отличнымъ Агентомъ Дуччи, ко-

торый вывался быть моимъ руководителемъ и давно ожидалъ меня, по слухамъ изъ Афинъ; медлить было некогда, такъ какъ, съ захожденіемъ солнца, пароходъ долженъ былъ идти далѣе. Мы взошли въ кварталъ Рыцарей, который тутъ же начинался; первый представился намъ на площади знаменитый госпиталь, служившій въ началѣ главнымъ назначеніемъ Ордена, до развитія военнаго его духа, и запечатлѣвшій его на всегда славнымъ именемъ Страннопримнаго. Но и въ послѣдствіи, при ратныхъ подвигахъ, госпиталь сей былъ всегда необходимымъ условіемъ Ордена, и отъ того, съ такимъ великолѣтіемъ, былъ сооруженъ въ новой столицѣ, куда перешли рыцари изъ Акры и Кипра, усвоивъ себѣ названіе Родосскихъ, какъ потомъ еще Мальтійскихъ. Великій Магистръ Виларетъ завоевалъ этотъ островъ у слабой имперіи Греческой, въ первыхъ годахъ четырнадцатаго столѣтія, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе двухъ сотъ двадцати дѣтъ, со славою держался въ немъ Орденъ.

Грозно было по всему Востоку его оружіе; только подъ сѣнію рыцарей могли еще держаться слабые Короли Кипра, противъ сильныхъ Султановъ Египетскихъ, коихъ Мамелукская династія сокрушила въ Сириі послѣдніе оплоты крестоносцевъ, Тиръ и Птолемаиду. Сосѣдніе острова Архивелага и нѣсколько крѣпостей Анатолиі принадлежали Ордену; Смирна временно покорилась, доколѣ не выгнано оттолкъ рыцарей оружіе Тамарлана. Съ завистію смотрѣли сосѣдніе владѣльцы

Кандіи, Венеціане, на успѣхи сего послѣдняго отпрыска крестносцевъ на моряхъ Востока, которыми очищали они отъ пиратовъ; но Европа радовалась возрастающему ихъ могуществу, особенно послѣ того какъ истребленъ былъ, корыстолюбивѣйшій Король Франціи Филиппъ, другой братскій Орденъ Храмовниковъ, утвердившійся въ Кипрѣ; не оставалось иныхъ защитниковъ противъ возраставшей силы Сарацинъ. Папы всѣми средствами покровительствовали Ордену, и постоянный рядъ доблестныхъ Магистровъ, избираемыхъ изъ среды братства, поддержалъ его на долгое время, тѣмъ болѣе что въ рядахъ его записанъ былъ лучшей цвѣтъ Европы. Рыцари бились, не только въ своихъ частныхъ битвахъ, съ врагами креста, но и принимали участіе и въ крестовыхъ походахъ, которые предпринимала еще Европа противъ Исламизма, доколе не утвердилась династія Оттоманская на развалинахъ имперіи Греческой. Великій Магистръ Филибертъ Намакъ сражался, вмѣстѣ съ Королемъ Венгерскимъ Сигизмундомъ и всѣмъ цвѣтомъ Франціи, на берегахъ Дуная, въ несчастной битвѣ противъ Султана Баязита-молніи; едва могъ спастись онъ на орденской галерѣ въ Родосъ, гдѣ далъ у себя гостепрѣимство несчастному Сигизмунду. Это былъ послѣдній крестовый походъ на сушѣ рыцарей Страннопрѣимныхъ; иныя заключились и рыцарскіе порывы юношеской Европы противъ невѣрныхъ.

Когда болѣе страшный завоеватель, Султанъ

Магометъ II, сокрушилъ одиннадцати-лѣтнюю имперію Византійскую и царство Комниновъ въ Трапезундѣ, онъ хотѣлъ вытѣснить опасный для него Орденъ изъ орлиннаго гнѣзда; но всѣ покушенія его остались тщетны, и смерть прекратила честолюбивый замыслъ. Великій Магистръ Петръ Обюсонъ, около тридцати лѣтъ стоявшій во главѣ Ордена, имѣлъ славу отразить полчища Султана. Паша его, изъ отступниковъ Греческихъ, громкій именемъ Палеолога, четыре мѣсяца съ моря и земли осаждалъ Родось и Турки уже овладѣли башнею Св. Эльма; но рыцари, оживленные примѣромъ вождя, который не щадилъ своей крови, одолѣли враговъ и еще на полвѣка удержали сей твердый оплотъ для Христіанства. «Я хотѣлъ покорить Родось и гордую Италію», начертано было на гробницѣ завоевателя Магомета, въ залогъ того, что завѣщалъ онъ своимъ преемникамъ, и сильнѣйшій изъ нихъ Солиманъ, исполнилъ половину сего завѣта; онъ былъ послѣдній, который могъ его исполнить, ибо послѣ него начало упадать могущество Оттоманское.

Въ краткое время отдыха, которое оставалось Ордену, онъ достигъ до высшей степени своей славы, и казалось на всегда утвердился въ Родось. Но покровительство, оказанное имъ брату и сопернику Султана Баязида, Зизиму, а потомъ дарованное сыну его убѣжище на островъ, возбуждали негодованіе юнаго завоевателя Султана Солимана, превознесеннаго своими побѣдами въ Венгріи и подѣ

ствами Вѣны. Онъ послалъ требовать слани острова у рыцарей, которые только что похоронили Великаго Магистра Фабриція Каретти, одного изъ роскошныхъ Государей своего времени, ибо вожди Ордена почитались державными. Вилларій Диль-Адамъ поставленъ на его мѣсто и ему суждено было, если не пережить Орденъ, то во крайней мѣрѣ его столицу, и начать новый рядъ Великихъ Магистровъ въ Мальтѣ. Странное предзнаменованіе, какъ бы обрекло его на сіе печальное событіе: во время плаванія изъ Италіи въ Родось, для воспріятія сана Великаго Магистра, молнія ударила въ его корабль и въ самую каюту, и сокрушила мечъ его въ ножнахъ, не сломивъ поженъ. Не то ли же совершилось и надъ самимъ Орденомъ, который утратилъ Родось, но удержалъ свое существованіе?

Благородно отринувъ новый Магистръ предложеніе Султана и приготовился къ отчаянной защитѣ. Зная что Турки овладѣли однажды замкомъ Св. Эльма, зашившимъ входъ въ малую пристань галеръ, онъ укрѣпилъ его а равно и великолѣпную башню Св. Николая, которая сооружена была иждивеніемъ Герцога Филиппа Бургундскаго и прикрывала главную гавань. Всѣ различные бастіоны кругомъ города были раздѣлены между лучшими командорами; нельзя было ожидать помощи съ Запада, потому что слабый Папа Адріанъ VI держался только милостію Императора Карла V: Кесарь былъ занятъ войною съ Франціскомъ Ко-

ролемъ Франціи, и вся Италия, Генуя и Венеція, участвовали въ ихъ распрѣ. Такъ выданъ былъ на произволъ судьбы послѣдній оплотъ Христіанства на Востокъ. Не болѣе двадцати тысячъ воиновъ могъ собрать Великій Магистръ для защиты Родоса; когда до четырехъ сотъ судовъ соединились къ его осадѣ. Султанъ Солиманъ, не надѣясь на свое войско, подъ предводительствомъ отступника Паши Албанскаго, личнымъ присутствіемъ хотѣлъ еще одушевить воиновъ, ибо готовъ былъ всемъ жертвовать, дабы закрѣпить за собою, чрезъ сокрушеніе Ордена, завоеванія отца своего Селима на Востокъ. Владѣльцы Капріи и Кипра, Венеціане равнодушно смотрѣли на осаду, не подозревая, что и ихъ скоро постигнетъ та же участь.

Полгода длилась осада, ознаменованная самыми кровавыми приступами, которые все отразило мужество рыцарей; замокъ Св. Эльма былъ опять цѣлюю нападеній и на сей разъ лучше укрѣпленъ. Башня Св. Николая осталась невредима во всей своей красѣ, не смотря на упорный огонь батарей Турецкихъ. Султанъ, не предвидя возможности овладѣть укрѣпленіями со стороны моря, расположилъ вокругъ города свои полчища и, тайными подкопами, старался подорвать бастионы, но вездѣ встрѣчалъ противоудѣйствіе. Когда же иногда врѣдѣлись бѣшеные Оттомане внутрь разбитыхъ стѣнъ, они находили, позади каменной, желѣзную стѣну рыцарей, которые съ отчаяніемъ билась до послѣдней капли крови, и самъ Великій Магистръ

съ старшими Командорами, не смотря на свои раны, стоялъ на бастіонахъ: Надлежало однако предвидѣть, что сила наконецъ одолѣетъ мужество. Жители Греческіе острова, досего одушевленные къ защитѣ своимъ Митрополитомъ, пришли просить Великаго Магистра, о пощаду, дабы въ часъ послѣдняго приступа, слѣпая ярость Магометанъ, не погубила ихъ семействъ и святыни. Собрался верховный совѣтъ и, послѣ долгихъ колебаній, рѣшено было сдать Родосъ Солиману, съ тѣмъ однако, чтобы данъ былъ свободный выходъ рыцарямъ, со всемъ ихъ достояніемъ. Обрадовался Султанъ давно желанному и обѣщалъ исполнить прошеніе Ордена.

Когда уже все готовилось къ сдачѣ, блеснула опять искра надежды: показались вѣтрила со стороны Кандіи, но это были суда Султана, возвращавшіяся съ вѣстію о побѣдѣ надъ Персами. Великій Магистръ долженъ былъ явиться въ станъ побѣдителя, и хотя долго къ нему не былъ допущенъ, испытавъ горькія поруганія отъ низшихъ чиновъ Порты, однако Солиманъ принялъ его съ честію, уваживъ въ немъ доблестнаго вождя, и старался утѣшить кроткимъ словомъ, о непостоянствѣ дѣлъ человеческихъ. Самъ онъ посѣтилъ палаты Магистра, изъ которыхъ вскорѣ долженъ былъ удалиться ихъ владѣлецъ. Султанъ изъявилъ сожалѣніе, что принужденъ вытѣснить его, въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ, изъ древняго жилища его предѣстниковъ. Нельзя однако было медлить, по-

тому что побѣдитель собирался въ обратный путь, и рыцари боялись остаться безъ него въ рукахъ необузданной толпы Янычаръ. — 1-го Января 1623 года, Великій Магистръ, со всеми рыцарями и нѣсколькими тысячъ горожанъ, которые хотѣли послѣдовать за ними, и со всею святынею Ордена, перешли изъ каменныхъ стѣнъ, въ деревянные пловучія, какъ нѣкогда Аенниане отъ полчищъ Ксерксовыхъ, и поплыли искать себѣ новаго орлиного гнѣзда, посреди морской пучины, для новыхъ подвиговъ.

Я нѣсколько отступилъ отъ описанія Родоса, для того чтобы самая мѣстность была для васъ занимательнѣе, воспоминаніями историческими; по наружности она сохранилась неприкосновенною, какъ во дни Ордена. Не знаю что теперь внутри знаменитаго госпиталя? — вѣроятно какая нибудь казарма Турецкая, и та запустѣвшая, по нынѣшнему упадку сокрушителей Ордена; но казалось будто бы внутри сихъ лѣтописныхъ стѣнъ, украшенныхъ изваяніями среднихъ вѣковъ, еще дѣйствуетъ милосердіе Страннопріимныхъ братьевъ, и капеланы съ прислужниками, какъ тѣни, переходятъ изъ палаты въ палату, для уврачеванія болящихъ. Минувшее будто выглядывало изъ пустыхъ оконъ зданія, въ которое была закладена готическая дверь настоящимъ.

Отъ бывшаго госпиталя величественная улица подымается уступами въ гору, къ древней цитадели или замку, и носитъ доселѣ названіе Рыцарской,

потому что тутъ, по обѣимъ сторонамъ, расположены были палаты различныхъ отдѣленій Ордена, или языковъ, какъ они назывались по терминологіи среднихъ вѣковъ; между ними находились и частныя жилища самыхъ могущественныхъ, по занимаемой ими степени. Когда подымаешься по этой Кавалерской улицѣ можно подумать, что изъ каждаго дома готовы выдти вооруженные жильцы его, хотя уже давно не слышно, на камняхъ помоста, звонкой шпоры рыцарей; но гербы ихъ досель прибиты на каждомъ фронтонѣ; лицевая сторона отнюдь не измѣнилась, не заглядывайте только внутрь домовъ: тамъ или развалины или Турецкое жильѣ. Фантастическія изваянія драконовъ или вѣнчанныхъ чудовищъ, коими славился Родосъ, зѣваютъ мѣдною пастью, на концѣ выдавшихся дожелевыхъ трубъ, съ вершины плоскихъ крышъ; они какъ будто стерегутъ завѣтныя хотя и опустѣвшія палаты, до времени возвращенія ихъ ратныхъ хозяевъ, которые гдѣ либо въ крестовомъ походѣ. Каждый легко узнаетъ свое достояніе по родовому гербу. Первый представляется съ правой стороны щитъ Португаліи, а за нимъ кардинальская шапка вѣнчаетъ чей то неизвѣстный гербъ, хотя вѣроятно славный въ свое время; тутъ и Испанскіе львы съ ихъ башнями, и краса рыцарства лиліи Франціи, бывшія всегда впереди на полѣ чести, но теперь стерты съ ихъ голубаго поля, на которомъ такъ долго цвѣли.

Но куда же привела насъ эта громкая улица

рыцарей? — Увы! къ широкому пустырю, на которомъ возвышается каменная громада, обезображенная временемъ до того, что нельзя узнать ея первобытнаго назначенія: это однако была Орденская зала совѣта! — Вправо отъ нее еще пустырь, обнесенный оградой съ забитыми вратами; мы посмотрѣли сквозь щель ихъ внутрь двора: — онъ проросъ травой промежду каменныхъ плитъ; вдали видны были готическія арки и высокая стѣна полуобрушенной палаты: что это? — дворецъ Великаго Магистра, отколѣ жаль было изгонять, побѣдителю Султану, державнаго старца Лиль-Адама. Изгнавъ, и время затворило за нимъ широкія врата, доколѣ само оно не сглодало ихъ дерева, и не обрушило сводовъ. Здѣсь однако обитали, въ теченіе болѣе 200 лѣтъ, пятнадцать Великихъ Магистровъ и гостями ихъ были державные Кесари и Короли; послѣдній незванный гость все упразднилъ и на всегда! Обширныя зданія дворца, какъ отдѣльный замокъ, занимаютъ цѣлый кварталъ, по правую сторону залы совѣта; по лѣвую же ея сторону возвышается бывшая соборная церковь Св. Іоанна Іерусалимскаго, теперь уже обращенная въ мечеть. Намъ открыли ея готическія двери, и мы подивились величественной красотѣ зданія и смѣлости стрельчатыхъ сводовъ, которые легко опираются на столбахъ. Все теперь голо и безъ всякихъ украшеній, какъ бываетъ въ мечетяхъ; а храмъ сей, въ послѣдніе годы Ордена, славился богатствомъ утвари, ибо въ него жертвовали рыцари все что

приобрѣтали отъ морскихъ подвиговъ. Великій Магистръ Амбозій, истребившій флотъ Египтянъ, украсилъ храмъ золотыми статуями, и Магистръ Каретти, довершилъ благолѣпіе святилища. Одна только могила сего послѣдняго державца Родоса, видна еще посреди помоста, съ именемъ и гербомъ усопшаго; прочія всѣ истреблены и ненавистный коранъ, противъ коего столько подвизались Рыцари, лежитъ на возвышеніи бывшаго алтаря. Съ грустію вышелъ я изъ древняго собора Ордена.

Мнѣ хотѣлось посѣтить хотя одинъ изъ бастіонновъ Родоса, прославленныхъ его осадой, и ту великолѣпную башню Св. Николая, которая доселѣ служитъ украшеніемъ главной пристани. Привѣтливый нашъ Агентъ, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ со всеми властями, послалъ сейчасъ испросить позволеніе у Паши и, когда мы возвращались по Кавалерской улицѣ, насъ встрѣтилъ полковникъ Турецкій и повелъ, переулкомъ и садами, на бастіонъ, соединяющій башню съ прочими укрѣпленіями. Она выстроена въ три яруса, со всею затѣливостію готической и воинской архитектуры XV вѣка, чтобы служить вмѣстѣ оплотомъ и украшеніемъ города; не напрасно были на нее издержаны 12000 золотыхъ ефимковъ, Филиппа Герцога Бургундскаго, по просьбѣ Великаго Магистра Раймунда Закосты, въ 1461 году. Я думалъ найти въ ней складъ оружія рыцарскаго, но теперь нельзя ничего древняго отыскать въ Родосѣ; съ тѣхъ

портъ, какъ развился въ Царьградъ вкусъ къ музеямъ и арсеналамъ, все туда увезено. Обширная на-горама открывается съ башни на весь городъ, расположенный по отлогой высотѣ, съ готическою массою бывшего замка и собора, которые доселѣ господствуютъ надъ Родосомъ, хотя давно упразднена рыцарская слава, и на зубчатую ограду, вьичающую своими башнями городъ, съ двумя его пристанями; апельсиновые сады зеленѣли промежду развалинъ и высокія горы Ликии кончали за моремъ дальній горизонтъ.

Сойдя съ башни на берегъ моря, мы опять вошли въ городъ, тѣми же вратами, и обошли нижнюю часть его, или такъ называемый кварталъ Евреевъ, около базаровъ. Странное дѣло: одни только Евреи, не смотря на презрѣніе, которое къ нимъ питаютъ Турки, населяютъ вмѣстѣ съ ними рыцарскій городъ, когда всѣ Христіане православные и Франки, живутъ внѣ его стѣнъ, не имѣя права въ немъ селиться; древніе дома рыцарей, еще съ ихъ гербами, въ лучшей части Родоса, замѣщены теперь столь ненавистными для нихъ жильцами, какъ бы для смиренія баронской гордости. Мы входили въ домъ одного изъ богатѣйшихъ Евреевъ и могли бы подумать, по готическому расположенію и убранству покоевъ, что тутъ кто либо обитаетъ изъ командоровъ Ордена; признаюсь что мнѣ, хотя и не рыцарю, непріятно было встрѣтить тутъ Еврейское лицо хозяина. Евреи сѣ, большею частію Испанскіе, наводнили Родосъ,

съ тѣхъ поръ какъ изгнаны были изъ Испаніи, нетерпимостію Короля Филиппа II-го; они сохранили языкъ бывшей родины, но приняли одежду восточную и сдѣлались сильны по своему вліянію и богатству. Испанскіе Евреи на мѣсто гордыхъ Кастиліанцевъ, столь щекотливыхъ во всемъ, что только касалось ихъ достоинства.... какое горькое измѣненіе! Въ той же части города посѣтили мы мечеть изящной архитектуры, съ драгоценными колоннами, которая была православною церковью гораздо прежде завоеванія Родоса Орденомъ. Подлѣ нее показываютъ остатки дворца, гдѣ долго жилъ въ изгнаніи одинъ изъ послѣднихъ Хановъ Крымскихъ, славный Девлетъ-Гирей, и гдѣ былъ удушенъ по зависти Султана. И такъ вотъ гдѣ искали себѣ убожища и угасли наконецъ остатки Золотой Орды, столь долго гремившей отечество наше: — начало ея у истоковъ Амурса, конецъ въ рыцарскомъ Родосѣ. Когда долго странствуешь по бѣлому свѣту, о какіе разнообразныя обломки не ударится путническій посохъ!

Прежде нежели оставить Родосъ я пожелалъ еще разъ пройти по его Кавалерской улицѣ, мимо госпиталя, замка и палаты Великаго Магистра, чтобы глубже напечатлѣлись въ памяти ихъ рыцарскіе, можно сказать, оставы. Мы поднялись опять, по распутию славныхъ некогда воеводъ, и обошли около полуобрушеннаго чертога державнаго главы Ордена; тѣсная улица пролегла съ другой стороны замка, подъ высокую арку, надъ ко-

торою висѣла еще пріемная палата, угрожавшая паденіемъ. Во врата Архангеловъ, устроенныя великимъ Магистромъ Амбози, съ его гербомъ, вышли мы изъ города: печальное воспоминаніе ознаменовало врата сіи побѣдителя Мамелуковъ: ими взошли въ Родосъ полчища Турецкія, при сдачѣ города. Хотя теперь Ноябрь мѣсяцъ, воздухъ Родосскій мнѣ показался весеннимъ, по благовоннымъ испареніямъ его апельсиновыхъ садовъ, которыми неконя славится островъ, равно какъ и мягкостію своего климата. Не напрасно посылають туда слабыхъ грудью для исцѣленія; отрадно было опять дышать весною въ глухую осень, послѣ холодовъ Смирны и бурь Архипелага; еще довольно мнѣ ихъ предстоитъ.

Я посѣтилъ въ предмѣстіи Родоса, гдѣ живутъ Франки, ученаго изыскателя древностей острова, Г. Гейденборга, который уже нѣсколько лѣтъ тамъ поселился, единственно для того, чтобы написать исторію Родоса, отъ первыхъ временъ его до новѣйшихъ. Только Нѣмецкое терпѣніе можетъ посвятить, такимъ образомъ, цѣлую жизнь на изученіе одного предмета, часто неблагодарнаго; хотя и занимателенъ Родосъ, но что значитъ теперь одинъ островъ, при событіяхъ настоящаго времени? Ученый изыскатель какъ будто ихъ не видитъ, углубившись, посреди своего померанцоваго сада, въ лѣтописи любимаго имъ Родоса, коего всякій памятникъ онъ пересмотрѣлъ и составилъ всѣмъ полное описаніе, что весьма любопытно для путешествен-

никовъ. Но и сей ученый мужъ не могъ утвердительно сказать мнѣ, гдѣ стоялъ знаменитый колоссъ, о которомъ здѣсь различное мнѣніе? Одни ставятъ его на устьѣ галерной пристани, другіе у входа въ новую, которая впрочемъ тогда не существовала, а еще нѣкоторые полагаютъ, что онъ стоялъ болѣе внутри земли, предъ малою гаванью теперь уже заглохшею. И ста лѣтъ не простоялъ бронзовый колоссъ; землетрясеніе сокрушило его за два вѣка до Рождества Христова; почитавшійся седьмымъ чудомъ свѣта палъ и память его погибла съ шумомъ. Девять сотъ лѣтъ лежали на берегу мѣдные его обломки, доколѣ Арабы не овладѣли островомъ; въ 672 году Халифъ Моавія продалъ ихъ Евреямъ, болѣе нежели за полмиліона рублей, и около тысячи верблюдовъ уносили разбитую мѣдь встукана. Послѣ колосса что еще говорить о Родосѣ? вѣстовая пушка звала насъ на пароходъ; съ сжатымъ сердцемъ разстался я съ добрымъ Агентомъ и рыцарскими воспоминаніями. Но прежде я съ нимъ условился, о посѣщеніи Мирры-Ликійской и гроба Святителя Николая; тутъ случились островитяне съ Кастель-Россо, отъ котораго не болѣе 20 миль до Мирры. Они рассказали мнѣ печальныя подробности о запустѣніи священнаго мѣста, гдѣ живетъ одинокій игумень, зависящій отъ Митрополита Саталійскаго. Такъ какъ я положилъ себѣ непременно посѣтить Миру, хотя на обратномъ пути, потому что теперь, не смотря на всѣ мои старанія въ Смирнѣ, Австрійскій паро-

ходъ не соглашался уклониться отъ прямой дороги, то я просилъ Г. Дуччи, устроить для меня эту поездку въ Февраль; неприятно будетъ только держать для сего четырехдневный карантинъ въ Родосъ. Между тѣмъ я просилъ достать для меня, отъ гроба Чудотворца, какую либо память, но не иначе какъ при свидѣльствѣ Игумена, и предупредить его о моемъ приездѣ.

Бурно было, хотя и счастливо, наше плаваніе до Кипра; громъ и молвія преслѣдовали насъ по Средиземному морю, какъ бы въ лѣтніе мѣсяцы, и шумный ливень, во всю ночь, не позволялъ выходить на палубу. На разсвѣтъ другаго дня едва могли мы разобрать въ туманѣхъ Крестовую гору, обозначающую берегъ Кипра близъ Ларнаки. На нѣсколько часовъ вышелъ я на землю, чтобы поклониться гробу дважды умершаго и воскресшаго Лазаря, который здѣсь былъ Епископомъ, но Св. мощи его увезены въ Царьградъ, Императоромъ Львомъ премудрымъ, въ IX вѣкѣ, а оттолѣ крестоносцами на Западъ. Я нашелъ соборный храмъ его въ довольно хорошемъ состояніи; но несравненно болѣе процвѣтаетъ въ Кипрѣ исповѣданіе Римское нежели Православное, отъ сильнаго дѣйствія Пропаганды. Новая церковь, сооруженная при обители Францисканской Св. земли, могла бы служить украшеніемъ и для столицы, не смотря на то, что Франковъ весьма мало, въ сравненіи Греческаго населенія острова. Я видѣлъ и описалъ его, въ первое мое путешествіе, и потому не стану повторять; ска-

жу только, что мнѣ было какъ то странно, послѣ 19 лѣтъ, видѣть себя на тѣхъ же мѣстахъ, окруженнымъ уже другимъ поколѣніемъ того же семейства Церистиани, котораго глава, восьмидесятилѣтній старецъ, меня тутъ нѣкогда принималъ; сыновья его состарѣлись а младенцы ихъ сдѣлались юношами. Нигдѣ такъ не чувствительны собственные годы, какъ при подобныхъ встрѣчахъ, въ различныя эпохи человеческой жизни. Отъ Кипра, до береговъ Сиріи, благопріятствовала погода и я съ радостію ступилъ на землю, для меня обитованную.

Грустно мнѣ, что не увижу Патріарха въ Иерусалимѣ тѣмъ болѣе, что по словамъ его, онъ бы остался меня ожидать, если бы зналъ что пріѣду не на Пасху а къ Рождеству. Я просилъ его написать своему Намѣстнику, Архіепископу Петру Аравійской, чтобы онъ отслужилъ для меня литургію на Голгоѣ, въ день моего Ангела, потому что всѣми средствами буду стараться пріѣхать туда къ этому времени, хотя остается только двѣ недѣли; но если не будетъ снѣговъ на Ливанъ и Антиливанъ, то успѣю совершить сей трудный путь. Вчера мы обѣдали у нашего Генеральнаго Консула, вмѣстѣ съ Патріархомъ и двумя Митрополитами Птолемаиды и Бейрута. Зашла рѣчь о прежнемъ моемъ посѣщеніи Иерусалима: «помните ли вы меня, такъ какъ я васъ помню?» спросилъ Патріархъ; я просилъ извиненія у его Блаженства, что на сей разъ память мнѣ измѣнила. «Какъ же вы

забыли игумена Геосиманскаго, сказалъ онъ, который приобщалъ васъ, въ день Пасхи, въ пещеръ Св. гроба.» Тогда узналъ я блаженнѣйшаго Кирилла и очень обрадовался, что приобщавшій меня пресвитеръ сдѣлался Патріархомъ, и что такимъ образомъ имѣлъ я съ нимъ духовное общеніе. Патріархъ предложилъ мнѣ въ Іерусалимѣ прежнія свои келліи, въ большомъ монастырѣ, общая, что и безъ него все будетъ для меня сдѣлано, какъ бы при личномъ его присутствіи. Онъ совѣтовалъ мнѣ, непременно посѣтить дорогою темницу Предтечи въ Самаріи и хотѣлъ написать даже Пашѣ Іерусалимскому, чтобы онъ велѣлъ открыть мнѣ сію темницу, нынѣ обращенную въ мечеть. Хотя и грустно мнѣ разстаться съ Святителемъ Іерусалимскимъ, на предѣлахъ его епархіи, однако я надѣюсь съ нимъ увидѣться въ Константинополь. На пути въ Іерусалимъ ожидаетъ меня еще свиданіе, съ другимъ верховнымъ Пастыремъ Востока, Патріархомъ Меоодіемъ Антиохійскимъ, который давно ожидаетъ меня въ Дамаскъ. — И такъ простите до Іерусалима.

ПИСЬМО XXVI.

І Е Р У С А Л И М Ъ .

Іерусалимъ, 1 Декабря 1849.

Вчера, въ день моего Ангела, Господь сподобилъ меня принять, послѣ исповѣди, отпушеніе грѣховъ на Св. гробъ, и приобщиться Св. таинъ на Голгоѣвъ, отъ руки Намѣстника Патриаршаго, Митрополита Петры Аравійской Мелетія; сегодня же я праздновалъ день вашего Ангела, милостиваго праведника, съ Русскою братією, въ обители Архангеловъ, гдѣ она недавно поселилась. Сердце мое исполнено утѣшенія, потому что, не смотря на трудность двухнедѣльнаго пути, чрезъ горы Ливанскія, Дамаскъ и Галилею, я достигъ желанной цѣли къ опредѣленному сроку, и теперь отдыхаю тѣлесно въ обители Патриаршей, душевно же въ со-

зерцаніи святыни. Теперь, когда я вамъ пишу, изъ моей высокой свѣтлицы, открывается прилегающій къ Патриаршимъ терасамъ куноль Св. гроба, а за нимъ гора Элеонская; вправо снѣзетъ дальняя пустыня Мертваго моря; если же выдти на терасу, то весь Іерусалимъ, и Сіонъ и храмъ Соломоновъ, представляются на скатъ горы, восхищенному взору.

Зрѣлище отрадное и вмѣстѣ скорбное, потому что изъ этой массы святыни, повсюду прорываются къ небу непріязненные минареты: Омаровъ, подлѣ самой колокольни Св. гроба, и даже священное чело горы Элеонской, оскорблено мечетью! Что сказать вамъ о впечатлѣніи, которое произвелъ на меня Іерусалимъ? Многое для меня измѣнилось съ опытностію протекшихъ лѣтъ, хотя и сохранилось прежнее чувство благоговѣнія къ его святынѣ. Но юношеское чувство, которое все облекало предо мною въ яркія краски поэзіи, едва ли не поблекло съ годами; тѣже предметы представляются какъ бы не тѣми, при болѣе отчетливомъ на нихъ взглядѣ; воспоминанія среднихъ рыцарскихъ вѣковъ менѣе тревожатъ воображеніе, хотя издали въ нихъ есть много блистательнаго. Сердце жаждетъ одной святыни и снисходительнѣе смотритъ на недостатокъ желаннаго устройства, оттого что уже даетъ себѣ отчетъ: почему оно не возможно! Описывать двадцать лѣтъ спустя то, что я однажды видѣлъ и описалъ, въ первомъ пылу молодости, — страшно! Это какъ будто бы стирать, собственною рукою, свѣжіе цвѣты невозвратимыхъ

лѣтъ! — Знаете ли, что много грустнаго, въ такой поѣздкѣ самаго себя, чрезъ столько лѣтъ; когда человѣкъ видитъ себя другимъ на тѣхъ же мѣстахъ? При этомъ разительномъ столкновении съ своимъ минувшимъ, невольно впадаетъ онъ въ глубокую думу и, возвратясь къ той же точкѣ, мысленно измѣряетъ пройденное имъ пространство.

Двукратное посѣщеніе мною Св. града, какъ будто нарочно, соответствовало даже различнымъ эпохамъ моего жизненнаго поприща; тогда я былъ весною, теперь же осенью, и самая природа теперь не одѣта въ тѣ свѣжія краски, какими любить она облекаться въ свои весенніе дни. Нѣтъ, не буду описывать видѣннаго мною однажды; опишу только то, чего прежде не видѣлъ, или что измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ и я самъ. Впрочемъ, включая одного Іерусалима и его ближайшей святыни, почти все мое путешествіе будетъ казаться новымъ, хотя я посѣтилъ тотъ же Востокъ, потому что многого не видалъ я въ 1830 году, по случаю недавней войны. Такъ, начиная съ Царьграда, теперь только имѣлъ я счастье посѣтить Св. Софію и нѣкоторыя древнія церкви, обращенныя въ мечети; теперь только осмотрѣлъ я живописныя окрестности столицы Оттоманской, и острова Принцезы и роскошную Бруссу, отколѣ возникла сила Исламовой державы, и священную Никею, исполненную для насъ воспоминаніями Вселенскихъ соборовъ. Въ то время Св. гора Аѳонская была въ за-

пустыни, многочисленные ея пещи разбѣжались и Турецкія войска занимали весь обитали; оттого не считалъ я возможнымъ ее посѣтить. Теперь же я засталъ Св. гору опять въ первообытномъ блескѣ, испоминную отшельниковъ, и вмѣстѣ со Св. горою видѣлъ и занимательную Солунь.

Начего было и думать о Греціи и Аѳинахъ въ 1830 году: тогда еще Турецкій гарнизонъ держался въ Акрополисѣ и дружины Греческія осаждали его со стороны пристани Пирейской, а вся Морея дымилась опустошеніями Ибрагима Пашы; теперь же новыя Аѳины, какъ Фениксъ возникли изъ пепла, у подножія Акрополиса. Какая разительная противоположность! правда, что и 19 лѣтъ не малое пространство времени. Мнѣ удалось видѣть теперь Коринѣъ и Велико-пещерный монастырь Морей, и поклониться въ древнемъ Цатраѣ гробу Первозваннаго. Острова Архипелага Греческаго мелькнули, одинъ за другимъ, предъ моими глазами; я выходилъ на берегъ торговой Сиры и Апокалиптического Патмоса, наполненнаго воспоминаніями Евангелиста, и въ Родосѣ еще какъ будто засталъ эпоху рыцарства, среди древнихъ его бойницъ. Быть можетъ удастся мнѣ, на обратномъ пути, посѣтить и Миру-Ликійскую, столь близкую нашему сердцу, по каедрѣ и гробу Святителя Николая. Да и въ Сирии я видѣлъ, въ первое мое странствіе, только развалившійся Тиръ и зараждавшійся тогда Бейрутъ: теперь же проѣхалъ гору Ливанскую и Антиливанъ, въ самыхъ живо-

писныхъ мѣстностяхъ, видѣлъ чудный развалинами Баалбекъ и роскошный Дамаскъ, въ его очаровательныхъ садахъ, и драгоценное для насъ озеро Тиверіадское, около котораго совершилась большая часть событій евангельскихъ. Не стану упоминать о Канѣ Галилейской, Самаріи, Кармиль, Акрѣ и другихъ знаменитыхъ мѣстностяхъ, которыя уже видѣлъ или еще посѣщу. Вы видите, что много новаго въ моемъ новомъ путешествіи: и такъ можно не касаться, или только слегка, прежнихъ предметовъ. Простите, завтра рано иду слушать литургію въ Геосманіи, которой сладкое имя повторилось и въ лаврѣ преподобнаго Сергія, а послѣ-завтра, на праздники святыхъ Іоанна Дамаскина и Саввы освященнаго, собираюсь въ ихъ лавру, что на Плачевной юдоли; имя ея едва ли не приличествуетъ цѣлой вселенной, а не одному только руслу потока Кедрскаго.

ПИСЬМО XXVII.

ЛАВРА СВ. САВВЫ.

Лавра, 5 Декабря 1849.

Привѣтствую васъ изъ лавры освященнаго Саввы, какъ бы изъ нашей родственной преподобнаго Сергія, потому что здѣсь, великій отшельникъ Савва то же для Палестины, что для Россіи Сергій; Господь сохранилъ его мирное достояніе въ пустыни, когда вокругъ разорены были все прочія многочисленныя обители, Феодосія, Езекиа, Харитонія и ихъ знаменитыхъ послѣдователей. Не безъ тайнаго промысла это произошло, ибо изъ сей лавры распространился уставъ иночества, не только во всю Палестину и на Св. гору, но и на дальній сѣверъ, въ наше благословенное отечество: ради обилія вѣтвей сохранился и священный ко-

рень. — Пишу вамъ, можно сказать, изъ самой глубины пустыни, изъ юдоли плача, пророчески предназначенной быть поприщемъ послѣдняго суда. — Предо мною изсохшее русло потока Кедрскаго: кто послѣдуетъ внизъ, за его бурнымъ весеннимъ течениемъ, тотъ, по страшнымъ стремнинамъ, дойдетъ до Мертваго моря; кто же будетъ подыматься вверхъ сего потока, достигнетъ Иерусалима; не есть ли это таинственный образъ нашей жизни? — Если кто, въ сей настоящей юдоли плача, увлекается юношескимъ потокомъ своихъ страстей, изъ бездны въ бездну, ниспадаетъ онъ въ вѣчную смерть; кто же противоборствуетъ мужественно ихъ порывамъ, — восходитъ наконецъ въ Иерусалимъ, и уже не въ земной а въ небесный. Не напрасно избралъ сію знаменательную юдоль великій подвижникъ Савва, для себя и своихъ безчисленныхъ послѣдователей, во образъ будущаго, ради памятованія страшнаго суда, когда, по словамъ пророческимъ; «возгласятъ трубы, истощатся гробы и воскреснетъ все естество человеческое, книги разгнутся и явлены будутъ дѣла человеческія предъ недтерпимымъ судищимъ; возшумитъ же юдоль вся страшнымъ скрежетаніемъ плача, видя всехъ согрѣшавшихъ, по праведному суду, отсылаемыхъ на вѣчныя муки и тщетно влечущихся.»—И что воззовемъ на сей страшный зовъ, если не сей молитвенный гласъ пѣсней церковныхъ: «во юдоли плача, когда на мѣстѣ избранномъ тобою возсядешь, многомилостиве, сотвориши правед-

ный судъ, не объяви моихъ тайныхъ и не по-срами меня предъ Ангелами, но молчи, Боже, и помилуй!»

Вы желали знать о подвижникахъ на Афонѣ, а ихъ нашелъ и здѣсь: игумна Іоасафа и старца Русскаго Савву, которыхъ засталъ еще въ первое мое посѣщеніе Св. земли; другихъ знакомцевъ не обрѣлъ, пришли все, отъ дольшаго въ горній Іерусалимъ и отъ плачевной юдоли въ невечернюю радость. Замѣчательное лице этотъ Іоасафъ, 33 года спасающійся въ лаврѣ, надъ которою недавно поставленъ настоятелемъ. Духовная простота доходитъ въ немъ до дѣтской невзности, всегдашняя улыбка на устахъ, терпѣніе безпримѣрно съ братією и съ Арабами, которыхъ любовь приобрѣлъ до такой степени, что повсюду ходитъ одинъ; между тѣмъ онъ общій духовникъ и Русскихъ и Грековъ, потому что одаренъ глубокою провицательностію и читаетъ духовныхъ книгъ, знаетъ все житіа Св. отшельниковъ и любитъ ихъ какъ присныхъ. Это достойный преемникъ и подражатель Св. Саввы; не признаюсь, въ первую минуту, мнѣ не пришла на мысль, чтобы столь глубока познанія таились подъ оболочкою столь грубой, по видимому, простоты, хотя и былъ я предвремъ о его высокой жизни. Вотъ какъ мы, неопытные міряне, можемъ часто обманываться, увлекаясь внѣшностію.

Вчера вріѣхалъ я сюда, на праздники двухъ преподобныхъ сей великой лавры, Дамаскина и Саввы, и въ самый день памяти третьяго, молчалъ

ника Іоанна, съ благоговѣйнымъ старцемъ, Архіепи-скопомъ Севастійскимъ Фаддеемъ, который также замѣчательнъ по своей духовной простотѣ и высокой жизни.—Шествіе наше, изъ Іерусалима по долину Кедрской, въ продолженіе трехъ часовъ, показалось бы въ другомъ мѣстѣ весьма страннымъ; по восточному обычаю и непроходимости горной степи, все были на коняхъ, начиная отъ Архіерея и до послѣдняго клирика, при сопровожденіи всадниковъ Паши Іерусалимскаго. За полчаса отъ лавры дорога подымается на дикіе утесы и слѣдуетъ, по самой ихъ окраинѣ надъ пропастью, куда прежде падали путники, застигнутые непогодю; теперь дорога расширена и безопасна. Сильно заби-лось сердце, когда послышался внезапно знакомый звукъ колокола, въ пропастяхъ Кедрона, и откры-лась подь нами, въ полугорѣ, дивная обитель Св. Саввы, полуизсѣченная, полудостроенная въ ска-лахъ; девятнадцать лѣтъ я тамъ не былъ, но по-мнилъ ее какъ бы только оставилъ вчера.

Почтенный старецъ Іоасафъ встрѣтилъ насъ во вратахъ обители, вмѣстѣ съ убогою братією, между которою нельзя было отличить смиреннаго игумна; его грубая одежда казалось болѣе ветхою, нежели у прочихъ иноковъ, и онъ вездѣ старался показать себя послѣднимъ, а не первымъ. На площадкѣ, предъ соборною церковью, поклонился я, въ малой часовнѣ или кувукліи, упраздненному гробу основателя, освященнаго Саввы, и съ утѣшеніемъ вспомнилъ, что пять лѣтъ тому назадъ, въ

Венеціи, цѣловаль нетлѣнные его останки; братія лавры позавидовали моему счастью, услышавъ что я, не будучи Агіосаввитомъ, въ этомъ случаѣ ближе ихъ былъ къ ихъ великому ктитору: — о если бы близость сія была и духовная! Внутри соборной церкви Благовѣщенія я изумился ея благолѣпію, послѣ того убожества, въ какомъ ее оставилъ: все было обновлено и украшено; иконостасъ сооруженъ изящно, стѣны отчасти расписаны, помостъ устланъ великолѣпнымъ мраморомъ и, подлѣ церкви съ сѣверной стороны, особенный притворъ весьма прилично былъ устроенъ, вмѣсто трапезы, для старческихъ собраний; сердце порадовалось при видѣ такихъ успѣховъ. Я приложился въ алтарь къ честнымъ главамъ трехъ именитыхъ отшельниковъ юдоли плача, Ксенофонта и чадъ его Аркадія и Іоанна, и къ древней иконѣ ктитора Св. Саввы въ иконостасъ, недавно украшенной богатою ризою, предъ которою горитъ неугасимая лампада; подъ нею еще древнѣйшая изображаетъ успеніе Св. Саввы; онъ лежитъ на мертвенномъ одрѣ, съ иконою Матери Божіей на груди, и подлѣ на полу простерта та убогая рогожка, съ которой его подняли; предъ усопшимъ стоитъ Патріархъ Іерусалимскій Петръ, въ фелони но безъ митры, со всемъ своимъ клиромъ; тутъ же иноки Латинскіе въ западныхъ одеждахъ, потому что въ то время еще не отдѣлилась церковь ихъ отъ православія; я постараюсь списать для себя сію замѣчательную икону. Достойны вниманія и древнія

Часть II.

7

царскія врата, на которыхъ изображены, вмѣсто Евангелистовъ, четыре великіе отшельника, Харитоній, Евемій, Савва и молчальникъ Іоаннъ, благовѣствовавшіе слово Божіе святою своею жизнію, въ сей дикой пустынѣ.

Изъ церкви ввели насъ въ гостинную келлію, къ ней прилегающую въ верхнемъ ярусѣ надъ притворомъ, которая недавно тутъ устроена. Подлѣ нее, на открытой терасѣ, приготовлена была скромная трапеза для посѣтителей, на пятнадцати саженьхъ высоты надъ пропастью Кедрова. Когда взглянулъ я въ это дикое ущеліе и увидѣлъ, во всѣхъ его скалахъ, безчисленныя устья пещеръ, служившихъ вмѣсто жилья для земныхъ ангеловъ и небесныхъ челоувѣковъ сей плачевной юдоли, невольнымъ умиленіемъ проникнулась душа: мнѣ совѣстно было вкушать хлѣбъ, который здѣсь растворялся горькими слезами столькихъ праведниковъ, плакавшихъ о грѣхахъ своихъ и о такихъ, какіе едва почитаются нами за грѣхи. Прямо противъ меня черезъ потокъ открывалась пещера, гдѣ сперва поселился Св. Савва, изгнавъ оттолѣ царственнаго жильца пустыни, дикаго льва, и отколѣ созерцалъ, въ огненномъ видѣніи, будущую славу своей обители, на томъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ теперь. Когда въ міръ услышатъ, что авва велѣлъ удалиться звѣрю изъ его берлоги и повиновался ему безсловесный, иные улыбнутся такому разсказу, не вникнувъ въ его глубину. «Мы оба созданіе единаго Творца, сказалъ звѣрю отшельникъ, но поелику я

созданъ по его образу и подобію, ты долженъ мнѣ уступить.» Это простое слово не объясняетъ ли многого? — Если первый человекъ созданъ былъ царемъ надъ всею тварію и утратилъ владычество, чрезъ непокорность Творцу, то не возвращается ли ему прежняя власть, когда самъ онъ получаетъ первобытнѣйшій образъ, чрезъ небесное смиреніе второго Адама, Сына Божія, его искупившаго? Недалеко отъ пещеры ктитора лавры, башня молчальника Іоанна, бывшаго Епископомъ и смиренно бѣжавшаго отъ своей паствы въ ущеліе Кедрона; и опять, ради смиренія, открылъ онъ высокій санъ свой Патріарху, когда святой Савва хотѣлъ принудить его принять пресвитерство. Еще лѣвѣе, по сию сторону потока, есть развалины церкви и келліи матери Св. Саввы, преподобной Софіи, а съ правой стороны, гдѣ круто поворачиваетъ русло потока къ Мертвому морю, видна вдали келлія отшельника Ксенофонта напротивъ двухъ сыновнихъ; умилительно такое зрѣлище, но и страшно при воззрѣніи на собственную немощь. Птицы небесныя, которыя витаютъ теперь по симъ пещерамъ, прилетали къ намъ на высокую терасу, питались крохами, падавшими отъ трапезы нашей; такъ ихъ пріучили нынѣшніе иноки, въ мирѣ живущіе между собою и со всякимъ твореніемъ Божиимъ, которое такъ рѣдко встрѣчается въ ихъ пустынь.

Я нашелъ лавру въ цвѣтущемъ состояніи, и въ смыслѣ духовномъ и въ отношеніи нуждъ житейскихъ. Давно ли держали ее въ непрестанной оса-

дѣ Бедуины, нагло требуя хлѣба, вторгаясь въ слѣдъ за посѣтителями, въ растворяемыя со страхомъ врата? Доходило до того, послѣ моего перваго путешествія, что уже братія совсѣмъ хотѣли ее оставить на произволъ Арабовъ, которые опять раскинули бы въ ней шатры свои, какъ было однажды, за двѣсти лѣтъ тому назадъ, при Патріархѣ Досиоеѣ: такъ невыносимы сдѣлались ихъ нападенія при совершенной беззащитности! Игуменъ Юасафъ убѣдилъ однако братію остаться, хотя на малое время, и не покидать жилища великаго отца ихъ Саввы, въ ожиданіи лучшихъ временъ: дѣйствительно они открылись съ пришествіемъ Египтянъ. Когда узналъ Ибрагимъ-паша отъ властей Іерусалимскихъ, о дерзости Бедуиновъ, онъ призвалъ ихъ шейховъ и угрозами заставилъ отказаться отъ незаконныхъ требованій на ежедневную раздачу хлѣба, которая первоначально была только милостынею въ голодное время. Съ тѣхъ поръ она прекратилась, потому что имевши Ибрагима, побѣдившаго всѣ горныя племена, трепетала Сирія. Когда возстановилось безпрепятственное сообщеніе съ Іерусалимомъ, можно было заняться обновленіемъ лавры и средствами къ ея содержанію; заботливый Юасафъ приобрѣлъ нѣсколько масляныхъ садовъ близъ Виолеема, и теперь тридцать три инока наслаждаются глубокимъ миромъ подъ его начальствомъ. Едва ли можно встрѣтить, гдѣ либо, болѣе духовный образъ жизни какъ въ его лаврѣ: жизнь отшельниковъ протекаетъ въ лишеніяхъ всѣхъ

каго рода; въ лѣтнее время, при нестерпимомъ зноѣ отъ раскаленныхъ скалъ, каждый день есть настоящій подвигъ; часы свободные отъ богослуженія заняты какимъ либо рукодѣлемъ. Всѣхъ соединяетъ братская любовь, подѣ руководствомъ опытнаго аввы, который ничего не приказываетъ, а только проситъ и готовъ исполнять самъ всѣ низшія должности, потому что ни одну не находитъ низкою для своего недостойнства. Большое для меня утѣшеніе, что я его здѣсь обрѣлъ; онъ вызвался быть моимъ проводникомъ къ Иордану и по развалинамъ обителей, которыхъ мѣстность мы старались опредѣлять. Въ пріятной съ нимъ бесѣдѣ непримѣтно прошель вечеръ.

Ночью мы сошли къ утренни въ соборъ Благовѣщенія и служба Греческая была перемѣшана съ Славянскою, ради утѣшенія пришельцевъ. Весьма торжественно было, когда на великомъ словословіи, облаченный Архіерей съ возженными трикиріями, сопровождаемый всѣмъ клиромъ, при пѣніи «Святый Боже» подымался, во мракъ и тишину ночи, на открытому крыльцу, въ башню Св. Іоанна Дамаскина; тамъ его домашняя церковь и гробница подѣ бывшею келліею. Недавно и совершенно нечаянно открыли сію гробницу, упраздненную также какъ и Св. Саввы, подѣ внутреннею лѣстницею, которая вела изъ малой трапезы церковной въ верхнюю келлію: видѣли тутъ отверстіе въ помость, но не подозрѣвали ступеней; когда же подняли камень, нашли сходъ въ могилу, изсѣчен-

ную въ той природной скаль, на которой стоитъ самая башня: но гдѣ нетлѣнные останки?—въдаетъ Богъ. Подумайте, какое сладкое чувство: внутри церкви, посвященной блаженному пѣнописцу, украсившему всю Церковь высокими гимнами, надъ самою его могилой воспѣвать ему: «Православія наставниче, благочестія учителю и чистоты, вселенныя свѣтлыниче, ученми твоими вся просвѣтилъ еси, цѣвнице духовная, моли Христа Бога о душахъ нашихъ.» Еще отраднѣе было слушать божественную литургію тамъ, гдѣ онъ самъ молился; такія минуты незабвенны: — грѣшный я человекъ, какихъ сподобился утѣшеній! Больно что не сохранились мощи исповѣдника, и даже нѣтъ древней его иконы; теверь, въ его церкви, уже новѣйшая; онъ изображенъ пишущимъ въ иноческой одеждѣ. Я пріобрѣлъ тутъ однако весьма древнюю икону, преображенія Господня, и мнѣ пріятно будетъ имѣть сію память изъ самой келліи преподобнаго, который такъ восхищаетъ сердце пасхальными пѣснями и умиляетъ погребальными. Если вспомнить, какъ изъ этой келліи хотѣлъ его выгнать строгій старецъ за то, что онъ написалъ ихъ, и какъ смиренно принялъ богодухновенный пѣвецъ тяжкую эпитимію, на него возложенную, то не знаешь чему болѣе дивиться: высотъ ли дарованія или глубинъ смиренія? Совѣстно здѣсь помыслить, о мелкомъ превозношеніи насъ ничтожныхъ писателей, и въ томъ и въ другомъ отхошеніи, столь далекихъ отъ сего великаго образца.

Какъ только разсвѣло, мы предприняли поѣздки къ Мертвому морю, въ одну изъ семи обителей, основанныхъ Св. Саввою въ окрестностяхъ его лавры; туда временно удалялся онъ, для строжайшихъ подвиговъ поста, и тамъ испыталъ самыя тяжкія искушенія отъ духа непріязни, искавшаго удалить его страхованіями съ мѣста молитвы; въ послѣдствіи авва устроилъ тамъ обитель для новоначальныхъ, на развалинахъ древняго замка Иродова, который господствуетъ надъ всѣми окрестными горами и распутіями; доселѣ сохранилось ему названіе Кастель. Оставивъ русло Кедронское, мы болѣе часа скитались по безвиріотнымъ вершинамъ, на которыхъ волнообразно пролегла чуть видная тропа, иногда терявшаяся между камней. Надобно было почти отгадывать дорогу, но авва Іоасафъ хорошо ее зналъ, потому что этимъ путемъ обыкновенно ходятъ иноки его къ Іордану, мимо монастыря дервишей Неби-Муеса. Пѣшіи, съ посохомъ въ рукахъ, бодро шель онъ впереди, потому что ради смиренія никакъ не хотѣлъ сѣсть на мула: за нами слѣдовало нѣсколько богомольцевъ, собравшихся на праздникъ лавры. Дорогою онъ указалъ мнѣ, на вершинѣ неприступной горы, остатки другой обители Св. Саввы во имя Богоматери, на томъ мѣстѣ, гдѣ, говорятъ, имѣла свиданіе Императрица Евдокія съ великимъ Евониміемъ, но едва ли оно могло произойти такъ далеко отъ его Іерихонской лавры. Ближе къ Кастелю видны были еще слѣды янчического жилья, въ малыхъ верте-

нахъ; кто разгадаетъ сихъ тружениковъ, населившихъ пустыню, какъ бы самые плодородные участки земли?

Отдѣльный холмъ Кастеля, будто отсѣченный отъ горнаго хребта, созданъ былъ для замка или для обители, равно неприступныхъ; со всѣхъ сторонъ пропасти; только съ одной едва присоединенъ онъ къ прочимъ горамъ, узкою стрѣлкою земли, по которой проведенъ былъ Иродомъ водопроводъ. Широко открывается во всѣ стороны дикая пустыня горъ и Мертваго моря, даже до Иорданской долины, но не видно благословенной рѣки; слѣды укрѣпленій распознаются вокругъ всего темени уединеннаго холма покрытаго обломками, но они уже сравнялись съ землею. Игумень, избравъ минуту, когда нѣсколько отошли отъ насъ поклонники, началъ отгребать руками землю, въ обширной ямѣ, и открылась красивая мозаика помоста древнихъ палатъ; мелкими разноцвѣтными камнями начертаны были арабески, птицы и цвѣты; онъ постышилъ ихъ засыпать, чтобы не расхитили остатковъ. Спустившись нѣсколько съ вершины холма къ цистернѣ, уже изсохшей, Иоасафъ привелъ меня къ устью пещеры, въ которую съ трудомъ проникли: тамъ была усыпальница братіи и желтыя кости лежали неприкосновенно въ нѣсколькихъ могилахъ, правильно изсѣченныхъ въ скаль; мы поцѣловали священные останки и не смѣли взять ихъ съ собою. Авва Иоасафъ строго запретилъ богомольцамъ покушаться на такое дѣло; такъ какъ

бывали страшные примѣры, что бравшіе отселя кости, даже ради благоговѣнія, подвергались бѣдамъ; оттого цѣлы остатки и не смѣютъ къ нимъ прикасаться самые Бедуины. Вотъ какъ, и послѣ запусьтнїя земнаго своего жилища, Св. отцы охраняютъ, памятью своихъ подвиговъ и страхомъ наказанїя, кости свои, по видимому, брошенные на произволъ каждаго скитальца въ сихъ безлюдныхъ мѣстахъ. Около полдня мы возвратились въ лавру, утомленные труднымъ путемъ.

Немного оставалось времени до торжественной вечерни, по случаю праздника великаго основателя лавры; и мнѣ весьма утѣшительно было, что я могъ поспѣть къ этому дню. Особенное чувство возбудила въ душѣ моей литїя съ благословенїемъ хлѣбовъ, на открытой площадкѣ между соборомъ и часовнею, гдѣ упраздненный гробъ святаго; дверь въ нее была открыта и ликъ его сіялъ изнутри, какъ будто онъ самъ присутствовалъ посреди соборной имъ братїи въ юдоли плача. Толпа Христіанскихъ Арабовъ благоговѣнно окружала духовенство, и самые Бедуины смотрѣли съ окрестныхъ высотъ на величественное, хотя и непонятное для нихъ богослуженїе. Тотчасъ послѣ вечерни я просилъ игумна взойти со мною въ обвалившуюся башню молчальника Іоанна, такъ какъ наканунѣ былъ день его памяти. Мы спустились изъ нижней трапезы въ окно, черезъ которое выходятъ на источникъ подъ лаврою, испрошенный молитвами святаго, и перейдя русло потока подня-

лись по утесамъ къ развалинамъ; не такъ однако легко было въ нихъ проникнуть, какъ это казалось издали; послали за лѣстницею, чтобы добратся до окна; на насъ посыпались камни изъ развалинъ, внутри же башни надобно было еще пролѣзть между камней въ малую пещеру, которая служила жильемъ молчальнику; оттолкъ, обратно чрезъ потокъ, Іоасафъ привелъ меня къ другой развалинѣ, въ которую легче было взойти; она служила жилищемъ Софїи, матери преподобнаго, и въ ней находилась прежде малая церковь. Старецъ разсказалъ мнѣ, что однажды, надъ этою келліею, сталъ онъ ломать камни для своей церкви, и одинъ уналъ внутрь разореннаго жилья блаженной Софїи; ночью ему приснилась старица, въ черной одеждѣ, и запретила тревожить ея жилище.

Еще три келліи хотѣлось мнѣ посѣтить до вечера, Ксенофонта и чадъ его, Аркадія и Іоанна, но я долженъ былъ ограничиться среднею изъ нихъ, Аркадіевою, потому что уже смеркалось, а между тѣмъ въ каждую стояло большого труда подыматься, такъ какъ онѣ стоятъ отдѣльно на утесахъ. Іоаннова на той же сторонѣ ущелья, гдѣ и самая лавра: отъ нее круто поворачиваетъ русло потока по направленію Мертваго моря; недавно одинъ изъ иноковъ, старавшійся туда пробраться по окраинѣ скалы, едва не обрушился въ пропасть и надобно было приставлять лѣстницу, чтобы снять его съ недоступнаго утеса. На противоположной сторонѣ ущелья, гдѣ поворотъ по-

тока образовалъ уголъ изъ утесовъ, видна на недоступной высотѣ келлія Ксенофонта, отца обонхъ отшельниковъ; келлія же Аркадіева, болѣе доступная, находится прямо противъ новорота русла, въ виду обѣихъ келлій. Всѣ три отшельника дѣйствительно только могли видѣть другъ друга, когда выходили изъ своихъ пещеръ, но они никогда не сообщались между собою и даже голоса ихъ не могъ достигать отъ одного къ другому. Какое чувствительное пожертвованіе всего, что было близко ихъ сердцу, тѣмъ болѣе, что здѣсь только въ лаврѣ печально соединились они послѣ долгой разлуки. Съ трудомъ поднялись мы въ пещеру Аркадіеву, гдѣ еще пришѣтны остатки мозаики бывшей тутъ малой церкви; спустились же почти ощупью отъ вечерняго сумрака, и какъ только взошли въ лавру, чрезъ тоже окно, глубокая ночь пала на ущелье.

Долго оставался я на терасѣ, прислушиваясь къ таинственной тишинѣ юдоли плача; изрѣдка слышались только крики лисицъ или шорохъ невидимаго зѣбра между камней, а можетъ быть и бродящаго Бедуина: вотъ истинное безмолвіе пустыни. Въ два часа опять ударили въ колоколъ на молитву; утрення и обѣдня, при архіерейскомъ служеніи, совершались въ соборѣ, со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и оставили сладкое впечатлѣніе въ сердцахъ. Видя такое торжество поереді столь дикой пустыни, несозданной для жилья человѣческаго, оцѣнишь истину церковныхъ гѣсней, пѣвае-

мыхъ въ честь освященнаго аввы, саодѣлателя благочестія и гражданина пустыни, какъ его величаютъ: «слезъ твоихъ теченьми, пустыни бесплодное воздѣлалъ еси, и яже изъ глубины воздыханьми, во сто трудовъ плодоносилъ еси, и былъ еси свѣтильникъ вселеннѣй, сіяя чудесы, Савва отче нашъ, моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ.»

Теперь, отдохнувъ немного, мы спѣшимъ въ Иерусалимъ, на праздникъ Святителя Николая, хотя и здѣсь есть храмъ во имя его въ той пещерѣ, гдѣ обиталъ Св. Савва и гдѣ собраны черепа Св. отецъ, избѣенныхъ при нашествіи Хозроя; но служеніе будетъ торжественнѣе при Св. гробѣ, по случаю тезоименитства нашего великаго Государя.

Иерусалимъ, 6 Декабря 1849.

Дописываю письмо въ Иерусалимъ. На обратномъ пути изъ лавры просилъ я игумена Іоасафа, провести меня чрезъ развалины бывшей обители великаго Киновіарха Θεодосія, котораго имя повторилось и у насъ при основаніи киновіи Печерской. На половинѣ дороги, между обѣими лаврами Св. Саввы и Θεодосія, открылась въ горахъ довольно обширная поляна, которая доселѣ слыветъ торжищемъ иноковъ, потому что сюда сходились они изъ всѣхъ пустынныхъ обителей, для необходимаго размѣна или продажи своихъ издѣлій и закупки

сѣстныхъ принасовъ; теперь шатры Бедуинскіе замѣнили ихъ на этомъ торжищѣ. Далѣе представились намъ великолѣпные остатки обширной цистерны, можно сказать царской, по огромности и кладкѣ камней; такихъ цистернъ было нѣсколько, по сосѣдству великой лавры, потому что она состояла изъ многихъ разноплеменныхъ обитателей, раздѣляемыхъ по возрасту и языку. Но въ самой лаврѣ Θεодосіевой живутъ Бедуины и разби-ли шатры свои посреди ея обширныхъ развалинъ; мы путались между натянутыхъ веревокъ ихъ черныхъ скиній, чтобы добраться до соборной церкви, которой стѣны и даже отчасти своды еще цѣлы; внутри ея, въ самомъ алтарѣ, стояли верблюды, а кругомъ, въ низкія пристройки, загоняютъ стада. Камнями заваленъ входъ въ пещеру Волхововъ, въ которой они отдыхали, когда «въсть приѣмши во снѣ, не возвратитися ко Ироду, инымъ путемъ отъидоша во страну свою».

Вѣроятно пещера сія была причиною избранія мѣста для обители Θεодосіевой. Мы напрасно старались туда проникнуть, хотя шейхъ Бедуинскій, по знакомству съ отцемъ Іоасафомъ, согласился впустить насъ во внутренность шатра своего, разбитаго надъ устьемъ пещеры, но уже при самомъ входѣ осыпалась земля и камни; надобно было ползти далѣе со свѣчами; я не рѣшился на столь трудное изслѣдованіе вертепа, въ которомъ, какъ увѣрялъ игуменъ Іоасафъ, есть еще остатки фресковъ на стѣнахъ. Негдѣ было искать тутъ,

между развалинъ и шатровъ, того мѣста, гдѣ братья преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой, погребли ее, почившую въ Іерусалимъ; хорошо что во-время перенесены Св. мощи ея на родину. Обширный видъ открывается съ горы, на коей возвышалась обитель, къ Вифлеему и Іерусалиму и на дальнюю пучину Мертваго моря. Она стояла въ средоточіи между лавры и двумя священными градами, не въ дикихъ ущеліяхъ, но на мѣстѣ открытомъ и удобномъ для жизни, какъ прилично общежительной обители. За полчаса отъ нее спустились мы, крутою стезею, въ долину потока Кедрскаго и тутъ оставилъ насъ игуменъ Іоасафъ, а мы поспѣшили въ Іерусалимъ.

Въ первый разъ увидѣлъ я служеніе столь торжественное, въ храмѣ Воскресенія, какова была вечерня наканунѣ праздника Святителя Николая. Огненною цѣпью, изъ разноцвѣтныхъ лампадъ, украшенъ былъ весь храмъ, какъ бы своенравными плетеницами цвѣтовъ, и весь Св. гробъ горѣлъ снаружи огнями. Намѣстникъ Патріаршій, Митрополитъ Петра Аравійской Мелетій, предстоялъ во время вечера, при многочисленномъ собраніи духовенства, на своей высокой каедрѣ противъ Патріаршей. Тридцать три священника попарно выходили изъ алтаря, во время пѣнія стихиръ, кланяясь ему и отсутствующему владыкѣ; когда же, на маломъ входѣ, всѣ они явились на средину церкви, съ семью діаконами, облаченные въ свѣтлыя ризы, своды величественнаго собора огласились умирительною

пѣснію древняго Патріарха Іерусалимскаго Софронія : «Свѣте тихій , святая славы , безсмертнаго Отца небеснаго , святаго блаженнаго, Ісусе Христе, пришедше на западъ солнца , видѣвши свѣтъ вечерній , поемъ Отца, Сына и Св. Духа Бога». — Невыразимо сладкое чувство наполнило душу при той мысли , что здѣсь Сынъ Божій , достойно воспѣваемый гласами преподобныхъ , прославляется отъ всего міра за ту жизнь , которую даровалъ намъ своею смертію , на самомъ томъ мѣстѣ , гдѣ мы стояли. Послѣдовало благословеніе , хлѣбовъ и опять умилительно было воспоминаніе о таинственномъ лицѣ Мельхиседека , перваго Царя Салимскаго , Царя мира и правды , который благословилъ Авраама хлѣбомъ и виномъ , во образъ будущей безкровной жертвы , и коего гробъ , по мѣстному преданію , указываютъ за нѣсколько шаговъ , тутъ же подь самую Голговою : какъ все это высоко и страшно!

Съ вечера мы заключились въ храмъ для утренняго бдѣнія , которое началось по обычаю , за часъ до полночи , въ соборной церкви , и совершалось столь же торжественно какъ и вечерня. Но свыше всякаго описанія была божественная литургія , внутри Св. гроба ; три Архіерея служили ее вмѣстѣ , за отсутствіемъ Патріарха , чтобы придать болѣе торжественности сему драгоценному для всѣхъ православныхъ на Востокъ дню , тезоименитства ихъ великаго Покровителя. Архіепископы Газы и Севастіи священнодѣйствовали съ Митрополитомъ Пе-

тры, и всѣ были въ митрахъ, которыхъ не носятъ при Патріархѣ. Они облачились во время великаго славословія и начали литургію, лицомъ къ Св. гробу, предъ его дверьми; всѣ трое осыпали трикиріями и дикиріями при пѣніи: «слава въ вышнихъ Богу» и на маломъ входѣ, что было весьма величественно; когда же вошли внутрь часовни Св. гроба, служившей алтаремъ, она исполнилась блескомъ свѣтильниковъ и свѣтлостію ризъ, потому что всѣ были облечены въ бѣлыя, а у Патріаршаго Намѣстника золотые Херувимы разсыпаны были по всему его облаченію, прилично мѣсту: — казалось многоочитіи и шестокрилатіи исполняютъ святилище, казалось настала самая минута воскресенія, при пѣніи воскресныхъ стихирь, и ликъ Ангельскій, опять внутри Св. гроба, ожидаетъ Мгноносца, съ радостнымъ словомъ «не плачите». Литургія совершилась на камнѣ, отваленномъ Ангеломъ, въ первомъ отдѣленіи гробоваго вертепа; самый же гробъ Господень служилъ вмѣсто жертвенника, и туда удивенно взошелъ Митрополитъ Аравійскій, для совершенія проскомидіи предъ великимъ входомъ.

Во время Херувимской пѣсни, четыре пресвитера и шесть діаконовъ ходили, со Св. дарами, кругомъ священной кувукліи и шествіе сіе представлялось чрезвычайно торжественнымъ, при блескѣ свѣтильниковъ и въ облакѣ ошміама, посреди благоговѣющей толпы. Послѣ литургіи іерокириксъ, или священнопроповѣдникъ Церкви Іеруса-

лимской, взошелъ , вмѣсто амвона, на каменное возвышеніе у входа въ Св. гробъ , и произнесъ похвальное слово нашему великому Государю, на Греческомъ и Турецкомъ языкахъ , которое порадовало Русское сердце. Съ благоговѣніемъ внимало ему многочисленное, разноплеменное собраніе богомольцевъ , чи конечно въ Россіи нельзя было бы сказать на сей предметъ ничего сильнѣе и краснорѣчивѣе ; нѣсколько выраженій сохранилось въ моей памяти : «Державный Николай , говорилъ проповѣдникъ , примѣняя весьма прилично сравненія свои къ самой мѣстности , столь блистательно носить царскій вѣнецъ свой, потому что непрестанно памятуеть о терновомъ вѣнцѣ своего Господа; царская порфира напоминаетъ его смиренію багряницу Христову и, ради сего благочестія, дарованъ ему свыше скиптръ царствія , предъ которымъ смирилъ Господь языки , ибо не напрасно носить онъ имя Николая, т. е. побѣдителя народовъ». — Честь и слава блюстителямъ Св. гроба за такую любовь.

ПИСЬМО ХХVIII.

ПУТЬ ПО ЛИВАНУ, БААЛБЕКЪ И ДАМАСКЪ.

Иерусалимъ, 9 Декабря 1849.

Прежде нежели говорить вамъ, о нѣкоторыхъ случайностяхъ моей жизни Иерусалимской и о тѣхъ свѣдѣнiяхъ, которыя по немногу приобретаю о святыхъ мѣстахъ, въ бесѣдѣ со старожилами Св. града, не сказать ли нѣсколько словъ о моемъ путешествiи изъ Бейрута, чрезъ Дамаскъ, потому что мнѣ встрѣтилось много замѣчательныхъ предметовъ? Всего менѣе любопытенъ былъ самый Бейрутъ, новый городъ, широко разросшiйся въ теченiи немногихъ лѣтъ, на старыхъ остаткахъ Верита, прославленныхъ подвигомъ Св. Великомученика Георгiя. Мѣсто, гдѣ онъ освободилъ отъ морскаго чудовища Царевну, еще указываютъ

при устьѣ рѣчки, впадающей въ море; за нею берегъ начинаетъ подыматься на столь громкую, въ Св. Писаніи, гору Ливанскую. Но гора сія, или лучше сказать горы, простирающіяся на обширное пространство, вдоль всего поморія и внутрь Сиріи, отраслями Антиливана до самаго Дамаска, не произвели на меня того впечатлѣнія, какое я ожидалъ, быть можетъ потому, что Альпы и Кавказъ затмили въ моихъ глазахъ величіе Ливана. Дѣйствительно, мало величественнаго въ этомъ хребтѣ; онъ болѣе широкъ нежели высокъ и состоитъ изъ округленныхъ вершинъ; даже снѣжные верхи его, Санинъ и Аккаръ, не поражаютъ тѣми живописными ужасами, какіе мы привыкли видѣть въ горахъ, а шумящихъ потоковъ вовсе нѣтъ и растительности другой не встрѣчаешь кромѣ сосенъ.

Надобно удивляться, въ горахъ сихъ, усердію прилежныхъ Маронитовъ, которые обработали, гдѣ только могли, бесплодную почву, усѣянную мелкимъ камнемъ. Терасами спускаются ихъ тѣсныя поля или масличные сады, съ вершины горъ во глубину овраговъ, а на высотахъ разстѣяны ихъ селенія, иногда около замка какого-либо изъ шейховъ, или близъ монастырей Латинскихъ, перемѣшанныхъ съ ихъ собственными. Римъ успѣлъ овладѣть горою Ливанскою, со времени крестовыхъ походовъ, и нигдѣ на Востокъ не сталъ столь твердою стопою; потому что смиренное духомъ, хотя и воинственное, племя Маронитовъ покорилось

ему безусловно: ихъ Патріархъ, съ двѣнадцатью Епископами, вѣрные служители Папы. Въ монастырѣ Арабскомъ православномъ, Маръ-Эліасъ, или Пророка Іліи, гдѣ я провелъ первую ночь за пять часовъ отъ Бейрута, могъ я замѣтить, до какой степени сильно вліяніе Римское. Рядомъ съ нимъ стоитъ монастырь Маронитскій: отслушавъ на слѣдующее утро обѣдню Арабскую, заглянулъ я и въ церковь Маронитовъ: тамъ еще продолжалась литургія и мнѣ показалось, что я въ Римъ, хотя это были не настоящіе Римляне а только присоединенные Марониты. Тоже убранство престола и устройство храма, таже одежда служившаго священника, таже совершенно приемы, воздѣваніе рукъ, частыя коленнопреклоненія: какъ будто природный Римлянинъ совершалъ обѣдню, только съ разницею языка Сирскаго, столь же недоступнаго для народа, какъ и Латинскій. Самая одежда иноковъ походила на Францисканскую и я подивился мудрости умѣвшихъ, внѣшними формами, до такой степени подчинить себѣ отдаленное народонаселеніе дикаго Ливана.

Надобно сознаться, что мы менѣе къ тому способны. Въ убогомъ монастырѣ Пророка Іліи, весьма древнемъ, но единственномъ въ горахъ, который существуетъ тамъ, по сосѣдству обширнаго селенія православныхъ Арабовъ, и подъ покровительствомъ нашего Консула, было не болѣе пяти старцевъ. Игуменъ изъ Грековъ, отецъ Макарій, жизни весьма духовной, уже болѣе двадцати лѣтъ

управляеть монастыремъ, но трудно составить многолюдное братство. Тамъ за обѣдней видѣлъ я съ утѣшеніемъ ваше евангеліе, и двѣ иконы, пожертвованныя Графиней Орловой. И такъ, повсюду распространились ея благодѣянія, и нѣтъ дальняго, забытаго уголка на Востокъ, куда бы не достигла благодѣтельная рука ея. О какая потѣря для Церкви Православной преждевременная кончина сей великой Меланіи!—видно добрыя души и на небѣ нужны.

Отъ обители Пророка Іліи мы ѣхали еще восемь часовъ, по вершинамъ горъ, мимо снѣжнаго Санина, до высокой равнины Келе-Сиріи, отдѣляющей хребетъ Ливана отъ Антиливана, болѣе живописнаго, хотя и не столь возвышеннаго. Обширное Маронитское селеніе Захлы, гдѣ вмѣстѣ съ Маронитами перемѣшаны Христіанскіе Арабы и Турки, при самомъ спускѣ въ долину, назначено было для нашего ночлега, и тутъ произошла довольно странная встрѣча. Приближаясь къ селенію, я увидѣлъ трехъ священниковъ, идущихъ ко мнѣ съ хоругвями и кадильницами, и за ними толпу народа. Простодушные, отчасти безграмотные шейхи, не разобравъ хорошо письма, которое было послано напередъ Игуменомъ Макаріемъ, чтобы предварить ихъ о моемъ пріѣздѣ, приняли меня за Архіерея и постарались, по мѣръ силъ своихъ, устроить торжественную встрѣчу. Признаюсь, я очень былъ доволенъ, когда отдѣлялся отъ неподобавшихъ мнѣ почестей и отъ толпы

народа, наполнявшего до самого вечера мою комнату. Рано утромъ, я поспѣшилъ собраться въ путь, опасаясь столь же докучливыхъ проводовъ. При выѣздѣ изъ Захлы, зашелъ въ Магометанскую божницу сооруженную будто бы надъ гробомъ Ноя. Вотъ куда занесло воображеніе восточное гробницу нашего второго праотца! Его представляютъ великаномъ, и каменная остроконечная плита, надъ могилой, тянется на десять сажень; видны подлѣ остатки древняго зданія; но что тутъ было, и кто погребенъ? это загадка; только конечно не Ной, котораго могилу, болѣе правдоподобно, показываютъ у подошвы Арарата.

Великолѣпная равнина Келе - Сиріи открылась намъ во всей красѣ своей, между Ливаномъ и Антиливаномъ, которые тянулись длинною цѣпью съ обѣихъ сторонъ ея, кое гдѣ убѣленные снѣгами на высшихъ хребтахъ. Весною эта равнина должна быть очаровательна, по своей растительности, и она менѣе выгораеть лѣтомъ отъ горной прохлады. Небольшой потокъ, начинаясь у Баалбека, проходить чрезъ всю длину ея. Издали, часовъ за пять, показались намъ, у подошвы Антиливана, чудныя развалины Солнцева храма и къ нимъ, какъ бы къ путеводному маяку, направились мы по сей живописной пустынь; я говорю пустыни, потому что одно только селеніе встрѣтилось намъ на дорогѣ; прочія виднѣлись вдоль окраины горъ, куда вытѣсняетъ жителей лихорадочный воздухъ. Утѣшительно, что еще почти вся Келе-Сирія въ ру-

кахъ Христіанскихъ; Марониты и православные Арабы ею владѣютъ; одни только Мутуалии или выходцы изъ Персіи, секты Аліевой, перемѣшаны въ маломъ количествѣ между ними, и шейхамъ сего мирнаго племени принадлежатъ развалины Иліополиса; они незванные наслѣдники всей роскоши Солнцева храма.

По мѣрѣ приближенія къ развалинамъ возрастало изумленіе; предъ нами, на ясномъ небѣ, рисовались легкія черты столбовъ и сія прозрачная колоннада будто парила въ воздухѣ. Не доходя Баалбека, мы встрѣтили малый храмъ, въ видѣ круглой бесѣдки съ осмью столбами, отчасти уже опрокинутыми; въ углубленіи одного простѣнка видны были слѣды алтаря: тутъ вѣроятно совершалось богослуженіе Христіанское, на мѣстѣ языческихъ требищъ. Далѣе, въ первыхъ холмахъ Анти-Ливана, обширная каменоломня раскрыла предъ нами свои глубокія пещеры, и тутъ можно было подивиться колоссальному зодчеству древнихъ. Одинъ обломокъ гранита, предназначенный для колонны, лежалъ уже отсѣченный отъ горы, но еще неокругленный столпообразно. Спутникъ мой, (Американецъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ южной Каролины, ученый и любознательный Смитъ, котораго общество было для меня весьма пріятно въ столь трудномъ пути), захотѣлъ вымѣрить длину сего монолита, и насчиталъ болѣе одиннадцати сажень. Какова же была механика древнихъ, двигавшая простыми средствами такія громады? а меж-

ду тѣмъ новѣйшее зодчество не произвело ничего подобнаго тѣмъ великолѣпнымъ остаткамъ, какіе непрестанно поражаютъ взоры на поприщѣ древняго міра. Колоссаленъ Баалбекъ, но что еще онъ, въ сравненіи тысячеколонной Пальмиры, лѣсомъ своихъ столбовъ, замѣняющей древесную роскошь въ пустынь? Воспоминаніе Христіанскія прилѣпился ко всемъ симъ остаткамъ языческаго міра: въ каменоломняхъ Баалбека есть также остатки убогой церкви въ скалахъ, и жилище пустынниковъ въ сердцѣ камней, назнаменованныхъ крестами. И тутъ отшельники уподобились неяснѣй пустынной; какъ птица псаломная, особающаяся на кровѣ, населили они все что только могли найти дикаго въ безпріютной пустынь.

Вотъ и Баалбекъ: зимнее солнце склонялось къ вечеру и позлащало чудную колоннаду своего храма, которая пожелтѣла отъ времени, какъ созрѣвшая жатва. Этотъ желтый цвѣтъ памятниковъ на Востокъ особенно пріятенъ для глазъ, придавая нѣчто жизненное пустыннымъ свидѣтелямъ толикой жизни, давно протекшей мимо нихъ. Хотя шейхъ Христіанскій, провожавшій насъ отъ селенія Захлы, хотѣлъ вести насъ въ жилище своихъ пріятелей шейховъ Мутуалиевъ, но мы предпочли остановиться въ маломъ Уніатскомъ монастырѣ Арабовъ, нѣкогда православныхъ, который прямо противъ развалинъ; теперь тамъ каеэдра Епископа. Съ высокой терасы открылись намъ исполнискія развалины въ полномъ великолѣпіи: ма-

лый храмъ Солнца, весь окруженный столбами, и выходящія изъ-за него колонны другаго болѣе обширнаго храма; позади сей величественной колоннады подымалась снѣжная вершина Санина, высочайшей изъ горъ Ливанскихъ, и тянулся весь хребетъ, облитый лучами заходящаго солнца, которое все золотило или румянило, представляя въ полномъ блескѣ и красоты природы и геніальное созданіе рукъ человѣческихъ. Въ безмолвномъ изумленіи смотрѣли мы на это зрѣлище и поспѣшили воспользоваться остаткомъ дня, чтобы посѣтить развалины.

Какое величіе и вмѣстѣ ничтожество дѣлъ человѣческихъ!—Мы видимъ предъ собою самыя великолѣпныя развалины, какія только можно себя вообразить, по изяществу ихъ и занимаемому ими пространству; но спросите, кто соорудилъ сіи громады? и не дасть вамъ отвѣта, ни лѣтопись человѣческая, ни пустынное эхо Солнцева храма. Вѣдомо только, что еще при Кесарѣ Августѣ здѣсь была колонія Римская и что храмъ сей является на монетахъ Императора Антонина Кроткаго, а сокрушило его страшное землетрясеніе, въ половинѣ минувшаго столѣтія. Тутъ между тѣмъ столпились племена и вѣки, и видны слѣды Христіанскаго святилища, если не Магометанской мечети, прилѣпленной къ Римскому капищу; ибо извѣстно и то, что дикій военачальникъ Халифа Омара, Абу-Обейдъ, послѣ кровопролитнаго приступа, отнялъ Баалбекъ у Греческихъ Императоровъ, а другой, болѣе страш-

ный завоеватель Востока, Тамерланъ, восемь столѣтій спустя, положилъ на него печать запустѣнія. Крестовые рыцари держались, въ свое время, за крѣпкими стѣнами сей твердыни, которой удѣльшіе остатки еще свидѣтельствуютъ о ея прежней неприступности. Но спросите пустынныхъ Арабовъ, о сихъ чудныхъ палатахъ Солнца, съ которымъ они сроднились, въ своихъ безпріютныхъ скиніяхъ, опаляемые его лучами: они, какъ бы родичи и ближайшіе свидѣтели, расскажутъ вамъ съ самоувѣренностью цѣлую повѣсть о Баалбекъ и Пальмиръ; назовутъ вамъ великолѣпнаго ихъ ктиктора Царя Соломона и послушныхъ ему зодчихъ геніевъ, рабски исполнявшихъ всѣ его исполинскія вѣдѣнія. Дѣйствительно, взирая на сіи чудные остатки, можно повѣрить, что одна только рука геніевъ въ силахъ была ихъ воздвигнуть.

Надобно было подыматься, по грудъ обломковъ внѣшней ограды, съ югозападной оконечности, чтобы проникнуть въ сердце развалинъ, потому что со всѣхъ сторонъ одѣтъ тесанымъ камнемъ занимаемый ими холмъ. Если бы не одна разбитая колонна, съ лицевой южной стороны капища, можно бы подумать что оно еще все цѣло; но съ трехъ другихъ сторонъ обличается разрушеніе: не только опрокинуты и разбиты исполинскіе столбы, составленные изъ огромныхъ кусковъ, какъ Аѳинскіе Парѳенонъ, но вмѣстѣ съ ними обрушилась и ихъ изящная архитрава, вся изваянная розами и триглифами; а казалось зданіе, по своей

прочности, строено было для вѣчности: дѣйствительно не рука человѣческая, но сильное содроганіе природы его обрушило. Коринскія капители, со всею роскошью своихъ листьевъ и цвѣтовъ, лежатъ разбитыя кругомъ храма, какъ будто кошницы, оставленныя строителями гениями, на бывшемъ цвѣтникѣ солнца — нынѣ полъ смерти. Съ трудомъ проникли мы внутрь святилища, чрезъ восточный двойной притворъ его, и тутъ раскрылось предъ нами все великолѣпіе зодчества Римскаго, время имперіи: ниши или углубленія въ стѣнахъ, предназначенныя для статуй, обвиты были каменными плетеницами цвѣтовъ; не было тутъ Греческой простоты, которая знаменовала всѣ произведенія золотого вѣка Периклова; но испанскіе размѣры свидѣтельствовали о всемірныхъ завоевателяхъ и ихъ ратные орлы мѣстами принакли къ витіеватымъ карнизамъ, какъ бы не желая оставить каменнаго гнѣзда своего. Крылатый геній изваянъ былъ на аркѣ внутренняго притвора, но камень съ ваяніемъ сдвинулся съ мѣста и висѣлъ въ дверяхъ, угрожая паденіемъ на голову отважнаго посѣтителя.

Снаружи, сорокъ столбовъ стояли нѣкогда кругомъ каплица, а съ восточной стороны притвора былъ двойной рядъ ихъ; но эта часть болѣе пострадала отъ землетрясенія и можетъ быть оттого, что съ этой стороны позднѣйшіе обладатели Баалбека пристроили къ Солнцеву храму свои палаты. Что это, мечеть или баня? — не знаю; Арабы на-

зываютъ ихъ тѣмъ и другимъ; быть можетъ тутъ было и Христіанское святилище, судя по крестообразному внутреннему расположенію зданія, котораго тяжелые своды также изъ громадныхъ камней. Вѣроятно, Императоры Византійскіе, наследовавшіе сію колонію Римскую, до появленія полчищъ Магометовыхъ, не оставили ее безъ храма. Я говорю вамъ о маломъ капищѣ Солнца, болѣе уцѣлѣвшемъ, и полагаю сперва, что это самая любопытная часть развалинъ; но каково было мое изумленіе, когда тутъ же ввели насъ, сквозь груды обломковъ, на обширный пустырь, образующій площадь въ пятьдесятъ квадратныхъ сажень, посреди роскошно изваянныхъ стѣнъ, которыя, какъ видно, нѣкогда были украшены болѣе нежели сотнею колоннъ, во всѣхъ своихъ разнообразныхъ углубленіяхъ! Это былъ только главный дворъ святилища; съ восточной стороны примыкаетъ къ нему шестиугольный притворъ, также съ остатками столбовъ и еще преддверіе главнаго входа; съ западной же стороны было самое капище или целла, гдѣ находился кумиръ; прозрачный продолговатый четверугольникъ целлы, состоялъ изъ 54 колоннъ Коринтскаго ордена, отъ которыхъ осталось теперь только шесть; онѣ болѣе здѣсь пострадали, нежели въ маломъ капищѣ, оттого собственно, что не были защищены стѣнами.

Все сіе обширное святилище, достойное могущества Римскаго, простиралось на сто сажень, если считать отъ главнаго входа до оконечности капища,

и въ немъ было до двухъ сотъ столбовъ, судя по остаткамъ; съ запада и юга громадныя стѣны, изъ вытесанныхъ камней, высоко подымаются надъ потокомъ, который окружаетъ съ двухъ сторонъ развалины, однѣ изъ самыхъ великолѣпныхъ въ мѣрѣ. Нѣтъ, новѣйшее зодчество не въ состояніи произвести что либо подобное сему зданію давно минувшаго. Обширные виды открываются съ вершины стѣнъ, на всю долину Келе-Сиріи, и на оба противоположные хребта Ливанскіе, довершая очарованіе живописныхъ остатковъ Солнцева храма. Подлѣ нихъ есть еще малое круглое зданіе, въ видѣ бесѣдки, которую мѣстные жители называютъ банею Св. Варвары, гдѣ велѣла она устроить три окна, памятуя о Св. Троицѣ, и тутъ предполагаютъ мѣсто усѣкновенія Великомученицы. Съ любовію принялъ я священное преданіе, близкое нашему сердцу, потому что святыня мощей ея въ родномъ Кіевѣ и, помолившись внутри зданія, взялъ нѣсколько камней на память Св. Варвары.

По счастливому случаю, въ этотъ самый день было полнолуніе: едва только солнце простилося съ великолѣпными остатками своего капища, какъ поднялся багряный щитъ луны изъ-за Анти-Ливана и ярко освѣтилъ предъ нами развалины. Не смотря на утомленіе, мы опять пошли, но уже вооруженные, бродить по чуднымъ обломкамъ, съ трудомъ поднялись въ полумракѣ къ подножію малаго капища, и снова взошли на обширный пустырь великаго. Еще болѣе поэзіи представляло

зрѣлище сихъ одинокихъ колоннъ, сторожившихъ обломки: онѣ казались серебристыми призраками иного міра, готовыми раскрыть тайну своего миноваго. Полнота жизни какъ будто возвратилась сему полю смерти и, при оскудѣніи свѣта, то что еще уцѣлело, представлялось уже не остаткомъ а полнымъ созданиемъ: болѣе смиренное свѣтило, взошедшее въ область всеобличающаго солнца, какъ бы старалось примирить взоры съ горькою картиною развалинъ, выставляя въ нихъ только то, что наиболее должно было поражать взоры, и полумракомъ прикрывая то, что слишкомъ жестоко истребило время: яркимъ серебромъ облита была пустынная колоннада, которую еще такъ недавно золотило солнце, а потомъ румянила заря, и мы не знали: какимъ изъ сихъ небесныхъ красокъ дать преимущество? Возвратясь въ свою уединенную келлію, еще долго не могли мы сомкнуть глазъ и оторвать ихъ отъ очарованія развалинъ.

До разсвѣта поднялись въ путь и проѣхали мимо остатковъ древняго Иліополиса: я вспомнилъ почтеннаго старца, Митрополита Неофита Иліопольскаго и горы Ливанской, котораго убогая каеэдра, вся въ развалинахъ но громкая именемъ, намъ явилась: довольно впрочемъ воспоминанія одной Великомученицы Варвары, чтобы возбудить въ насъ участіе и къ старцу и къ его епархіи. Этотъ день былъ самый трудный изъ всего моего путешествія; онъ начался для меня опасностію. Еще мы были

въ виду Баалбека; проводники мои и вооруженные ушли вмѣстѣ съ вьюками нѣсколько впередъ; я остался, съ однимъ только Американскимъ моимъ спутникомъ, когда внезапно мимо насъ просвистала пуля; два Маронитскіе пастуха пасли стада недалеко и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ по насъ, не знаю для чего; на выстрѣлъ прискакалъ обратно шейхъ, нашъ проводникъ, и хотѣлъ вѣхать съ жалобою къ своимъ пріятелямъ Мутуалиямъ, владельцамъ Иліополиса; но я рѣшился продолжать путь безъ всякаго изслѣдованія, чтобы не остаться безъ провожатаго въ пустынныхъ горахъ. Вслѣдъ за тѣмъ начался дождь, пронзительный осенній, который преслѣдовалъ насъ, въ теченіе цѣлаго дня, по безпріютнымъ вершинамъ и пробилъ до костей, такъ что къ вечеру, когда достигли ночлега, въ большомъ селеніи Зебдане, мы были въ совершенномъ изнеможеніи. За то слѣдующій день вознаградилъ всѣ неудачи прошедшаго. Яркое восточное солнце озолотило осеннее утро; дорога наша пролегла сперва по живописной долинь а потомъ по дикому ущелью Уади — Баррада, гдѣ стремится бурный потокъ сей промежду скалъ, напоминая отчасти ужасы и красоты Кавказа. На поворотѣ ущелья, въ самомъ дикомъ его мѣстѣ, видно было по обѣимъ сторонамъ потока жильѣ человеческое, изсѣченное въ скалахъ; двери и окна украшены были изваяніями и колоннами. Далѣе обширное селеніе, съ роскошными садами, оживило опять пустынную природу; но по мѣрѣ при-

ближенія къ Дамаску, безпріютнѣ дѣлались горы; наконецъ, съ ихъ мѣловаго кряжа, внезапно открылась во всемъ своемъ великолѣпнн, необозримая равнина Дамасская, даже до дальнихъ горъ Харраня, и самая столица Халифовъ у ногъ нашихъ; издали сія Восточная Гренада осуществила всѣ блистательные рассказы тысячи одной ночи и своего нравнаго воображенія Арабскаго.

Зрѣлище ея съ вершины горъ, посреди зеленого оазиса пресловутыхъ садовъ, изъ которыхъ возвышались легкіе минареты, напомнило мнѣ нашу первопрестольную столицу, съ ея золотоверхими колокольнями и зеленью садовъ. Но она не такъ богата водами, журчащими повсюду въ Дамаскѣ, и невольно вспомнишь горделивое слово вельможи Сирійскаго Неемана, когда велѣлъ ему омыться Пророкъ Елисей въ водахъ Іорданскихъ: «Авана и Фарфаръ, рѣки Дамасскія, не лучше ли Іордана и всѣхъ водъ Израилевыхъ?» (Цар. IV.) Очарованіе свѣжихъ водъ и садовъ кончается однако при вѣздѣ въ самый городъ, грязный, вытѣпленный изъ земли, какъ всѣ Турецкіе города; богатство и красота домовъ вся внутри, и чѣмъ роскошнѣе живетъ владѣлецъ дома, тѣмъ болѣе убожества являетъ снаружи, особенно, если онъ Христіанинъ или Еврей, потому что фанатизмъ Магометанскій, хотя и смягченъ Ибрагимомъ Пашею, но все еще силенъ въ Дамаскѣ. У внѣшней ограды садовъ проѣхалъ я мимо развалинъ обширной церкви, которой стѣны до карниза еще стоятъ, но я

никакъ не могъ узнать ея наименованіе отъ Христіанъ, потому что совершенно утрачено преданіе святилицъ Дамасскихъ; съ трудомъ я могъ отыскать мѣста, означенныя памятью Апостола Павла, хотя онъ исполнилъ своими подвигами Дамаскъ и вселенную, по словамъ церковной пѣсни, въ коей выражены всѣ его подвиги: «какая темница не имѣла тебя узникомъ? какая же церковь не имѣетъ тебя вѣткою? Дамаскъ великомудрствуетъ о тебѣ, вѣдая какъ обвѣстала тебѣ божественный свѣтъ; Римъ, твою кровь пріявшій, тобою хвалится; но и Тарсъ не менѣе радуется и любитъ, почитая твои пелены, Павле, похвала вселенныя!» Прямая улица, о которой упоминается въ книгѣ Дѣяній, начинается отъ самыхъ воротъ, и пересѣкаетъ во всю длину городъ, испещренная безчисленными базарами, крытыми и открытыми.

Кварталь Христіанскій находится на противоположной оконечности города, и тамъ убогая патриархія заключаетъ въ себѣ всю его святыню: двѣ церкви Матери Божіей и Святителя Николая, съ нѣсколькими придѣлами, соединенныя въ одно зданіе съ жилищемъ Патриаршимъ. Я нашелъ осьмидесятипятилѣтняго старца Мееодія, на одрѣ болѣзни, отъ паденія съ лошади, при посвященіи обители женской Сайданаія и отъ огорченій, какія имѣлъ въ Бейрутѣ, при избраніи новаго Митрополита. Двадцать семь лѣтъ уже править онъ съ честію Церковію Антиохійскою. Чрезвычайно обрадовался старецъ моему пріѣзду и какъ будто

ожилъ; случилось, что въ ту минуту, какъ я вошелъ въ его спальню и назвалъ себя, ему только что читали въ газетахъ, о моемъ путешествіи въ Грецію, и Святитель говорилъ своимъ приближеннымъ, что ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ. Это была суббота 19 Нодбри; я изъявилъ сожалѣніе, что наканунѣ праздника Введенія Богоматери, нашелъ его въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое лишаетъ меня утѣшенія присутствовать при его богослуженіи. «Увидимъ, что Богъ дастъ» сказалъ старецъ, и чрезъ нѣсколько минутъ, когда я къ нему возвратился, онъ уже сидѣлъ въ гостинной и съ оживленіемъ началъ со мной бесѣдовать о дѣлахъ своей Церкви.

На другой день я слушалъ литургію, на Арабскомъ языкѣ, въ древней Патріаршей церкви во имя Успенія Богоматери, въ которой есть и два придела; тамъ съ благоговѣніемъ поклоняются Русской иконѣ Владимірской Божіей Матери, богато украшенной, которую принесъ съ собою изъ Москвы Патріархъ Антиохійскій Макарій, участвовавшій въ судѣ надъ Никономъ Патріархомъ. Рядомъ съ сею церковію сооружена новая, довольно изящная, нынѣшнимъ Патріархомъ, во имя Святителя Николая, и тамъ я узналъ, не безъ сердечнаго умиленія, тѣ иконы, которыя посылала незабвенная наша Графиня Анна въ обѣ патріархіи, Александрійскую и Антиохійскую; вездѣ ея память и кто можетъ замѣнить Церковь православною ея утрату? Между обѣихъ церквей есть

жалый придать Св. Кириана и Устини, единственый, конь владык Патріархи, при началу гошеній Магометанскихъ и переселеніи своемъ изъ Антиохіи въ Дамаскъ. Не стану описывать вамъ Дамаска, по краткости моего тамъ пребыванія, скажу только о памятникахъ Христіанскихъ.

Тотчасъ послѣ литургіи просилъ я Патріарха, отнустать со мною опытнаго человека, чтобы показать мнѣ все, что осталось отъ мѣстныхъ воспоминаній о Апостолѣ Павлѣ. — Мы начали съ того окна, изъ котораго спустили его въ кошницу, когда Князь Арева Дамасскій заключилъ всѣ врата, чтобы его уловить. Изъ вратъ южныхъ или Божіихъ (бавъ-Аллахъ), ведущихъ къ Іерусалиму, вышли мы за ограду и, поверотивъ на-право, слѣдовали нѣсколько времени до городской башни, гдѣ прежде было окно и врата, нынѣ закладенныя. Отсюда бѣжалъ Апостолъ ночью на то мѣсто, гдѣ теперь кладбище Христіанское; тамъ еще указываютъ низменную арку, подъ которою провелъ онъ цѣлую ночь въ ожиданіи разсвѣта. Гробы Патріарховъ, и въ числѣ ихъ вѣдомыхъ намъ Макарія и Павла, находятся тутъ въ подземныхъ склепахъ; подлѣ нихъ другой склепъ для Архіереевъ и третій для іереевъ. Я просилъ случившагося на кладбищѣ пресвитера Арабскаго, совершить литію надъ усопшими, и мы возвратились садами въ тѣ же врата. Не далеко отъ нихъ есть внутри города домъ, съ подземною церковію, принадлежащею Франкамъ, гдѣ было жилище Ананія и гдѣ услышалъ онъ голосъ: «во-

стать пойдн на стогну, жарцаемую правую и взыщи въ дому Іудовъ, Тарслинина именовъ Савла» (Дял. IX. 11). И мы последовали стопамъ Ананіа, на улицу правую, т. е. прямую, которую не трудно узнать въ Дамаскъ, по ея прямому направленію; но трудно было отыскать домъ Іудинъ; наконецъ нашли и его, подъ сводами крытаго базара, и узнали снаружи по водной купели, изъ которой черпають мимоходящіе. Въ сихъ водахъ крестился сосудъ избранный Господомъ Іисусомъ, чтобы пронести имя его предъ языками и сынами Израилевыми. Я не довольствовался купелью или лучше сказать фонтаномъ; узнавъ, что оны проникаетъ въ малую мечеть, которая вѣроятно была церковію Апостола, я обошелъ кругомъ базара и, не смотря на фанатизмъ Турковъ, взшелъ въ двери мечети. Отраднo было для сердца, видѣть то мѣсто, гдѣ просвѣтился святымъ крещеніемъ просвѣтившій столь многіе народы, отъ Іерусалима даже до Испаніи, бывшій по истинѣ Апостоломъ языковъ и Славянскаго Иллирика, слѣдственно и нашимъ. Я поклонился его гробницѣ въ Римѣ: Господь сподобилъ меня видѣть и его купель въ Дамаскъ! — Нѣтъ тамъ другихъ Христіанскихъ воспоминаній, кромѣ еще дома Св. Іоанна Дамаскина, принадлежащаго Туркамъ и нанимаемаго Христіанами; его показываютъ недалеко отъ ихъ квартала, въ югозападной оконечности города.

Великогпную мечеть Дамаска, славную своими колоннами, которая слыветъ храмомъ Іоанна

Предвечи, мнѣ не удалось видѣть внутри; но я обошелъ съ четырехъ сторонъ ея обширный дворъ, окруженный базарами, и любовался изъ воротъ ея наружною красотою. Магометанскіе Арабы толпились у воротъ, чтобы не дать мнѣ даже переступить порога. Полагаю, что если мечеть сія и была когда либо храмомъ Христіанскимъ, то вѣроятно, гораздо въ меньшемъ размѣрѣ, потому что Дамаскъ не занималъ важнаго мѣста въ исторіи Христіанской. Халифы изъ племени Омміадовъ, овладѣвъ Сврією соорудили сію первую великолѣпную мечеть ихъ вѣры, только что распространявшейся по Востоку и еще сохранившей теперь въ Дамаскѣ всю первобытную ревность. Ненавидя Христіанъ, Магометане поставили нарочно праздные минареты, безъ мечетей, подлѣ церквей Христіанскихъ, чтобы крикомъ муэззимовъ нарушать ихъ спокойствіе, во время молитвъ, и не позволяютъ строить ничего церковнаго. Недавно только Христіане получили право, ѣздить верхомъ по городу и носить Европейское платье; Ибрагимъ нѣсколько смирилъ жестокость Магометанскую.

Слѣдующій день былъ праздникъ Введенія во храмъ Богоматери, и я собирался идти къ вечерни на канунъ торжества; но какъ велико было мое удивленіе, когда увидѣлъ старца Патріарха, котораго діаконъ почти сносили на рукахъ, по крутой лѣстницѣ, ведущей въ церковь. Я спросилъ его: «для чего, при такомъ безсиліи принуждаетъ себя идти въ храмъ»? Старецъ отвѣчалъ: «если кто

собирается служить литургію, должны слушать и вечерню» — «Какъ можете вы совершить божественную службу?» сказалъ я опять блаженнѣйшему Меѳодію. «Съ помощію Божіею совершу, отвѣчалъ онъ; желаю доказать вамъ мою благодарность, за старанія о Церкви Антиохійской.» Признаюсь, я былъ тронутъ до слезъ, такимъ милостивымъ вниманіемъ, и хотя упрямилъ еще болѣзненнаго Святителя, не утруждать себя сверхъ силы, однако душа моя радовалась быть участницею столь усердной молитвы. Съ трудомъ поставили старца на высокое Патріаршее мѣсто и радостно изумился народъ, увидя любимаго своего пастыря, лицезрѣнія коего давно былъ лишенъ. Вечеромъ, какъ будто еще болѣе освѣжился Патріархъ и долго бесѣдовалъ со мною, но утромъ я почти сомнѣвался, окончить ли литургію? Уже онъ не могъ подняться, на крутыя ступени своего трона, и сталъ на боковой; діаконъ поддерживали его при облаченіи, и онъ безпрестанно садился, однако выстоялъ у престола, почти на ихъ рукахъ, и довершилъ благоговѣнно Божественную службу: едва ли это была не послѣдняя! Признаюсь, такая духовная награда, за малые труды въ пользу Церкви Антиохійской, шла прямо къ сердцу и я не находилъ словъ, чтобы благодарить старца. Онъ благословилъ меня въ путь, иконою и крестомъ, съ частицею животворящаго древа и частию мощей Св. верховныхъ Апостолъ, основателей его кафедръ, священномученика Харалампія, который осо-

бению чувствуется на Востокъ, какъ предохранителя отъ заразительныхъ болваней, и Св. Златоуста, урженца Антиохійскаго.

Грусто мнѣ было на другое утро прощаться съ почтеннымъ старцемъ, оказавшимъ мнѣ столько любви, и знать, что это уже на всегда. Онъ убѣждалъ меня остаться на нѣсколько дней, чтобы посѣтить обители Сайданаія и Св. Феклы, на сѣверъ отъ Дамаска, но я долженъ былъ съѣздить въ Иерусалимъ въ праздникъ Первозваннаго. Теперь когда вамъ пишу, я получаю отъ него нисмо, въ которомъ умоляетъ меня, собрать нѣсколько подаваній, для сооруженія единственной церкви въ Антиохіи во имя Святителя Николая. Онъ говоритъ мнѣ: «что въ сей нѣкогда великолѣпной столицѣ, гдѣ было до трехъ сотъ церквей и отколѣ имя Христіанъ распространилось по вселенной, совершается теперь божественная служба за городомъ въ вечеръ, съ опасностію отъ разбойниковъ. Аще что можеша помози; чада Церкви Московской, столь щадрые для Востока, не поусердствуютъ ли для сего храма».

Больше часа ѣхали мы, садами Дамасскими, до внѣшнихъ воротъ Каира, и оттолѣ еще почти столько же до того мѣста, гдѣ предполагаютъ дивное обращеніе Апостола Павла. И такъ здѣсь опять тотъ же великій свѣтильникъ, встрѣчающій и провожающій насъ въ Дамаскъ, куда нѣкогда шелъ симъ путемъ изъ Иерусалима, еще дыша прещеніемъ на учениковъ Христовыхъ. Мѣсто сіе называется

Кочость и не весьма известно въ Дамаскъ. Посре-
ди обширной равнины возвышается внезапно каме-
нистый кряжъ, прорытый глубокимъ рвомъ, чрезъ
который идетъ дорога: видны слабыя слѣды зда-
нiя, быть можетъ церкви; потому что Христиане
Дамасскiе конечно не оставили безъ памятника
столь знаменитое мѣсто. Я сошелъ съ лошади,
помня, какъ тутъ былъ повергнутъ на землю го-
нитель, готовый сдѣлаться Апостоломъ; я повто-
рилъ слышанный имъ гласъ: «Савле, Савле, что мя
гонимши?» и еще: «азъ есмь Исусъ, его же ты
гонимши» (Дѣян. IX) и произнося сiя божественныя
слова, проглаголавшаго къ нему Сына Божiя, по-
смотрѣлъ къ небу: оно было покрыто тучею, толь-
ко что пролившася на насъ дождя; но изъ тем-
наго облака просiявалъ лучъ солнца, прямо падав-
шiй на это мѣсто. Если бы кто хотѣлъ изобра-
зить на картинѣ обращенiе Савла, онъ бы не могъ
иначе написать неба; я замѣтилъ это моему спут-
нику.

Чрезвычайно однообразная пустыня Сирiйская,
чрезъ которую лежалъ нашъ путь и Павловъ, не
безопасна: кое-гдѣ показывались шатры Бедуин-
скiе и были могилы, слѣды грабежей. Къ вечеру,
вмѣстѣ со стадами, взошли мы въ ограду укреплен-
наго селенiя Сусы, въ шести часахъ отъ Дамаска,
и нашли самый нечистый ночлегъ въ хижинѣ
шеиха, близъ мечети разоренной Ибрагимъ-Пашею.
До разсвѣта поднялись опять, при слабомъ мерца-
нiи утренней луны и яркомъ сiянiи звездъ, пустыни

наго южнаго неба, потому что намъ предстояло десяти-часовое странствіе до береговъ Іордана, безъ всякаго селенія. Не было иного ночлега какъ у самаго моста Іаковля, надъ священной рѣкою; не смотря на ропотъ мовъ кераджи или извончиковъ, и провожавшихъ меня всадниковъ Паша Дамасскаго, я рѣшился, во что бы то ни стало, достигнуть благодатныхъ водъ. Грустная пустыня тянулась окрестъ насъ до разваливъ Кенаты, древняго города Декаполія (Канааны). Вправо горы Хазбен и Панеады, у источниковъ Іорданскихъ, возвышались однообразною грядою, забвгавшею иногда за облака; но мрачная природа пустыни измѣнилась, какъ только поднялись мы на хребетъ, отдѣляющій Сирію отъ Палестины. — Море Тиверіадское открылось намъ во всей своей краевъ, полное евангельскихъ воспоминаній, и зрѣлище его возбудило въ душъ сладкое чувство. Внезапно сократился для насъ четырехъ-часовой путь до Іордана, потому что казалось, мы уже въ странъ родной; блѣдныя оливы, сія необходимая принадлежность Палестины, показались во множествъ по сторонамъ, и дорога начала спускаться; все глубже и глубже, какъ бы въ бездонную долину; самый климатъ чувствительно измѣнился, и теплый благо-растворенный воздухъ вознаградилъ насъ за холодный вѣтеръ пустыни. Очаровательно было зрѣлище неба, будто нечто особенное въ немъ происходило; тучи разбѣгались, но вдали темными полосами лился дождь, а между тѣмъ яркіе лучи захо-

лицаго солнца румянили море Тивериадское, и съ правой стороны показалось небольшое озеро Гуло, откуда вытекаетъ Иорданъ. Но не видно было священной рѣки, въ глубокомъ руслѣ, и мы прежде услышали ея шумное журчаніе промежду камней.

Не могу довольно вамъ высказать все, что исполнило мое сердце, при зрѣніи сего новооткрытаго моря Галилейскаго, вонругъ коего совершилась большая часть событій евангельскихъ. — Я вспомнилъ мое первое вступленіе въ святую землю, да девятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, съ южныхъ ея предѣловъ изъ пустыни Египетской, и тѣ чувства, которыя тогда меня волновали. Теперь уже въ зрѣломъ возрастѣ, хотя и не съ столь свѣжими мечтами, я вступалъ опредѣлительнѣе въ святую землю, потому, что предо мною была ея заветная черта — Иорданъ и мостъ Патріарха Іакова. Голубая лента Иордана отырылась намъ наконецъ, между двухъ озеръ, имъ соединяемыхъ, съ развалинами хана и крѣпости на обонхъ берегахъ. Я спустился къ рѣкѣ и вкусилъ ея священные воды, прежде нежели переступилъ грань обѣтованію. Ночлегъ нашъ, на берегу святой рѣки, достоинъ былъ патріархальныхъ временъ Іакова, потому что приютомъ намъ служила тѣсная хижина мытарей, или сборщиковъ податей при границѣ Палестинской. Около насъ расположился, кругомъ огней, цѣлый караванъ богомольцевъ Дамасскихъ, въ одно время съ нами шедшій въ Іерусалимъ, и мимо насъ потянулся другой караванъ верблюдовъ въ Да-

маскъ , правда съ ношами не времянъ патриархальныхъ : это былъ порохъ , на восьмидесяти верблюдахъ посылаемый изъ Акры въ Дамаскъ , и насъ безпрестанно тревожили шумные всадники , заходившіе къ намъ въ хижину , которую принимали за кофейню . Безпокойство умножилось , когда еще бѣжали отъ нихъ три плѣнника , ведомые ими въ Дамаскъ ; звукъ оружія слышался всю ночь около насъ , но тиха и отрадна была самая ночь , оглашаемая шумомъ водъ Іорданскихъ . Нѣсколько разъ я вставалъ , чтобы съ моста любоваться его теченіемъ и теченіемъ звѣздъ , и непрестанно повторялъ надъ нимъ возвышенный тропарь Богоявленія : «во Іорданѣ крещающуся тебѣ Господи , Тройческое явися поклоненіе: родителейъ бо гласъ свидѣтельствоваше тебѣ , возлюбленнаго тя Сына именуя , и Духъ , въ видѣ голубинѣ , извѣствоваше словесе утвержденіе ; явлейся Христе Боже и миръ прасвѣщай , слава тебѣ.»

ПИСЬМО ХХІХ.

МОРЕ ГАЛИЛЕЙСКОЕ, НАЗАРЕТЪ И САМАРІЯ.

Иерусалимъ, 9 Декабря 1849.

Послѣ моста Іаковля, другое библейское воспоминаніе, близкое отеческому сердцу Іакова, представилось намъ на пути къ Тиверіадѣ: это былъ сухой кладязь Іосифа, куда бросили его братья, и хотя нельзя поручиться за вѣрность преданія, оно казалось намъ однако умѣстнымъ, по сосѣдству моста Израилева. Обширныя развалины замка ограждали сей кладязь, и тутъ расходятся дороги въ оба Еврейскіе города, Сэфатъ и Тиверіаду. Здѣсь открылось намъ опять чудное озеро Галилейское; мы спустились въ его глубокую вулканическую долину, мимо другихъ развалинъ Генисарета, давш-

го ему свое имя, потому что мѣстоположеніе сего древняго города, на довольно пространный равнинѣ, прилежавшей къ озеру, дѣлало его господствующимъ на всемъ поморіи, способствуя большому населенію. Прочіе берега представлялись крутыми утесами, хотя и между ними есть тѣсныя ложбины, для городовъ и селъ. Къ западу, надъ горнымъ горизонтомъ, высоко возносилась священная вершина горы Блаженствъ, въ видѣ трапезы, и заграждала собою устье ущелія Тиверіадскаго, Хитимъ, ознаменованнаго несчастною битвою крестоносцевъ съ Саладиномъ. Тутъ же у подошвы горъ, на равнинѣ Галилейской, Внесаида, не тотъ городъ Декаполи, который подвергся осужденію Господа, вмѣстѣ съ Хоразиномъ и Капернаумомъ, но отечество рыбарей: Петра, Андрея и Филиппа, которыхъ сотворилъ Господь ловцами чelовѣковъ. Вся сія долина исполнена стезями Господними и Апостольскими, такъ что не осталось, кажется, и шага священной земли, не ознаменованной ихъ спасительными стопами! Сюда спускался всегда Господь изъ Галилеи, чтобы идти въ свой городъ Капернаумъ; развалины его должно искать выше, къ устью Іордана, на томъ же лѣвомъ берегу озера; но мы не успѣли туда съѣздить. Надобно замѣтить одну вещь, касательно долинны Генисаретской, поясняющую слова евангельскія, о частомъ прехожденіи Спасителемъ сего озера: переплыть его не всегда значитъ въ евангеліи — перейти съ западнаго берега на восто-

чный, но иногда только переплыть заливъ, образуемый около Геннисарета, потому что тутъ озеро изгибается въ право, къ Тиверіадѣ, и въ лѣво къ устью Іордана, такъ что оно представляется будто бы треугольнымъ. И такъ, когда у Іоанна говорится, что послѣ чуднаго умноженія хлѣбовъ, бывшаго на горѣ близъ Тиверіады, Господь переплылъ море въ Капернаумъ: это значитъ, что онъ только миновалъ Геннисаретъ, и вдоль а не поперекъ, перешелъ пучину водную. Я встрѣила это на мѣстѣ, читая евангеліе, потому что мнѣ самому сперва казалось непонятнымъ такое сказаніе, несогласное съ положеніемъ городовъ, но такимъ образомъ все приходится на своемъ мѣстѣ.

Магдала, селеніе Маріи Магдалины, лежитъ на краю долины Геннисаретской, близъ ущелія Хиттимъ, тамъ гдѣ начинаются опять крутые берега, и оттолвъ еще болѣе часа до города Тиверіады. Самый городъ стоитъ на новомъ мѣстѣ; старый, Иродовъ, находился нѣсколько ниже къ югу, тамъ гдѣ еще остались теперь теплыя бани, такъ какъ онъ послужилъ началомъ городу, прославленному громкимъ именемъ Кесаря Тиверіа. Нынѣшняя крепость, весьма недавно пострадавшая отъ землетрясенія, была сооружена крестоносцами, и несетъ отпечатокъ среднихъ вѣковъ, равно какъ и всѣ массивныя зданія, еще встречающіяся въ городѣ, хотя и въ полуобрушенномъ видѣ. Церковь латинская Св. Петра стоитъ на самомъ берегу, на мѣстѣ чудной ловли и явленія воскресшаго Господа

своимъ ученикамъ: «се уже третіе явися, воставъ отъ мертвыхъ.» (Іоан. XX) Мѣсто сіе было тогда за городомъ. Римляне начертали на престолахъ слова Христовы: «паси овцы моя», трижды повторенныя, ради разрѣшенія отъ тройнаго отреченія, и основывая на нихъ право преобладанія своего Первосвященника, особенно держатся сего мѣста. Тамъ уже образуется малая обитель, куда приходятъ служить Францисканскіе монахи изъ Назарета, смѣняясь каждыя двѣ недѣли. Обширный видъ на все море и поморіе открывается съ церковной терасы; полнота воспоминаній евангельскихъ умиляетъ сердце, при зрѣлищѣ священныхъ водъ, ознаменовавшихся столькими событиями земной жизни нашего Спаса. Нѣчто, особенно мирное, упокоительное, въяло на душу съ моря Галилейскаго, и будто не върится его бурямъ.

Я хотѣлъ прочесть въ Тиверіадѣ только тѣ части изъ евангелія отъ Маттея, которыя относились къ происшествіямъ на морѣ Галилейскомъ, и долженъ былъ прочесть все евангеліе до XVIII главы, потому что оно обнимаетъ своими событіями завѣтное озеро, точно такъ какъ Іоанново почти все относится къ Іерусалиму. Марко и Лука также большую часть своихъ сказаній собрали съ окрестностей моря Галилейскаго, и это чтеніе было чрезвычайно утѣшительно на самой мѣстности. Есть и еще церковь, во имя Апостола Петра въ Тиверіадѣ, принадлежащая Уніатамъ Арабскимъ, но я не знаю,

по какому случаю или воспоминанію евангельскому она основана; вся она въ развалинахъ и безъ крыши, только престолъ подъ навѣсомъ. Убогій священникъ, въ полотняной ризѣ, готовился совершать литургію въ покинутой всеми церкви, когда я посѣтилъ ее на слѣдующее утро. Въ такой нищетѣ находятся нынѣ бѣдные Арабы, совращенные въ латинство въ минувшемъ столѣтіи и, не смотря на то, пропаганда Римская все еще продолжается, хотя она почти не признаетъ ихъ за своихъ. Мальчикъ изъ Назарета, прислуживавшій въ Латинской церкви Тиверіады, на всѣ мои вопросы о Уніатской, отвѣчалъ мнѣ: «я не знаю другой церкви, кромѣ нашей Каболической, и даже не долженъ знать».

Городъ населенъ Евреями изъ всѣхъ націй; это преимущественно ихъ столица, равно какъ и сосѣдній Сафатъ, древняя Виоулія, городъ Іудеи, высоко стоящій на горахъ. Тамъ и училище и синедрионъ Еврейскіе; туда собираются они, какъ и въ Іерусалимъ, изъ всѣхъ странъ свѣта, и я встрѣтилъ между ними много нашихъ Польскихъ Жидовъ. Евреи не забыли славы своихъ Тиверіадскихъ Патріарховъ, которые временно замѣнили имъ прекратившихся Первосвященниковъ, послѣ разоренія Іерусалимскаго, доколѣ Императоръ Іустиніанъ не уничтожилъ, въ VI вѣкѣ, сего послѣдняго средоточія народности Іудейской. Если Іерусалимъ, градъ гробовъ ихъ предковъ, по краснорѣчивому выраженію Нееміи, доселѣ служитъ какъ бы сто-

лицею для изгнанниковъ и мѣстомъ ихъ плача, подъ стѣнами Соломонова храма и въ плачевной юдеи Иосафатовой, то Сафатъ, Тиверіада и Хевронъ, три города, преимущественно заселенные Евреями, напоминаютъ о трехъ городахъ библейскихъ, которые были назначены законодателемъ Евреевъ, для убѣжища невольныхъ убійць; тамъ остались они до смерти Первосвященника, при коемъ совершилось убійство. Нынѣ же вольные убійцы Великаго Архіерея, прошедшаго небеса и царствующаго во вѣки надъ новымъ Израилемъ, тщетно ожидаютъ, въ своихъ трехъ пріютахъ, временнаго измѣненія сего вѣчнаго священства, которое уже не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседека.

Поднявшись изъ Тиверіады въ гору, по дорогѣ въ Назаретъ, мы нашли, на разстояніи часа, цистерну благословенной воды, изъ которой, по преданію, утолили свою жажду пять тысячъ мужей, кромѣ женъ и дѣтей, утолившіе голодъ свой пятью хлѣбами, когда чудно размножились они въ творческихъ рукахъ Спаса нашего и Бога. Не подалеку и то священное мѣсто, гдѣ совершилось самое чудо; оно при дорогѣ и ознаменовано малымъ возвышеніемъ, на которомъ лежатъ большіе камни: главный по срединѣ, какъ бы для Божественнаго учредителя трапезы, прочіе кругомъ для Апостольскихъ служителей; оттолѣ видно море Галилейское, съ береговъ коего взялъ онъ сихъ безмятежныхъ рыбарей, чтобы со-

творить ихъ ловцами человековъ. Тутъ же, на разстояніи получаса, возвышается въ видъ трапезы гора Блаженствъ, на вершинѣ которой Господь устроилъ духовную благодатную трапезу, словомъ своего ученія, не только для современныхъ и присутствовавшихъ тогда слушателей но и для насъ, отдаленныхъ вѣками, его послѣдователей. Съ умилениемъ взошелъ я на сію выпрепнюю природную кафедру, сверхъестественнаго ученія евангельскаго, какъ бы нарочно воздвигнутую на мѣстѣ равнѣ, для народа учениковъ Господнихъ; мнѣ хотѣлось, чрезъ столько столѣтій, прислушаться опять къ Божественнымъ словамъ, нѣкогда ее огласившимъ: «блажени нищій духомъ; блажени алчущіи нынѣ; блажени плачущіи; блажени есте, егда возненавидятъ васъ человецы» (Лук. VI. 20, 21) потому что «Исусъ Христосъ вчера и днесъ, тойже и во вѣки». Остатки древнихъ зданій видны на вершинѣ сего холма, вѣроятно церкви, и оттоль открывается одинъ изъ самыхъ обширныхъ видовъ на всю Галилею, начиная отъ Кармила и Сефориса, даже до горъ Декаполіи, и отъ хребта Антиливанскаго до Фавора и горъ Самарійскихъ. Не можетъ отсель укрыться и градъ Іудеи, на вершинѣ горы стоя, послужившій для притчи евангельской, когда назвалъ Господь своихъ учениковъ свѣтомъ міра.

Какъ все исполнено воспоминаній евангельскихъ, по дорогѣ къ скромному Назарету, и мало что замѣнилось: будто бы и Божественный путникъ го-

товъ опять пройти, тѣми же стезями, съ своими присными.—Вотъ, недалеко отъ горы Блаженствъ, но уже на равнинѣ, то поле, гдѣ ученики его, собирая колосья для утоленія своего голода, возбуждали ропотъ Фарисейскій; вотъ и Кана Галилейская, въ своей живописной долинѣ, вся обросшая алоемъ, обвинивши развалины ея древняго храма. Еще сохранилась церковь православная въ нынѣшнемъ селеніи, гдѣ показываютъ два камешные сосуда, послужившіе для брака Галилейскаго. Тѣ ли это самые, или нѣтъ? — что нужды? самая мѣстность подтверждаетъ преданіе и дополняетъ недостатокъ свидѣтельствъ для благоговѣйныхъ. Церковь носитъ отпечатокъ древности и видно, какое искони имѣли уваженіе къ Канѣ, потому что она признана старопигиальною и отдѣльно входитъ въ титулъ Патриаршій, вмѣстѣ съ Св. Сіономъ; тутъ была глубокая мысль, ибо сказано: «се сотвори начатокъ знаменіемъ Иисусъ въ Канѣ Галилейской, и яви славу свою, и вѣроваша въ него ученицы его». (Іоан. II.) Преложеніе воды въ вино на бракъ Каны, быть можетъ, предзнаменовало будущее преложеніе вина въ кровь, на тайной вечери Агнца Божія, обручающаго себя душу вѣрующую. Какъ высоко является тутъ лице Матери Божіей, подъ покровомъ глубочайшаго смиренія! «Что мнѣ и тебѣ жено? не у приде часъ мой», говоритъ Божественный Сынъ Божественной своей Матери, и что же? — такъ увѣрена она въ сыновнемъ его соизволеніи на ея прошеніе и вмѣстѣ

чь его творческой силъ, что въ слѣдъ за тѣмъ сама возмѣняетъ слугамъ: «еже аще глаголетъ вамъ, творите», ибо: знаетъ, что отсеймъ хлѣбъ житию ея за родъ человеческій всегда будетъ принято на землѣ, какъ и на небѣ, Сыномъ ея и Богомъ, и действительно, но тайному устроению Господа, дивнымъ образомъ прелагается вода въ вино. Тотъ кто, какъ простой смертный, приглашенъ былъ на бракъ съ матерью и учениками, какъ бы ускоряя предназначенный часъ явленія своего міру, по просьбѣ земной своей матери, являетъ впервые славу свою, возбуждаетъ вѣру учениковъ и тѣмъ свидѣтельствуемъ: «что есть» ему и сей дивной женѣ, т. е. какое отношеніе есть между нимъ и его благословенною матерію. — Мы, столько разъ присутствовавшему при таинствѣ бракосочетанія въ отечествѣ и столько разъ внимавшему: «во время оно бракъ бысть въ Канѣ Галилейской, и бѣ мати Исусова ту», здѣсь болѣе, нежели когда нибудь, пришло на мысль сіе таинственное отношеніе Матери къ Сыну, столь удивительное для насъ, прибѣгающихъ къ ея покрову.

Тою же скромною стезею, которую некогда шелъ, съ матерью и учениками, званый на бракъ Галилейскій, по сосѣдству изъ града своего Назарета, еще невѣдомый тогда Назорей, тою же стезею подымались мы, на разстояніи часа пути, изъ Каны въ нынѣшній Назаретъ; удивительно было для сердца, помышлять о земномъ смиреніи Божественнаго учителя, который хотѣлъ

даже разделить съ нами все наши житейскія радости, и много разъ вѣроятно проходила свою мирною стезею, къ своимъ присыямъ въ Канъ, въ смиренномъ объятіи своего челоуѣчества. Местное преданіе предполагаетъ, что будущій Апостолъ, Симонъ Канаанитъ, былъ тѣмъ счастливымъ юношею, бракъ котораго былъ ошачествленъ присутвіемъ самого Творца мужа и жены, соединившаго ихъ во едино, и это преданіе весьма вѣроятно.

Что сказать вамъ о Назаретъ? — Я уже описалъ его, 19 лѣтъ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ онъ не перемѣнился; но тогда роскошно благоухалъ онъ ливіями весенними, теперь же, на закатъ солнечнаго осенняго дня, онъ только зеленымъ своимъ вѣтвямъ алоемъ и блѣдыми оливами. И путникъ, его посѣтившій чрезъ столько лѣтъ, перешелъ также съ поприща весенняго на конецъ своего лѣта; было тутъ созвучіе между природою и челоуѣкомъ. Здѣсь опять нога моя ступила на слѣдъ прежнихъ своихъ странствій по землѣ обѣтованной, ибо тогда въхалъ я на обратномъ пути изъ Іерусалима, чрезъ Назаретъ и Сефорисъ, въ Тиръ и Бейрутъ. — Живописно открывается Назаретъ съ гребня горнаго, вѣнчающаго его со всѣхъ сторонъ, какъ нѣкое избранное мѣсто упокоенія, гдѣ въ глубокой неизвестности должны были протечь тридцать лѣтъ земной жизни Спасителя; и тутъ, какъ въ Іерусалимѣ, по словамъ псалма: «горы окрестъ его, и Господь окрестъ людей своихъ;» но Господь былъ здѣсь и внутри горъ; ихъ зеленая окраина образо-

вала какъ будто жерло волкана, но это было цвѣтущее жерло Назарета, отсюда внезапно воссиялъ свѣтъ великій людямъ, съдѣвшимъ во странѣ и сыни смертной, сперва въ землѣ Иудеи и въ землѣ Завулени, въ Галилеи языковъ, (Мате. IV.) а потомъ и во всей вселенной, когда во всю землю изыде вѣщаніе Апостоловъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.

Мы остановились въ гостиницѣ, устроенной Латинскою братією для странниковъ всякаго исповѣданія, напротивъ ихъ великолѣпной обители Благовѣщенія, и должно отдать здѣсь полную справедливость ихъ безкорыстному гостепримству. Они праздновали на слѣдующій день зачатіе Пречистой Дѣвы, и потому мы застали торжественную всеобщую въ храмъ. Простершись у престола благовѣщенія въ пещерѣ, я могъ слышать надъ собою, въ верхней части церкви, молитвенные звуки, хотя и чуждаго языка, но прославлявшіе здѣсь тоже спасительное событіе. Я еще успѣлъ воспользоваться остаткомъ вечера, чтобы опять, чрезъ столько лѣтъ, объѣхать три малыя Латинскія церкви: древодѣля Іосефа, гдѣ съ нимъ вмѣстѣ трудился юноша Іисусъ, и транезаую, гдѣ стоитъ камень на коемъ, по мѣстному преданію, Господь вкушалъ пищу съ учениками своими, вставъ отъ мертвыхъ, и ту синагогу, гдѣ онъ возвѣстивъ въ слухъ иудейныхъ Евреевъ, событіе надъ нимъ пророчества Исаина: «Духъ Господень на мнѣ, егоже ради помаза мя, благовѣстити

нишимъ посла мя, исцѣлити сокрушенныя сердца, проповѣдати илѣшнымъ отпущеніе и слышнымъ прозвѣстію, отпустить сокрушенныя во отраду, проповѣдати лѣто Господне пріятно» (Лук. IV, 18. 19). Если бы все евангеліе состояло только изъ сихъ однихъ словъ, то уже и того кажется достаточно было, чтобы привлечь всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, къ воспріятію благаго бремени и легкаго ига, кроткаго и смиреннаго сердца Господа, насъ призывающаго, дабы мы обрѣли покой душамъ нашимъ (Мате. XII, 29).

До разсѣта я уже былъ опять въ храмъ и слушалъ раннюю обѣдню Латинскую, на подземномъ престолѣ, ибо православной не совершается надъ мѣстомъ благовѣщенія, но прежде ея начала я самъ прочелъ акаенсть Богоматери. Поразительно было, предъ самымъ престоломъ, означеннымъ мѣсто, гдѣ стояла Пречистая Дѣва, близъ столба, подсѣченнаго снизу, но висѣющаго и какъ бы прикишаго къ сводамъ пещеры, который означаетъ мѣсто стоявшаго Архангела, поразительно было читать сіи слова канона: «ликоствующе играйте, съ веселіемъ воспойте; Гавріилъ Дѣвъ радость приносилъ предста; въ Назаретъ нынѣ градъ радость благовѣщенія: радуйся чистая и непорочная, міра предстательство; радуйся небесный престол!» И сколько глубины богословія въ самомъ акаенствѣ: «странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше, сего бо ради высокій Богъ на земли явился смиренный

человѣкъ, котый привлещи къ высотѣ тому вопиющія: аллилуія. Весь бѣ въ нижнихъ, и вышнихъ нивжеже стегуни неописанное Слово: снисхождение бо Божественное, не прехождение же нѣстное бысть, и рождество отъ Дѣвы Боговритныя, слышадія сія: радуйся, Бога невѣстимаго вѣстившище, радуйся, честнаго таинства двери и пр. (кондакъ и иносѣ 8).» А сія стихира, пѣваемая за вечернею славою акафиста, не заключаетъ ли въ себѣ всего богословія Христіанскаго кратицею? «Еже отъ вѣка таинство открывается днесь, и Сынъ Божій Сынъ человѣчь бываетъ, да худшее воспріемъ подастъ ми лучшее. Солгася древле Адамъ, и богъ возжелавъ быти, не бысть; человѣкъ бываетъ Богъ, да бога Адама сдѣлаетъ; да веселится тварь, да живоставуетъ естество». (т. е. если кто не разуметь хорошо смысла реченій Славянскихъ: обмануть быль, ложью діавольскою, Адамъ, и возмечтавъ сдѣлаться богомъ, не сдѣлался имъ; сего ради самъ Богъ дѣлается человекомъ, чтобы обоготворить Адама; и тамъ, да радуется тварь). Вообразите себѣ, какое глубокое впечатлѣніе должны производить слова сія на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были не только словомъ, но дѣйствіемъ, когда тутъ само Божественное Слово плоть бысть.

Изъ обители Латинской посѣтивши я къ обѣдинѣ въ нашу Православную церковь, стоящую на другой оконечности Назарета. Преданіе Греческое говоритъ, что тутъ собственно совершилось благо-

вещице надъ кладбищемъ, досель находящимся внутри церкви, въ маломъ приделѣ съ сѣверной стороны, и будто храмъ Латинскій сооруженъ тамъ, гдѣ было жилище Богоматери, но что она услышала благою вѣсть, когда пришла почерпнуть воду изъ источника. Кто можетъ рѣшить вопросъ сей? Однако, достойно замѣчанія, что тамъ, гдѣ теперь церковь Римская, построила первую церковь Св. Царица Елена. Новая Греческая церковь для насъ драгоценна и потому, что она сооружена по просьбѣ Митрополита Назаретскаго Іоасафа, Императоромъ Петромъ Великимъ, какъ яствуетъ въ весьма замѣчательнаго посланія сего Митрополита къ Государю. Архимандритъ ~~Парфирій~~ Парфирій обещалъ мнѣ доставить это письмо. Церковь Назарета украшена благолѣпно и устлана мраморомъ: въ ней четыре престола, и всѣ четыре посвящены Пречистой Дѣвѣ; есть и вклады серебряной утвари, свидѣтельство благочестія Русскаго. Достойно вниманія протоіерей сей церкви, природный Арабъ, который во время путешествія Баварскаго наследнаго Принца, нынѣшняго Короля Максимилиана, принялъ къ себѣ въ домъ его доктора, заразившагося чумою въ Назаретъ; больной умеръ на рукахъ его а добрый настырь остался невредимъ. Король прислалъ ему золотую медаль съ благодарственнымъ письмомъ, которое священникъ просилъ перевести ему, ни мало не превозносаясь своимъ подвигомъ.

Когда мы спустились, глубокимъ ущеліемъ, съ вы-

соть Назарета въ обширную равнину Эадрионскую, увидѣли у подошвы горъ ту пронасть, въ которую Галилеяне хотѣли свергнуть Господа съ горной вершины, за проповѣдь слова Божія въ нхъ синагогѣ Назаретской, «онъ же прошодъ посреди нхъ идяше» (Лук. IV, 30). Предъ нами величественно возставагь Фаворъ, во всей красотѣ своей, на краю равнины, одинокій, круглый, созданный для необычайнаго событія, каково совершившееся на немъ преображеніе Господа. Но на сей разъ я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ воспоминаніемъ, что уже однажды посѣтилъ его вершину, ибо спѣшилъ въ Иерусалимъ. Рядомъ съ Фаворомъ, какъ бы другой островъ, поднялся Эрмонъ, радующійся псаломски о имени Господни, съ остатками древнаго замка у своей подошвы: но мы и его миновали, пересѣкая равнину до горъ Гелвуйскихъ, ознаменованныхъ битвою Саула, которая столь краснорѣчиво заклиналъ Давидъ, да не смидеть на нихъ дождь, ни роса, ради горькой памяти пораженія Филистимскаго. У нхъ подошвы лежатъ большее селеніе Дживинтъ, нѣкогда страшное своими разбегами, изъ котораго я долженъ былъ бѣжать, при наступленіи ночи, за девятнадцать лѣтъ тому назадъ, но теперь умирное со всѣми предѣлами Палестинскими, послѣ похода Ибрагима Паши. Тамъ мы спокойно могли провести ночь, и на слѣдующее утро проникли въ сердце горъ Самарійскихъ, конхъ весьма живописный хребетъ тянется отъ Тиверіады къ Кармилу, отдѣляемый дву-

ня равнинами отъ прочихъ горъ. Эдрийонская представляется будто изсохшимъ заливомъ моря Средиземнаго, между горами Самаріи и Назарета и двумя островами Фавора и Эрмона, нымъ удивительно столцими на ея прострѣствѣ.

По мѣрѣ приближенія къ Севастіи, такъ переименованной въ честь Кесарей Иродами, изъ древней столицы Израильской, горы становились выше и круче пролегала стеая. Укрѣпленные селенія вичали верхи отдѣльныхъ высотъ; Саниръ, на половинѣ дороги, красовался болѣе другихъ своими бойнищами, отразившими много приступовъ Пашей Аирскихъ; но и эта горная твердыня Арабская пала предъ неутомимымъ оружіемъ Ибрагима, котораго трепетала вся Сирія. Однако горы Самарійскія не имѣютъ дикости Іудейскихъ; онѣ обработаны и покрыты масличными рощами и садами селеній. Особенно живописна самая гора, на коей лежитъ Севастія, вся обработанная уступами и округленная со всѣхъ сторонъ, посреди глубокихъ овраговъ: она мѣстностію своею создана для столицы, даже укрѣпленной, и весьма помятно, что на ней остановились взоры Царей Израильскихъ. По извилистой дорогѣ поднялись мы въ горѣдъ Ахаана и Іезавели, ознаменованный долгимъ нечестіемъ отверженнаго племени сихъ властителей десяти отпадшихъ коленъ, въ которомъ надлежало совершиться и послѣднему злодѣянію Иродову, которое переполнило мѣру преступленія бывшихъ до него Царей, — убіенію Предтечи! Въсего Іезавели,

гнувшей съ лица земли взятаго на небо Илію, ва-
плась иная Іезавель въ лицѣ Иродіады, требо-
вавшей главы другаго Ілія, за безстыдную пляс-
ку своей дочери. Царскія палаты Четверовласт-
ника, гдѣ она плясала, еще обозначены на верши-
нѣ горы, длиннымъ рядомъ мраморныхъ столбовъ,
остаткомъ какого либо роскошнаго портика; но
мѣсто, гдѣ пострадалъ великій Предтеча, темница
его обращена была въ великолѣпную церковь, въ-
роятно, вскорѣ послѣ Императора Константина,
и еще стоятъ ея чудные остатки, напоминающіе
красотою зодчества храмъ Іерусалимскій.

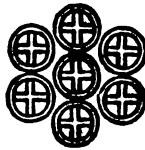
Какъ только увидѣли путешественниковъ жите-
ли дикой Севастіи, они сбѣжались вооруженною
толпою къ преддверію бывшей обители, какъ
будто желая загородить намъ входъ, а действи-
тельно для того, чтобы сторговаться заранее о
цѣнѣ входа въ развалины. Что дѣлать? досто-
яніе Ахаава и Ирода обратилось въ ихъ наследство,
и конечно это достойные ихъ наследники. Ни-
гдѣ не видалъ я лицъ болѣе отвратительныхъ, ужас-
ныхъ; ихъ дикіе вопли и распри между собою, о
умноженіи или уменьшеніи платы, достаточны бы-
ли, чтобы отвратить самое пламенное любопытство
отъ священной его цѣли. Однако я все настаи-
валъ и, по счастью, шейхъ изъ Назарета, данный
мнѣ въ проводники, былъ человекъ уважаемый
горцами Самарійскими. Наконецъ, съ большими
усиліями, впустили насъ на обширный дворъ быв-
шей обители Предтечи, обнесенный съ трехъ сто-

рошь крытыми галереями или портиками; съ восточной стороны примыкала самая церковь, уже обрушенная и отдаленная отъ сего двора. Одинокая палла возвышалась по срединѣ, напоминая о любимой пустыни подвижника сего святилища; двѣ малыя храмины, увѣчанныя куполами, какъ бы на подобіе кувукліи Иерусалимскаго храма Воскресенія, стояли на половинѣ пространства отъ западныхъ вратъ къ самой церкви, придерживаясь болѣе боковыхъ галлерей, такъ что между ними обѣими проходили къ олтарю: правая храмина осыняла спускъ въ подземную темницу Предтечи, лѣвая осыняла его гробницу. Шейхъ, раздвинувъ Арабовъ, почти втокнулъ меня въ первую храмину и я остушился на тѣсной темной лѣстницѣ, которая извивалась внутрь темницы. Не зная, куда иду, я продолжалъ однако спускаться во мракъ, доколь не осязалъ подъ собою ровнаго помоста, и не приглядѣлись глаза мои къ темнотѣ подземелья, въ которое узкія скважины проливали слабій свѣтъ. Тогда я увидѣлъ къ востоку два углубленія, служившія вѣроятно алтарями, или престоломъ и жертвенникомъ; вправо отъ нихъ было еще углубленіе, какъ бы логовище, гдѣ быть можетъ совершилось усѣкновение честной главы Предтечи. Три круглыя отверстія, сквозь которыя можно просунуть руку, пробиты были въ сѣверной стѣнѣ; лѣстница спускалась съ южной напротивъ ихъ, если не ошибаюсь, двадцатью четырьмя ступенями въ это подземелье;

не болѣе въ немъ осьми квадратныхъ шаговъ. Мы не взяли съ собою свѣчь, но при тускломъ свѣтѣ я могъ прочесть евангеліе отъ Марка, столь подробно описывающаго сіе плачевное происшествіе: какъ «клятвы ради и за возлежавшихъ съ нимъ, аще и прискорбенъ бысть Царь, но абіе, пославъ спекулятора, повелѣлъ принести главу Предтечи; онъ же шедъ, усѣкну его въ темницѣ, и принесе главу на блюдо, и даде ю дѣвицѣ, и дѣвица даде ю матери своей» (Марк. VI, 26 — 28). Какъ это просто рассказано и вмѣстѣ ужасно, и какъ отвратительна эта дѣвица пляшущая, равнодушно передающая столь страшный залогъ неустовой матери!

Когда я читалъ евангеліе, поднявъ его нѣсколько къ свѣту, одинъ изъ Арабовъ, увидѣвъ золотой перстень, блеснувшій на рукъ моей, дважды покушался сорвать его съ пальца, похудѣвшаго отъ до роги, такъ что я долженъ былъ для предосторожности надѣть перчатку. Таковы нынѣшніе Самаритяне, едва ли уступающіе въ нечестіи древнимъ! Вышедши изъ мрачной темницы на Божій свѣтъ, мы опять были остановлены Арабами, въ отверстыхъ дверяхъ другой гробовой храмины, подъ тѣмъ предлогомъ, будто это ихъ мечеть; однако, не смотря на всѣ прекословія, проникли и туда. Тамъ нѣкогда съ Предтечею покоились еще два Пророка: Авдій и Захарія (если не ошибаюсь въ имени); но теперь все пусто и только семь мраморныхъ, до половины сломанныхъ крестовъ, въ семи кругахъ на

восточной стѣнѣ, означаютъ мѣсто, гдѣ стояла рака Предтечи, такимъ образомъ:

Извѣстно, что при Императорѣ Іуліанѣ возмущившіеся Евреи, вмѣстѣ съ язычниками Самарійскими, излили неистовую ярость свою на священные остатки Предтечи и, изломавъ раку, сожгли его нетлѣныя мощи. Случившіеся тогда въ Севастіи иноки Іерусалимскіе, изъ монастыря игумена Филиппа, собрали то что могли спасти и, взявъ честную главу, отнесли уцѣлѣвшее къ своему настоятелю въ Іерусалимъ, а онъ переслалъ это сокровище въ Египеть, великому Святителю Аѳанасію, какъ единому достойному обладать онымъ. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть загражденную часть храма съ алтаремъ, и я долженъ былъ для того обойти кругомъ обширныхъ развалинъ, встроенныхъ хѣжинами съ обѣихъ сторонъ, чтобы взойти по грудѣ камней въ бывшій алтарь. Столѣтнее алоэ роскошно разраслось на самомъ мѣстѣ святой трапезы. Еще сохранилось восточное полукружіе горняго мѣста, съ полукуполомъ и великолѣпными пиластрами Коринтскаго ордена, по подобію Іерусалимскихъ. Нельзя было оставаться на развалинахъ, отъ докучливости и крика Арабовъ, навязывавшихъ намъ древнія монеты, часто подложныя. Но оставивъ Севастію, мы еще долго любовались издали красотою Коринтскаго обломка алтаря, въ видѣ баш-

ни, возвышавшагося на самомъ обрывѣ горы Самарійской.

Не болѣе полутора часа отъ Севастіи до Наблуза; дорога спускается въ живописную долину Сихемскую, наполненную садами, орошенную источникомъ, между двухъ ветхозавѣтныхъ горъ Гевала и Гаризина, ознаменованныхъ благословеніемъ и проклятіемъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, по заповѣди Моисеевой, которое совершилось при Иисусѣ Навинѣ. Шесть изъ старшихъ колѣнъ стояли на Гаризинѣ и благословляли исполнителей закона, шесть изъ младшихъ на Гевалѣ проклинали его нарушителей: какъ это должно было быть торжественно! Мы воспользовались остаткомъ вечера, чтобы посѣтить въ Наблузѣ синагогу природныхъ Самаритянъ, которыхъ осталось не болѣе осьмидесяти душъ, съ женами и дѣтьми. Въ темной, убогой хранилѣ, старецъ девяносто-лѣтній раввинъ, и самъ какъ развалина давно минувшаго, показалъ намъ древній списокъ пятикнижія Моисеева, которое я, по невѣдѣнію своему, не знаю къ какому времени отнести; но одно мнѣ не понравилось: въ старцѣ Самарійскомъ обнаружилась природа Жидовская; онъ попросилъ бакшиша, т. е. награды, хотя и безъ его просьбы я бы это сдѣлалъ.

Рано утромъ мы собрались въ путь и проѣхали весь городъ Наблузъ, въ длину его; зданія напоминаютъ времена крестоносцевъ, своею массивностію и тѣснотою; нынѣшняя мечеть, огражден-

ная обширную стѣною, была некогда замкомъ и соборомъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. Весьма великолѣпны наружныя врата ограды, съ семью готическими арками, или огивами, одна надъ другою. И по другую сторону города продолжается нѣсколько живописная долина, съ масличными садами между библейскихъ горъ. На пути представилось намъ древнее зданіе съ цистерной, вѣроятно бывшее обителью; далѣе, влѣво отъ дороги, посѣтили мы Арабскую гробницу, которую выдаютъ за гробъ Іосифа и двухъ его сыновей, и усердные ставятъ тамъ лампы; ближе къ дорогѣ знаменитый кладязь Самаряныни. Не знаю, что тутъ было прежде, потому что около есть еще развалины; но теперь видно одно только верхнее устье цистерны, сквозь которое съ трудомъ можно спуститься одному человѣку, въ небольшое подземелье, гдѣ находится самый кладязь; однако нижнее устье не противъ верхняго. Бывшій со мною путешественникъ Американскій туда спускался и мнѣ это сказалъ; замѣчательна вѣрность разсказа евангельскаго, касательно мѣстности сего кладезя: дѣйствительно, онъ на довольно большомъ разстояніи отъ города, какъ бы за полчаса, и женщина Самарянская, пришедшая почерпнуть воду изъ селенія, досель лежащаго на соседней горѣ, справедливо указывала на Гаризинъ, ибо у его подошвы кладязь, а не на противоположный Гевалъ, когда говорила: «отцы наши въ горы сей (а не той) поклонятся». Донынѣ есть остат-

ки знаменитаго капища Самарійскаго, на вершинѣ Гаризина, и туда ходять однажды въ годъ поклоняться Самаритяне. Свято мѣсто кладязя сего, гдѣ самъ Господь исповѣдалъ свое Божественное посольство, предъ убогою грѣшницей: «Азъ есмь глаголай съ тобою», какъ въ послѣдствіи онъ исповѣдалъ себя только предъ лицомъ испытующаго Первосвященника, когда сей заклиналъ его, именемъ Бога живаго, открыть: онъ ли Христосъ Сынъ Божій?—«ты реклъ еси». И такъ то, что съ такимъ усиліемъ могъ извлечь изъ устъ его Первосвященникъ, свободно открываетъ онъ самъ на пути смиренной женѣ. О глубина премудрости и судьбъ Божіихъ, утаившихъ отъ премудрыхъ и разумныхъ то, что открыто простымъ и младенцамъ!

Утомительное десятичасовое странствіе, отъ Сихема до ночлега въ Рамалъ, предстояло намъ на весь этотъ день, но онъ былъ сладокъ ожиданіемъ грядущаго дня. Въ одномъ только мѣстѣ, около развалинъ замка Лобны, ожила каменная природа горъ Іудейскихъ, и масляная роща проявилась надъ источникомъ, въ глубокой красивой долинѣ, потомъ все опять замерло до Іерусалима. Къ вечеру увидѣли мы, въ лѣво отъ нашей дороги развалины Веенля, на мѣстѣ таинственной лѣстницы Іаковлей. Для меня всегда поразительна была сія паремія, часто читаемая въ праздники Богородичные, о сновидѣніи Патріарха, и особенно трогали сердце простыя, но умвительныя слова его, при внезапномъ пробужденіи отъ

столь дивнаго сна : «яко есть Господь на мѣсть семъ, азъ же не вѣдѣхъ, и убояся и рече: яко страшно мѣсто сіе ; вѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная» (Быт. 29, 16. 17.) Этотъ домъ Божій на земль и сія врата небесная, или лучше сказать ихъ мѣсто, издали промелькнуло мнѣ, при лучахъ заходящаго солнца, но безъ таинственной лѣствицы. Мы ускоряли, вмѣстѣ съ солнцемъ, шаги наши, хотя проходили то чудное поприще Гаваона, гдѣ нѣкогда стало солнце, по гласу смертнаго Иисуса, носившаго на себѣ образъ Безсмертнаго. Мимо селенія Махмасъ, гдѣ замѣтила Пречистая Дѣва утрату своего Божественнаго отрока, когда онъ остался бесѣдовать въ храмъ съ законоучителями Иудейскими, пролегалъ путь нашъ въ Рамалу. Далеко вдали виднѣлась высокая вершина другой Рамы, гдѣ погребенъ былъ Пророкъ Самуилъ ; уже совершенно смерклося, когда достигли мы убогаго ночлега, по крайней мѣрѣ, въ Христіанскомъ селеніи и въ домъ священника Арабскаго.

Наступилъ этотъ завтрешній, давно и пламенно ожидаемый день, нынѣ уже минувшій, какъ мѣнутъ и всѣ предстоящіе дни временной жизни нашей. Оставалось не болѣе четырехъ часовъ до Св. града, и мы жаждали его увидѣть ; все было мертво вокругъ : — однѣ дикія горы, устѣянная щель безъ малѣйшаго произрастѣнія, чтобы порадовать взоры. И вотъ наконецъ, съ поклонной послѣдней горы, открылся намъ сей градъ судьбы

Божіихъ на земли, избившій всѣхъ посланныхъ къ нему и не хотѣвшій возлечь, какъ мирный пленецъ, подъ сѣнь божественныхъ крилъ призывавшаго его Сына Божія!.. Черезъ двадцать почти лѣтъ, тотъ же видъ поражалъ мои взоры, на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ послѣдній разъ его созерцалъ я, на пути къ Дамаску, и столь сильно было впечатлѣніе минувшаго, что казалось, только вчера я все это видѣлъ: двадцать лѣтъ, канувшія въ вѣчность, представлялись мнѣ, по словамъ псалма, какъ бы день вчерашній или стража ночная. Сойдя съ лошади, я поклонился до земли, и путникъ иного полусвѣта, Американецъ, послѣдовалъ моему примѣру. Я вспомнилъ благоговѣйное смиреніе отшельника и паломника Грузинскаго, Св. Давида Гареджійскаго, который, въ виду Св. града, довольствовался симъ зрѣлищемъ и не смѣлъ идти далѣе, взявъ себѣ только три камня въ благословеніе; но, при всемъ моемъ недостойнствѣ, не рѣшился я подражать его примѣру и, хотя съ сокрушеннымъ сердцемъ о своихъ грѣхахъ, пѣшій продолжалъ путь свой къ Сіону.

ПИСЬМО ХХХ.

ПОДРОБНОСТИ О ИЕРУСАЛИМѢ.

Иерусалимъ, 11 Декабря 1849.

Въ Иерусалимѣ надобно записывать каждое слово, каждую мѣстность, для того, чтобы въ послѣдствіи не измѣнила память, хотя бы отъ такого разнообразія предметовъ и усъченнаго ихъ описанія произошла нѣкоторая запутанность; но не въ этомъ ли видѣ достигли до насъ и отрывочныя сказанія Отцевъ, въ ихъ занимательныхъ Патерикахъ, въ Лимонарь, Лавзанкѣ и другихъ? Приношу такое вступленіе въ оправданіе тому, что вамъ предлагаю; иногда я буду также говорить, какъ въ Патерикахъ: «Авва Іоасафъ сказалъ мнѣ то, или Владыка Мелетій рассказывалъ,» и тому подобное.

Вчера, напримѣръ, Преосвященный Петръ Аравійской, послѣ торжественной вечерни, которую положено здѣсь совершать всякую субботу, въ храмъ Воскресенія, показывалъ мнѣ внутри святилища, какія собственно части его уцѣлѣли, во время пожара 1808 года; это было весьма любопытно, хотя недоступно описанію, потому что надобно видѣть мѣстность, чтобы понять разсказъ. Весь мраморъ Св. гроба снаружи обгорѣлъ и отчасти внутри, такъ что остался голый камень природной скалы; но деревянная дверь его уцѣлѣла, по Божію Промыслу, являющему силу свою посреди немощи человѣческой, и хранится въ патриархіи. Южная сторона круглой церкви, или паперти, посреди коей стоитъ Св. Гробъ, пострадала болѣе, нежели сѣверная, такъ какъ пожаръ начался отъ Армянъ. Но со стороны Франковъ уцѣлѣли три круглые массивные столба, закладенные теперь въ четверугольные пиластры, и два монолита, т. е. пиластра изъ цѣльнаго камня, поддерживающіе царскую арку. Прежде вся круглая площадка около Св. Гроба обнесена была колоннами, перемѣшанными съ пиластрами, такъ что послѣ каждаго двухъ столбовъ слѣдовалъ четверугольный, а въ соборѣ по двѣ и по три колонны были слиты вмѣстѣ, для большей крѣпости свода. Иконостасъ, деревянный до пожара, замѣненъ каменнымъ для прочности боковыхъ стѣнъ, а перегородки бывшія по сторонамъ, для отдѣленія собора отъ прочихъ частей храма, сооружены вновь

также изъ камня и богато раззолочены, съ нѣсколькими ярусами образовъ, въ видѣ иконостасовъ. Своды Голговы, т. е. пристроенной ей части, которая выдается внутрь храма, обвалились отъ пожара, также и двѣ мраморныя колонны, стоявшія у входа въ храмъ, предъ камнемъ помазанія; но, что весьма жаль, съ тѣхъ поръ уничтожена тѣсная, прежде единственная лѣстница на Голгоу, которая у насъ уцѣлѣла въ новомъ Иерусалимѣ, и сдѣланы двѣ новыя спереди.

Служба совершается на открытомъ алтарѣ Голговы, у насъ же въ боковомъ придѣлѣ страстей Господнихъ; такъ сперва и въ Иерусалимѣ не бывало службы, надъ самымъ мѣстомъ водруженія креста, дабы оставить его свободнымъ для поклоненія. Когда же Франки отняли у православныхъ, т. е. у Грузинъ, половину Голговы, то по необходимости Греки устроили престолъ надъ мѣстомъ распятія, хотя открытый, дабы всѣ могли поклоняться и лобызать самое отверстіе гдѣ стоялъ крестъ. Что касается до Св гроба, то Греки прежде не совершали тамъ литургій, чему также служить свидѣтельствомъ нашъ новый Иерусалимъ. Когда же Франки, чрезъ покровительство своихъ посланниковъ, получили это позволеніе: тогда и они, чтобы не уступить имъ своихъ правъ и имѣть первенство, начали служить ежедневно литургію, прежде нихъ, на Св. гробѣ. Однако, въ бытность мою двадцать лѣтъ тому назадъ, Греки обыкновенно служили на камнѣ

Ангела, въ первой части вертепа гробнаго, а теперь служатъ на самомъ камнѣ гроба, и только, при служеніяхъ архіерейскихъ, удержанъ прежній порядокъ. Станнымъ представляется нѣсколько чинъ сей литургіи, и тѣмъ показываетъ, что Св. гробъ для нея не предназначался; это весьма понятно, потому что кафедральный соборъ, напротивъ сей святыни, собственно созданъ для божественной службы: а такъ какъ Греки всегда исключительно имъ владѣли, то они вначалѣ не имѣли нужды, подобно позднимъ пришельцамъ Франкамъ, тѣсниться внутри Св. гроба и стѣснять величественные обряды литургіи православной; это одно изъ существенныхъ доказательствъ обладанія Св. мѣстъ Православными. При началѣ литургіи Архіерей облаченный сидитъ, обратившись лицомъ къ Св. гробу, внѣ онаго; послѣ же входа съ евангеліемъ становится внутри придела Ангела, у приготовленнаго престола, уже лицомъ къ востоку, т. е. къ собору, а не къ святому вертепу и, во время Херувимской пѣсни, Св. дары обносятся кругомъ его.

Еще одно:— тогда какъ, всякую вечерню, другія исповѣданія, заключенныя въ храмъ, совершаютъ торжественныя литіи кругомъ всѣхъ Св. мѣстъ его, съ пѣніемъ приличныхъ стиховъ, — почему Греки одни сего не дѣлаютъ, оставаясь во время вечерни внутри своего собора? Отъ того, что не весьма давно Франки исторгли себѣ позволеніе, совершать литіи сіи прежде нихъ; между тѣмъ у Православныхъ

есть для сего особенный чинъ и стихиры, употребляемые теперь только при первомъ посѣщеніи Св. мѣстъ поклонниками. Я совершилъ вмѣстѣ съ ними благоговѣйный кругъ сей, внималъ на каждомъ поклоненіи приличной проповѣди іерокирикса, на Греческомъ и Турецкомъ языкахъ, и просилъ переписать для меня стихиры литіи сей, чрезвычайно трогательныя. Поклонники посѣщаютъ слѣдующимъ порядкомъ различныя обители Св. града: въ понеделѣльникъ они слушаютъ литургію въ монастырь Русскомъ Архангеловъ, но на Арабскомъ языкѣ, потому что наше служеніе бываетъ только по субботамъ и воскресеньямъ; во вторникъ посѣщаютъ ~~они монастырь Предтечи~~, на развалинахъ замка рыцарей, вновь украшенный и расширенный; въ среду идутъ въ Геосманию, или молятся въ своихъ монастыряхъ; въ четвергъ собираются все въ монастырь Св. Николая близъ патріархіи; въ пятницу, на память живоноснаго Источника, все бываютъ въ Геосиманіи; въ субботу молятся опять у себя, въ воскресенье же въ храмъ Св. гроба; этотъ порядокъ заведенъ недавно.

Преосвященный Петръ показалъ мнѣ, при выходѣ изъ храма, древнюю патріархію, къ нему прилегавшую, и я подивился тѣснотѣ жилия бывшихъ Святителей Св. града. Церковь сорока Мучениковъ, подъ колокольнею, теперь служитъ усыпальницею Патріарховъ; средняя церковь Воскресенія, или женъ Муроносицъ, гдѣ явился имъ Господь, служила прежде соборною и въ ней стоитъ по

нынѣ мраморная каѳедра Апостола Іакова, въ которую вставлена деревянная новая; но не многіе знаютъ здѣсь о существованіи сей каѳедры. Рядомъ съ сею церковію есть еще церковь Апостола Іакова, наполненная также гробами Патріарховъ, гдѣ бываетъ ежедневная литургія на Арабскомъ. Хотя съ каѳедральной средней церкви сорванъ былъ куполъ землетрясеніемъ, обрушившимъ и колокольню, въ 1562 году, и съ тѣхъ поръ она остается обнаженною, однако въ ней, какъ въ древней патріархин, совершается, подъ деревяннымъ навѣсомъ, обѣдня великаго четверга и вечерня предъ Богоявленіемъ, и она слыветъ старымъ Воскресеніемъ. По срединѣ церкви, малою часовнею, обозначено мѣсто явленія Господа Мвроносицамъ, а съ ними и Пречистой своей Матери, по преданію Іерусалимскому; но, по ошибкѣ, икона въ сей часовнѣ изображаетъ явленіе Господа Магдалинѣ Маріи.

Что касается до каѳедры Апостола Іакова, о которой такъ ясно пишетъ историкъ IV вѣка, Евсевій, что она сохранилась отъ разоренія Іерусалимскаго и была унесена первобытными Христіанами въ Пеллу: — мнѣ кажется, нѣтъ причины сомнѣваться въ ея подлинности. Форма ея весьма древняя, но сохранились только боковыя ея стѣнки, спереди исписанныя Арабскими и Грузинскими именами, въ коихъ испрашивается молитва Христіанъ. Если бы каѳедра сія, стоявшая прежде на Голгоѣ, не была столь священна, то не записывали бы на ней своихъ именъ. Арабскія надписи

мало замѣчательны, потому что годовъ нѣтъ, и неизвѣстно, кто сіи врязавшіе имя свое на мраморѣ. Но Грузинская надпись гласитъ о благодѣяніяхъ Иверскаго Царя Георгія VIII, сына Александра, послѣдняго изъ могущественныхъ властителей Иверіи, потому что послѣ него, въ исходѣ XVI вѣка, она распалась на три части. Почему же каедеда сія была предпочтительно избрана для царскаго помяновенія, если бы не почиталась она искоми Апостольскою? Я совѣтовалъ поставить ее на горнее мѣсто церкви Св. Іакова, дабы одинъ только Патріархъ имѣлъ право на ней возсѣдать. Вотъ слова надписи: «Боже, воскресій Христе, помилуй Царя Царей Георгія, аминь.» Прочія надписи Грузинскія на языкѣ церковномъ, подъ титлами, недоступномъ для здѣшнихъ чтецовъ. Въ церкви стараго Воскресенія еще замѣчательны древнія иконы, перенесенныя изъ бывшихъ Іорданскихъ монастырей, запустѣвшихъ около трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ. Я испросилъ себѣ одну изъ нихъ, Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, прекраснаго письма, которая конечно можетъ имѣть болѣе осьми сотъ лѣтъ древности. Въ темномъ преддверіи, подлѣ старой каменной купели, перенесенной, по преданію, изъ церкви Святаго Святыхъ или Соломонова храма, есть еще одна большая икона Богоматери, но гораздо новѣйшая, богато украшенная, письма Русскаго, напоминающая Тихвинскую. Она пользуется особымъ уваженіемъ, и кажется, принесена была Патріархомъ Паисіемъ изъ Россіи.

Крутая лѣстница ведетъ отсель въ бывшій синодикъ, длинную трапезу и приѣмныя комнаты Патріаршія, обращенныя окнами въ три церкви: со рока Мучениковъ, Воскресенія и Апостола Іакова. Онѣ украшены довольно благолепно; по другія келліи Святителей и старшей братіи, находящіяся позади, весьма тѣсны, особенно въ сравненіи тѣхъ палатъ, можно сказать великолѣпныхъ для Іерусалима, которыя себѣ недавно построилъ, отдѣльно отъ монастыря, нынѣшній Патріархъ Кириллъ. Обширная обитель патріаршая, въ которой помѣщаются теперь всѣ Архіереи и Архимандриты, устроилась постепенно, когда уже Патріархи переселились въ Царьградъ: ибо отъ Теофана, принужденнаго оставить Іерусалимъ въ началѣ XVII вѣка, и до Кирилла, въ теченіи болѣе 200 лѣтъ, почти всѣ они большею частію жили внѣ своей катедры, исключая однако Нектарія и Досифея. Бывшая келлія Теофана теперь уже принадлежитъ Туркамъ, втѣснившимся въ средину зданій монастырскихъ, но, по странному повѣрью, никто не можетъ обитать въ ней. Зданіе обители Патріаршей весьма неправильно, но оригинально, потому что она распространялась мало по малу, и только въ исходѣ минувшаго вѣка, Патріархъ Анѳимъ, бывший сыномъ Несторіанскаго священника, приобрѣлъ отъ Несторіанъ мѣсто нынѣшней бібліотеки. Это было послѣднее ихъ владѣніе въ Св. градѣ, и съ тѣхъ поръ даже ни одного изъ нихъ тамъ не обрѣтается.

Новая сія обитель соединена съ древнею арками, подъ которыми доселѣ проходитъ улица Іерусалимская, такъ называемая Патріаршая; есть и двѣ крестовыхъ церкви въ обоихъ монастыряхъ: одна, во имя Св. Феклы, заключаетъ въ себѣ отпечатокъ слѣда Господня, перенесенный тайно съ Голговы, и тотъ камень, на коемъ сидѣлъ Господь въ судилищѣ Пилатовомъ. Другая церковь, во имя равноапостольныхъ Царей Константина и Елены, находится на верхней терасѣ старой патріархіи, и примыкаетъ къ галереямъ Армянскимъ храма Воскресенія, такъ что изъ ея двухъ оконъ виднѣн Св. гробъ; потому внутренность ея расположена совершенно неправильно; она собственно служитъ крестовою и украшена весьма богато. Патріархъ Нектарій первый устроилъ малый придѣлъ во имя Равноапостольныхъ, надъ палатою хлѣбныхъ запасовъ; потомъ Патріархъ Досіеѣй распространилъ церковь, такъ что первое святилище обратилось въ алтарь, и наконецъ трапезная ея часть уже перешла по аркамъ въ новую обитель. Тутъ собираются ежедневно, или лучше сказать еженощно, Архіепископы Петры, Газы, Неаполя, Севастіи и Филадельфіи, составляющіе Синодъ Іерусалимскій, со всѣми Архимандритами и сановниками Патріаршими, для слушанія утрени и обѣдни безрасходно: онѣ продолжаются отъ 3 часовъ до 6, и хотя не великолѣпно служеніе, безъ діакона и безъ пѣвчихъ, но оно трогательно; я люблю на ономъ присутствовать, потому что тутъ клириками

служать сами старцы Святители. Одинъ изъ чтецовъ подноситъ каждому изъ нихъ попеременно книгу, и они поють, другъ противъ друга, ирмосы и стихиры каноновъ, а старшій, Намѣстникъ Патріаршій, читаетъ шестопсалміе, молитвы отпустовъ на часахъ и вечерній псаломъ.

Но вотъ замѣчательная странность сей крестовой церкви Патріарховъ Іерусалимскихъ: въ теченіи трехчасовой, ночной ея службы, вы слышите попеременно, а иногда и вмѣстѣ, всѣ различныя богослуженія храма и даже Магометанское, внѣ оваго. Сперва раздается громкое пѣніе Армянъ, сквозь малыя церковныя окна, открытыя въ ихъ галлерею; потомъ, уже во время обѣдни и большею частію около Херувимской пѣсни, слышенъ органъ Франковъ, довольно пріятный въ отдаленія, и почти всегда при чтеніи: «вѣрую во единого Бога» Митрополитомъ Петры Аравійской, раздается пронзительный вопль муэззима, на соседнемъ минаретѣ Омара, скликающій къ молитвѣ Магометанъ, словами корана. И такъ, исповѣданіе Христіанское внутри церкви Патріаршей, снаружи исповѣданіе вѣры Магометовой, а въ заключенномъ храмѣ разноплеменные лики: — все это можетъ быть такъ близко только въ Іерусалимѣ, гдѣ всѣ народы стѣснились вокругъ уважаемой ими святыни, съ чувствами столь различными. Но минаретъ Омаровъ не производилъ на меня впечатлѣнія столь тяжкаго, какъ другой минаретъ племени Алемидовъ, овладѣвшихъ бывшимъ жилищемъ Патріарховъ Латинскихъ, которое они

безразсудно прильпили къ храму; — оттого теперь жилыя комнаты и самый гаремъ Эмира находят-ся, совѣстно выговорить, надъ крышею церковной, между двумя куполами Св. гроба и собора Воскресенія. — Этотъ позоръ терпигъ досель въ Іерусалимѣ, а между тѣмъ спорять о томъ, кому покрыть оловомъ куполь Св. гроба, котораго листы безобразно висятъ съ обнаженнаго дерева!

Замѣчательное преданіе сказывалъ мнѣ Саввинскій игумень, отецъ Іоасафъ, объ этомъ домѣ, потому что старецъ сей съ любопытствомъ прислушивался къ такимъ разсказамъ, и собираетъ ихъ въ свою память, какъ бы въ живую книгу. По сторонамъ полуобрушенной колокольни Св. гроба, на равныхъ почти разстояніяхъ, возвышаются оба минарета: одинъ, съ лѣвой стороны — Халифа Омара, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ молился, а другой у входа въ бывшую патриархію, съ правой стороны храма, если смотрѣть къ западу отъ Св. гроба, какъ и Господь былъ распятъ между двухъ разбойниковъ. И такъ какъ одинъ изъ нихъ, одесную его, обратился къ покаянію, то преданіе говорить, что и владѣлецъ дома бывшей патриархіи, или самый домъ его, непременно обратится къ Христіанамъ, тогда какъ минаретъ Омаровъ будетъ стоять въ Іерусалимѣ, до времени скончаія языковъ. Съ прискорбіемъ я осмотрѣлъ верхній покой гарема, на плоскихъ крышахъ вокругъ священнаго купола, и видѣлъ печальный образъ разрушенія на самомъ куполѣ. Франки не позво-

ляють исправлять его Грекамъ, чтобы тѣмъ не признать исключительное ихъ право на обладаніе онымъ, хотя весь храмъ былъ сооруженъ одними Греками послѣ пожара. Недавно только, при Ибрагимъ Пашѣ, позволено было Православнымъ открыть окна другаго каменнаго купола, надъ кафедральною церковію Воскресенія, которыя были заключены со временъ Султана Саладина, т. е. шесть съ половиною вѣковъ. Вотъ какія притѣсненія, и какъ трудно распорядиться даже и тѣмъ, чѣмъ владѣть законно въ Іерусалимѣ.

Многое можно было бы сдѣлать Христіанамъ въ свою пользу при Ибрагимъ Пашѣ, который видимо имъ покровительствовалъ: но краткость времени не позволила имъ пріобрѣсти желаемыя льготы, потому что онъ безпрестанно занятъ былъ умирненіемъ окрестныхъ Арабовъ; однако водворилъ въ Палестинѣ спокойствіе, ненарушимое и понынѣ. Франки успѣли выпросить себѣ у Паши пустой сарай противъ его дворца, бывшаго дома Пилатова, на самомъ крестномъ пути, и обратили его въ церковь въ память истязанія Господня. Они утверждаютъ, что тутъ собственно былъ преторъ Римскій, и ссылаются на виднѣя Екатерины Эммерихъ, какъ на вѣрнѣйшее описаніе Св. града. Дѣйствительно, описанія вѣрны, потому что взяты изъ источниковъ подлинныхъ: но я не могъ читать равнодушно книгу ея на Св. мѣстахъ, какъ бы подложное евангеліе, основанное на отрывочныхъ ви-

двѣихъ и дополненное авторомъ съ неподобяющею, можно сказать, самонадвиганностию! По преданію Греческому, здѣсь была тѣсница, куда заключили Апостоловъ Первосвященники Іудейскіе, а прѣтѣръ находится по другую сторону улицы, внутри двора Пилатова. Многое измѣнилось даже со времени моего перваго путешествія: Ибрагимъ Паша заклакъ прежній выходъ на улицу, гдѣ еще оставались три круглыя ступени древняго крестнаго крыльца, и теперь только видно основаніе первой ступени. Для сооруженія казармы внутри двора, онъ употребилъ камни отъ сосѣдняго монастыря Св. Іоакима и Анны, гдѣ родилась Божія Матерь, и уничтожилъ такимъ образомъ храмовыя аркады его двора, которыя я еще засталъ. Грустно, что ни мы, ни Франки, не успѣли выпросить себѣ оставленнаго тогда храма Богоотецъ, въ пустоту котораго всякій могъ входить свободно, чтобы поклониться, въ подземельи подъ алтаремъ, мѣсту рожденія Пречистой Дѣвы. Турки испугались, услышавъ, что Христіане желаютъ приобрѣсти себѣ это святилище у воротъ Геосиманскихъ и, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ Пашей Іерусалимскихъ поспѣшилъ покрыть куполь развалившейся церкви, чтобы обратить ее въ мечеть: онъ не успѣлъ окончить всего зданія, будучи отозванъ изъ Св. града, но съ тѣхъ поръ заключено святилище и съ трудомъ туда проникаютъ: всего больнѣе то, что опустили случай, едва ли возвратимый.

Часть II.

12

Но время мнѣ окончить длинное письмо, котораго отрывочное продолженіе явится и впредь, если только не скучны вамъ будутъ такія подробности.

указъ Св. Синода
1849

ПИСЬМО XXXI.

ВНОЛЕЕМЪ И ЛАВРА СВ. ХАРИТОНІЯ.

Внолеемъ, 15 Декабря 1849.

Послѣ 19 лѣтъ посѣтилъ я опять святыню Внолеемскую и имѣлъ утѣшеніе, котораго не получилъ тогда, слушать литургію Славянскую въ вертепѣ Рождества. Братія обители Архангельской мнѣ сопутствовали и когда, при поклоненіи самому мѣсту великаго таинства, Русскій хоръ возгласилъ: «рождество твое, Христе Боже, возсія мірови свѣтъ разума», невольныя слезы потекли на мраморъ по-моста и на знаменательную его звѣзду, указывающую мѣсто событія подъ алтаремъ. О глубина премудрости Божіей, руководившей звѣздою служившихъ звѣздамъ, къ поклоненію Солнцу правды съ высоты Востока, какъ выражаетъ сіе церковная

пѣснь! Еще умильнѣе было внимать надъ самыми яслями, какъ убогая земля могла принести только вертепъ Непрístupному, когда насъ ради родился Отроча младо — превѣчный Богъ! Можно чувствовать, можно плакать въ этомъ вертепѣ, надъ сими яслями, но выразить то, что въ душѣ, по истинѣ не лъзя. Можете себѣ вообразить, какое особенно сладкое чувство должно было наполнять сердце, при совершеніи божественной литургіи на престолѣ Рождества! Евангеліе читали, о пастыряхъ и Ангелахъ, и хотѣлось съ ними вмѣстѣ воспѣть: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ». Но стихъ возглашаемый, вмѣсто трисвятой пѣсни: «елицы во Христа крестистеса, во Христа облекостеса», обличалъ наше недостойство. Страшно было внимать тутъ и словамъ символа: «насъ ради человекъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося, отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася». Когда же освятились дары на открытомъ престолѣ, «ужась бѣ видѣти»: не самъ ли Господь, въ своей Божественной плоти, паки родился для насъ въ вертепъ Вифлеемскомъ!

Вскорѣ, послѣ литургіи въ подземномъ вертепѣ небеснаго Младенца, мы повхали далеко въ пустыню, искать другаго вертепа, гдѣ спасся его ради великій труженикъ Палестинскій, Харитоній, въ пещерѣ Зифѣ, прославленной великодушнымъ подвигомъ Давида. Мнѣ хотѣлось посѣтить, по возможности, всѣ дикія уединенія свя-

тыхъ отшельниковъ, которыхъ житія столь поразительны для насъ, убогихъ жителей міра, не постигающихъ ихъ духовнаго богатства. За три часа отъ Вилеема, по направленію къ Мертвому морю, которое нѣсколько разъ открывалось намъ съ высотъ горныхъ и потомъ опять пропадало въ своей Содомской безднѣ, достигли мы шатровъ Бедуинскихъ, при устьѣ глубокаго ущелья, еще носящаго имя долины Харитона. Таковы новыя пустынные чада отца всѣхъ иночествующихъ Палестины, и они вызвались быть нашими провожатыми къ его дикому жилищу. Пѣшіе, по обрывамъ утесовъ, мы достигли до обширной цистерны, означавшей мѣсто прежней знаменитой лавры, и увидѣли остатки ея башень. Это была третья обитель, созданная великимъ любителемъ безмолвія, близъ пещеры Зифъ, лавра Суккійская, гдѣ и окончилъ онъ дни свои, по просьбѣ учениковъ. Мнѣ еще предстояло видѣть, на пути къ Иордану, Фаранскую и Иерихонскую лавры, основанныя Св. Харитоніемъ, при началѣ его подвига. Мѣстность Суккійская напоминала совершенно юдоль плачевную Св. Саввы, какъ будто бы сія великіе мужи пустыни искали подражать другъ другу, не только образомъ житія но и дикими своими берлогами, если позволено такъ выразиться, похищенными у звѣрей. «Лиси язвинны имуть» говоритъ Господь, и они дѣлились съ ними, и вотъ опять хищные, но уже не звѣри а люди, поселились на развалинахъ священной лавры, нѣкогда оглашаемой пѣснями бо-

годухновецкими. Суровое колыно Тамаритовъ, хвалющееся происхожденіемъ отъ Тамари и Іуды, разбило шатры свои между обломками башенъ и келлій.

На верженіе камня, но только сильной пращи Давидовой, находится, по тому же обрыву скалъ, пещера Царя Израилева, гдѣ уважилъ онъ лице помазанника Божія въ своемъ гонителѣ Саулѣ, и только отрезалъ полу его одежды, когда имѣлъ случай умертвить его. Этотъ вертепъ избралъ себѣ послѣднимъ земнымъ пристанищемъ Св. Харитоній, и испросилъ молитвенно источникъ, каплющій донынѣ съ утеса, на которомъ, какъ бы обновленный юностію орлею, свилъ онъ себѣ горнее гнѣздо до отшествія въ вѣчность. Съ трудомъ поднялись мы въ пещеру, по выдавшимся утесамъ, и еслибы не взяли съ собою нити Ариадниной, могли бы потеряться въ разнообразныхъ ея изгибахъ, которые даже не изслѣдованы мѣстными Бедуинами. Оконце старца Харитонія еще видно поверхъ источника и оно служило ему дверью, какъ гласитъ преданіе. Съ трудомъ исторглись мы отъ свиты Тамаритовъ, которыхъ шейхи насъ окружили, не довольствуясь никакою платою. Обратный путь пролегалъ мимо замка Иродова, прильнувшего къ высочайшей горѣ, или сопкѣ сего вулканическаго хребта. Говорятъ, что обширный видъ открывается съ ея вершины на всю южную Палестину, и я весьма сожалѣю, что не отклонился отъ дороги, для посвященія сего такъ называемаго Кастель-Франка; но мы спѣши-

ли въ Вилеесѣ къ вечернѣ, дабы застать богослуженіе Римлянъ, потому что это было наканунѣ ихъ праздника Рождества Христова, предшествующаго нашему двѣнадцатью дцями. Однако мы спустились, въ деревни Пастырей, въ уединенную долину, гдѣ совершали они нѣкогда ночную стражу стада своихъ, и гдѣ услышали небесныя гимны: «слава въ вышнихъ Богу!» Нѣсколько маслинъ въ обширной оградѣ, подземная церковь съ мозаичскимъ помостомъ, и надъ нею развалины бывшаго собора, — вотъ все, что осталось отъ древняго святилища, гдѣ соединились небо и земля для прославленія Божественнаго младенца. «Прейдемъ до Вилеема» сказали и мы, подобно пастырямъ, и поспѣшили къ тѣмъ же яслямъ, хотя и не обрѣли въ нихъ Повитаго.

Я люблю и въ храмъ Св. гроба лѣтис Латинскія, когда, со свѣчами въ рукахъ, многи обходятъ молитвенно всѣ святыя мѣста и приклоняютъ колѣна на каждомъ изъ нихъ, при пѣніи усвоенныхъ имъ гимновъ. Столь же трогательно шествіе сіе, по святилищу Вилеескому, и даже болѣе, потому что оно совершается въ подземельи. Изъ вертепа рождества, отъ престола яслей и Волхвовъ, идетъ вся братія по-парно въ подземный гротъ блаженнаго Іеронима, напоминающій Кіевскія пещеры. Они останавливаются сперва предъ алтаремъ Іосифа обручника, далѣе у заключенной пещеры избѣнныхъ младенцевъ, спускаются въ самое жилище Іеронимово, мимо гроба ученика его Евсевія, и

тамъ поклоняются гробницѣ сего великаго учителя Церкви Западной, и вослѣдовавшихъ за нимъ изъ Рима звукъ Сципіоновыхъ, Павла и Евстохія, матери и донери. Служба утренняя Рождества началась у Римлянъ ночью, какъ бы у насъ пасхальная, въ собственной ихъ церкви Св. Енаторины, примыкающей къ соборному храму, и продолжалась вместе съ литургіею шесть часовъ. Совершалъ ее самъ Reverendissimus, т. е. блюститель Св. гроба, възводящій облаченіе архіерейское, но безъ правъ святейшихъ, ибо онъ только настоятель братства. Хотя въ рукахъ была у меня книжка, по которой я могъ слѣдовать за ходомъ служенія, но оно показалось мнѣ утомительнымъ, отъ чрезвычайнаго однообразія и пронзительнаго цвѣія мальчиковъ Арабскихъ, искажавшихъ языкъ Латинскій, такъ что нельзя было понять ни одного слова и даже заглушался звукъ органа. Обѣдня заключилась процессіею кругомъ ихъ монастыря и во внутренность вертепа, съ изобрѣтеніемъ западнымъ для большаго впечатлѣнія, хотя на меня оно произвело совсѣмъ противное желаемому. Reverendissimus, въ полномъ облаченіи, съ двумя ассистентами, несъ корзину, и въ ней восковаго младенца, какъ бы образъ Воплощеннаго; при чтеніи евангелія двое пресвитеровъ повили его пеленами, надъ мѣстомъ рождества, а потомъ поставили корзину на мѣсто яслей, гдѣ остается до праздника крещенія. Что сказать о такой странной церемоніи?

Не могу не замѣтить здѣсь и другихъ вещей,

которыя показались мнѣ странными въ богослуженіи Латинскомъ, такъ какъ мнѣ впервые случилось наблюдать порядокъ ихъ всеобщей. Она раздѣлена, по древнему чину, на три статьи, и въ каждой положено чтеніе трехъ псалмовъ, переиъзанное съ нѣнїемъ антифоновъ, одна паремія и толкованіе отеческое на евангеліе; самое же евангеліе читается предъ концемъ службы. Это все какъ слѣдуетъ; но вотъ что свидѣтельствуетъ, сколь мало новѣйшіе учредители порядковъ Римскихъ постигали древнее положеніе церковное: такъ какъ каждое толкованіе отеческое, великихъ Святителей Льва и Григорія на евангелія рождественныя, необходимо имѣли во главѣ и первый стихъ объясняемаго текста, то для большей ли торжественности или по недостатку разумнїя, что въ ролятиве, предъ каждымъ изъ сихъ толкованій возглашалось, какъ бы предъ самымъ евангеліемъ: «и о сподобитися намъ слышанія святаго евангелія: миръ всѣмъ, вознемъ; отъ Матея святаго евангелія чтеніе». Когда же дѣйствительно вниманіе направлено было къ слушанію евангелія, діаконь возглашалъ только: «Исусъ Христово рождество сице бѣ и прочая», или: «во время оно, Исусу рождшуся въ Вифлеемѣ Іудействѣ и прочая», и тѣмъ оканчивалось чтеніе, какъ будто этотъ первой стихъ и громогласное окончаніе: «и прочая» заключали въ себя все. Я изумился и думалъ сперва, что хотѣли сократить службу, но заглянувъ въ служебникъ Латинскій разгадалъ причину такой несообразно-

сти, потому что, вслѣдъ за усвѣченнымъ евангеліемъ, читали полное толкованіе Св. отца, оглавленное симъ первымъ стихомъ: слѣдственно не было никакой нужды возбуждать, какъ бы къ слушанію самаго евангелія, а надлежало просто сказать: толкованіе такого-то Св. отца на такой-то текстъ.

Что касается до братства Латинскаго, въ Внолеемъ и Іерусалимъ, и особенно до лица ихъ настоятеля, или Блюстителя Св. земли, отца Бернардина ди Монте-Франко, то я не могу довольно нахвалиться ихъ благосклоннымъ вниманіемъ, которое мнѣ при всякомъ случаѣ оказывали. Блюститель велѣлъ нарочно для меня открыть заключенную всегда пещеру избѣженныхъ Иродомъ младенцевъ, въ подземельи Внолеемскомъ, и снять картину надъ яслями, чтобы показать природную скалу, чего не дѣлаютъ они безъ особенныхъ случаевъ; въ Іерусалимъ также онъ всегда ласково принималъ и посещалъ меня, хотя и чуждается патриаршей обители. Я не засталъ въ Св. градѣ новаго Патриарха Латинскаго, не болѣе двухъ лѣтъ тамъ поселившагося, къ крайнему огорченію православныхъ Христіанъ Востока; не думаю чтобы очень былъ доволенъ и Блюститель Св. земли симъ новымъ назначеніемъ, которое нарушило давнія права его, потому что, съ XIV вѣка, одному Францисканскому ордену ввѣрено было отъ Папъ охраненіе достоянія Римскаго въ Св. землѣ. Хотя доселѣ Патриархъ Латинскій не можетъ въ оное вступаться, ни даже въ управленіе монастырей Пропаганды, одна-

ко подавляетъ, наружнымъ блескомъ своего сана, болѣе смиренное лице Францисканскаго блюстителя. Удаленіе Папы отъ своей кафедры удалило временно и его новаго Патріарха изъ Іерусалима. Не случилось тамъ, въ бытность мою, и такъ называемаго трехъ-главаго Максима, Патріарха Уніатскаго, въ лицѣ коего неканонически соединилъ Папа три отдѣльные престола, Александрін, Антіохіи и Іерусалима, и который уже собиралъ однажды соборъ своихъ Епископовъ во Св. градѣ. Все это нововведенія западныя, о которыхъ не было слышно прежде, даже за десять лѣтъ; тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я опять твердый, благоразумный отвѣтъ Патріарховъ, въ ихъ окружномъ посланіи, на обольстительную буллу Папскую, исполненную погрѣшностей даже противъ исторіи церковной.

Что сказать также о новомъ Англиканскомъ Епископѣ Гоббатъ, бывшемъ миссіонерѣ Аббисинскомъ, лично человекъ хорошемъ? — Онъ поселился съ супругою своею, доброю женщиною, на Сіонѣ и ввинулъ новый элементъ исповѣданія Протестантскаго, промежду древнихъ Восточныхъ и Западныхъ, въ колыбели Христіанства; но собирая подъ сѣнь вновь сооруженной своей церкви, древнихъ сыновъ Израиля, не оставляетъ онъ однако въ покоѣ и Христіанскихъ Арабовъ, равно Православныхъ и Латинскихъ, и пользуется случаями политическими для ихъ совращенія, хотя въ грамотѣ, посланной отъ Примата Англіи, Архі-

епископа Кантербурійскаго Патріарху Іерусалимскому, съ извѣщеніемъ о вновь устроеномъ епископствѣ, ясно сказано: что Епископъ сей будетъ уважать всѣ права престола Іерусалимскаго и не станетъ мѣшаться въ дѣла его паствы, наблюдая миръ церковный; но видно такіа лестныя выраженія нужны были только для водворенія новой катедры! Простите, что близь яслей Виолемскаго младенца занимаю слухъ вашъ печальными свѣдѣніями, о недостаткѣ духовной младенческой простоты, которая заповѣдана намъ въ евангеліи, и вземлющихъ на себя распространять ученіе евангельское, какъ бы неслыханное дотоле въ Св. землѣ.

Возвратитесь со мною мысленно въ Виолемъ, гдѣ нѣкогда блаженному Іерониму представлялось, будто слышитъ онъ даже тихіе вопли Божественнаго младенца, изъ его яслей, и отколѣ желалъ, чтобы достигли они въ слухъ великихъ міра сего, посреди наслажденій древняго Рима. Дѣйствительно чрезвычайная тишина царствуетъ въ семъ маломъ градѣ Давидовомъ, который оказался, по слову пророческому, ничимже менши во владыкахъ Іудовыхъ, когда вышелъ изъ него предвѣчный Вождь, упасшій людей своихъ Израіля, когда изъ его животноснаго источника, по гласу церковныхъ пѣсней, въ одно время утолилась жажда Давидова и Адамова! — Особенное чувство мира проникаетъ въ душу тамъ, гдѣ обѣщаны были свыше миръ и благоволеніе въ челоуѣкахъ; самое мѣсто будто создано только для пастырей и для ихъ мирныхъ

сталь, и по особенному промыслу Божию, ради Ввелеемскаго младенца, изъ стѣлькихъ городовъ Иудовыхъ, оно одно удержалось въ рукахъ Христіанскихъ: это чрезвычайно отрадно посреди Магометанской тьмы, объявшей всю Палестину. Я обрѣлъ себя гостепріимный кровъ, подъ свѣію великолѣпной обители православныхъ, недавно достроенной, у старца Митрополита Діонисія, родомъ Болгарина, который постоянно тутъ живетъ, въ башнѣ Іустиніановой, примыкающей къ храму. Люблю я съ вершины этой башни обозрѣвать веселую и живописную окрестность, которая не носитъ на себѣ мрачнаго отпечатка Іерусалимской. Горы также окрестъ Ввелеема, но и Господь окрестъ людей своихъ, по выраженію псаломному; не дикій хребетъ ихъ держитъ его со всѣхъ сторонъ, какъ бы въ непрестанной осадѣ; но разстунилось ихъ каменное сердце смѣющимися долинами, посреди коихъ видно дѣло рукъ человѣческихъ: виноградники, воздѣланныя поля и частыя селенія, въичаютъ темя отдѣльныхъ холмовъ, съ масличными салами; стада пасутся на скатъ долины и пріятно думать, что пастыри ихъ, во дни торжествъ церковныхъ; готовы также сказать, какъ тѣ, которые совершали ночную стражу при рожденіи Божественнаго младенца: «прейдемъ до Ввелеема».

На пути сюда мы заѣзжали въ обитель Пророка Іліи, которая можетъ скорѣе назваться подворьемъ нежели монастыремъ, какъ и прочія въ Іерусалимѣ, кромѣ Патріаршаго и женскихъ, пе-

тому что въ нихъ живетъ обыкновенно одинъ только вгумень для приѣма богомольцевъ. Мѣстность сей обители замѣчательна живописными видами и очень здорова, по воздуху и хорошей водѣ, такъ что жители Иерусалимскіе, изъ числа Франковъ, разбиваютъ лѣтомъ шатры свои посреди маслинъ, подѣ сънію монастыря. Входъ въ него тѣсень, какъ бы въ бойницу, для предосторожности отъ грабежей Бедуинскихъ, какъ и во всѣхъ пустынныхъ монастыряхъ; церковь отдѣлана недавно и довольно пространно. Мнѣ хотѣлось поклониться тамъ гробу отца моего духовнаго, Митрополита Петры Аравійской Мисаила, бывшаго намѣстникомъ Патріаршимъ въ 1830 году. Добродѣтельный мужъ сей, дожившій до глубокой старости свыше ста лѣтъ, пользовался чрезвычайнымъ уваженіемъ отъ народа и его даже не иначе называли какъ святымъ Петромъ, отъ сбивчиваго наименованія его энаркія Петрской. По свойству Греческаго языка, Архіереямъ даютъ титулъ, вмѣсто преосвященнаго: «святой» такого-то города или области; такимъ образомъ преосвященный Петры Аравійской называется для краткости святымъ Петры, изъ чего вышло святой Петръ, и по привычкѣ это названіе сохранилось даже нынѣшнему Намѣстнику Патріаршему, потому что онъ также Митрополитъ Петры Аравійской.

Замѣчательна была кончина старца Мисаила: онъ никогда не оставлялъ Иерусалима, ни во время смутъ политическихъ, ни при часто повто-

рявшейся чумь. Въ послѣдній только разъ, въ 1836 году, когда голодъ и болѣзни опять свирѣпствовали въ Сиріи, приближенные его, ради собственнаго страха, убѣдили старца искать убѣжища въ монастырь Пророка Иліи. Нѣ хотя онъ ихъ послушался и, не дождая обители, упалъ съ лошади; это паденіе было причиною его смерти, какъ бы во свидѣтельство того, чтобы не уповать на средства человѣческія болѣе, нежели на божественную помощь, столько разъ видимо спасавшую Святителя. Я просилъ Русскую братію отелужить паннхиду надъ его гробомъ, и поклонился тутъ же гробницѣ одного изъ Патріарховъ Іерусалимскихъ, Иліи, племени Арабскаго, который обновилъ обитель сію въ XVI вѣкѣ. Древняя много уважаемая икона Пророка Иліи, въ серебряномъ окладѣ, освяляетъ сомненнаго ему Святителя Палестинскаго.

Теперь собираюсь въ обратный путь, чрезъ ту долину, гдѣ нѣкогда пролежала пустынная дорога изъ Іерусалима въ Газу; тутъ вѣхалъ въ колесницѣ вельможа Царицы Эѳіопской Кандакинъ, размышляя о событіяхъ крестной смерти Спасителя, видѣнной имъ въ Іерусалимѣ, и тутъ внезапно предсталъ ему Апостолъ Филиппъ. Люблю я этотъ простой разсказъ дѣяній Апостольскихъ, столь утѣшительный для каждаго путника, ибо онъ читается на молебнѣ въ путь-шествующихъ. Еще сохранились между развалинъ воды обильнаго источника, падающаго изъ подъ арки, вѣроятно въ древнюю крещальню. Въ первое мое путешествіе

я тамъ не былъ, потому что опасны были окрестности Иерусалимскія; теперь хочу туда идти, чтобы тамъ прочесть, надъ самымъ источникомъ, описаніе событія изъ книги Апостольской, какъ я это обыкновенно дѣлаю надъ каждою священною мѣстностію Палестины. Отраднѣе мнѣ будетъ повторить тамъ смиренныя слова Муринна, о боговдохновенномъ писаніи Пророка Исаіа: «какъ убо могу разумѣти, аще не кто наставитъ мя?» Слова же писанія были: «яко овча на заклѣніе ведеса и яко агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, во смиреніи судъ его взятся, родъ же его кто исповѣсть?» Не ясно ли, что безъ руководства Церкви не можемъ мы, слабымъ умомъ нашимъ, понимать высокія тайны пророчествъ? Когда же смирился пылливый умъ человѣческій, въ послушаніе называющему Апостолу, какъ просто истекли, изъ сердца вельможи, спасительныя для него слова, при видѣ перваго источника: «се вода, что возбраняетъ мнѣ креститися?» за конми слѣдовали слова Филиппа: «аще вѣруеши отъ всего сердца твоего, можно ти есть» — «Вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа,» воскликнулъ Муринъ и, повелѣвъ стать колѣсникъ, крестился въ водахъ сихъ. Хочу и я приизнести, надъ тѣми же водами, тоже спасительное слово: «вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа,» которое, какъ можно чаще, надобно повторять для утвержденія нашего, дабы и намъ, подобно сему обновленному путнику, радостно продолжать жизненный путь нашъ.

ПИСЬМО XXXII.

ПУСТЫНЯ ИОРДАНСКАЯ.

Иерусалимъ, 19 Декабря, 1849.

Возвратясь съ Иордана, пишу къ вамъ опять, потому что, изъ всѣхъ странствій по окрестностямъ Св. града, это было самое занимательное. Господь привелъ меня созерцать, вмѣстѣ съ дивною мѣстностью его крещенія, и пустынные останки тѣхъ знаменитыхъ обителей, которыми некогда процвѣла, яко кринь, сія пустыня, паки омертвѣвшая и возвратившаяся къ первобытному своему запустѣнію: грустно и назидательно такое зрѣлище, представляющее, какъ измѣняются дѣла человѣческія, даже и въ предметахъ самыхъ священныхъ. — Съ восхожденіемъ солнца, при открытіи вратъ Иерусалимскихъ, поднялись мы въ путь и у вертепа Гео-

Часть II.

13

симаанскаго собрался, мало по малу, весь нашъ караванъ, спутники и провозатые. Намѣстникъ Патриаршій условился заблаговременно съ шейхами селеній Силоама и Виоаніи и они, за условную плату, поручились въ нашей безопасности, ибо имъ какъ бы принадлежитъ достояніе пустыни; не смѣютъ прикоснуться смѣлые Бедуины къ тѣмъ кого сопровождаетъ ихъ конная и пѣшая стражаю.

Шейхи красовались около насъ на своихъ борзыхъ Арабскихъ коняхъ, въ живописномъ всеоружіи Востока. Насъ было немного и, для бѣльшей безопасности, Намѣстникъ запретилъ пѣшимъ богомольцамъ идти за нами; иначе набралось бы ихъ множество, потому что не охотно ожидаютъ они общаго хожденія на Іорданъ, на страстной недѣль, подъ прикрытіемъ многочисленной дружины Паши Іерусалимскаго. Но Русская братія малой обители Архангельской была со мною и, всегда неразлучный при такихъ путешествіяхъ, игуменъ Св. Саввы Іоасафъ, съ своимъ инокомъ; никто кромъ его не могъ объяснять въ пустынь развалины обителей, которыя неоднократно посѣщалъ, подражая ихъ древнимъ аввамъ подвижническою жизнію; но ради смиренія не позволялъ онъ себѣ даже сѣсть на осла, пѣшкомъ поспѣвая за нами, и только изрѣдка на горахъ я заставлялъ его, изъ послушанія, отдыхать верхомъ отъ труднаго пути.

Пройдя Виоанію, мы отклонились за нѣсколько шаговъ вправо отъ дороги, чтобы поклониться камню, на которомъ возсѣдалъ шедшій воскресить Лаза-

ря Господь, ожидая сестеръ его и гдѣ сказалъ онъ утѣшительное слово Марѣ: «воскреснетъ братъ твой» и еще болѣе утѣшительное для всѣхъ: «азъ есмь воскресеніе и животъ.» (Іоан. XI) Памятны, сладостны сердцу такія слова, но они еще какъ будто ему ближе на самомъ мѣстѣ, гдѣ были произнесены. Отсюда начинается крутой спускъ съ высотъ Элеонскихъ, по Іерихонскому пути, и тутъ уже можно замѣтить, какъ высока эта горная часть Іудеи въ сравненіи съ Іорданскою долиною, потому что, на разстояніи шести часовъ, дорога постоянно идетъ подъ гору; но болѣе обрывистыя стремнины надъ самою долиной. Не далеко отъ камня Виѳанскаго подъ горою, есть кладязь, гдѣ, по мѣстному преданію, часто останавливался Господь съ учениками своими, на пути въ Іерусалимъ. . . . и всѣ сіи знаменательныя мѣста, мы грѣшныя, за коихъ пострадалъ онъ, едва ли не равнодушно проходили мимо!

На половинѣ дороги Іерихонской, въ виду развалинъ обширной крѣпости Іудейской Адонимъ, которая сдѣлалась замкомъ при крестоносцахъ, ибо здѣсь былъ ключъ всѣхъ горныхъ исходовъ къ Іордану,—мы поворотили узкою стезею влѣво, въ глубокой оврагъ, по направленію къ лаврѣ Св. Евѳимія; мѣсто сіе, издавна страшное разбоями, указывается по преданію поприщемъ евангельской притчи о благомъ Самарянинѣ, возлившемъ масло и вино на уязвленнаго разбойниками. Какъ все обозначено въ рассказъ евангельскомъ, и самыя притчи основаны на истинныхъ происшествіяхъ!

Съ большимъ трудомъ спустились мы въ тѣсное ущеліе; болѣе часа пролегла стезя наша между песчаными утесами, когда внезапно пересѣкла ее низкая арка полуразрушеннаго водопровода; за нею зашумѣли свѣжія воды потока, въ болѣе широкой долинь, ознаменованной развалинами. Арабы называютъ это мѣсто Фара, но мнѣ не взошло сперва на мысль, искать тутъ развалины древней знаменитой лавры Фаранской великаго Харитонія, основной для всѣхъ Палестинскихъ обителей, потому что я предполагалъ ее на Мертвомъ морѣ. — Однако, по соображенію съ житіемъ его и великаго Евѣмія, она необходимо должна была находиться на этомъ мѣстѣ, такъ какъ Св. Харитоній схваченъ былъ разбойниками, на пути изъ Сиріи въ Іерусалимъ, и увлеченъ въ ихъ пещеру, вѣроятно не далеко отъ большой дороги; да и лавра Св. Евѣмія находилась по сосѣдству. Въ послѣдствіи посылаю я отыскивать пещеру и слѣды обители; но посланные не умѣли ихъ найти; однако остатки водопровода и мѣльницъ и груды камней по всей долинь свидѣтельствуютъ, что тутъ было населеніе большое, какое можно предполагать для лавры Фаранской, а между тѣмъ исторія не указываетъ тутъ никакого города; самое разстояніе Фарана, на шесть миль отъ Іерусалима, соответствуетъ сему предположенію. Пусть другіе изыскатели лучше меня опредѣляютъ мѣстность сей знаменитой обители. — Отъ Фарана проводники наши потеряли настоящую дорогу къ лаврѣ Евѣміевой,

и вмѣсто того , чтобы идти лѣвымъ берегомъ потока , на которомъ она стоитъ , увлеклись болѣе удобною , по видимому , стезею вдоль праваго , и такимъ образомъ , сами того не зная , вышли опять на большую дорогу Иерихонскую. Лавра Евѳимія была не далеко , но не возможно было достигнуть ее верхомъ; старецъ Іоасафъ предложилъ намъ спуститься пѣшими , въ глубокой оврагъ другаго изсохшаго потока , чрезъ который былъ перекинуть водопроводъ Императрицы Евдокіи. Большихъ трудовъ стоило спуститься въ сію каменистую пропасть; еще болѣшихъ—слѣдовать , по острымъ камнямъ изсохшаго потока , до лавры , отстоящей на полчаса хода , и подняться на противоположныя скалы къ ея развалинамъ; но все превозмогло усердіе , возбуждаемое примѣромъ аввы; онъ дивился изсохшему потоку , который обыкновенно струитъ обильныя воды; но путь нашъ былъ бы еще опаснѣе , если бы должны были , вмѣсто русла , лѣпиться по обрывамъ береговыхъ скалъ.

. Древняя лавра Евѳиміева предстала намъ , огражденная высокою стѣною со стороны потока , недоступная хотя и полуобрушенная; только низкое отверстіе , сквозь которое должно было пролезать , открыло намъ не свободный входъ въ ея заветную внутренность. Еще недавно мѣстные Арабы укрылись въ ней , отъ воиновъ Ибрагима-Паши , и заложили такимъ образомъ бывшія пространныя врата. Надъ ними сохранилась надпись Греческая и Арабская , о не весьма давнемъ обновленіи лавры

двумя братіями изъ Іерихона; но мы не могли хорошо разобрать имена и число лѣтъ. Изъ первой ограды поднялись, по грудъ обломковъ, въ самую церковь, довольно обширную, двухпрестольную, въ которой сохранились еще фрески на полуобрушенныхъ стѣнахъ, уже безъ сводовъ и купола: Предтеча и Богоотцы Іоакимъ и Анна, и пустынножителіи, самъ Евѳимій и Савва, Герасимъ Іорданскій, названный Каламонитомъ и Георгій Хозевитъ. Подъ церковію, со стороны алтаря, былъ сходъ въ усыпальницу братіи, гдѣ еще хранятся многія кости; повыше приникла къ скалѣ самая гробница великаго Евѳимія подъ аркою, украшенною крестами, но уже упразднена его могила; мы только поклонились мѣсту, гдѣ лежало тѣло святаго старца, и вошли въ пещеру, гдѣ обиталъ онъ и гдѣ для него устроилъ первую церковь Патріархъ Анастасій, пришедшій утѣшить старца съ великимъ аввою Пассаріономъ. Это было не за долго до кончины Евѳимія, и не должно смѣшивать сей послѣдней его лавры, основанной имъ по откровенію Божію для пріема новоначальныхъ, на исходъ уже временной жизни, съ тою, которая находилась нѣсколько ниже, въ томъ же ущеліи Кутилійскомъ и надъ тѣмъ же потокомъ, гдѣ вначалѣ обиталъ онъ съ другомъ своимъ Θεоктистомъ, вышедши изъ Фарана. Она называлась нижнею въ сравненіи съ этою верхнею, по теченію потока, и туда приходили Сарапинскіе Князья, просившіе крещенія у Евѳимія. Здѣсь же поселился Св. Евѳимій послѣ многихъ странствій,

возвратясь отъ Мертваго моря, изъ пустыни Руви, по убѣдительной просьбѣ друга своего Феоктиста, довольно далеко отъ него, чтобы пользоваться любимымъ уединеніемъ, но имѣя и возможность посѣщать его церковь, по воскреснымъ днямъ, доколь не устроилъ собственной.

О если бы возстановилась опять сія лавра Евоніміева, какъ возникла вновь лавра его ученика Саввы, въ юдоли плачевной, видѣвшая надъ собою также дни запустѣнія! Мы продолжали трудное шествіе, вдоль по руслу потока Кутилійскаго, безводнаго въ это позднее время года, и безпрестанно принуждены были ступать на острые кремни, или соскакивать съ обрывистыхъ камней тамъ, гдѣ потокъ образовалъ водопады. Пройдя такимъ образомъ болѣе получаса, мы увидѣли вѣтвь, на полугорѣ, зданіе обвалившееся; ученикъ аввы Іоасафа увѣрялъ насъ, что тутъ есть пещера и усыпальница братіи, но уже не доставало силъ подняться по камнямъ на высоту; нѣтъ сомнѣнія, что это нижній монастырь Феоктистовъ, гдѣ пастыри открыли надъ потокомъ двухъ дивныхъ подвижниковъ, какъ бы пришельцевъ инаго міра, и гдѣ долго потомъ они обитали вмѣстѣ. — Наконецъ, выбившись совершенно изъ силъ отъ каменной стези, мы увидѣли на высотахъ, съ правой стороны, лошадей, ожидавшихъ насъ уже почти при выходѣ изъ ущелія, и чрезвычайно обрадовались, потому что могли выѣхать опять на большую дорогу Іерихонскую. Вправо отъ нея пред-

ставились развалины монастыря, господствовавшего некогда надъ всею равниною Иорданскою, а пониже его видна была обширная цистерна, куда стекались ея обильныя воды; оттолкъ открывался видъ и на Мертвое море. Старецъ Юасафъ называлъ обитель сію Теокистивою, и такъ она слыветь въ мѣстномъ преданіи, но Теокистова была надъ потокомъ. Это можетъ быть Каламони, если только имя сіе не принадлежитъ Герасимовой обители, или это монастырь Пирговъ, т. е. башень, быть можетъ названный такъ по своимъ бойницамъ, или по сосѣдству башни Императрицы Евдокии? — Кто разгадаетъ тайну сихъ пустынныхъ развалинъ, коихъ такъ много разсыяно по долинахъ Иорданской?

Солнце уже село, когда переѣхавъ опять расширенное русло того же потока, полемъ Иерихонскимъ приблизились мы къ нынѣшней одинокой башнѣ Иерихона, охраняющей его убогое селеніе; остатки величественныхъ водопроводовъ, между разросшихся кустовъ, знаменовали древнее величіе любимаго мѣстопробыванія Иродова, гдѣ скончалъ дни свои жестокой убійца Виолеемскихъ младенцевъ. Данный мнѣ изъ патріархіи провожатый, для наблюденія за вьюками, не спросясь меня, разбилъ уже шатры надъ потокомъ Едиссеевымъ, но я предпочелъ башню Иерихонскую, для избѣжанія свѣжести ночной и набѣговъ Бедуанскихъ. Едва только подкрѣпились мы скудною пищею, послѣ долгаго знойнаго пути, на вершинѣ

башни, какъ уже авва Іоасафъ поднялся на молитву и, опершись на свой страннической посохъ, началъ навзручь читать вечерню и утреню съ каеизмами, приготавливая насъ такимъ образомъ къ завтнешнему торжеству Іорданскому: съ нами все было отпущено изъ Іерусалима, для служенія литургіи надъ священной рѣкою. Умилительна была эта выпсрняя всенощная на верху столпа, читаемая хотя и не столпникомъ, но достойнымъ преемникомъ великихъ подвижниковъ сей нзкогда духовно многоплодной равнины: Когда же прочелъ старецъ свою службу и правило, безъ дальнихъ приготовленій простерся онъ на голую землю, не принимая отъ насъ ничего себѣ ни въ изголовье, ни для покрова, и мгновенно заснулъ сномъ праведника, какъ воинъ на мѣстѣ битвы, или какъ жнецъ утомленный дневными трудами на полѣ жатвы. Я вышелъ еще на терасу подышать вечернимъ воздухомъ и насладиться ночью картиною, слабо освѣщенной молодымъ мѣсяцемъ. Не объятною представлялась въ его полусвѣтѣ равнина Іорданская, на краю коей было Мертвое море. Не было видно теченія Іорданова, въ глубокомъ извиломъ руслѣ, но можно было его угадывать вдалекѣ; съ противоположной стороны дико подымалась гора искушенія Господня, отдѣляясь отъ прочаго хребта Іудейскаго, какъ бы выдавшійся мысъ посреди морскихъ волнъ. Страшно и назидательно было это зрѣлище, въ одно время представлявшее взору священныя и

грозныя воспоминаія! Вокругъ царствовала глубокая тишина и только слышался шумъ ручья Елисеева, струившагося подлѣ башни между садовъ, или говоръ нашихъ вожатыхъ Арабовъ, около разведенныхъ огней, и ржаніе ихъ бодрыхъ коней.

Нѣкоторые сомнѣваются о существованіи львовъ на берегахъ Иордана; но мой саисъ или конюхъ, изъ селенія Карака за-иорданской Аравіи, объявилъ мнѣ, что онъ самъ видалъ тамъ скитающихся львовъ, не рослыхъ и безъ гривы, которые спускались къ берегамъ Иордана. И такъ напрасны сомнѣнія о львахъ и екимнахъ львовыхъ, усмиряемыхъ по манію Герасима Иорданскаго и другихъ великихъ отшельниковъ, которые достигли по своей праведности до первобытной власти Адама надъ звѣрями. — До разсвѣта поднялись мы изъ Иерихона, взявъ съ собою, для большей безопасности, еще пять вооруженныхъ всадниковъ Паши Иерусалимскаго, которые сторожили башню, и направились прямо къ Иордану, какъ только позволяла мѣстность овраговъ; они пересѣкали путь къ обители Предтечевой, сооруженной по преданію на самомъ мѣстѣ крещенія Господня. Одно только длинное, тонкое копье Бедуинское, издали засверкало въ ясномъ утреннемъ воздухѣ, обличивъ какого либо хищника, который сторожилъ, какъ бы угнать стада въ свою зарѣчную пустыню; но и оно скрылось внезапно, при налетѣ нашихъ всадниковъ.

Достигнувъ русла священной рѣки, которая со-

вершено заросла въ этомъ мѣстѣ кустами и тростникомъ, такъ что нельзя къ ней приблизиться, мы поднялись на песчаные прибрежные холмы; тамъ возвышалась нѣкогда знаменитая обитель Предтечи, нынѣ обращенная въ груды печальныхъ развалинъ; но по мраморнымъ ея остаткамъ можно судить о пржемъ величїи. Стѣны складены были изъ громаднхъ камней и сохранились еще нижнїе своды и галлерей: видно, что это былъ не только монастырь, но и замокъ, и по преданїю, тутъ основались, въ древней обители пустынно — жителей Палестинскихъ, воинственные братїя Св. Іоанна Іерусалимскаго въ среднїе вѣка. Когда Султанъ Саладинъ вытѣснилъ крестоносцевъ изъ Палестины, то и они принуждены были оставить свои бойницы, разоренныя Султаномъ по ненависти къ Франкамъ. Но конечное разоренїе обители послѣдовало гораздо позднѣе, уже во время обладанїя Турецкаго, потому что видны слѣды пороховыхъ взрывовъ, обрушившихъ цѣлыя стѣны и не-расторгшихъ однако цемента; такъ не разрушаетъ терпѣливое время, а только страстные люди. Виною разоренїя было то, что Бедуины, приходившіе изъ-за Іордана, избрали себѣ развалины сїи вмѣсто крѣпости и опустошали окрестность. Подлѣ, на ближайшемъ холмѣ, есть еще усыпальница братїи, съ костями и остатками одежды, и можетъ быть въ промежутокъ времени, отъ Саладина до Турокъ, временно поселялись тутъ Греческіе или Арабскїе иноки. Икону Іорданской Божїей Матери,

перенесенную изъ сей обители въ Патриаршую воскресенія Христова въ Іерусалимъ, я принесу вамъ съ собою. Но посреди сихъ обломковъ, гдѣ не оставалось ни малѣйшаго слѣда церковной живописи, что бы вы думали, уцѣлѣло на углу обвалившейся стѣны бывшей церкви? — одна лишь рука, держащая хартію, и въ хартіи начертано: «приидите, обрѣтохомъ желаемого», слова изъ тропаря ученика Предтечи, первозваннаго Апостола, который здѣсь обрѣлъ Мессію! Умилительно было мнѣ читать слова сіи, которыя какъ будто сохранились во свидѣтельство событія и перешли такую бурю временъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, привѣтъ моего Ангела въ самой пустынѣ, гдѣ онъ первый послѣдовалъ за Господомъ, когда блаженный его учитель указалъ ему Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра! — Пещера, гдѣ жилъ Предтеча и гдѣ явился онъ позднѣйшему отшельнику, съ отраднымъ словомъ, что тутъ посѣщалъ его самъ Господь, находится по ту сторону Іордана; но мы не могли перейти завѣтной рѣчки, по страху Бедуиновъ и по бурному стремленію воды, и продолжали путь нашъ внизъ по теченію, на разстояніи четверти часа, до того мѣста, гдѣ обыкновенно останавливаются богомольцы, потому что тутъ рѣчка совершенно открыта, безъ тростника, и низменный берегъ позволяетъ купаться.

Провожатые наши, конные и пѣшіе, расположились въ недалекомъ разстояніи отъ рѣчки сторожить своихъ коней, а мы взошли въ чашу кустовъ

на прибрежный холмъ, подъ которымъ съ шумомъ струился Иорданъ, ударяя въ него углообразнымъ теченіемъ. Густыя ивы, склонившіяся надъ водами и осѣнившія холмъ, укрыли насъ совершенно отъ взоровъ Агарянскихъ, и мы могли свободно приготовить все для желаннаго богослуженія. Старецъ Иоасафъ, съ іеромонахомъ Русскимъ Теофаномъ, соорудили престолъ изъ принесенныхъ столбцевъ и древесныхъ вѣтвей, срубленныхъ на мѣсть; покрывъ его зеленью травъ, одѣли парчевою одеждой и положили сверху антиминосъ, данный имъ отъ Намѣстника Патріаршаго, крестъ и евангеліе, съ иконою Богоявленія Господня, зажгли свѣчи, воскурили ѳуміамъ, и игуменъ Св. Саввы, совершивъ проскомидію, началъ божественную литургію, на родномъ языкѣ. Отрадны были его звуки на берегахъ Иордана, надъ звучнымъ теченіемъ его водъ, которыя, конечно, впервые огласились нашими родными напѣвами! Мы всѣ Русскіе составили хоръ, и давно не помню я столь торжественной литургіи, хотя и подъ открытымъ небомъ, и въ чащѣ лѣса.

Служба была полная Богоявленская, и когда, въ виду Иордана, возгласилъ онъ евангельское слово: о разверзшихся тутъ нѣкогда небесахъ и Духъ, сходящемъ въ видѣ голубинъ, и Божественномъ гласѣ, — казалось, услышится вновь небесный гласъ: «сей есть Сынъ мой возлюбленный, о немъ же благоволихъ». По окончаніи литургіи, мы взяли свѣчи и икону, и при пѣвнѣ: «гласъ Гос-

поленъ на водахъ: прїидите, прїимите Духа премудрости, Духа разума явльшагося Христа», крестнымъ ходомъ сошли въ самую рѣку на камни, гдѣ совершили освященіе водъ, какъ бы въ самый день Богоявленія; уже не много оставалось до сего праздника, такъ какъ это было 16 Декабря. Есть особая молитва, въ Греческомъ требникѣ, весьма умиленная, которая у насъ не читается. — По освященіи водъ, не выходя изъ рѣки, мы налили два большихъ сосуда Іорданской воды, изъ коихъ одинъ доставлю вамъ. Время было теплое и даже душное около полдня, такъ что я могъ погрузиться въ Іорданъ, довольно однако прохладный, не смотря на палящіе лучи солнца. Услышавъ пѣніе и лики, подвиглась любопытствомъ наша Агарянская стража, и видя торжество, по примѣру одного изъ Христіанъ, начала стрѣлять изъ ружей, изъясляя тѣмъ свое уваженіе къ неразумьемому ея обряду. Все это было въ высшей степени трогательно и величественно! — Потомъ мы еще нѣсколько отдохнули, подъ сѣнію Іорданскихъ вербъ, и, укрѣпившись скромною трапезою, поѣхали далѣе осматривать пустынные обитатели, а व्यюки и лишніе люди отправили въ башню Іерихонскую, гдѣ опять должны были провести ночь. Старецъ Іоасафъ былъ совершенно счастливъ, что впервые могъ отслужить литургію на Іорданъ, потому что хотя иноки его иногда и ходятъ туда на Богоявленіе, но не всегда могутъ совершать свободно службу, онъ же никогда не бывалъ съ ними въ эти дни.

Старецъ разсказывалъ намъ съ живостью, о прежнихъ страхахъ Арабскихъ до временъ Ибрагима Паши, которые иногда и теперь повторяются: какъ однажды собрались они, большою семьею иноческою, на Иорданъ изъ лавры Св. Саввы, и принуждены были возвратиться, потому что около развалинъ Кастеля шайка за-иорданскихъ Бедуиновъ отобрала у нихъ весь хлѣбъ, запасенный на дорогу; а въ другой разъ произошло еще горшее: бѣдныхъ путниковъ совершенно обнажили, такъ что стыда ради они едва испросили себѣ нѣсколько лохмотьевъ, чтобы только дойти до обители. Впечатлѣнїе сихъ хищниковъ сильно вѣзало въ его память, и они часто были на устахъ его: но онъ все разсказывалъ съ радушною улыбкой, будто смѣясь надъ своими бѣдами. Древнїе пустынные отцы, о коихъ пишетъ въ Духовномъ лугѣ Іоаннъ Москъ, также не рѣдко жаловались на набѣги хищниковъ.

Между тѣмъ, по старому широкому руслу рѣки, направились мы къ бывшей обители одного изъ величайшихъ подвижниковъ сей пустыни, который принялъ свое названїе отъ Иордана. Обитель сія лежала къ полдню отъ Предтечевой, но прежде оставили мы самое русло и, на разстоянїи полчаса отъ него, постѣили источникъ сладкой воды, испрошенный слезами преподобнаго Герасима, для облегченїя учениковъ своихъ, издалека носившихъ воду; потомъ приблизились и къ самой его обители, долго господствовавшей надъ всею пустынею Иорданскою, когда уже пришли въ заустѣнїе прочїя мно-

гочисленные обители. Не знаю, что собственно было виною болѣе долгаго процвѣтанія и не весьма давняго заустынія: слышалъ только, что по причинѣ невыносимыхъ разбоевъ Бедуинскихъ и, вѣроятно, по оскудѣнью средствъ къ содержанію, во время управленія Св. града Патріархами племени Арабскаго, т. е. послѣ завоеванія Турецкаго, иноки сами собою оставили обитель, и перенесли добровольно всю ея святыню въ Іерусалимъ, гдѣ и доселѣ множество утвари и иконъ сльвуть Іорданскими.

Какъ жаль, что такая славная обитель, пережившая весь прочій на Іорданѣ, пала наконецъ и что не достигла до нее рука обновителя лавры плачевной юдоли, Патріарха Досеоя; слѣдовало бы необходимо возстановить ее, вмѣстѣ съ лаврою великаго Евѳимія! Она стоитъ на отлогой высотѣ, съ которой открывается видъ на всю равнину и на Мертвое море. Еще отчасти уцѣлели восточныя и южныя стѣны; разореніе болѣе коснулось сѣверной стороны, гдѣ была главная церковь, но въ ней сохранился полусводъ горняго мѣста, съ остаткомъ стѣнной живописи: тутъ на камнѣ обыкновенно совершаютъ литургію иноки Св. Саввы, въ сочельникъ Богоявленія, на пути къ Іордану. Другая церковь рядомъ сохранила еще болѣе живописи: надъ западными дверями я видѣлъ икону успенія и лики двухъ Апостоловъ Бога матери Андрея Первозваннаго и Симона Зилота. Внутренній дворъ монастырскій заваленъ горами развалинъ бывшей

трапезы и келліи, но все это еще можно бы восстановить, если бы нашлись опять пустыяники Іорданскіе: кто и когда?— Богъ вѣсть!

Желая посѣтить еще до вечера гору искушенія, отстоящую на два часа хода, я оставилъ повязку на Мертвое море, менѣе для меня занимательное, которое однажды видѣлъ, и направился прямо къ горному высокому кряжу, по широкой равнинѣ, пересѣченной частыми и глубокими оврагами иссохшихъ уже потоковъ: но когда воды были собраны въ обширномъ водоемѣ, видѣнномъ мною на канунѣ, можно было напаять пустыню и оплодотворять ее: не напрасно славилась она розами, пальмами и мастикой. На остаткахъ древняго Іерихона, ближе къ горамъ, бываетъ обыкновенно становище богомольцевъ, многими тысячами странствующихъ, подъ прикрытіемъ стражи, на Іорданѣ; этотъ кочевой базаръ, хотя и не совѣсмъ благочинный, два дня оживляетъ пустынную картину долины Іорданской, которая опять на цѣлый годъ возвращается къ болѣе свойственному ей безмолвію.

Гора искушенія не была посѣщаема мною, въ первое мое странствованіе по Св. мѣстамъ, и тѣмъ пламеннѣе влекло меня сердце къ мѣсту постнаго подвига самаго Искупителя нашего. Оно какъ бы указано было заблаговременно инымъ подвижникомъ, Пророкомъ Іліею, который уединился здѣсь надъ потокомъ Хорафскимъ. И въ послѣдствіи пустыня сія была любимымъ поприщемъ постныхъ подвиговъ, для великихъ отшельниковъ Палестины,

сюда удалявшихся на все теченіе čtyредесятиницы, въ память сорокодневнаго поста своего Господа. Едва ли не это есть та дикая пустыня Рува, великаго Евемія, которой ищутъ на берегахъ Мертваго моря: весьма естественно, что онъ проводилъ дни čtyредесятиницы на мѣстѣ пощенія Господня. Сюда ежегодно удалялся Савва освященный, ученикъ его, совершивъ прежде память своего блаженнаго учителя въ его соседней лаврѣ. Тутъ же основалъ свою знаменитую лавру, прозванную Иерихонскою, по близости сего города, первый отшельникъ Харитоній, когда оставилъ на время Фаранъ, и здѣсь же должно предполагать лавру Иліотовъ, въ память Освятянна Иліи. По крайней мѣрѣ сія гора, испещренная въ два и три яруса, надъ бездною потока Хораскаго, келліями отшельниковъ, какъ гнѣздами птицъ, свидѣтельствуесть о чрезвычайномъ населеніи мѣста, подвижниками, шедшими здѣсь по слѣдамъ своего Господа. И кто же населяесть теперь всѣ сіи дивныя пещеры тамъ, гдѣ еще онъ доступны и не оборвались камни ихъ въ бездну?— Бедуины загоняютъ туда на ночь стада свои: я видѣлъ, какъ подъ вечеръ стремились туда по крутизнѣ легкія козы, и блеяніе овецъ оглашало своды пещеръ, оглашавшихся нѣкогда пѣніемъ лавковъ.

Бедуинъ соседняго кочевья вызвался быть нашимъ проводникомъ, въ пещеру čtyредесятиницы, и я послѣдовалъ за нимъ на крутизну, не обра-

щая на него вниманія, будучи исполненъ душою о священномъ минушемъ. Когда же, подымаясь съ камня на камень по узкой извилистой тропѣ, мы достигли наконецъ у самаго подножія пещеры, до такого мѣста, гдѣ надобно было призадуматься, какъ шагнуть далѣе чрезъ пропасть, потому что обрушились въ промежуткѣ ступени, изсѣченныя въ скалы, — вожатый мой оглянулся; я невольно вздрогнулъ, увидѣвъ черное лице Бедуина, съ раскаленными глазами и сіяющими бѣлизной зубами, въ двикихъ отверстыхъ устахъ. Признаюсь онъ напомнилъ мнѣ лице искуителя, на мѣсть искушенія. Я не догадался прежде, что Бедуинъ сей принадлежалъ черному поколѣнію, прикочевавшему въ внутренней пустыни, и не могъ подавить перваго непріятнаго впечатлѣнія, хотя однако старался за таить въ себѣ это непріятное чувство.

Сперва вошли мы въ верхній ярусъ пещеры, состоящій изъ нѣсколькихъ смежныхъ между собою вертеповъ. Въ первомъ изъ нихъ цистерна уже безводная; своды втораго поддержаны большимъ самороднымъ утесомъ; третій вертепъ былъ собственно церковный, о чемъ свидѣлствуютъ остатки стѣнной живописи, почти стертые. Алтарь его, докладенный отчасти громадными камнями, висѣлъ надъ бездною, въ которую уже обрушилась одна его часть. Съ южной стороны сей церкви еще уцѣлѣло малое отдѣленіе верхнихъ галлерей, и тутъ указываютъ мѣсто искушенія: отверстіе въ бездну открываетъ обширный видъ на

келліи и на потокъ уже изсохшій: въ углубленіи сего крайняго вертепа сохранился камень, ознаменованный изсѣченнымъ на немъ крестомъ, а сверху осыненный Херувимомъ славы. По преданію мѣстному, на этомъ камнѣ, сидѣлъ самъ Господь. Напротивъ, на стѣнѣ, уцѣляли образъ благовѣщенія и нѣсколько Ангельскихъ ликовъ, въ память Ангеловъ, здѣсь послужившихъ Господу послѣ его искушенія. Страшно стоять въ этой пещерѣ, какъ бы надъ пропастями ада, коего князь дерзалъ сюда досягать, но вмѣстѣ отрадно и какъ въ раю, ибо здѣсь предстоили Ангелы своему Владыкѣ.

Нижній ярусъ келлій собственно посвященъ памяти Пророка Іліи, и тутъ обитали безчисленные его подражатели, которые, вѣроятно, входили въ пещеру Спасителя только для молитвы; но гораздо труднѣе проникнуть было въ сей нижній ярусъ, потому что совершенно обрушились всѣ ступени, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надлежало перескакивать съ камня на камень, надъ самой бездной, такъ что не всѣ на то рѣшались, чтобы не закружилась голова; надобно было лѣпиться вдоль утесовъ, надъ пропастью, по стезѣ едва проходимой. Въ самую пещеру Іліи, гдѣ была церковь во имя его, не лзя было проникнуть иначе, какъ чрезъ круглое отверстіе въ сводѣ, ставши на плечи спутниковъ; я не рѣшился на такой образъ возхожденія, не надѣясь на силы тѣхъ, которые должны были поддержать меня. Но игумень Іоасафъ

непретѣнно требовалъ, чтобы я туда взошелъ поклониться мѣсту житія Пророка и увѣрялъ, что онъ тамъ ясно начертанъ на стѣнѣ, съ большимъ чернымъ ворономъ подлѣ него.

Я предпочелъ другой путь болѣе опасный, но единственно для меня возможный. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, болѣе легкій, влезъ сквозь отверстіе въ пещеру и, вышедши наружу надъ самою пропастью, протянулъ мнѣ руку, такъ чтобы я могъ, хотя съ опасностію, перескочить къ нему чрезъ провалъ съ сосѣдняго камня. Но напрасно искалъ я лика и врана пророческаго въ пещерѣ, хотя тамъ сохранилось много фресковъ. Левъ, покоющійся подлѣ сидящаго старца, начертаннаго въ ростъ человѣческой, скорѣе знаменовалъ Евангелиста Марка, или преподобнаго Герасима, нежели Пророка Ілію; а въ черномъ большомъ вранѣ, о коемъ такъ настоятельно говорилъ намъ авва Іоасафъ, открылся, къ чрезвычайному его изумленію, крылатый ликъ Серафима, почертившій отъ дыма, потому что вѣроятно, въ этой пещерѣ иногда обитаютъ люди, такъ какъ не лзя загоять въ нее стада. Мы невольно улыбнулись, при видѣ такой ошибки, но старецъ извинялся тѣмъ, что въ темнотѣ крылья ввели его въ обманъ.

Спуститься изъ пещеры и съ горы искушенія легче было, чѣмъ туда подниматься; на пути къ Іерихону, мы посѣтили знаменитыя воды Елиссея, обращенныя имъ изъ горькихъ въ сладкія, гдѣ накануне насильно хотѣли заставить насъ провести

ночь. Источникъ сей весьма близко отъ подножія горы; подлѣ его родника высокій холмъ, усыпанный мелкими камнями, гдѣ существовалъ славный дворецъ жестокаго Ирода. Мѣсто очаровательно, по свѣжести водъ и густой зелени, осѣнившей потокъ отъ его начала до башни Іерихонской; на всемъ этомъ пространствѣ расположенъ былъ древній городъ, надъ коимъ господствовали парскія палаты. Утомленные труднымъ днемъ, мы уже послѣ захода солнца вошли на башню, которая показалась намъ весьма удобною, хотя и безъ всякихъ удобствъ. Опять старецъ Іоасафъ сталъ на всенощную молитву и возбудилъ насъ къ молитвѣ; и опять, не смотря на чрезвычайное утомленіе, провелъ я часть ночи въ выпрѣннемъ созерцаніи долины Іорданской, при лунномъ свѣтѣ; но уже багровый кругъ около луны предвѣщалъ намъ, послѣ теплой ночи Іорданской, вѣтреный холодный день на горахъ Іерусалимскихъ, гдѣ совсѣмъ иной климатъ.

Съ вечера, угощая шейховъ, мы спрашивали ихъ: нѣтъ ли какихъ либо еще замѣчательныхъ развалинъ монастырскихъ, на обратномъ пути въ Іерусалимъ? потому что слышали о томъ отъ отца Іоасафа; они обѣщали указать мнѣ развалины двухъ обителей, влѣво отъ дороги, на разстояніи часа или двухъ. Когда же на другой день, съ половины пути, измѣнилась погода, стали колебаться въ своемъ словѣ. Утро было еще совершенно лѣтнее; мы поспѣшили въ путь; на поло-

внѣ горнаго восхода изъ долины Иорданской на хребетъ Иудейскій, представились развалины башни съ водопроводомъ, которую соорудила Императрица Евдокія для свиданія съ великимъ Евеміемъ, потому что авва не хотѣлъ идти въ городъ изъ своей пустыни. Нѣкоторые, и въ томъ числѣ Юасафъ, во иному преданію, указывали мѣсто сего свиданія на высокой горѣ, не далеко отъ Св. Саввы, гдѣ потомъ сооруженъ былъ монастырь Богоматери и доселѣ видны развалины; но, кажется, за чѣмъ было назначать свиданіе, такъ далеко отъ обители и въ мѣстѣ столь пустынномъ, когда здѣсь, на пути къ Иерихону и по сосѣдству лавры, оно было весьма удобно? Не здѣсь ли въ послѣдствіи былъ монастырь Пирговъ, такъ названный, быть можетъ, отъ башни Евдокіи? Тутъ, по всей горѣ видны слѣды большой каменной дороги Ирода или Римлянъ, какъ *via Appia* пролегающая по Аппенинамъ. Далѣе, на вершинѣ хребта, есть цистерна Императрицы и нѣсколько вправо отъ дороги, на самомъ гребнѣ, развалины церкви верховныхъ Апостолъ, сооруженной ею на томъ мѣстѣ, отколѣ увидѣла она впервые лавру великаго Евеміа, недоступную съ сей стороны потока Кутилійскаго; водопроводъ, который мы переходили, спускаясь въ лавру, устроенъ ею былъ для сей цистерны и церкви. Здѣсь, умиленная зрѣлищемъ иноческаго уединенія, Царица повторила слова волхва Валаама: «коль красны селенія твои, Іаковъ, и шатры твои, Израиль, какъ

дерева насажденные при источникахъ водъ!» и здѣсь сердце ея обратилось отъ ереси къ православію предковъ. Лавра дѣйствительно открывается въ полной красѣ съ горной вершины.

Достигнувъ крѣпости Адонимъ, на половинѣ дороги, почувствовали мы перемену климата, какъ будто входили въ совершенно иную атмосферу; тутъ оставила насъ теплота волканической долины Иорданской, и рвзкій вѣтръ подулъ отъ высотъ Элеонскихъ, съ дождемъ довольно холоднымъ. Шейхи испугались непогоды и на вопросъ мой о развалинахъ, поспѣшили ввести въ остатки обширнаго караванъ-серая, посреди бывшей крѣпости, увѣряя, будто ихъ собственно и разумѣли. Я понялъ обманъ и, по незнанію языка Арабскаго, поручилъ аввъ Іоасафу, выведать отъ нихъ истину и убѣдить исполнить данное обѣщаніе; но они продолжали, съ большею наглостію, упираться въ своей лжи. Тогда, не смотря на непогоду, я сошелъ съ лошади и сѣвъ подъ деревомъ, объявилъ, что не поѣду далѣе, доколѣ не покажутъ мнѣ настоящей дороги; а если хотятъ, могутъ меня оставить, но лишатся платы и дадутъ отвѣтъ Пашѣ Иерусалимскому. Смутились шейхи, видя мою настойчивость, сознались во лжи, но стали опять увѣрять, что одинъ монастырь слишкомъ далеко, по направленію къ Мертвому морю и жилищу дервишей, въ обители Моисеевой Неби-Муса; другія же развалины не далѣе, какъ на разстояніе одного часа вѣво отъ дороги, и они ихъ укажутъ охотно, пото-

му что туда ходят изъ Визаніи поселяне Арабскіе, воздѣлывать свои поля на мѣсто, называемое Хозева. Я былъ доволенъ, при дурной погодѣ, увидѣть хотя остатки знаменитой обители Іоанна и Георгія Хозевитовъ, и дѣйствительно шейхи привели меня къ обширнымъ развалинамъ, коихъ стѣны отчасти уцѣляли, съ подземными сводами и даже вѣшнымъ очеркомъ бывшихъ храмовъ, но безъ живописи. Зданіе напоминало развалины Предтечевой обители близъ Іордана, и казалось укрѣпленнымъ, хотя самая мѣстность не представляла ничего замѣчательнаго. Подлѣ еще открыты были пять устьевъ обширной цистерны дождевой, снабжавшей монастырь и всю окрестность и вѣроятно бывшей виною населенія.

Любопытство мое было удовлетворено только въ половину; мнѣ непремѣнно хотѣлось дознаться о другихъ развалинахъ. Я началъ опять допрашивать шейховъ и, долго споря между собою, они наконецъ объявили, что есть въ ущелинѣ никому невѣдомомъ, развалины монастыря въ родѣ Евеміева, которыя отстоятъ на два часа отъ Хозевы, того мѣста гдѣ мы были, по направленію къ монастырю дerviшей Неби-Муса. Было уже поздно и погода до того не благопріятна, что ни я, ни мои спутники не рѣшились туда ѣхать; одинъ только авва Іоасафъ, по чрезвычайной своей ревности къ памяти Св. отцевъ, вызвался слѣдовать за Арабами, и мы отдѣлились ему трехъ про-

вожатыхъ, убѣдивъ его для скорости сѣсть на осла; сами же поспѣшили въ Иерусалимъ.

Прѣзжая мимо Виванн, я пожелалъ еще разъ поклониться мѣсту воскресенія Лазаря, какъ бы предчувствуя, что уже болѣе не удастся сего сдѣлать, и посѣтить гробовую пещеру, осмотрѣвъ величественныя развалины бывшей обители женской, которую основала во время крестовыхъ походовъ, Королева Мелизенда. Нижняя часть зданія обращена въ мечеть; испустившись на внутренней дворъ просилъ я чтобы ее отперли; но Арабы упорствовали, увѣряя будто нѣтъ ключей а мулла отлучился. Между тѣмъ Христіанская женщина, выглянувшая изъ за высокой стѣны, шепнула намъ, что это ложь и что можно побѣдить упорство Магометанское. Посему я расположился со всеми моими спутниками на дворъ мечети, увѣряя, что останусь ожидать возвращенія муллы и, въ случаѣ необходимости, пошлю просить дозволенія у Паши Иерусалимскаго. Поколебалось наконецъ терпѣвіе столпившихся жителей Виванн; пошумѣвъ между собою, они объявили, что мулла возвратился, и намъ отперли мечеть. Это довольно обширная погребальная палата, изъ которой, какъ видно, было сообщеніе съ вертепомъ Лазаря; вѣроятно, тутъ погребены были его сестры и онъ самъ во второй разъ, если только не въ Кипръ, гдѣ святительствовалъ. Одинокій гробъ, обвѣшенный лампадами, стоялъ по срединѣ, и мулла сказалъ, что тутъ погребенъ Неби-Іезеръ, т. е. пророкъ Лазарь, по

искаженному произношенію его имени. Больше ничего не могъ я узнать и поклонился мысленно дважды умершему и погребенному, и однажды воскресшему во временной жизни, какъ имѣеть паки воскреснуть въ вѣчной.

Я возвратился въ Св. градъ, тѣми же Геосиманскими вратами. Поздно вечеромъ, по заходеніи солнца, возвратился авва Іоасафъ, такъ что едва засталъ отверстыми врата и думалъ уже почевать у стражей Геосиманской пещеры. Онъ рассказывалъ, что дѣйствительно нашелъ ущеліе надъ потокомъ, подобное Евеміеву, и развалины обители прильпленной къ скаламъ, но только верхніе своды уцѣляли, а низъ обрушился и невозможно было подняться по обломкамъ. Видны были и фрески, но такъ высоко, что трудно ихъ разобрать. Опредѣлить же, какая это собственно обитель, онъ не могъ, равно какъ и то, чѣмъ было прежде жилище дервишей въ Неби-Муса; а только оно долженствовала быть одною изъ именитыхъ обителей. Конечно, есть еще много такихъ развалинъ въ пустынь Іорданской, и надобно повѣрить ихъ, книгою Іоанна Мосха «о духовномъ лугѣ,» зачь нѣкогда процвѣташемъ. Покамѣсть вотъ единственные скудные цвѣты, которые я могъ собрать на этомъ опустыненемъ лугѣ послѣ бывшаго ихъ обилія.

ПИСЬМО XXXIII.

ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ.

Келлія надъ Головою, Сочельникъ 23 Декабря 1849.

«Предъ дверьми храма твоего предстою и лю-
тыхъ помышлений не отступаю!» восклицаетъ Св.
Іоаннъ Дамаскинъ, приготовляя чрезъ себя дру-
гихъ, къ причастію божественныхъ таинъ. О какъ
истинно, прямо изъ глубины сердца, исторглось
такое восклицаніе великаго мужа Церкви, украсив-
шаго ее своими пѣснопѣніями! Это страшное чув-
ство испытываю я теперь, находясь на самомъ по-
прищѣ страстей Господнихъ! Уже я не только
предъ дверьми храма, нѣтъ я внутри его; на ка-
ждомъ шагу, каждую минуту, прохожу мимо како-
го либо страшнаго святилища, гдѣ пролилась кровь
Христова, или гдѣ умащали его божественное тѣ-

ло, или гдѣ вѣнчали терніемъ Царя славы и дѣлили его одежды, или гдѣ самъ онъ наконецъ, исполненный всеми поруганіями своего человечества, тридневный воскресъ во славу своего Божества! Прохожу съ трепетомъ мимо, но съ трепетомъ рабскимъ, и не знаю, найдется ли въ немъ сколько-нибудь чистаго страха сыновней любви, которую намъ заповѣдалъ Апостолъ?—а иногда, увидѣвъ, прохожу и безъ вниманія, отъ частаго мимохожденія, хотя стараюсь по возможности избѣгать сего; но тѣснота храма невольно наводитъ на священные предметы. Чего недостаетъ здѣсь, чтобы возбудить, разогрѣть благоговѣйное чувство, и не дать застыть въ сердцѣ памятованію о страстяхъ Господнихъ?—Кромѣ обычныхъ полунощныхъ служеній, внутри гроба Господня и на Голгоѣ, судя по различнымъ днямъ недѣли, кромѣ ежедневнаго вечерняго кажденія всѣхъ святыхъ мѣстъ, всеми исповѣданіями, когда раздается въ храмъ только одинъ серебрястый звукъ кадилаицъ, и кромѣ благоговѣйнаго поклоненія, предъ каждою святынею, при пѣніи литавій, — есть и другія молитвословія частныя: я еще заключался въ святомъ гробѣ, одинъ въ тишинѣ ночи; я тамъ прочелъ все евангеліе отъ Іоанна и акаѣиствъ сладчайшему воскресшему Іисусу, и возгласилъ, въ слухъ сему живоносному гробу, всю божественную насхальную пѣснь воскресенія. Я прочелъ также, на Голгоѣ, всѣ евангелія страстей Господнихъ, чтобы у самаго подножія креста еще болѣе вѣрник-

нутъся отвращеніемъ отъ грѣховъ, за которые пролилась здѣсь Божественная кровь;— все это я уже дѣлалъ и еще дѣлать буду, и не смотря на то, лютыхъ помышленій не отступаю. «Но ты, Господи, мытаря оправдывай и Ханаанею помилуявый и разбойнику рая двери отверзый, отверзи ми утробы челолюбія твоего, и прими мя приходяща и прикасающагося къ тебѣ.» Вотъ все, что могу воскликнуть, изъ глубины потрясенной души, имѣеть съ Дамаскинскимъ. Часто останавливаюсь на Голговъ, между престоломъ и жертвенникомъ, т. е. между крестомъ Господнимъ и крестомъ благоразумнаго разбойника, и тайно или гласно повторяю слова его, здѣсь произнесенныя: «помяни мя, Господи, во царствіи твоемъ!» или прильнувъ устами, подъ открытымъ престоломъ, къ самому отверстию, гдѣ былъ водруженъ за насъ крестъ Господень, я воображаю себѣ: какъ стояли подлѣ него Матерь Божія, возлюбленный ученикъ и жены Мученицы. Съ трепетомъ прикасаюсь я, по правую сторону алтаря сего, къ трещинѣ Голговской, отдѣлившей крестъ Господа отъ креста другаго разбойника; она уцѣляла и донынѣ: да не будетъ раздѣленіемъ между Господомъ и мною недостойнымъ рабомъ его!—Есть много молитвъ и нѣтъ ихъ достаточно для Голговы, кромѣ одной только крестной молитвы благоразумнаго разбойника.

Часто я осуждаю, мысленно, живущихъ внутри храма, за ихъ равнодушіе къ святынь столь высокой, при излишней ихъ ревности за обладаніе ею,

хотя она, впрочемъ, уже не выходитъ теперь изъ предѣловъ приличія и довольно мира внутри храма. Но осуждая другихъ, самъ себя испытываю, и если, послѣ тридневнаго только заключенія, непрестанно приводя себя на память всь великія таинства страстей Господнихъ, я однако чувствую себя иногда какъ бы охладившимъ: — чего же можно ожидать отъ людей, свышшихся съ сею страшною святинею, какъ съ обыкновенными предметами?— если бодръ духъ, то немощна плоть. Мнѣ кажется: когда бы не иго Турецкое, не должно терпѣть населенія въ храмъ, чтобы не искушать немощи человѣческой и не смущать благоговѣнія, оближеніемъ слишкомъ тѣснымъ божественнаго съ земнымъ. — Страшно жить надъ Голговою, страшно дремать, когда слышишь вѣдь собою пѣніе молитвенное, хотя иновѣрное, а между тѣмъ силаъ человѣческихъ не станеть слѣдовать за всеми разнообразными и разноплеменными богослуженіями. Я исполнялъ это сколько могъ, но три дня не цѣлая жизнь. Хорошо дѣлають Франки, что они мѣняются чрезъ каждые три мѣсяца въ храмъ, и чрезъ каждые три года, а теперь чрезъ шесть лѣтъ, въ Палестинѣ; Армяне также не постоянные жильцы святилища, но Греки остаются въ немъ несходно, и кажутся болѣе другихъ равнодушными, потому даже, что обладая важнѣйшею святинею невольны должны съ нею свыкаться; довольно сказать, что Голгова, доставшаяся имъ въ наслѣдіе отъ Грузинъ, есть единственное жиде

ихъ въ храмѣ; я разувью келліи надъ нею устроенныя.

Вотъ и я, чрезъ девятнадцать лѣтъ, поселился опять въ той же выпреченной келліи, надъ одною, благодаря Бога не самую страшную, частію священной Голгофы, и въ стѣнѣ у меня есть оконце, изъ котораго видна внутренность малой церкви жертвоприношенія Авраамова, въ смежной обители: такъ близки образъ и событіе сей великой жертвы! Куда бѣжать отъ такой полноты воспоминаній двузавѣтныхъ? — во внутренній ли кровъ собственнаго моего сердца? но здѣсь нахожу то, что указалъ Св. Златоустъ въ своей молитвѣ: «весь пусть и пался есть», и нѣтъ во мнѣ мѣста достойнаго для принятія впечатлѣній столь высокихъ: таковы хаосъ и убожество души посреди сего богатства! — Такой же хаосъ нынѣшняго падшаго Іерусалима, открывается взору, если только взглянуть въ единственное окно моей горной келліи: внизу шумитъ толпа поклонниковъ, у заключенныхъ вратъ храма на площадкѣ, обратившейся въ базаръ, гдѣ окрестные Арабы продаютъ извѣля свои богомольцамъ; вправо полуобрушенная колокольня и древняя патріархія образуютъ одну сторону сей площади и, на углу Патріаршей обители, возвышается минаретъ Омаровъ, на мѣстѣ избранномъ для молитвы Халифа. Монастырь Авраама, примыкающій къ жилищу Коптовъ и Абиссинцевъ, стоитъ съ лѣвой стороны площади, и я могу спуститься на его крышу изъ моего окна. Напротивъ,

тамъ гдѣ былъ рядъ древнихъ колоннъ роскошнаго преддверія храма, новое подворье Геосиманское заслоняетъ обширный пустырь замка рыцарей Страннопримныхъ; видны и великолѣпные остатки ихъ трапезы, съ нѣсколькими пальмами, осѣнившими развалины, а далѣе къ Сіону обширная обитель Армянъ, Св. Апостола Іакова, которая пріобрѣтена ими отъ обидявшихъ Грузинъ. Новая церковь Англиканская, въ готическомъ вкусѣ, возвышается подлѣ такъ называемой крѣпости Давида, или цитадели среднихъ вѣковъ, на которой развѣвается красный Турецкій флагъ, съ луною и звездой;— древніе крестообразные ключи сего замка, недавно найденные во рву его, украшаютъ арсеналъ Русскаго Царя въ северной его столицѣ. И, для довершенія сего хаоса всѣхъ временъ, народовъ и вѣръ, въ ту самую минуту, когда я вамъ пишу, одиноко бродитъ на вершинѣ минарета Омарова, какъ тѣнь минувшаго, муэzzимъ, возвѣщающій полдень, и дикимъ своимъ воемъ покрываетъ шумъ толпы народной, кипящей у подножія сего минарета, брошеннаго посреди святыни Христіанской; — нужно было еще и это явленіе для полноты страшнаго зрѣлища!

Но крайней мѣрѣ, я старался употребить на пользу время моего заключенія въ храмъ и, если не во всемъ достигъ желаннаго для сердца, то собралъ, изъ преданій устныхъ и писменныхъ, какія можно только пріобрѣтать на мѣстѣ, нѣкоторыя драгоценныя свидѣнія о святыхъ гребя Госпо-

дня, не довольно мною изслѣдованномъ при первомъ моемъ посѣщеніи: вотъ хотя малая польза моей Голгоеской келліи. Скажу нѣсколько словъ и о событіяхъ историческихъ храма, почерпнутыхъ мною, въ рукописномъ сборникѣ старца Ризничаго обителя Воскресенской, который посвятилъ полвѣка исключительно на изученіе древностей Св. града, и такимъ образомъ соединилъ мѣстную опытность преданій съ писменною. — Конечно, ничего новаго не могъ онъ сказать о построеніи храма, кромѣ того, что написалъ уже Евсевій; но онъ сохранилъ нѣсколько любопытныхъ свидѣній, отъ временъ перваго опустошенія храма Хозроемъ Персидскимъ, который только опалилъ святилище и сокрушилъ куполь соборный. Патриархъ Александрійскій, Св. Іоаннъ милостивый, соорудилъ его вновь, на свое иждивеніе, и преланіе говорить, что съ тѣхъ поръ онъ уцѣлѣлъ. Касательно же другаго купола, открытаго и деревяннаго, надъ Св. гробомъ, я остаюсь при первомъ моемъ мнѣніи, что онъ устроенъ былъ въ познѣйшія времена; прежде Св. кувуклія была подъ открытымъ небомъ, съ галереями вокругъ, какъ это мы видимъ въ другихъ святилищахъ Палестины: гробница Прелтечи въ Самаріи и часовня Вознесенія на Элеонѣ также открыты.

Ризничій, описывая малое наружное крыльце Св. Елены, говорить, что это былъ въ началѣ единственный всходъ на Голгову, совершенно отдаленную отъ храма, съ которымъ она соединялась толь-

ко тѣсною внутреннею лѣстницею. Нѣкогда, предъ симъ крыльцомъ, стояла бронзовая статуя Императора Ираклія, побѣдителя Персовъ. Старецъ помнить еще, что до послѣдняго пожара, Кесарь былъ изображенъ мозаикою, подлѣ бывшей двери Голговы, (нынѣ обращенной въ окно Франкскаго придѣла), съ вѣнцомъ въ рукахъ, потому что въ сихъ дверяхъ упалъ вѣнецъ съ его чела, когда онъ торжественно возносилъ освобожденный имъ крестъ на Голгоѳу; оттого произошелъ обычай, доселѣ свято соблюдаемый Патріархами, никогда не служить въ митрахъ на Св. Голгоѳѣ. Но отъ всей ея древней мусіи сохранился только потускнѣвшій ликъ благословляющаго Господа, на сводѣ Латинскаго придѣла. Самая Голгоѳа, т. е. ея передняя часть, была расширена внутрь храма пристройкою, послѣ пожара 1808 года, и даже природный камень скалы, на коей былъ водруженъ крестъ, высѣченъ былъ тогда изъ-подъ престола, архитекторомъ Комнинымъ, для удобнѣйшаго цѣлованія крестнаго отверстія. У насъ въ новомъ Іерусалимѣ сохранилось первобытное косвенное направленіе самой скалы и нѣтъ престола, потому что и у Грековъ, только въ позднѣйшія времена, онъ устроенъ, когда Латины отняли у Православныхъ правую часть священнаго утеса, съ алтаремъ страстей Господнихъ.

Любопытно сказаніе Скевофиакса о томъ: какъ они, мало по малу, возоблодали въ храмъ, у нихъ отнятомъ послѣ крестовыхъ походовъ, хотя и хва-

лятся теперь, что Робертъ, Король Неаполя, въ XIV вѣкѣ, откупилъ для нихъ святыя мѣста и на этой покупкѣ основываютъ все свои права. Но прежде скажу нѣсколько словъ о другихъ разореніяхъ святилища. Известно, что Халифъ Омаръ его не коснулся, а только помолвился внѣ его, не далеко отъ прага церковнаго, что и донынѣ усвоило Христіанамъ непріятное сосѣдство минарета Омарава и малой его мечети. Покровительство Императоровъ Греческихъ не могло ограждать болѣе святины Іерусалимской; ихъ победы надъ Сарацинами только раздражали враговъ. Такъ удачный походъ Никифора Фоки былъ причиною, что Сарацины въ 967 году сожгли, внутри самаго храма, Патріарха Іоанна и во многихъ мѣстахъ повредили зданіе, за то будто бы, что Патріархъ накликалъ оружіе Грековъ. Халифъ Багдадскій, въ 963 году, обрушилъ также нѣкоторую часть храма съ восточной его стороны, собственно церковь обрѣтенія креста, по навѣтамъ Евреевъ; а въ 1009 последовало еще большее разореніе, отъ Халифа Египетскаго Хакима или Мелекъ-Дахера, возмечтавшаго быть богомъ, Умертвивъ дядю своего по матери, Патріарха Теофила, со всею его клиромъ, внутри святилища, онъ однако не разрушилъ его до основанія, какъ увѣряютъ писатели западные, а сокрушилъ только принадлежности, внѣшніе притворы, куполь надъ Св. гробомъ и другой весьма высокій надъ Голговою. Последний съ тѣхъ поръ уже не существуетъ и замѣненъ, весьма нелѣпно, двухъ-

русскими келліями. Самое святилище уцѣло и Императоры, Михаилъ Пафлагонъ и Константинъ Мономахъ, сколько могли обновили храмъ.

Удивительно, какъ не пришло имъ на мысль обновить совершенно прежній храмъ Голговы, или быть можетъ, тѣснота временъ не допускала великолѣвія? ибо это была самая тяжкая година для Христіанъ Іерусалимскихъ, накликавшая на нихъ крестовые походы, даже устами собственнаго ихъ Патріарха Симеона. Франки, овладѣвъ Іерусалимомъ, не только не украсили храма Воскресенія, но даже исказли его своими пристройками со всѣхъ сторонъ, въ духъ тѣснаго образа ихъ жительства на западѣ, и воспользовались для сего громадными обломками бывшихъ муртиковъ. Подозрѣваю даже, не ими ли возведена надстройка надъ Голговою, для жилья: потому что едва ли бы пришла такая мысль Православнымъ, видѣвшимъ, хотя по развалинамъ, прежній просторъ и великолѣпіе храма? Известно, что Король Балдуинъ подвелъ, подъ одну крышу, церковь Голговы съ храмомъ Св. Гроба. Надобно обойти святилище кругомъ, чтобы повѣрить изумительному разказу Евсевія, о его объемѣ и обширныхъ дворахъ, обнесенныхъ аркадами и колоннами, которыя отовсюду окружали самое зданіе храма. Остатки сихъ колоннъ и доселѣ, видны съ южной стороны, предъ нынѣшними Св. вратами, и съ восточной, при входѣ въ монастырь Келтовъ: тутъ особенно замѣтны задѣланные своды аркадъ съ нарядными карнизами. Это былъ цѣлый го-

родъ, обнесенный колоннами, и не мудрено что, въ теченіи многихъ лѣтъ, все доходы Сиріи и Египта шли единственно на сооруженіе святилища, достойнаго своего важнаго значенія. Что же сдѣлали Франки?—Обративъ прежнюю великолѣпную патриархію, напротивъ южнаго входа, въ замокъ рыцарей Страннопримныхъ, они прилѣпили свою тѣсную патриархію. съ сѣверо-западной стороны къ самому храму, надстроивъ даже палату на крышѣ, между двухъ куполовъ, соборнымъ и Св. гроба; теперъ же, по милости ихъ, такъ какъ Арабы овладѣли симъ жилищемъ, то, — страшно даже выговорить, гаремъ Арабскаго Эмира находится между сихъ куполовъ!

Еще доселѣ видны, подъ обширною трапезою инокѣвъ Латинскихъ, нынѣ обращенною въ домашнюю мечеть Эмира, остатки древнихъ западныхъ воротъ храма Воскресенія, съ Коринтскими украшеніями арки и столбовъ. Далѣе, съ сѣверной стороны и частію въ восточной, Франки пристроили жилище своихъ Королей; оно и доселѣ слыветъ Царскимъ у Арабовъ и покрываетъ колоссальную цистерну Царицы Елены, которую изсѣкла она глубоко въ скаль, для потребности храма; Копты владѣютъ ею нынѣ. Недавно Греки и Латины выкупили у Турковъ и раздѣлили между собою царскія палаты Балдуиновъ, но до сихъ поръ не могли освободить бывшую патриархію отъ Арабскаго жилья, а это самое необходимое, потому что сердцу Христіанскому не выносимо такое сосѣдство.

Когда Султанъ Саладинъ овладѣлъ Иерусалимомъ, онъ до такой степени былъ ожесточенъ противъ Франковъ, что хотѣлъ разрушить самое святилище, ихъ привлекавшее къ Св. граду, и обрушилъ до половины великолѣпную церковь Св. Апостоль, которую соорудила Императрица Евдокія на юго-восточной оконечности храма. Но усердное ходатайство Императора Греческаго, Исаака Комнина, и плачь Христіанъ Иерусалимскихъ спасли древнюю святыню. Саладинъ отдалъ ее во владѣніе прежнихъ обладателей, православныхъ Арабовъ и Грековъ, а Коптамъ и Абиссинцамъ, какъ Султанъ Египта, уступилъ восточную подземную часть храма, собственно церковь обрѣтенія креста. Марониты, Сиріане и Несторіане, какъ мѣстные жители Сиріи, получили также нѣкоторые алтари внутри храма: одни только Франки исключены были изъ общаго дѣлежа, какъ жесточайшіе враги Сарацинской державы. Вскорѣ послѣ Саладина, когда Султаны Мамелукскіе, родомъ изъ Черкесовъ, вѣцарялись въ Египтъ и въ то же время усилилось царство Иверское, Грузины получили большія привилегіи въ Иерусалимѣ и пріобрѣли, отъ обидлившихъ Грековъ и Арабовъ, многія святилища. Голгофа и монастыри Св. Іакова и креста имъ принадлежали; они даже имѣли право не платить подати, и ходить съ оружіемъ по Св. граду, какъ сродники Мамелуковъ. Однако, ключи отъ Св. гроба, по древнѣйшей грамотѣ Халифа Омара, были въ рукахъ Православныхъ, не смотря на происки

Коитовъ и Абиссинцевъ, тогда сильныхъ. Армяне приходили только еще, какъ смиренные поклонники, изъ предѣловъ Апателін, гдѣ возникло ихъ новое царство при крестоносцахъ.

Все измѣнилось со времени завоеванія Іерусалима Турками, въ 1517 году, хотя въ началѣ Султанъ Селимъ уважилъ права, данныя Халифомъ Омаромъ Патріархамъ Греческимъ, какъ исключительнымъ обладателямъ, или лучше сказать хозяевамъ святилища, и подкрѣпилъ ихъ даже собственнымъ хаттшерифомъ. Пронскаки Коитовъ и Армянъ, уже начинавшихъ усиливаться въ Іерусалимъ, при упадкѣ Грузинъ и убожествѣ Грековъ и Арабовъ, ключи отъ Св. гроба отняты были у Патріарха православнаго и ввѣрены стражѣ Турецкой. Сынъ Селима, Султанъ Солиманъ, обновитель стѣнъ Іерусалимскихъ, это сдѣлалъ и положилъ, чтобы съ каждаго поклонника взимаема была подать, за входъ во святилище, въ пользу созданнаго имъ шмарета или больницы: но еще, ради прежнихъ преимуществъ Египетскаго владычества, Грузины и Абиссинцы освобождены были отъ сей подати, которой начало мы видимъ, не но славу Франковъ, во время крестовыхъ походовъ: Пизане первые испросили себѣ право собирать ее, за помощь оказанную ими Королямъ Іерусалимскимъ и, соорудивъ крѣпкую башню не далеко отъ Св. воротъ, теперь уже развалившуюся, не постыдились взимать позорную дань съ богомольцевъ. Однако, и при взиманіи подати, Султанъ отарчилъ своихъ

подаваемыхъ отъ чужихъ: Копты и Арабы платили поголовно только по три лева, Греки по семи, а Франки четырнадцать. Когда Патріархи Греческіе заступили мѣсто Арабскихъ, въ XVI вѣкъ, какъ болѣе искусные, они лучше устроили дѣла Св. гроба и начали скупать, отъ Грузинъ, Контотъ и Сиріанъ, весьма оскудѣвшихъ, святилища, которыя уже не въ силахъ были поддерживать. Тоже сдѣлали и Армяне, разбогатѣвшіе отъ того, что предпочтительно заняли должности банкировъ Порты; они постепенно приобрѣли отъ Грузинъ великолѣпный ихъ монастырь Св. Іакова, а отъ Контотъ подземную церковь обрѣтенія креста, и весьма недавно, ради насущнаго хлѣба, отдѣлались на слѣдникахъ Абиссинцевъ, облившихъ содержать ихъ убогихъ поклонниковъ, во время ихъ странничества въ Св. градъ. Но не ранѣе исхода минувшаго столѣтія и наиболѣе въ началѣ нынѣшняго, отважились они спорить съ Греками и войти въ участіе ихъ святилищъ, особенно пользуясь эпохою возстанія Эллицкаго.

Между тѣмъ Франки, нѣсколько времени спустя послѣ своего изгнанія, опять мало по малу, начали проникать въ святилища Палестинскія. Сперва появились семь инокъ ордена Францисканскаго, и испросили себѣ позволеніе служить литургіи на алтарѣ Маронитскомъ, явленія Господа Магдалинъ, потому что со времени крестовыхъ походовъ Марониты признали главенство Папы, а потому Франки совершенно овладѣли ихъ досто-

ліемъ. У Патріарха Арабскаго откупили они опустѣвшій монастырь Іоанна Богослова, или Вечери тайной на Сіонъ, который не въ состояніи были содержать Православные, потому что онъ находился внѣ ограды; Латины укрѣпили его помощію Филиппа, могущественнаго Герцога Бургундіи; однако чрезъ нѣсколько лѣтъ, происками одного богатаго Еврея, лишились они сего святилища и принуждены были опять прибѣгнуть къ Патріарху, который отдалъ имъ въ наймы другой монастырь Богослова, находящійся внутри города; досель они имъ владѣютъ, переименовавъ его обителью Сласовой. Но со временъ Людовика XIV, который старался распространить свое вліяніе на Востокъ, чрезъ великолѣпныя посольства къ Портъ Оттоманской, усилились Франки, и пользуясь всѣми возможными случаями, втѣснились во всѣ почти святилища Палестины и временно пріобрѣли исключительное право совершать литургіи на Св: гробѣ, чего не дѣлали вначалѣ Греки.

Страшный пожаръ, начавшійся изъ келлій Армянскихъ и опустошившій весь храмъ Воскресенія, 30 Сентября 1808 года, доказалъ ясно преимущество Грековъ предъ всѣми прочими исповѣданіями, потому что, не смотря на всевозможные происки, они одни, силою своихъ хаттишерифовъ, получили дозволеніе обновить своими средствами святилище; съ тѣхъ поръ опять начались несправедливыя притязанія иновѣрцевъ, которымъ, какъ я уже сказалъ, много способствовало возстаніе Эллады. Храмъ

сгорѣлъ такъ легко, потому что весь былъ перегороженъ деревянными стѣнками; но куполь соборный Св. Іоанна милостиваго сохранился, хотя треснулъ отъ пламени деревяннаго иконостаса и обвалились своды надъ алтаремъ, съ арками четырехъ Патріаршихъ мѣстъ; они завалили входъ въ подземную церковь обрѣтенія креста, такъ что принуждены были на веревкахъ вытаскивать въ окно находившуюся тамъ братію. — Все возстановлено въ прежнемъ видѣ, но не хорошо поступили Греки, при обновленіи Св. гроба, дерзнувъ просверлить отверстіе въ сводѣ это пещеры и поднять двери ея, неприкосновенныя со временъ Христовыхъ, для большаго удобства священнослуженія и ради воздуха. — Я испросилъ себѣ обломки мраморовъ и священныхъ камней, оставшіеся послѣ пожара отъ вертепа гробнаго и Голгоеской скалы, и привезу ихъ съ собою, если Богъ благословитъ мое обратное путешествіе.

ПИСЬМО XXXIV.

ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА ВЪ ВНОЛЕМЪ,

Внолѣмъ, 25 Декабря 1849.

Тогда посѣщаль я Внолеемъ для праздника Латинскаго, теперь же для роднаго православнаго праздника. Много было восточнаго, въ торжественномъ шествіи Намѣстника Патриаршаго, съ двумя Архіереями и другими духовными лицами отъ Іерусалима до Внолеема. Имъ предшествовала конная стража Паши Іерусалимскаго съ бубнами, и на каждомъ открытомъ мѣстѣ всадники пускали коней своихъ въ запуски, или кружились, метая копьа. Около обители Пророка Илиіи всѣ шейхи Внолеемскіе, въ красныхъ нарядныхъ мантияхъ, на статныхъ лошадяхъ, встрѣтили поѣздъ архіерейскій, и толпы Христіанъ вы-

бѣжали ему на встрѣчу изъ Вилеема; повсюду слышались выстрѣлы, изъявленіе почести и радости на Востокъ, и пѣсни дѣтей во славу идущихъ. Но предъ стѣнами священной обители, возвратилось прежнее благочестіе и возстановился порядокъ церковный. Митрополитъ Вилеемскій встрѣтилъ Намѣстника, съ крестомъ и хоругвами; двѣнадцать священниковъ съ иноками и шесть діаконовъ въ облаченіяхъ, съ камильницами въ рукахъ, слѣдовали за хоругвами и при каждомъ девяти шагахъ останавливались, чтобы кадить Архіереевъ; такъ вступили внутрь великолѣпнаго храма Вилеемскаго, правда сквозь тѣсныя и низкія двери, какъ входятъ и въ царство небесное; но здѣсь такая предосторожность необходима, страха ради: за то внутреннее величіе собора вполне вознаградило это минутное смиреніе. Намъ открылись четыре ряда мраморныхъ столбовъ, которые поддерживаютъ стройныя деревянныя стропила, съ остатками мозаиковъ надъ колоннадой, достойною лучшихъ зданій древняго Рима; между ними потянулся крестный ходъ, доколѣ Намѣстникъ не сталъ на Патріаршее мѣсто и не возгласилъ начало вечерни. Шумъ народа произвелъ на меня впечатлѣніе непріятное, во все время ея продолженія, хотя духовенство всячески старалось унимать дикую толпу, но за то утренняя и ранняя обѣдия оставили въ душѣ сладкое чувство.

Какъ величественны и вмѣстѣ умирительны на-

ни церковные обряды, хотя имъ вредить иногда дурное исполненіе, или терпятъ они отъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, какъ на примѣръ въ Вволеемѣ, гдѣ невозможно было усмирить толпу. Щастливо еще, что она шумѣла за перегородкою, въ нижней части храма, между столбовъ. Во время полнелія облачились три Архіерея, со всемъ клиромъ, и двинулись съ иконами и хоругвями, изъ главнаго алтаря, чтобы спуститься въ пещеру Рождества, для чтенія тамъ евангелія. Всѣ воспѣли хоромъ: «прійдите видимъ вѣрніи, гдѣ родился Христосъ; послѣдуемъ прочее, а може идетъ звѣзда съ волхвы восточными Цари; его же Ангели поютъ непрестанно тамо, пастыри свираютъ пѣснь достойную: слава въ вышнихъ, глаголюще, днесъ въ вертепъ рождшемуся отъ Дѣвы и Богородицы, въ Вволеемѣ Іудейстѣмъ » Я невольно дрогнулъ отъ священнаго ужаса, потому что мы дѣйствительно сошли къ тому мѣсту, гдѣ родился Господь. Намѣстникъ, послѣ благоговѣйнаго цѣлованія звѣздицы на помость, сталъ у престола Рождества и прочелъ съ умиленіемъ евангеліе объ Ангелахъ и пастыряхъ, хотя не оно поставлено въ ряду служебномъ, но таковъ чинъ Вволеема, потому что оно болѣе другихъ изобразительно. Невыразимо сладко было слышать простой разсказъ, о чудныхъ событіяхъ, надъ мѣстомъ событій. Вся пещера горѣла огнями и блескомъ священной утвари; драгоценная икона надъ престоломъ, искусства Венеціанскаго, изображала звѣзду, руково-

дившую волхвовъ, и пастырей вторящихъ Ангеламъ, и поклоненіе тѣхъ и другихъ повитому въ ясляхъ Младенцу; (все это дорогими камнями на золотой ризѣ). Когда же возгласили: «Всяческая днесь радости исполняются, Христось въ Вифлеемъ» поистинѣ взоры вѣрныхъ искали въ ясляхъ повитаго Младенца. При громкомъ пѣніи ирмоса: «Христось рождается, славите; Христось съ небесъ, срящите; Христось на земли, возноситесь;» духовенство вышло изъ священнаго вертепа, чтобы идти крестнымъ ходомъ вокругъ всего храма, между столбовъ, по длинной колоннадѣ Царя Іустиніана, гдѣ водворилось въ сію минуту благоговѣйное безмолвіе, такъ что ясно слышны были всѣ умилительныя стихи канона. Бѣлыя чалмы Арабовъ почтительно преклонялись, предъ шествующимъ клиромъ, во всемъ великолѣпнѣ церковномъ, и это зрѣлище было въ высшей степени трогательно; можно ли сравнить съ нимъ убогіе обряды Латинскіе?

Я только одинъ разъ обошелъ церковь съ крестнымъ ходомъ, который совершаетъ троекратное шествіе вокругъ храма. Приблизившись къ священному вертепу, опять я въ него спустился и опять услышалъ внутри его, уже на сладостномъ родномъ нарѣчій: «Христось рождается, славите.» Два Русскіе священника, съ діакономъ и нашимъ клиромъ, готовились совершить тамъ раннюю литургію, но прежде, по обычаю мѣстному, процѣли всѣ ирмосы чуднаго канона, и потомъ: «славу въ выш-

нихъ Богу.» О какъ трогательна слава сія, воссылаемая въ горнія жилища изъ глубины вертепа, гдѣ насъ ради смирилъ себя Вышній! Я нитѣ утѣшеніе приобщиться его Божественныхъ тѣла и крови, у самаго престола Рождества; подлѣ меня были ясли, гдѣ возлежалъ некогда Младенецъ Вифлеемскій; но истинѣ я могъ воспѣть: «таинство странное вижу и преславное: небо - вертепъ, престолъ Херувимскій - Дѣву, ясли - вмѣстилище, въ нихъ же возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ!» Все тутъ сказано, что только можно сказать въ такія минуты! Какъ только совершилась ранняя литургія внутри вертепа, уже поверхъ его, предъ царскими вратами алтаря соборнаго, три облачившіеся Архіерея, возвысивъ тройственные свѣтильники, возгласили опять, какъ пастыри, Ангельскую пѣснь, ознаменовавшую начало литургій: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.»

Признаюсь, я не былъ такъ доволенъ совершеніемъ позней литургій, какъ раннею, отъ шума народнаго и безпорядка, при служеніи многолюдномъ, привывши къ тому благочинію, какое видишь у насъ. Но я подумалъ: Господь благоволилъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, возлечь въ вертепѣ, въ ясляхъ безсловесныхъ, и мы ли еще будемъ роптать, находясь тутъ подъ кровлею великолѣпнаго храма? Если же существа словесныя, по дикости своей, возвратились какъ будто къ состоянію безсловесныхъ, здѣсь некогда окружавшихъ ясли

Божественнаго младенца, то забудемъ о нихъ, ради столькихъ Ангельскихъ ликовъ и богодухновенныхъ пѣсней, еще гласящихъ здѣсь устами человѣческими: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ.»

Скажу въ заключеніе нѣсколько словъ о великолѣпномъ соборѣ Внодеемъ, основанномъ Императоромъ Іустиніаномъ, на мѣсто древней небольшой церкви Св. Елены, и обновленномъ при Императорѣ Мануилѣ въ XII вѣкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуется надпись, съ правой стороны алтаря: «совершился дѣло сіе, рукою Ефрема монаха, мозаиста и живописца, при державѣ Мануила Комнина Багрянороднаго, при Святѣйшемъ Епископѣ Св. Внодеема Рагуилѣ, во дни Амори (Амальрика) Царя Іерусалимскаго, въ лѣто 6677, отъ Христа же 1169.» Остатки сихъ мозаиковъ, довольно изящныхъ, сохранились не много по обѣимъ сторонамъ алтаря: на лѣво увѣрованіе Фомы и вознесеніе Господне; на право молитва на Элеонѣ и входъ въ Іерусалимъ; прочее обвалилось и покрыто бѣлою штукатуркой, обезобразившею стѣны храма; много вредитъ красотѣ его перегородка, отдѣляющая верхнюю часть отъ нижней вѣтви креста, которая однако необходима для безопасности, чтобы собственно церковь не была всемъ открыта. Поверхъ великолѣпной колоннады сохранились также, хотя и весьма немного, мозаики: изображеніе Соборовъ вселенскихъ по правую, и помѣстныхъ по лѣвую, съ фигурами цвѣтовъ между каждыхъ двухъ

соборовъ. Самые Соборы представлены храмами, на основаніи коихъ надпись гласитъ, о времени собранія, лицахъ и опредѣленіяхъ догмата. Второй только Соборъ уцѣлѣлъ вполнѣ, и подъ нимъ видны лики всѣхъ Маккавеевъ, въ день коихъ онъ соединился; вѣроятно, такъ было и подъ всѣми. Есть малые остатки третьяго, четвертаго и шестаго, а отъ помѣстныхъ уцѣлѣли только два, Сардикіи и Антиохіи; имена сихъ городовъ начертаны ясно. Поверхъ же всѣхъ Соборовъ были Ангельскіе лики, но теперь только надъ помѣстными сохранилось шесть Ангеловъ, мозаикою искусно изображенныхъ. Молитвенно осѣняютъ они собраніе Св. Отцевъ, которые сами были Ангелами своихъ Апостольскихъ Церквей, и нигдѣ такъ не утѣшительны сердцу Ангельскіе лики, какъ въ Визеетѣ, откогда небесная ихъ пѣснь распространилась по вселенной: «слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ.»

ПИСЬМО XXXV.

ГЕОСИМАНІЯ И СІОНЪ.

Іерусалимъ, 29 Декабря, 1849.

Въ самый день праздника снѣжная буря, съ пронзительнымъ холодомъ, положили начало зимѣ Палестинской и были очень чувствительны для бѣдныхъ поклонниковъ, которые пришли наканунѣ, легко одѣтые, особенно Арабы, всегда босые. Не смотря однако на непогоду, тотчасъ послѣ литургіи всѣ разошлись по своимъ селеніямъ, а Русскіе и Греки возвратились въ Іерусалимъ. Мы оставались до другаго дня и какъ тѣмъ просіяло солнце, собрались въ обратный путь, не прямо, но мимо прудовъ Соломоновыхъ, чрезъ обитель Великомученика Георгія. Знаменитые пруды сіи, вдоль которыхъ находился некогда прославленный, въ

Пѣсни пѣсней, вертоградъ запечатлѣнный Царя Израилева, лежатъ къ юго-западу, за полтора часа отъ Вилеема; дорога къ нимъ ведетъ по горамъ и удоліямъ, почти постоянно вдоль подземнаго водопровода, который доселѣ сообщаетъ воду въ тайныя хранилища Соломонова храма, нынѣшней мечети Омара. Три обширные водоема, изсѣченные уступами въ живомъ утесѣ, съ крытыми галлереями, которыя уже обвалились, образовали это обширное собраніе дождевой воды и горныхъ источниковъ, нынѣ оскудѣвшее по небреженію властей Турецкихъ. Подлѣ верхняго пруда сооруженъ небольшой замокъ, для стражи охраняющей водный истокъ. Нѣсколько далѣе начинаются, вмѣсто Соломоновыхъ, Патріаршіе виноградные сады, лучшіе во всей окрестности, около монастыря Св. Георгія мало замѣчательнаго. Въ преддверіи его церкви заключаются иногла сумасшедшіе, по вѣрѣ народной къ чудотворной иконѣ Великомученика, исцѣляющаго такого рода недуги. Одинокій игуменъ съ послушникомъ живутъ въ монастырѣ, а населеніе вокругъ него все Магометанское, воздѣлывающее за условную плату сады Патріаршіе. Отъ Св. Георгія дорога наша лежала мимо гробницы Рахилиной, опять на обитель Пророка Іліи, чрезъ ту долину, гдѣ недавно происходила кровавая битва, между войсками Ибрагима Паши и Арабами окрестныхъ селеній. Они заняли горныя высоты и метали камнями въ полчища Египетскія, которыя много тутъ пострадали. Это было въ ми-

нута всеобщаго возстанія Палестины противъ предприимчиваго сына Мегеметъ-Али; самъ онъ выдержалъ осаду въ Иерусалимъ и едва не утратилъ весь плодъ своихъ завоеваній, но побѣда его смирила надолго мятежный духъ Бедуиновъ.

Я спѣшилъ въ Иерусалимъ къ вечерни, по случаю наступившаго праздника Архидіакона Стефана и на слѣдующее утро пошелъ въ Геосиманію; тамъ совершили торжественную литургію, по близости мѣста, гдѣ побить камнями Первомученикъ. Оно у самага Кедрона, обозначено камнемъ, который обыкновенно цѣлуютъ богомольцы, идущіе въ Геосиманію; нѣкогда была тутъ сооружена великолѣпная церковь Св. Стефана, Императрицею Евдокіею. Недавно обрѣли ея обширныя развалины, арки и опрокинутыя колонны, когда исправляли крутой спускъ въ долину Иосафатову; но Христіане поспѣшили зарыть ихъ, чтобы не возбудить алчнаго любопытства Арабовъ. Проходя мимо, я всегда останавливаюсь у этаго камня Первомученика, котораго память совпадаетъ съ радостными днями рождества его Господа. Краснорѣчиво выражаетъ церковная пѣснь это спасительное сближеніе: «Владыка вчера нашъ плотию прихождаше, и рабъ днесъ отъ плоти исхождаше; вчера царствуяй плотию родися, днесъ рабъ каменіемъ побивается, того ради и скончается первомученикъ, божественный Стефанъ».

Что мнѣ сказать вамъ о сладостной для васъ Геосиманіи? говорю для васъ, потому что вы обно-

вила память ея въ лавръ: я принесу въ новую Геосиманію два камня, съ изсѣченными на нихъ крестами, изъ старой: одинъ изъ пещеры Геосиманской для вашей верхней церкви, и другой изъ пещеры, гдѣ молился Господь о минованіи чаши, для нижней. Пусть это останется у васъ памятью священныхъ мѣстъ и недостойнаго ихъ посѣтителя. Сладко молиться въ Геосиманіи: я лучше люблю ходить туда, нежели въ самый храмъ, хотя онъ подлѣ меня. Въ храмъ сыро, холодно; надобно посылать за Турками отворять врата, видѣшь ихъ сидящими у входа и необходимыя житейскія попеченія живущихъ; слышишь шумъ разнородныхъ исповѣданій внутри святилища, а въ Геосиманіи все тихо и полно одной святости. Какъ только отворять городскія врата, поклонники съ разсвѣтомъ туда стремятся, большею частію по пятницамъ, по обычаю Цареградскому, ради живоноснаго Источника, или по средамъ и субботамъ, исключительно посвященнымъ памяти Пречистой Дѣвы. Страшно только всякой разъ спускаться и подыматься по крестному пути, (потому что нѣтъ другой дороги), и видѣть равнодушіе идущихъ по немъ, или встрѣчаться съ всадниками Арабскими и караванами верблюдовъ: такъ глубоко усвоено безчестіе и поруганіе, досель продолжающіяся, сему необычайному пути, дабы навсегда укоренились на немъ крестныя слѣды! Пройдя арку «се человекъ» противъ церкви Латинской, которая, недавно устроена на мѣстѣ бывшаго вретора Римскаго, непре-

мъмно встрѣтишь Эѳіопскія лица стражи Арабской, у лѣстницы, поднимающейся во дворецъ нынѣшняго Пилата, градоначальника. Далѣе, миновавъ остатокъ круглой ступени, по которой сложилъ, подъ бременемъ тяжкаго креста нашего, Искушитель и, пройдя подъ сводами Антоніевой башни, тяжело вздохнешь, увидя въ-лѣво прекрасную церковь Рождества Богоматери, недавно обращенную въ мечеть, потому что не умѣли ея воспользоваться Христіане. Я былъ въ ней, спускался въ пещеру за алтаремъ къ тому мѣсту, гдѣ родилась родившая Спаса душъ нашихъ, и мысленно всегда произношу тропарь сей, когда прохожу мимо: «рождество твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй, изъ тебе бо возсія солнце правды, Христокъ Богъ нашъ».

Только за вратами Геосиманскими вздохнешь свободно, жадно глотая утренній воздухъ Юсафатовой долины и поклоняясь вершинѣ Элеонской, изъ-за которой алѣетъ востокъ, но еще не встаетъ солнце. Когда же, послѣ совершенія литургіи, выйдешь опять изъ-подъ мрачныхъ сводовъ обширной пещеры, уже въ полномъ блескѣ Палестинское утро: въ глубокой долинѣ отрадно зеленѣютъ свѣжія маслины древняго сада; хотя и нѣтъ потока Кедрскаго, но русло его какъ будто струитъ еще живую воду. Нѣчто особенно пріятное наполняетъ душу, въ этомъ мирномъ уголкѣ Св. земли, гдѣ можно забыть все ея бѣдствія. По истинѣ Геосиманія, издавна освященная молитвою Господнею,

какъ будто создана для молитвы и не лзя было избрать лучшаго для нея мѣста. Предъ тѣмъ, какъ спускаться въ пещеру, я обыкновенно захожу направо, въ другой малый вертепъ, гдѣ молился Господь о минованіи чаши. Тамъ уже совершаетъ тогда литургію инокъ Латинскій, ибо Римлянамъ принадлежитъ сія пещера; а у входа въ нашу сидитъ священникъ Армянскій, ожидая окончанія службы православной. Между гробами Св. Боготецъ и Обручника, спустившись во глубину священнаго подземелья, я еще застаю послѣднія пѣсни канона предъ литургіею и, въ самой оконечности пещеры, поспѣшаю вынуть части за вѣсхъ моихъ присныхъ, живыхъ и мертвыхъ, на отдѣльномъ жертвенникѣ. Тогда вхожу внутрь гробовой часовни, которая, на подобіе кувукліи Спасовой, находится посреди подземелья, отчасти изсѣченная изъ природнаго камня, отчасти докладенная искусственно, и божественная литургія начинается надъ гробовою плитой. Стоящему на колѣняхъ, у самаго входа, можно все видѣть внутрь кувукліи, если только не задернута завѣса; каждое слово доходить до сердца, особенно когда литургію служатъ по Русски, или хоръ нашъ отвѣчаетъ словамъ Греческаго пресвитера.

Со вниманіемъ разсматривалъ я пещеру Геосманскую, внутри и снаружи: высокіе своды ея правильно складены изъ камней, но боковыя стѣны принадлежать природному утесу и есть окно вверху, въ самой оконечности подземелья, откуда проли-

вается свѣтъ. Снаружи существовали нѣкогда великолѣпная церковь и монастырь Успенія, которые, начинаясь отъ Кедронскаго потока, занимали все обширное пространство надъ обѣими пещерами, нашею и Латинскою, до того мѣста, гдѣ теперь разведенъ садъ; но я полагаю, что площадка, предъ входомъ въ пещеру была всегда открыта, потому что тонкія колонны и арки, украшающія двери, очень изящны и болѣе приличествуютъ наружному убранству церкви, нежели темному подземелью. — Турки поклоняются также гробу Пречистой Дѣвы; для нихъ отгорожено мѣсто съ правой стороны, виѣ кувклів. Я встрѣтилъ сегодня, при выходѣ изъ пещеры, нѣсколько кавалеристовъ Паши Акрескаго, благоговѣнно туда спускавшихся; — «а наши западные Христіане, построившіе себѣ великолѣпную церковь на Сіонѣ?»... подумалъ я, и вѣжливо уступилъ имъ дорогу. Туркамъ принадлежитъ даже большое дерево противъ самаго входа, гдѣ была ихъ малая мечеть, разрушившаяся по счастью отъ ветхости и болѣе не заслоняющая площади предъ дверьми пещеры. Недавно только Латяны оградили стѣною садъ Геосиманскій, съ осьмью уцѣлѣвшими въ немъ маслинами, близь тѣхъ камней, гдѣ указываютъ ложе трехъ Апостоловъ и страшное мѣсто Іудина лобзанія; надѣюсь получить отъ нихъ масляную вѣтвь.

Я узналъ нечаянно, что кромѣ новаго Геосиманскаго подворья, которое построено противъ самыхъ воротъ храма Воскресенія, женская обитель

великой Панагии была издревле подворьемъ Геосманин, куда укрылись ея инокини послѣ разоренія Сарацинскаго. Посѣтивъ монастырь сей, я нашелъ въ церкви много замѣчательныхъ иконъ и древнюю мѣстную икону Богоматери, которая стояла нѣкогда въ пещерѣ и почитается чудотворною. Доска ея треснула отъ ветхости, но лики пречистой Дѣвы и сидящаго на ея рукахъ Младенца хорошо сохранились. Я приобрѣлъ себѣ тамъ древнюю икону верховныхъ Апостолъ, могущую служить обличеніемъ для нашихъ раскольниковъ, правильнымъ перстосложеніемъ, и для Римлянъ, потому что неповѣданіе Петрово: «ты еси Христосъ» написано на камнѣ, который онъ держитъ, въ основаніе будущей Церкви. Но подъ сводами обители я нашелъ другое сокровище,—подземный придѣлъ во имя Св. Меланіи Римляныни, съ ея гробницею и пещерною келліею, потому что тутъ она спасалась и основала женскую обитель. А такъ какъ день ея памяти въ послѣдній день года, то я постараюсь чтобы отпраздновали ея лѣтнее воспоминаніе, божественною службой надъ самымъ ея гробомъ. Она мнѣ напомнила нашу Русскую Меланію, недавно къ ней отшедшую въ вѣчность.

Надобно знать, что почти все такъ называемые монастыри въ Іерусалимѣ, мужескіе и женскіе, были большею частію подворьями другихъ отдаленныхъ великихъ обителей; такъ напримѣръ Архангельскій, въ которомъ я утѣшаюсь Русскою службою, принадлежалъ лаврѣ Св. Саввы, когда

ею владѣли Сербы, и былъ обстроены на вѣднвеніе Царя Іоанна Васильевича; потому и есть тамъ придѣлъ Златоуста. Мужескихъ монастырей, гдѣ большею частію помѣщаются поклонники а не монахи, шесть, именно: два Св. Георгія, прочіе во имя Святителя Николая, Авраама, Великомучениковъ Феодора и Димитрія; болѣе всѣхъ пространнѣй Предтечи, на развалинахъ прежней башни Пизанской, примыкаетъ съ одной стороны къ обширному пустырю рыцарей Св. Іоанна, а съ другою къ пруду Царя Іезекіи, который отдѣляетъ его отъ обители Коптовъ. Около него была и прежняя патріархія православныхъ; сосѣдняя баня, уже находившаяся въ рукахъ Турковъ, доселѣ слыветъ патріаршею. Женскихъ обителей пять: во имя Василія Великаго, Св. Екатерины, преподобнаго Евемія, и двѣ Панагій, большая и малая; сія послѣдняя была, по преданію, домою Св. праведной Анны, матери пречистой Дѣвы, и въ церкви ея есть также замѣчательныя иконы; особенно одна, весьма древняя въ серебряномъ окладѣ, знаменія Богоматери, которая будучи похищена отсель въ Дамаскъ, опять появилась на томъ же мѣстѣ, въ церкви праведной Анны, какъ бы не рзучалась отъ материнскаго жилища. Обители сіи почти всѣ связаны между собою и съ Патріаршимъ монастыремъ, такъ что онѣ составляютъ особый кварталъ, въ который втѣснился только монастырь Латинскій, принадлежавшій также Грекамъ, и за-

нимаютъ весь сѣверозападный уголъ Иерусалима, начиная отъ воротъ Яфскихъ.

Бывшая, или лучше сказать глаголемая крѣпость Давида у сихъ воротъ, которая есть ничто иное, какъ замокъ среднихъ временъ, возвышается подлѣ сего квартала на развалинахъ древней Иппической, или конной башни Иродовой, и слыветъ у поклонниковъ домоу Давидовымъ. Противъ воротъ замка, на высокой площади Сіонской, гдѣ были прежде великолѣпныя палаты Ирода Агриппы, горделиво выстроили теперь свою нарядную готическую церковь Англичане, и стараются новую составить себѣ паству изъ Евреевъ, и чрезъ то пріобрѣсть народность въ цѣлой Палестинѣ. Не много далѣе убогій монастырь Сирскій, въ домъ Іоанна Марка, гдѣ указываютъ, довольно странно, купель Матери Божіей. На открытомъ алтарѣ Сиріанъ стоитъ древняя ея икона съ Младенцемъ, которую приписываютъ Евангелисту Лукъ, какъ я слышалъ отъ ихъ Епископа, добраго и весьма смиреннаго по своему убожеству; хотя Сиріане или Іаковиты, по догматамъ сходствуютъ съ Армянами, но сіи послѣдніе ихъ чуждаются. — Кварталъ Армянъ, съ ихъ садами, занимаетъ лучшую часть Сіона и всю югозападную оконечность Св. града; великолѣпная обитель Св. Іакова, какъ известно, пріобрѣтена ими отъ оскудѣвшихъ Грузинъ, и еще недавно только сняли они съ воротъ надпись Грузинскую; внутри же отдѣлали богато свое святилище, совер-

шенно во вкусъ Армянскомъ, гораздо великолѣпнѣе первопрестольнаго ихъ Эчміадзина. Въ храмѣ показываютъ не только мѣсто отсѣкновенія главы Св. Апостола Іакова, но и мѣсто погребенія брата Божія, перваго Епископа Іерусалимскаго, и мнимую его каеэдру, всю раззолоченную, когда истинная мраморная хранится въ обители Патріаршей. Женскій ихъ монастырь, на мѣстѣ дома Первосвященника Каіафы, примыкаетъ къ обители Іакова, близъ самыхъ воротъ Сіонскихъ, а за ними есть еще другая мужеская обитель Армянская, близъ общаго кладбища всѣхъ Христіанъ, на мѣстѣ дома Первосвященника Анны; обѣ исполнены воспоминаній горькаго суда, надъ Грядущимъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Патріархъ Армянскій Богосъ, по нашему Павелъ, старецъ почтенный лѣтами и строгою жизнію, приходилъ поздравить меня на третій день Рождества Христова, когда еще не начинались праздники у Армянъ, ибо какъ вамъ извѣстно Рождество празднуется у нихъ въ день Богоявленія. Онъ пригласилъ меня на свой храмовой праздникъ, Апостола Іакова Зеведея, и принялъ съ большою любовію. Самъ Патріархъ служилъ литургію въ придѣлѣ усѣкновенія Апостола; великолѣпно было служеніе богатствомъ облаченій и утвари; глубокая тишина царствовала въ храмѣ; проповѣдь говорилъ съ высокою каеэдрой Намѣстникъ Патріаршій, на Турецкомъ языкѣ. Во время пѣнія Херувимской пѣсни совершался торжественный ходъ внутри, кругомъ всего.

храма, равно и послѣ литургіи при многочисленномъ собраніи духовенства; но Архіереевъ было только два при Патріархѣ и тѣ не служили, тогда какъ я помню, въ первое мое посвященіе Св. града, до двѣнадцати Епископовъ сослужили Патріарху Захаріи, на другой день Пасхи; не знаю отчего умалилось число ихъ. Послѣ литургіи была общая трапеза въ верхнихъ палатахъ, скромная по случаю неразрѣшеннаго еще поста; старецъ раздѣлялъ ее вмѣстѣ съ братією, болѣе въ качествѣ настоятеля обители, нежели Патріарха.

Иное еще болѣе страшное святилище стоитъ на Сіонѣ, рядомъ съ монастыремъ Армянскимъ дома Анны, и я опять посѣтилъ его чрезъ двадцать лѣтъ. Это бывшая обитель Тайной вечери, мать всѣхъ Церквей, откогда распространилась первая Церковь Іерусалимская во вселенную; но эта обитель теперь обращена въ мечеть. Душа раздирается при такой мысли, еще болѣе при посѣщеніи похищеннаго Турками святилища всего Христіанства. — Послѣ многихъ раззореній Св. града, навлеченныхъ крестоносцами, она была уступлена Франкамъ Православными, которые не въ силахъ были владѣть ею внѣ городскихъ стѣнъ; по преданію Латинскому, Король Сицилійскій, Робертъ, испросилъ силою богатыхъ даровъ, у Султана Египетскаго, обитель сію для братіи Францисканской, а супруга его Санція обстрѣла ее великоколѣпно и, по просьбѣ сихъ державныхъ, Папа Климентъ V буллою утвердилъ существованіе братства на Сіонѣ, въ 1336 го-

ду. Но чрезъ двѣсти почти лѣтъ они ее утратили, проясками одного Еврея въ Царьградъ, которому не хотѣли показать гроба Давидова. Магометане, овладѣвшіе снмъ святилищемъ, сами чрезвычайно дорожатъ гробами, едва ли не мнимыми, Давида и Соломона, и не допускаютъ Христіанъ въ нижнюю часть храма, гдѣ они находятся, полагая, что туда направлено благочестивое ихъ усердіе; но они не вѣдаютъ, что для насъ вся святыня на верху, въ горницѣ Сіонской, куда открытъ свободный входъ. Еще видно, по остаткамъ лѣпныхъ украшеній на сводахъ и колоннахъ, какъ великолѣпно была убрана соборная церковь, или собственно зала Вечери тайныя; мѣсто божественной трапезы Спасителя указываютъ между двухъ среднихъ столбовъ; на сводѣ изваянъ агнецъ съ крестомъ, а на карнизѣ колонны, близъ которой была главная лѣстница, сохранились голуби.

Не могу разгадать, гдѣ стоялъ престолъ Латинскій, потому что бывшій алтарь Греческій, гдѣ совершилось сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, теперь отдѣленъ глухою стѣной отъ залы тайной Вечери и возвышенъ надъ нею. Хотя тамъ показываютъ верхній голубецъ гроба Давидова, однако и туда впустилъ насъ благосклонный шейхъ, племени Магометова, владѣющій обителью. Съ правой стороны, отколъ входятъ въ сей алтарь, была еще палатка или придѣлъ, теперь полуразрушенный, Апостола Фомы, гдѣ онъ, осязавъ язвы Христовы, воскликнулъ: «Господь мой и Богъ мой!» и услы-

наль въ свою чреду знаменательное для всѣхъ насъ слово: «блажени не видѣвшіи и вѣровавшіе». Еще правѣе, на юговосточной оконечности зданія, теперь занятаго женскимъ отдѣленіемъ, Латинское преданіе указывало домашнюю церковь Евангелиста Іоанна, гдѣ будто бы приобщилъ онъ Матерь Божію. Тутъ же предполагаютъ и мѣсто, отколѣ Господь повелѣлъ ученикамъ своимъ: «шедше научите вся языки»; ибо отъ Сіона изыде законъ. Но Римляне, владѣя симъ священнымъ мѣстомъ, матерію всѣхъ церквей, забыли или старались позабыть всякое преданіе о братѣ Божіемъ, первомъ Епископѣ Іерусалима и вселенной, дабы не уступить ему первенства, которое охотно отдавалъ ему и Св. Климентъ, Папа Римскій, какъ видно изъ книги постановленій Апостольскихъ. А между тѣмъ, отъ сего Сіонскаго храма, видѣвъ юговосточный уголъ стѣны градской, куда примыкали терасы Соломоновы, и отколѣ, по преданію Христіанъ Іерусалимскихъ, свергли ихъ перваго Епископа; даже видны два малые купола, возвышающіеся надъ стѣною, потому что тутъ была малая церковь Св. Іакова, обращенная теперь въ мечеть.

Полагаю не излишнимъ изложить то, что я нечаянно нашелъ въ одной Италіянской книгѣ, которую мнѣ далъ прочесть почтенный Блюститель Св. земли Отецъ Бернардинъ: въ ней ясно показано, когда и какимъ образомъ Франки начали владѣть Св. мѣстами, и это свидѣтельство можетъ опрокинуть во многомъ нынѣшнія ихъ притязанія. Книга назы-

вается: *Trattato degli edifizii di Terra Santa*, и писана Францисканцемъ Бернардиномъ, жившимъ въ Св. земль, а напечатана во Флоренціи въ 1620 году, слѣдственно имѣеть достаточную древность. Авторъ говоритъ въ предисловіи, что ему казалось приличнымъ собрать вѣрныя свѣденія, какимъ образомъ Отцы Францисканскіе приобрѣли и владѣють Св. мѣстами. Генераль ихъ ордена Герардъ, въ 1331, по просьбѣ одного Уніатскаго Архіепископа Захаріи, послалъ многихъ братій проповѣдывать въ великой Арменіи. Изъ числа ихъ Арнольдъ, бывшій въ Константинополѣ при Императрицѣ Греческой, изъ дома Савойскаго, убѣдилъ Императора просить себѣ проповѣдниковъ у Папы Іоанна XXII, и братъ Рогеръ Аквитанскій, посланный въ Св. землю, испросилъ у Султана Египетскаго святилище горы Сіонской, гдѣ построилъ обитель для братіи.

Такъ говорятъ лѣтописи, называемыя древними, присовокупляетъ авторъ сей книги, но по истинѣ было такъ: (это выраженіе весьма замѣчательно, ибо показываетъ, какую вѣру можно давать громкимъ преданіямъ Римлянъ, о всегдашнемъ будто бы обладаніи ими Св. мѣсть). Благочестивый Робертъ Король Сицилійскій, братъ Св. Епископа Людовика, изъ ордена Миноритовъ, съ супругою своею Санцію, послалъ богатѣйшіе дары Султану Египетскому и получилъ отъ него соизволеніе, чтобы братія Минориты т. е. Францискане, имѣли всегда право обитать и служить на горѣ Сіонской.

(И такъ вотъ гдѣ начало всѣхъ правъ и чѣмъ оно ограничено). Королева построила тамъ обитель для братіи, заключающую весь святыя мѣста: вечери тайной, сошествія Св. Духа и явленія Господа ученикамъ своимъ, въ день воскресенія. Тамъ учреждено было постоянно житьельствовать двѣнадцати братьямъ сего ордена, а нѣсколько другихъ содержались при Св. гробѣ, дабы тамъ постоянно совершалась божественная служба, и все сіе было утверждено буллою Папы Климента V-го, 30 Ноября 1336 года. Папа говоритъ въ буллѣ, начальнику ордена, что число двѣнадцати, по его мнѣнію, достаточно для богослуженія при Св. гробѣ, какъ и на Св. Сіонѣ, лишь бы они были достойны такого назначенія. Вотъ уже, на первомъ шагу, видно притязаніе Римское: Король спрашиваетъ у Султана дозволеніе поселить братію на Сіонѣ, а уже Папа посылаетъ инокѣвъ внутрь Св. гроба. Вѣроятно однако, что въ началѣ они имѣли только позволеніе ходить туда совершать литургію, а потомъ мало по малу, пользуясь своимъ богатствомъ и слабостію убогихъ Патріарховъ Іерусалима, племени Арабскаго, овладѣли ихъ достояніемъ.

Можно о томъ судить по Вилеємской церкви, ибо въ томъ же предисловіи сказано: быть можетъ братъ Рогеръ имѣлъ дозволеніе, чтобы нѣкоторые изъ сихъ братій основались и въ Вилеємѣ, близъ священныхъ яслей Господа, гдѣ и теперь они обрѣтаются къ великому утѣшенію поклонниковъ, хотя о правѣ обладанія Вилеємомъ, не упоминается.

нается ни въ какой буллѣ, кромѣ какъ у Папы Григорія XI. Онъ позволяетъ братіи Францисканской основать церковь кладбищенскую Св. Николая, близъ Виелеема, съ колокольнею и необходимыми зданіями. И такъ, въ исходѣ XIV вѣка, только что допущены Франки имѣть близъ Виелеема кладбищенскую церковь, а въ XVI, они уже исполнѣ имѣ владѣли, такъ что не допускали даже православныхъ Патріарховъ къ поклоненію святынь, хотя сами не могли опредѣлить на чемъ основано ихъ право. Извольте по этому судить о всѣхъ послѣдующихъ, а мнѣ простите это краткое отступленіе въ описаніи святыни Иерусалимской, ради правды ея обладанія Православными.

Возвратившись въ городъ, тѣми же Сіонскими вратами, я пошелъ вдоль ограды южной къ храму Соломонову, и первое что встрѣтилъ, было хижины прокаженныхъ, которые искони тутъ поселились, потому что кварталъ сей остался за Евреями до самаго обрыва Сіонскаго, противолежащаго Морію. Что скажете о такомъ постоянствѣ жительства и наследственной болѣзни, уже исчезнувшей въ прочихъ частяхъ свѣта? Десять прокаженныхъ срътоша и насъ на пути, ознаменованномъ событіями евангельскими, ибо здѣсь, вѣроятно, вели Господа на судъ нечестивый Анны и Каіафы, изъ долины Иосафатовой. Здѣсь только ясно могъ я увидѣть высоту Сіона, кончающагося крутыми обрывами къ востоку, и знаменитую долину Тиропеонъ, о которой такъ много спорять

археологи, между Сіономъ и Моріей: начинаясь почти отъ вратъ Дамасскихъ, пересѣкаетъ она съ сѣвера на полдень весь городъ, и спускается къ нижней купели Силоамской; она образовала некогда сады царскіе, у южнаго ската Сіонскаго, что нынѣ уже внѣ ограды; надобно однако отличать прудъ Силоамскій, гдѣ стоитъ дерево Пророка Исаи, недавно обломившееся, отъ верхней купели, гдѣ совершилось чудо прозрѣнія слѣпца евангельскаго, которая находится противъ самой деревни того же имени и горы соблазна Соломонова: оба источника соединяются между собою подземнымъ ходомъ, изсѣченнымъ въ скаль, по которому недавно пролезъ отважнѣйшій пролазъ Англинскій. Малыя водяныя ворота Силоамскія были на сей разъ открыты, и я могъ взглянуть изъ нихъ на близъ лежащую окрестность: долина Тиропеонъ (или дѣлателей сыра) поросла внутри города густымъ кактусомъ, или столбѣтнымъ деревомъ, весьма приличнымъ для сихъ вѣковыхъ мѣстностей и развалинъ, и еще видно начало высокаго моста, со стороны холма Моріи, который соединялъ его крутою аркою съ Сіономъ. Долго стоялъ я во глубинѣ сего оврага, и смотрѣлъ на возвышавшіяся предо мною стѣны и отчасти развалины бывшаго знаменитаго храма Іустиніанова, введенія во храмъ пречистой Дѣвы: нынѣ это недоступная мечеть эль-Акса.

Зданіе, съ южной своей стороны, вполне обличаетъ зодчество Византійское, и тутъ ясно видны

тъ громадныя камни, которые, по описанію Прокція (о зданіяхъ Императорскихъ), были съ невѣроятнымъ трудомъ перевозимы изъ окрестныхъ горъ, для искусственнаго распространенія холма Моріа; но я никакъ не могъ снаружи разгадать себѣ внутреннее устройство мечети, которая теперь будто бы обращена къ югу. Одинъ изъ иноковъ, мнѣ сопутствовавшихъ, имѣвшій случай посѣтить объ мечети, эль-Харамъ и эль-Акса, увѣрялъ меня, что хотя главный входъ въ Святое Святыхъ съ сѣверной стороны, но бывшій алтарь видѣнъ къ востоку и колоннада внутри, весьма великолѣпная, такъ расположена, что алтарь приходится на своемъ мѣстѣ: должно вѣрить словамъ его, хотя, какъ я уже сказалъ, снаружи представляется, будто церковь направлена къ югу, что опять невозможно по правиламъ восточнымъ; правда, видна и съ запада пристройка, въ видѣ нарѣзка уже безъ крыши, и возвышаются изъ-за нея двѣ огромныя колонны бывшихъ западныхъ вратъ, но это меня не удовлетворило. Одинокая пальма качалась надъ южною обвалившеюся частію зданія, дополняя собою внутренній лѣсъ колоннъ; не далеко отъ бывшаго алтаря, по разсказу инока, сажени на четыре, находится мѣсто, отколѣ свергли Апостола Іакова. Это дѣлаетъ правдоподобнымъ самое преданіе, потому что мѣсто, гдѣ жила Матерь Божія, принадлежало храму, и слѣдственно, братъ Божій могъ быть свергнутъ, съ юговосточной оконечности террасъ, окружавшихъ Святое Святыхъ. Простите не-

ясность и неудовлетворительность моего описанія, какъ бы заочнаго въ виду самаго святилища. Что дѣлать? и намъ до времени приходится плакать о его утратѣ, какъ Евреямъ, которые ежегодно приходятъ совершать свои молитвы, нѣсколько выше на площадкѣ, нарочно для нихъ оставленной у самыхъ стѣнъ ограды Соломоновой. И такъ, уже не на рѣкахъ Вавилонскихъ, но и внутри самаго Сіона плачутъ они, вьегда помянути имъ Сіона; и мнѣ пришлось пролить тѣже слезы на мѣстѣ ихъ плача.

Этотъ кварталъ собственно Магометанскій, и самыхъ злыхъ Магометанъ; тутъ ихъ судилище и обитель слѣпыхъ дервишей, вдоль ограды мечети Омаровой. Онъ распространяется къ сѣверу за крестный путь до вратъ Дамассковыхъ, а къ западу до прежней стѣны города, т. е. до обители Воскресенія и жилища Христіанъ. Всѣ базары, крытые и открытые, находятся внутри этого квартала, едва ли не самаго грязнаго послѣ Іудейскаго, потому что однѣ только дождевыя струи смываютъ его улицы, на скатъ Сіона и Моріа. Но тутъ и лучшія древнія зданія, такъ какъ это вѣроятно было жилище почетныхъ Франковъ, и прежде нихъ Грековъ. На одной изъ выходящихъ улицъ стоитъ такъ называемый дворецъ Царицы Елены, обращенный въ домъ призрѣнія нищихъ, потому что тамъ варятъ для нихъ пищу въ огромныхъ мѣдныхъ котлахъ, принадлежавшихъ временамъ Римскимъ. Я полагаю однако, что это былъ домъ другой Императрицы, Евдокіи, супруги Θεодосія

младшаго , которая провела болѣе двадцати лѣтъ въ Иерусалимѣ и украсила окрестную пустыню великолѣпными храмами. Зданіе исполнено величія, но истинъ царскаго: съ одной стороны улицы высокая арка воротъ украшена арабесками самыми изящными; есть на стѣнахъ примѣсь уже временъ Халифовъ , ибо вѣроятно тутъ обитали и Султаны , временно владѣвшіе Св. градомъ. Съ другой улицы, надъ другими вратами, есть двойное окно, раздѣленное колонною, изящной формы; изъ подъ сводовъ открывается четверосторонній дворъ, весьма правильный , съ нарядными узорами по всему карнизу , а за его стройными арками обширная зала, поддерживаемая массивными столбами и освѣщенная только двумя круглыми окнами ; она засыпана до половины землею и обращена въ конюшню. Верхніе терема, гдѣ кажется была и церковь , болѣе повреждены и тамъ живутъ солдаты Паши въ бывшихъ палатахъ : *sic transit gloria mundi*.

Есть и еще любопытные остатки древности въ сѣверовосточномъ углу города , между крестнымъ путемъ и Дамасскою улицею , идущею по долинѣ Тиропеонъ. На самомъ мѣстѣ паденія Господня водъ бременемъ креста , на перекресткѣ обеихъ улицъ, нынѣшняя баня кажется была церковію, и напротивъ ея доселѣ стоитъ высокій древній домъ безъ крыши, котораго назначеніе неизвѣстно. Тутъ же цѣлый холмъ развалинъ, поросшій травою, быть можетъ принадлежавшихъ палатамъ Ирода четверо-

властника. Это мѣсто прежней Акры, которую поминали нѣсколько Маккавей, чтобы она не возвышалась надъ храмомъ, и наирасно ищутъ нѣкоторые сію часть города на западъ, гдѣ теперь новый Христіанскій кварталъ, гораздо позже включенный въ ограду; высота Виснеы, просоединенная Иродомъ къ древнему Іерусалиму, теперь уже вне города съ сѣверной его стороны. На самой вышей точкѣ Акры стоитъ мечеть, которая была церковью, и еще видны слѣды живописи на аркѣ горняго мѣста; это бывшій домъ Симона Фарисея, гдѣ Магдалина Марія омыла ноги Спасителя, муромъ и слезами, и услышала челобколюбивыя слова сіи: «отпущаются грѣхи ея мнози, яко возлюби много; а ему же мало оставляется меньше любить». Сей часъ только возвратился я изъ этой церкви и повторялъ произнесенныя тамъ нѣкогда слова: сколько въ нихъ любви! Я вошелъ, позади церкви, на высокія стѣны города со стороны сѣверной, и шелъ по оградѣ даже до великолѣпныхъ воротъ Дамасскихъ. Высота Виснеы подымалась предо мною, и въ ней видна глубокая пещера Іереміи или Варуха, изсѣченная въ скалѣ. Ни что приличнѣе плача пророческаго не можетъ огласить и новый Іерусалимъ, наполненный раздорами внутренними и обладаемый языками, хотя пути Сіонскіе и не рыдаютъ безъ путниковъ во дни торжествъ.

ПИСЬМО XXXVI.

НОВЫЙ ГОДЪ И БОГОЯВЛЕНІЕ, ГОРНЯЯ.

Иерусалимъ, 1 Января 1850.

Писаніемъ къ вамъ желаю начать сіе новое лѣто благодати Господней, открывшееся для меня во святомъ градѣ великаго Царя. Памятую при томъ, что въ сего священнаго мѣста надписывалъ уже однажды, въ письмахъ моихъ, 1830 годъ. Двадцать лѣтъ это цѣлая жизнь, или покрайней мѣрѣ лучшая цвѣтущая ея часть; справедлива пословица Русская, всегда вѣрная въ устахъ нашего разсудительнаго народа: «жизнь пережить не поле перейти.» Хотя бы остальные годы поприща житейскаго, нынѣ начинающагося новолѣтіемъ въ земномъ Иерусалимѣ, протекли спасительно для меня, на пути къ горнему, ибо земной едва ли удастся

опять видѣть! Я встрѣтилъ новый годъ молитвенно: всю ночь слушалъ въ монастырѣ Архангеловъ, съ Русскою братією, и ночью внималъ опять утренню въ Патріаршей церкви равноапостольныхъ Царей, вмѣстѣ со всемъ соборомъ Архіереевъ. Во время ранней литургіи подали туда въ окно, изъ сосѣдняго храма Воскресенія, священное сокровище, десницу празднуемаго нынѣ великаго Святителя Василія, можно сказать не сомнѣнную, потому что она хранится въ храмѣ, при царской хрисовулѣ Императора Никифора Фоки. Онъ же даровалъ и честную главу Святителя, другу своему Аѳанасію на Св. гору; можно предполагать, не получилъ ли самъ Кесарь сію святыню въ Кесаріи Кападокійской, изъ кафедральной церкви Василія великаго, во время своихъ походовъ на Востокъ? Внутри храма Воскресенія, послѣ литургіи, которая совершалась на Св. гробѣ, трижды обносили кругомъ Св. кувукліи священную сію десницу, начертавшую для насъ божественную литургію; весьма сожалѣлъ я, что не зналъ о томъ заблаговременно, чтобы присутствовать при этой службѣ. Но тотчасъ послѣ поздней литургіи, которую слушалъ опять въ обители Русской, увидя отверстыя врата храма, я поспѣшилъ взойти, чтобы обновить свое лѣто, поклоненіемъ Св. гробу и Голгоѣ и всемъ Св. мѣстамъ, внутри святылища.

Возвратясь въ келлію, я былъ обрадованъ двумя вашими письмами и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ письма, отъ Экзарха изъ Грузіи, изъ Варшавы

и даже изъ дальней Америки, отъ преосвященнаго Иннокентія. Сладко отозвались душѣ моей, отдаленный привѣтъ его во Св. градѣ, и вѣсти о моихъ присныхъ; отголосокъ родины пріятель на чужбинѣ, если только можно назвать чужбиною земное отечество нашего Спасителя. Но я здѣсь одинъ и тѣмъ дороже для меня сіи заочныя бесѣды, особенно въ такой день, который привыкъ я проводить въ кругу своихъ. Скоро придется разставаться съ здѣшнею святынею; время и непогоды къ тому побуждаютъ, хотя и грустно оставлять святыя мѣста; тягостенъ здѣсь климатъ зимній, при неизмѣннн тѣхъ средствъ, къ какимъ привыкли мы на сѣверѣ. Въ храмѣ Воскресенія нельзя молиться часто, потому что туда надобно заключаться на всю ночь и слишкомъ холодно; «зима бѣ», въ полномъ смыслѣ, по выраженію евангельскому, и даже необычайная.

Стараюсь, по мѣрѣ возможности, обходить все окрестности Св. града. Третьяго дня восходилъ еще разъ на гору Элеонскую, на обв ея вершинны т. е. къ мѣсту вознесенія и на такъ называемую малую Галилею, гдѣ предстали Ангелы мужамъ Галилейскимъ. Тамъ есть слѣды большаго зданія и глубокой цистерны, съ крестами и голубями изсѣченными внутри ее. Я приложился опять, къ послѣдному на землѣ отпечатку стопы Господней, тамъ отколѣ вознесся онъ во славу, радость сотворивъ ученикамъ своимъ, обѣтованіемъ Св. Духа; входилъ и въ мечеть, устроенную въ остаткахъ

церковнаго аданія; оттуда открываются чудные виды на Святой градъ и на Иорданскую пустыню, чрезъ горный хребетъ. Въ основаніяхъ есть пещера, гдѣ оплакивала грѣхи юности, знаменитая красою Пелагія Антиохійская; еще видна тамъ ея гробница; подлѣ на стѣнѣ прочелъ я, при свѣтѣ огня, надпись Греческую, которая меня поразила своею глубокою мыслию: *Θαρρεὶ Δομιτίλλα, οὐδεὶς ἀθάνατος* т. е. «держай Домитилла, никто не безсмертенъ.» Какъ трогательно!—вѣроятно какая либо подвижница сего имени такъ ободряла себя къ довершенію жизненнаго подвига, надъ гробомъ уже совершившей его Пелагій.

6 Января 1850.

Хотите ли знать, какъ мы праздновали здѣсь Богоявленіе, хотя и не на Иорданѣ, не смотря на его близость? время не благоприятствовало и я доволенъ, что совершилъ путешествіе сіе прежде. Наканунъ въ сочельникъ, по чину Иерусалимскому, часы и вечернее служеніе, съ литургією великаго Василія, совершились въ Патріаршей церкви Св. Апостола Іакова; одинъ изъ Архіереевъ, Филadelphійскій, освящалъ воду; но мнѣ хотѣлось быть въ этотъ день въ храмъ Воскресенія, такъ какъ я тамъ провелъ и сочельникъ Рождества. Я пригласилъ туда Архіепископа Севастійскаго на служеніе, съ Русскою братією монастыря Архангельскаго;

торжественно совершили часы царскіе, на обѣихъ языкахъ, въ главномъ соборѣ; потомъ облаченный Архіерей, неся животворящій крестъ надъ главою, при пѣніи крестнаго тропаря: «спаси Господи люди твоя» поднялся на Голгоѳу, гдѣ совершилась божественная лугургія на трехъ языкахъ: Греческомъ, Славянскомъ и Грузинскомъ, ибо, въ память обладанія Грузинъ симъ святилищемъ, я пригласилъ служить единственнаго ихъ пресвитера во Св. градѣ, игумена Предтечевой обители.

Послѣ освященія воды на Голгоѳѣ, Архіерей, со всемъ клиромъ, при пѣніи стихиръ, обошелъ всѣ святыя мѣста, останавливаясь на каждомъ поклоняемомъ мѣстѣ и окропая св. водою всѣ алтари, равно наши и иновѣрные; трижды обошли мы священную кувуклію, однажды камень мѣропоманія тѣла Господня и однажды весь храмъ, спустились и въ подземелье, гдѣ былъ обрѣтенъ крестъ; часть его была въ рукахъ освящавшаго Архіерея, и тѣмъ умильнѣе было торжество. Вечеромъ я опять заключился, съ Русскою братіею въ храмъ, чтобы слушать тамъ утреню и потомъ раннюю обѣдню на Голгоѳѣ, на языкѣ родномъ; позднюю же долженъ былъ совершать самъ Намѣстникъ, съ двумя Епископами, внутри Св. гроба, какъ въ день Святителя Николая.

Въ ожиданіи утрени, начинающейся въ одиннадцатомъ часу ночи, я присѣлъ между поклонниками, которые разсыяны ночью по всему храму, и забылся на минуту. Вдругъ приходятъ звать меня

къ Св. вратамъ , потому что Консуль Англійскій желаетъ со мною переговорить ; признаюсь я смутился, полагая нѣтъ ли какой либо бѣды, если не смотря на ночное время и на мое заключеніе въ храмъ , хочеть меня видѣть? Открыли оконцо въ заключенныхъ вратахъ , и онъ объявилъ мнѣ: что Принцесса Голландская, сестра покойнаго Короля, прибыла въ Яффу, гдѣ держитъ карантинъ и будетъ сюда въ субботу; Консуль желалъ знать не наша Великая ли Княгиня Анна Павловна посѣтила Св. землю? — Оказалось въ послѣдствіи, что это супруга Принца Адалберта Прусскаго ; она пожелала посѣтить убогую Палестину, взявши посохъ странническій, по примѣру древнихъ царственныхъ богомольцевъ.

Во время нашего богослуженія на Голгоетѣ, Армяне совершали свою службу внутри Св. гроба, съ возможнымъ великолѣпіемъ и крестнымъ ходомъ, потому что у нихъ празднуется вмѣстѣ рождество и крещеніе , выражаемое однимъ словомъ Богоявленія ; сей часъ иду поздравить ихъ Патріарха. Литургія Франковъ слѣдовала за Армянскою и тогда же , на разсвѣтъ, взшелъ въ храмъ Намѣстникъ Патріаршій, Митрополитъ Петры Аравійской Мелетій, съ двумя Архіереями Газскимъ и Филadelphійскимъ, для совершенія водоосвященія Іорданскаго и литургіи. Весь клиръ храма Воскресенія, въ богатѣйшихъ ризахъ, встрѣтилъ Святителя у камня помазанія. Посреди собора, на возвышенномъ богато убранномъ на-

лов, освятили воду, но литургію служили опять три Архіерея внутри Св. гроба. Только во время такихъ тержествъ можно влить все великолѣпіе церковной утвари Іерусалима, массу серебра и богатство облаченій. Богатѣйшая завѣса, вся шитая жемчугомъ и драгоценными камнями, висѣла надъ входомъ Св. кувукліи, которая была освѣщена разноцвѣтными огнями. Долго не понималъ я значенія слова кувукліи, и наконецъ нашелъ его въ чиновникъ Греческихъ Царей: Кувукляріями назывались постельники Императоровъ, отъ Латинскаго названія ихъ ложа, *cubiculum*, а здѣсь трехдневное ложе Христа Царя.—Я окончилъ этотъ день на терасахъ храма Воскресенія: какой очаровательный видъ открывается во все стороны, на Іерусалимъ и его окрестность, особенно къ востоку по скату горы! Солнце садилось и румянило вершину Элеона; кипѣла его багряными лучами глубокая пропасть Мертваго моря, за которою, въ лазурныхъ лучахъ, подымался хребетъ Аравійскій Карака. Обѣ мечети Омара были у ногъ моихъ; долго любовался я зрѣлищемъ, доколѣ на соседнемъ минаретѣ не возгласилъ муеззинъ свою обычную молитву; я удался, чтобы не оскорбить ея священныя впечатлѣній.

На дняхъ былъ я въ Горней и въ пустынной пещерѣ Протечи; пользуюсь послѣдними днями, чтобы обойти еще разъ священныя мѣста, которыми столь богата окрестность Іерусалимская. День былъ солнечный, совершенно лѣтній; послѣ безпріютныхъ

горь хребта Иудейскаго, открылось предъ нами удолие, гдѣ лежитъ обитель Латинская, посреди садовъ и селенія Арабскаго; но его жители къ сожалѣнію большею частію Магометане; нѣсколько семействъ только принадлежатъ исповѣданію Римскому. Монастырь Предтечи, основанный не весьма давно Королями Испанскими, достоинъ по своему великолѣпію царственныхъ ктиторовъ. Братія, предваренная Блюстителемъ Св. земли, приняла насъ чрезвычайно въжливо и даже, во все время посѣщенія, игралъ органъ, такъ какъ не было службы; гармонія сія располагала къ молитвѣ, въ подземномъ святилищѣ, гдѣ родился «болій изъ всѣхъ рожденныхъ женами,» но большимъ коего, по чрезвычайной благодати искупленія, Спаситель называетъ каждаго изъ меньшихъ сыновъ царства небеснаго: вотъ какое высокое обтovanje дано намъ недостойнымъ!

Отъ мѣста рожденія Крестителя мы направились собственно въ Горнюю, на сосѣднюю высоту, гдѣ остатки великолѣпнаго зданія ознаменовали мѣсто свиданія Пречистой Дѣвы съ матерью Предтечи, когда «возставше Маріамъ, иде въ горняя, во градъ Иудовъ и цѣлова Елисаветъ». Имѣя на устахъ это чудное евангеліе, столь часто слышимое въ церкви, я какъ будто созерцалъ самое событіе посреди развалинъ. Широко раскинуло одно столѣтнее дерево отрадную тѣнь свою, на дворѣ бывшей обители; еще цѣлы тѣ сѣни, на прагъ конхъ, воскликнула въ радостномъ восторгѣ Елисавета: «отъ

куда мнѣ сіе, яко прїиде мати Господа моего ко мнѣ?»—Тутъ устроенъ олтарь западныхъ инокѣвъ, гдѣ совершаютъ они литургію всякую субботу; въ стѣнахъ видно начало полуобрушенной лѣстницы, которая вела въ верхніе покои. Сердце умилилось внутри священнаго преддверія, гдѣ съ евангельской простотою впервые раскрылась міру тайна воплощенія; мы всѣ невольно пали на колѣна предъ олтаремъ и Русская братія воспѣла вдохновенную пѣснь, инокѣгда адѣсь произнесенную, устами Честнѣйшей Херувимъ: «величитъ душа моя Господа и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ». Сладки были для насъ церковныя припѣвы, раздѣляющіе по стихамъ сію дивную пѣснь: «честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ». Оправдались слова смиренной Маріамы: сотворилъ ей величіе сильный и по истинѣ ее ублажили всѣ роды. Возносящій смиренныхъ, алчущихъ исполняющій благъ, отпустилъ праздными богатыщихся и расточилъ гордыхъ мыслію сердца ихъ; истина сего каждаго слова проникала въ душу, посреди самаго заустынія той обители, гдѣ впервые были они произнесены, когда мыслію обнимали мы, отъ востокъ солнца до западъ, ублажаемое имя Пречистой Дѣвы, въ родахъ даже не Христіанскихъ, и расточеніе гордыхъ, надмевающихся славою міра.

Мы продолжали путь нашъ въ пустыню Іоаннову, отстоящую болѣе нежели на часъ хода отъ Горней. Скоро открылась намъ широкая долина Тервинская, прославленная поединкомъ отрока

Давида съ исполиномъ Голиаѳомъ; съ лѣвой стороны горы стояли полчища Филистимскія, съ правой полки Израилевы. Ничто лучше псалма не могло выразить сего подвига, какъ бы изъ устъ самаго Давида, особенно на мѣстѣ событія. «Малъ бѣхъ во братіи моей, и юншій въ дому отца моего, пасохъ овцы отца моего. Руцъ мои сотворишеть органъ и персты моя составиша псалтирь. И кто возвѣститъ Господеву моему? самъ Господь, самъ услышитъ. Самъ посла Ангела своего и взять мя отъ овецъ отца моего, и помаза мя елеемъ помазанія своего. Братія моя добри и велицы, и не благоволи въ нихъ Господь. Изыдохъ въ срѣтеніе иноплеменнику, и проклятъ мя идолы своими. Азъ же, исторгнувъ мечъ отъ него, обезглавихъ его, и отяхъ поповеніе отъ сыновъ Израилевыхъ». На тѣхъ вершинахъ, у подножія коихъ стояли Филистимляне, видѣтъ распадающійся замокъ, позднѣйшихъ витязей народа Божія, Маккавеевъ, гдѣ были и гробы ихъ, а въ чуть видной дали мелькала высокая гора Силомъ, гдѣ долго стоялъ кивотъ завета Божія и скончался стражъ его Пророкъ Самуилъ: — сколько воспоминаній собралось надъ сею лѣтописною долиною!

Что сказать вамъ о пещерѣ младенчествовавшаго Предтечи? Въ ней можно угадать первоначальное жилище великаго пустынножителя Іорданскаго. Дико и уединенно самое мѣсто, но не лишено красоты пустынной; источникъ будущаго Крестителя струится изъ глубины вертепа и наполняетъ предъ устьемъ

его малый водоемъ. Есть и зелень древесная надъ пещерой; остатки здашя, въ нѣсколько ярусовъ расположеннаго по крутизнамъ, свидѣлствуютъ что все это заключалось въ стѣнахъ большой обители. На противъ за оврагомъ большое селеніе, откуда приходять черпать жены Арабскія живительную струю сего источника, единственнаго въ ихъ пустынѣ. Не далеко отсюда показываютъ мѣсто погребенія праведной Елисаветы. Долго любовался я, съ вершины утесовъ, зрѣлищемъ окрестныхъ горъ и долинъ, но мысль о первомъ жильцѣ сей пустыни меня не оставляла.

На обратномъ пути, посѣтили мы бывшій Иверскій монастырь честнаго креста, котораго престолъ сооруженъ надъ корнемъ живоноснаго древа. Мнѣ пріятно было видѣть на стѣнахъ знакомые лики Багратовъ, изъ царскаго дома Иверскаго, которые столь часто встрѣчалъ въ обителяхъ Грузіи; я какъ будто бы перенесся, на одно мгновеніе, въ предѣлы наши. Не только Цари Грузіи, но и пустынножители ея, совокупились въ одинъ молитвенный соборъ, внутри сего храма, какъ бы еще стругущіе родственную святыню, давно уже утраченную здѣсь ихъ племенемъ. А было время, когда только Иверскіе Христіане, славные своимъ оружіемъ въ Палестинѣ, по расположенію къ нимъ Черкеской династіи Султановъ Египетскихъ, одни имѣли право носить его на стогнахъ Іерусалимскихъ, и имъ принадлежали первостепенныя святилища. Еще въ XVI вѣкѣ, три соединенныя Царя, Картали-

ніи, Кахетіи и Имеретіи, ходили воевать Іерусалимъ, какъ гласитъ лѣтопись Иверская. Имя одного изъ нихъ, Леона, долго сохранялось на Голгоѣѣ, какъ ея обновителя, до послѣдняго пожара. «Родъ проходитъ и родъ приходитъ а земля стоитъ вѣчно; восходитъ солнце и заходитъ солнце, и увлекается въ мѣсто свое отколѣ возстало, говоритъ Эккlesiастъ, сынъ Давидовъ, Царь Израилевъ, царствовавшій въ Іерусалимѣ», и нигдѣ болѣе какъ въ Іерусалимѣ не поражаетъ взоры это непостоянство дѣлъ человѣческихъ, предъ вѣчностію неиспытанныхъ судебъ Божіихъ.

ПИСЬМО XXXVII.

ПРОЩАНІЕ СЪ ВНОЛЕЕМОМЪ И ЛАВРОЮ СВ. САВВЫ.

Лавра, 9 января 1850.

Пишу вамъ опять изъ лавры плачевной юдоли, потому что ею заключаю мое странствіе по Св. мѣстамъ, какъ ею и началъ, на праздникъ Св. Дамаскина и самаго Освященнаго ея основателя. Но тогда было шумно, отъ множества поклонниковъ и Арабовъ; теперь же тихо не только нравственно, но и физически. Шумный вѣтръ, преслѣдовавшій насъ по горамъ отъ Внолеема, какъ будто не смѣлъ проникнуть въ ущеліе Св. Саввы. Здѣсь совсѣмъ иной климатъ, Иорданскій, и жители также, настоящіе Агіосаввиты. Особенно замѣчательна мнѣ была перемѣна послѣ Внолеема, гдѣ, кромѣ скудной людемн митрополіи, я нашелъ, на мою бѣду, Пашу изъ

Акры, съ двумя стами всадниковъ, для переписи народной, какъ будто «опять изыде повелѣніе отъ Кесаря Августа написати всю вселенную». Но Божественный Младенецъ не былъ вписанъ на сердцахъ сихъ новыхъ исполнителей воли Кесаревой! — Еще на бѣду, Паша, человекъ впрочемъ весьма учтивый и благородный, познакомился со мною въ Иерусалимѣ, потому что служилъ подъ начальствомъ брата моего въ 1833 году, когда войска наши спасли Царьградъ отъ Египтянъ. Онъ обрадовался моему прїѣзду, пригласилъ меня къ ужину, и, думая крайне потѣшить, заставилъ играть свою музыку въ галлерейхъ обители Внолеемской. Я сидѣлъ какъ на горячихъ угляхъ, внимая такимъ звукамъ за нѣсколько шаговъ отъ священныхъ яслей. Ночью только обрѣлъ я при нихъ успокоеніе духовное, читая въ пещерѣ Рождества, всѣ евангелія о младенчествѣ Господнемъ, и внимая тамъ божественной литургіи.

Это была уже шестая, при которой я присутствовалъ въ вертепѣ, въ три мои посѣщенія Внолеема; ибо на сей разъ Господь сподобилъ меня многократно сего утѣшенія духовнаго, на всѣхъ Св. мѣстахъ Палестинскихъ, и я старался не пропустить ни одной службы. Вездѣ, гдѣ только могъ, я былъ по два и по три раза: началъ съ лавры и провелъ въ ней два дня; потомъ посѣтилъ Внолеемъ, на праздникъ латинскій Рождества; отъ Іордана, возвратился опять въ Внолеемъ для нашего празднества, видѣлъ Горнюю и всѣ окрест-

ныя обители, а въ Геосимаію ходилъ какъ можно чаще. Наконецъ теперь, въ третій разъ, предпринялъ я прощальное путешествіе въ Вилеємъ и лавру Св. Саввы. «Пожелать ли мнѣ вамъ еще странствія въ наши предѣлы?» спросилъ меня Митрополитъ Вилеємскій Діонисій, провожая до воротъ своей митрополіи. «Не знаю, отвѣчалъ я, будетъ ли это мнѣ по силамъ». — «Въ такомъ случаѣ пожелаемъ другъ другу Христіанской кончины живота нашего,» сказалъ старецъ и такъ мы разстались. Мимо долины пастырей, гдѣ нѣкогда возгремѣло Ангельское славословіе, и мимо пустыни Феодосіевой, гдѣ отдыхали волхвы, лежалъ путь мой къ юдоли плача, на разстояніи двухъ съ половиною часовъ отъ Вилеєма. По мѣрѣ приближенія къ ней, горы все становились выше и диче, наконецъ, открылось съ нихъ вершины Мертвое море, котораго безжизненная вода я увидѣлъ въ послѣдній разъ. Скоро послышался изъ ущелья, отраднѣйшій звукъ невидимаго колокола, столь утѣшительный въ пустыни, и появились двѣ башни Св. Саввы, какъ бы врата въ вѣчность. Отецъ Іоасафъ, со всею братією, встрѣтили во вратахъ обители; поклонясь гробу основателя, въ тихомъ пѣніи «достойно есть» взшелъ я въ благозвѣстную церковь. Глубокій миръ сей юдоли меня обвѣялъ, какъ бы дыханіемъ иного лучшаго міра; съ тѣхъ поръ и доселѣ пребываю въ духовной бесѣдѣ аввы и его сподвижниковъ.

Мы посѣтили постепенно три келліи, въ коихъ обиталъ Св. Савва: двѣ внутри самой лавры, обра-

щенные въ церкви Св. Николая и верховныхъ Апостолъ (послѣдняя уразднена), и ту, которая напротивъ лавры зѣяетъ въ скалахъ, отколъ увидѣлъ явва свѣтъ небесный, осіявшій будущую его лавру. Трудно было туда влезать по обрывамъ скалъ, но такъ какъ я посѣтилъ, въ первый разъ, келліи его матери старицы Софін, преподобныхъ Іоанна и Аркадія, и бывшаго Епископа молчальника, мнѣ хотѣлось непременно проникнуть и въ сей недоступный вертевь челоуѣка Божія. «Вчера у насъ текла вода въ Кедронѣ, сказалъ мнѣ старецъ, и вотъ теперь опять взякла, а однажды она принесла намъ трупы верблюдовъ, которые сорвались отъ бурнаго взрыва, съ вершины скалъ. Была сильная непогода и я боялся за свою братію: челоуѣкъ десять пошли на праздникъ Богоявленія къ Іордану, къ нимъ присоединилось столько же иноковъ Іерусалимскихъ и до тридцати Абиссинцевъ; они странствовали пять дней, но всѣ возвратились благополучно. Вотъ какъ измѣнились времена: бывало, насъ до-нага обирали Бедуины, такъ что мы принуждены были возвращаться, стыда ради, въ лавру, а теперь Бедуины бѣжали нашей смиренной братіи, которой поднятые посохи показались имъ ружьями». — «Гдѣ же они были?» спросилъ я. «Вездѣ, гдѣ и мы съ вами странствовали», отвѣчалъ Игумень. Тогда, желая повѣрить мѣстность, я спросилъ у одного изъ возвратившихся иноковъ: «есть ли ниже лавры Евонія, какъ бы за часъ разстоянія, на томъ же изсохшемъ руслѣ, по ко-

тому мы съ такимъ трудомъ пробирались, пещера и церковь тамъ, гдѣ намъ видны были остатки зданія въ скалѣ?» — «Есть, отвѣчалъ онъ, обширная пещера съ церковью внутри, и нѣсколько келлій; тамъ еще виднѣнъ на стѣнѣ ликъ Св. Николая». И такъ нѣтъ сомнѣнія, что это былъ собственно тотъ нижній монастырь Θεοκτιστοῦ, о которомъ упоминается въ житіи святаго, основанный обоими при той пещерѣ, гдѣ они сперва жили въ пустыни Кутилійской, надъ потокомъ, а лавра Св. Евѳимія есть позднѣйшая, гдѣ онъ окончилъ дни свои, допустивъ къ себѣ, по откровенію, учениковъ. Тотъ же монастырь, что зовется Θεοκτιστοῦ, на скатѣ горы Іерихонской, долженъ быть совсѣмъ иной; ихъ было весьма много въ сей долині. Нѣтъ сомнѣнія также, что знаменитая лавра Фаранская, преподобнаго Харитонія, была близъ тѣхъ водъ, гдѣ мы нашли водопроводъ, при нашемъ путешествіи, потому что самое мѣсто называется Фаре доселѣ и тамъ есть развалины.

Въкѣ живи, въкѣ учишь: старецъ сказалъ мнѣ, что и на Аѳонской горѣ скитъ Св. Анны, древнѣйшій изъ всѣхъ, основанъ выходцами Св. Саввы, послѣ разоренія Хозроева. До пятидесяти иноковъ туда бѣжали и принесли съ собою мощи Св. праматери Анны и свой уставъ, усвоившійся Аѳону, но сами скоро все умерли отъ холоднаго климата, неблагопріятнаго ихъ подвигамъ. И такъ вотъ причина сходства обоихъ уставовъ, и вотъ какъ наблюдателемъ старецъ, который доселѣ за-

писываетъ всякое доброе дѣло и слово своихъ подвижниковъ, въ домашній патерикъ. Его келлія, гдѣ едва можно повернуться, подѣ башнею Св. Дамаскина, достойна первыхъ аскетовъ; тутъ жилъ и Св. Савва. Повстинъ, великое сокровище сей Юасафъ, какъ бы отголосокъ минувшаго, и онъ совершенно въ своемъ краю, въ юдоли плачевной. Мы посвятили еще разъ бібліотеку въ башнѣ Іустиніановой, гдѣ я искалъ для васъ древняго патерика и нашелъ, но не знаю, какъ доведу. Тамъ ихъ множество, потому что кажется собраніе отеческихъ сказаній и преданій было любимымъ занятіемъ старцевъ Св. Саввы. Съ вершины башни любовалась мы захожденіемъ солнца, румяниваго дальніе туманы Мертваго моря и вершины Аравійскія Карака; а теперъ я опять люблюсь съ моею терасы, на пятнадцати саженьяхъ высоты надъ русломъ Кедрона, лунною картиною юдоли плача, гдѣ только ночные крики птицъ нарушаютъ торжественное безмолвіе пустыни.

Замѣчательна эта чулная лавра плачевной юдоли и драгоценна должна быть она сердцу всякаго православнаго: какъ нѣкогда изъ Сіона изиде законъ и слово Господне изъ Іерусалима, такъ изъ нее распространился, во весь православный міръ, уставъ церковный, или типикъ Св. Саввы, и триста лѣтъ спустя ирмологъ и осмогласныя пѣсни Св. Дамаскина, на всѣ церковныя торжества; наконецъ, еще чрезъ сто лѣтъ, ихъ дополнилъ своими канонами, опять питомецъ сей лавры, Св. Тео-

фанъ Начертанный, Митрополитъ Никейскій и такъ, все изъ одного и того же священнаго источника! Быть можетъ, по сей причинѣ, ради избытка ея духовнаго свѣта и благословеній, изъ нее истекшихъ на вселенную, сохранилъ Господь единственно сію лавру изъ всѣхъ пустынныхъ обителей, хотя конечно Харитоній, Евзимій, Феодосій не уступали святостию жизни освященному Саввъ. Тайны Промысла Божія неисповѣдны! Суждено было именно этой обители уцѣлѣть въ ея пропасти, надъ Кедровомъ и въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ и опасныхъ мѣстъ, когда не спаслось столько другихъ, болѣе удобныхъ къ сохраненію. Даже во время обладанія Франковъ въ Палестинѣ, мы видимъ лавру Св. Саввы въ рукахъ православныхъ, вѣроятно, ради особенной твердости ея въ Православіи, и Греческій ея игуменъ упоминается въ летописяхъ Латинскихъ, при дѣйствіи Св. огня: но Франки увезли съ собою святыя мощи основателя въ Венецію. Послѣ изгнанія Франковъ, хотя и вапустила дважды лавра отъ гоненій Арабскихъ, однако святое мѣсто не оставалось долго пусто; иноки Сербскіе обновили обитель, и при упадкѣ ихъ благосостоянія, Греческіе взошли опять въ древнее свое достояніе. Патріархъ Досифей, въ XVII вѣкѣ, былъ вторымъ ктиторомъ лавры и теперь, можно сказать, она процвѣтаетъ при аввѣ Іоасафѣ, уже безъ страха отъ Арабовъ.

Иерусалимъ, 10 Января.

Дописываю письмо свое въ Иерусалимъ, но возвратимся мысленно опять въ лавру. Иоасафъ, всегда проникнутый любовію къ угодникамъ Божиимъ, особенно приснымъ Св. Саввъ, предложилъ мнѣ отпраздновать днемъ ранѣе память Св. Феодосія Киновіарха, друга великаго Саввы, котораго обитель, всю въ развалинахъ, мы видѣли недалеко, на пути къ Виолеему. Съ радостію принялъ я такое предложеніе, доставившее мнѣ случай, въ той же лаврѣ, воздать въ свое время подобающую честь тремъ великимъ подвижникамъ, каковы: Савва, Дамаскинъ и Киновіархъ, и просилъ чтобы литургія совершилась въ пещерной церкви Святителя Николая, гдѣ собраны кости избіенныхъ Сарацинами иноковъ. Мы туда перешли послѣ утрени, изъ великолѣпнаго собора лавры; признаюсь, я такъ привыкъ молиться ежедневно въ вертепахъ, или Рождества, или Св. Гроба, или Геосиманія, что мнѣ какъ то странно обыкновенное устройство храмовъ: на сей разъ литургія была для меня еще умильнѣе, на языкъ родномъ: совершалъ ее самъ Иоасафъ. Надъ сею пещерою находится другая, столь же обширная, гдѣ обиталъ великій Савва; но теперь она вся завалена старою церковною утварью, а дверь и лѣстница къ ней заслонены черепами избіенныхъ; ихъ придѣлъ примыкаетъ, глубже въ скалъ, къ церкви Святителя; другая церковь, близъ устья иной пещеры преподобна-

го, уже разрушена, какъ я слышалъ; но во дни его тамъ собирались Армяне, которымъ ее уступилъ Патріархъ съ тѣмъ однако, чтобы они пѣли «Святый Боже» по Гречески.

Послѣ литургіи, скромная братская трапеза, приготовлена была подѣ церковью въ палатѣ, гдѣ конечно самъ Св. Савва, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Θεодосіемъ, не разъ трапезовали; это мнѣ напомнило, хотя и въ убогомъ видѣ, наши трапезы во дни памяти преподобнаго Сергія; (я нашелъ и его икону, пострадавшую отъ времени въ пещерѣ Св. Саввы, и вамъ ее доставлю). Читали житіе преподобнаго Θεодосія: какъ онъ доискивался истинной философіи, и обрѣлъ ее въ непрестанномъ памятованіи смерти: для этого приготовилъ кладбище себѣ и братіи; Одинъ изъ нихъ просилъ благословенія у старца обновить сію усыпальницу, что и исполнилъ, молитвенно приготовившись къ смерти послѣ сорокодневнаго поминовенія за-живо. Вотъ эту философію послалъ бы, я для изученія, въ нынѣшній бурливый западъ. Со слезами простился я съ чудною лаврой великаго подвижника Палестины, отца и учителя всѣхъ иноковъ православія во вселенной, и, путемъ плачевной юдоли, возвратился во Св. градъ, также для скорой съ нимъ разлуки.

Чтобы не терять времени, дорогою распрашивалъ я, бывшихъ со мною старцевъ Патріаршей обители, о Св. мѣстахъ, и вотъ что слышалъ отъ тѣхъ, которые жили въ Іерусалимѣ еще до пожара 1808 года. Они мнѣ сказали, о Геесиманіи и Внолсемѣ,

что сія двѣ обители переходили нѣсколько разъ отъ Грековъ къ Латинамъ и обратно; Феофанъ и Нектарій Патріархи дважды ихъ приобрѣтали, и потомъ опять одолевали Франки; но въ исходъ минувшаго столѣтія Патріархъ Пароеній, послѣдній изъ жившихъ въ Іерусалимѣ, пришедши однажды для празднованія навечерія Рождества Христова, не былъ допущенъ Франками даже взойти въ храмъ, и отъ великаго огорченія упалъ въ обморокъ, предъ заключенными дверьми. Тогда отправившись въ Царьградъ, помощію Государей обѣихъ княжествъ, онъ испросилъ себѣ весь храмъ Виолеема и Геосиманію, которые съ тѣхъ поръ остались въ рукахъ у Православныхъ.

Что касается до Св. гроба и Голгобы, то дѣйствительно службы не было на нихъ до пожара: на Голгобѣ поклонялись, съ обѣихъ сторонъ, мѣсту водруженія креста, заходя и сзади, а въ пещерѣ Св. гроба, существовала некогда еще другая, противоположная дверь, тамъ, гдѣ теперь часовня Коптовъ, которой не было тутъ до пожара; слѣды сей двери оказались, когда обгортывъ мраморъ кувукліи, но она давно задѣлана; прежде проходили поклонники насквозь Св. гроба, какъ это теперь бываетъ въ Геосиманіи. Франки хотѣли владѣть исключительно Св. гробомъ, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія и до пожара, потому что одни служили тамъ литургію, такъ какъ Православные не могли удобно совершать ее въ тѣсномъ вертепѣ, не обращенномъ къ востоку; но

число лампадъ было одинаково у обоихъ, хотя занавѣсы были Латинскіе и закрывали мраморныя стѣны внутри и снаружи; кандиложигатель, однако, былъ всегда только изъ Грековъ, по фирману, слѣдственно, стража святилища вѣрена была Православнымъ. Послѣ пожара Греки начали служить тамъ обѣдни, чтобы Франки не основали какого либо права преобладанія, на исключительномъ ихъ служеніи, и, при перестройкѣ храма, уничтожили надписи и украшенія Латинскія. Въ 1812 году Франки, пользуясь войною Россіи съ Портою, опять вытѣснили Грековъ совершенно изъ Св. гроба, выкинули всѣ ихъ иконы и даже сломали крестъ надъ Св. кувукліею, который и до сихъ поръ не поставленъ. Но въ 1819 году Греки опять по прежнему начали служить литургіи на Св. гробъ; 22 Октября преосвященный Петры, Мисаилъ, совершилъ первую обѣдню и съ тѣхъ поръ ежедневно бываетъ служба православная въ святилищѣ. Пока Франки старались опять вытѣснить Грековъ, Армяне, воспользовавшись возстаніемъ Эллады, втѣснились между обоими внутри Св. гроба и отняли у Грековъ половину Геосиманіи и лѣвое крыло храма Виоелемскаго, въ 1829 году. Однако, когда они выстроили себѣ малую обитель, съ церковью на Элеонъ, при Ибрагимъ Пашѣ, Франки и Греки общими силами настояли, чтобы мѣсто Вознесенія было общее. Теперь, хотя и вышло повелѣніе, чтобы каждый оставался при своемъ, однако Франки оспариваютъ у Грековъ починку купола, не смотря на

то, что не только онъ имъ принадлежитъ, но даже цѣлый храмъ былъ выстроенъ, одними только Греками, послѣ пожара. — Извольте разсудить между ними, но мнѣ кажется, до страшнаго суда въ долину Иосафатовой, не окончатся всѣ сіи распри.

ПИСЬМО XXXVIII.

ПРОЩАНІЕ СЪ ІЕРУСАЛИМОМЪ.

Іерусалимъ, 14 Января 1850.

Приближается и уже приблизилось время моего отшествія изъ Іерусалима. Русскіе снѣгъ и холодъ напоминаютъ мнѣ, что время помышлять о возвращеніи на родину, и если не помышляетъ замерзшій на горахъ снѣгъ, завтра собираюсь въ путь. Опасаюсь препятствій такого рода, потому что вчера не могъ я подняться на Элеонъ, чтобы проститься съ мѣстомъ Вознесенія; но я спустился въ Геосиманію и слушалъ тамъ послѣднюю литургію на родномъ нарѣчій. Когда я вышелъ изъ воротъ Геосиманскихъ и взглянулъ на окрестность, мнѣ представилось, что я уже въ Россіи: гора и долина, все было покрыто снѣжнымъ чистымъ снѣ-

Часть II.

19

гомъ и бѣзли имъ, не привыкшія къ нему, листья оливъ. Такъ привелъ мнѣ Господь видѣть образъ вашей новой Геосимани, на мѣстѣ старой. — Когда я прикладывался къ мѣсту убіенія Архидіакона Стефана и къ тому камню, гдѣ молился Господь, я глоталъ снѣгъ таявшій на устахъ. Не диво ли это для Св. града? Грустно мнѣ было стоять въ пещерѣ Геосиманской и думать, что это въ послѣдній разъ; я такъ любилъ тамъ молиться! Всѣхъ, кого только могъ вспомнить, помянулъ я надъ гробомъ Богоматери и, подымаясь къ Іерусалиму, безпрестанно озирался на долину Іосафатову, которой образъ совершенно измѣнился подъ снѣгомъ, и на священную гору Элеонъ.

Трудно было идти въ гору и внутри города, по крестному пути, еще болѣе скользкому отъ снѣга; многіе падали, и я помыплялъ, какъ падалъ тутъ Господь, подъ бременемъ нашего тяжкаго креста: всегда тягостенъ восходъ по сему неизбежному пути Іерусалимскому, котораго нельзя миновать, но никогда не показался онъ мнѣ столь утомительнымъ, какъ вчера. Можетъ ли быть когда либо легкимъ крестный путь, даже и самое его подобіе, оставленное намъ на землѣ и раздирающее сердце, сознаніемъ нашей невнимательности къ страстямъ Господнимъ! Постепенно приготовлялся я къ прощанію со святынею, чтобы сложить бремя грѣховное къ подножію креста Голгофы. Вчера Намѣстникъ Патріаршій, съ Архіепископами Неаполя и Севастіи, съ игуменомъ Св. Саввы и тремя пресви-

терами, совершили надо мною таинство елеосвященія, въ Патріаршей церкви Св. Равноапостольныхъ Константина и Елены, и прочли разрѣшительную молитву. Хорошо слышать всѣ сіи душеспасительныя молитвы, не на одрѣ смертномъ и въ полной памяти. Добрый авва Іоасафъ пѣшкомъ прибрелъ, въ холодъ и снѣгъ, одинъ изъ лавры, чтобы со мною проститься и отслужить для меня три литургіи Русскія, въ Геосиманіи, на Св. гробъ и Голгоѳъ. Цѣлый день шелъ онъ отъ Св. Саввы, гдѣ не было снѣга, до Іерусалима, заходя для отдыха въ пещеры Келронской долины, когда одолевала его противодышущая буря. Утѣшительно встрѣтить въ жизни такія лица, какъ бы выглядывающія въ наше скудное столѣтіе, изъ глубины отдаленныхъ вѣковъ, и соединяющія между собою отдаленныя эпохи съ новѣйшими, къ назиданію нашему.

Тронулъ меня старецъ Архіепископъ Севастійскій Ѳаддей. Сегодня онъ пришелъ въ мою келлію и таинственно вынулъ изъ-за пазухи, обвитый церковною пеленою, камень. «Примите отъ меня напутствіе, сказалъ онъ мнѣ; когда я былъ череднымъ пресвитеромъ при Св. гробъ, во время пожара храма въ 1808 году, ко мнѣ былъ особенно расположенъ нашъ Греческій архитекторъ Комнинъ, которому ввѣрено было обновленіе святилища. Однажды онъ ввелъ меня въ часовню Св. гроба, говоря: хочу въ залогъ моей пріязни дать тебѣ драгоценное сокровище, и тутъ же вырѣзалъ довольно большой кусокъ отъ скалы гробоваго вертепа, на

четверть высоты отъ самаго тридневнаго ложа Христа Спасителя; теперь это мѣсто закрыто иконою воскресенія. Съ тѣхъ поръ и до нынѣ, какъ зѣвицу ока, хранилъ я это неоцѣненное сокровище, и думалъ всегда: кому завѣщать его по смерти?—теперь нашелъ ему наследника. Я уже старъ и доживу не многіе дни при самомъ святилицѣ; вы же унесите съ собою на дальнюю родину сей священный отломокъ, въ память и благословеніе, и если хотите утѣшить убогаго старца, пришлите мнѣ оттуда евангеліе въ окладъ и священные сосуды, которые пошлю на родину въ Анкиру, что въ Анатолиі, для оскудѣвшей обители Св. Троицы; тамъ будутъ поминать насъ обоихъ.» — Вы можете себѣ представить, какимъ утѣшеніемъ исполнилось мое сердце, при полученіи столь печальнаго сокровища.

Вечеромъ я затворился въ храмъ. Русская братія обители Архангельской отслужила для меня всенощную на Голгоѣ; потомъ мы читали акаѳистъ сладчайшему Іисусу и молитвы причащенія, на Св. гробъ; потомъ я обошелъ, во мракъ и тишинѣ ночи, всѣ святыя поклоненія, слабо освѣщенные тусклыми лампадами, исключая только Св. кувукліи и Голгоѣы; ярко горѣвшихъ, какъ бы великія свѣтила на тверди святилища, для просвѣщенія нашего грѣховнаго дня и грѣховной ночи. Оставался еще часъ до утрени Греческой въ соборъ: я сѣлъ въ углубленіи на Голгоѣ, въ ожиданіи службы; чтобы нѣсколько отдохнуть, и ус-

пѣлъ прочесть все евангеліе отъ Луки. О какъ сладко и вѣсть страшно читать на Голгоѣ, въ виду можно сказать самаго событія, сіи знаменательныя слова кающагося разбойника: «помни мя Господи во царствіи твоємъ», при которыхъ невольнo подгибаются колѣна. — Утреня, въ большемъ соборѣ, была невыносима отъ холода и вѣтра, широко ходившаго по всему храму; а на площадкѣ Св. гроба шелъ дождь и снѣгъ, изъ прогнившаго купола, который не даютъ починить Франки, изъ зависти къ Грекамъ. Итъ, зима не есть время способное для посѣщенія Іерусалима; онъ какъ бы созданъ для весны духовной и естественной; великій постъ и Пасха — вотъ его время. Стужа, жары и болѣзни, особенно для странниковъ, тяготятъ въ остальные мѣсяцы. Но я отклонился отъ моего разсказа. — Съ пѣнопѣніемъ: «слава въ вышнихъ Богу» началась литургія, послѣдняя для меня на Св. гробѣ. Совершали ее авва Іоасафъ и отецъ Феоданъ изъ обители Русской; пѣли наши послушники. Я стоялъ въ предѣлѣ отваленнаго Ангеломъ камня и невольный страхъ проникалъ душу, когда діаконъ возгласилъ евангеліе отъ Матѣя: какъ отваленъ былъ никогда сей камень и какъ, со страхомъ и радостію, встрѣчали Мүроносицы Господа, и какъ послалъ Господь учениковъ своихъ, проповѣдать во всю вселенную, крестя во имя Отца и Сына и Св. Духа. — Утѣшительно было, для оставляющаго навсегда Св. мѣста сія, слышать, отъ лица самого

Господа, его обѣщаніе: «се азъ съ вами есмь, во вся дни, до скончанія вѣка». Поистиннѣ, не въ одномъ этомъ дивномъ гробѣ заключается святѣйша Воскресшаго, но какъ поетъ церковная пѣснь: «во гробѣ плотски, во адѣ съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ, вся исполняй не описанне». Сквозь низкія двери гробнаго вертепа я видѣлъ всю божественную службу, на престолѣ самаго гроба, и надъ его отваленнымъ камнемъ сподобилъ меня Господь, приобщиться своихъ Божественныхъ таинъ, отъ руки земнаго Ангела Юсафа.—Такъ довершилъ я Иерусалимское мое странствіе, помолился на Св. гробѣ о счастливомъ обратномъ пути, и несу съ собою на родину часть его камня, даннаго мнѣ Архіепископомъ Севастіи.—Теперь всѣ мои мысли будутъ стремиться на родину. Я еще отслушаю сегодня одну торжественную вечерню, въ храмѣ Воскресенія, а завтра литургію на Голгоѣ, и потомъ пойду въ дальній путь мой; но, лучше ли я теперь чѣмъ пришелъ сюда? — вотъ тяжкій для меня вопросъ, который разрѣшать только время и вѣчность. Все, что только могъ человѣчески, старался я сдѣлать для своего очищенія; грустно думать однако, что удаляюсь отъ Св. гроба, не такъ какъ сказано у Евангелиста Маттея о Мүроносицахъ: «со страхомъ и радостію велиею», дабы возвѣстить ученикамъ, что сподобились онѣ срѣтенія Христова и его сладчайшаго гласа: «радуйтесь»; но едва ли не такъ, какъ на-

писано у болѣе строгаго Марка: «и исшедше бѣжаша отъ гроба, имаше же ихъ трепетъ и ужасъ, и никомуже ничтоже рѣша, бояхубося.»— Господи, прости мнѣ согрѣшенія!

ПИСЬМО XXXIX.

ГОРА КАРМИЛЬ, АКРА, ТИРЪ И СИДОНЪ.

Сидонъ, 21 Января 1850.

«Посрамися Сидоне, рече море, крѣпость же морская рече: не больхъ, ни породихъ...» (Исаія XXIII). Не знаю, что изрекла тогда сія морская бездна, но нынѣ реветъ она страшно, подъ моими окнами, въ посрамленномъ Сидонѣ, который, согласно съ пророчествомъ, лишенъ древней своей славы. Море реветъ отъ пятидневной бури, рѣки разлились отъ дождей и преградили путь мой къ Бейруту, хотя осталось только девять часовъ хода. Съ трудомъ достигъ я Сидона, послѣ шестидневнаго странствія изъ Іерусалима; надѣюсь, съ помощію властей человѣческихъ, преодолѣть и завтрашнія земныя препятствія, на рѣкахъ Ливанскихъ, но

что скажетъ море, чрезъ которое долженъ я переплыть? Страшно възрѣться зимою такой ужасной стихіи; впрочемъ все въ рукахъ Божіихъ! — Что сказать вамъ о Тирѣ и Сидонѣ? Мрежи рыбарей сушились опять, какъ и въ первый мой путь, на камняхъ пресловутой пристани Тира, во исполненіе проческихъ словъ. Знаменитая церковь, первая со славою основанная Христіанами и столь великолѣпно описанная Евсеіемъ, вся въ развалинахъ; осталась только часть южной стѣны, обращенная въ городскую, и нѣсколько аркъ, обозначающихъ пустоту алтаря; внутри ея выстроено нѣсколько домовъ; по этому можете судить о ея огромности. Она несравненно больше Іерусалимскаго храма; это цѣлый кварталъ Тира: двѣ исполинскія колонны лежатъ на дворѣ одного изъ домовъ Арабскихъ, и на одной изъ сихъ колоннъ, вдоль ея, выстроена ограда сего двора. Не мудрено, что созванъ былъ цѣлый соборъ Епископовъ, для освященія сего храма, но не хорошо, что они возстали противъ великаго Аѳанасія. Праха Оригенова и праха Кесаря Римскаго Фридриха Барбаруссы, жертвы крестовыхъ походовъ, не могъ я отыскать посреди, такъ сказать, праха самаго храма.

Сидонъ уцѣлѣвъ лучше и славится своими садами; его пальмы и апельсины, всѣ обвѣшанные плодами, пріятно цѣпили меня вчера, когда я вѣхалъ вдоль городской ограды. Замокъ его въ развалинахъ на высокомъ холмѣ; все что сохранилось въ Тирѣ и Сидонѣ, изъ большихъ зданій, носитъ

отпечатокъ крестовыхъ походовъ ; это высокіе громадныя дома, въ видѣ башенъ, стѣсненные по обычаю западному, съ узкими и темными проулками между ними и крытыми базарами, которые Западъ заимствовалъ у Востока. Библейскихъ Тира и Сидона должно искать подъ землею и частию въ морѣ ; но память Македонскаго завоевателя сохранилась въ песчаной плотинѣ , которою соединилъ онъ островъ Тира съ материкомъ Сиріи. Послѣ всѣхъ развалинъ , какія видѣлъ я въ моей жизни, городовъ и даже царствъ, стертыхъ съ лица земли, обломки Тира и Сидона уже меня не поражаютъ. Все великое сокращается теперь въ малые размѣры: неизмѣримыя пространства вмѣщаются въ разстояніе немногихъ дней, событія вѣковыя совершаются въ теченіе не многихъ лѣтъ и даже мѣсяцевъ , и краткій взкъ человѣческой объемлетъ многое. Что же, въ сравненіи нынѣшнихъ происшествій всемірныхъ, что значить давно минувшая слава нѣсколькихъ городовъ ?

Скажу вамъ о моемъ прощаніи съ Іерусалимомъ: оно было трогательно. Послѣ удивительной обѣдни, которую совершилъ для меня на Голгоѣвъ игуменъ Св. Саввы, на Славянскомъ языкѣ, и на которой присутствовали всѣ Русскіе, они собрались опять въ моей келліи ; пришли также Армяне и Франки, и даже самъ Reverendissimus, т. е. блюститель Св. гроба Латинскій. Давно не видѣла удивительная келлія сія столько разнородныхъ исповѣданій вкупу. — Потомъ Намѣстникъ Патріаршіи Ми-

трополить Петры, съ двумя Архієпископами Газы и Севастіи, прочли надо мною краткія путешестввенныя молитвы, въ синодальной залѣ, и всѣ проводили меня до Св. воротъ монастыря Патріаршаго. Но Митрополить, со всѣми Русскими, пошли далѣе за врата Іерусалимскіе, и тамъ получилъ я послѣднее благословеніе Владыки; на холмѣ, у конца городскихъ стѣнъ, стоялъ игуменъ Іоасафъ и еще однажды благословилъ меня въ путь. Грустно мнѣ было прощаться съ ними навсегда, хотя и звали меня всѣ они, въ третій разъ, посвятить Іерусалимъ. Русская братія поѣхала провожать меня до долины Теревинеской; тамъ надъ потокомъ, гдѣ поразилъ юноша Давидъ исполина Голіаѳа, мы простылись. День былъ лѣтній, хотя и лежалъ снѣгъ на горахъ, но отъ селенія Абугоша онъ исчезъ. Мы вошли въ обширную церковь сего селенія, которое слыветъ Эммаусомъ: здѣсь, какъ предполагаютъ, узнали воскресшаго Господа ученики его Лука и Клеопа; теперь Арабы загоняютъ туда стада свои, хотя своды и стѣны еще крѣпки. «Многіе путешественники осматриваютъ эту церковь, но никто ее не починить», сказалъ мнѣ Магометанскій шейхъ Абугоша. Но для кого же? подумалъ я. Какъ все измѣнилось: отецъ сего шейха едва не ограбилъ меня, двадцать лѣтъ тому назадъ, подле этой церкви, а сынъ вызвался быть мнимъ чичероне и желалъ обновленія церкви? Мнѣ сопровождалъ ризничій Патріаршіи Θεофанъ (по Гречески Камарашъ), которому Патріархъ особенно по-

ручилъ меня и онъ искреннѣе всѣхъ ко мнѣ былъ привязанъ. Уже поздно при лунѣ достигли мы Рамлы, гдѣ встрѣтили меня Консулъ изъ Яффы и старецъ Захарія, тотъ самый игумень, который тутъ принималъ меня въ 1830 году и бесѣдовалъ о пророчествахъ Агаангела; но уже онъ очень обветшалъ и въ памяти его сохранились одни сіи пророчества. Онъ и старецъ письмоводитель Авонитъ, были единственные знакомцы перваго моего странствія; прочихъ я не помнилъ, хотя нѣкоторые меня узнали.

На слѣдующее утро, всѣ бывшіе со мною, поѣхали еще провожать меня до Лидды, на разстояніи часа отъ Рамлы, гдѣ находятся великолѣпныя развалины церкви Великомученика Георгія и была его гробница. Уцѣлѣло только полукружіе горячаго мѣста, внутри коего и теперь служатъ на камняхъ, въ день праздника, и южная арка, съ великолѣпными столбами Коринтскаго ордена. Зодчество напоминаетъ совершенно зданіе Севастійской церкви Предтечи, гдѣ была его гробница и темница, и самый храмъ Воскресенія, какииъ онъ былъ до пожара, судя по остаткамъ минувшаго; это отзывается временами Константина и Юстиніана. Гробъ Великомученика обозначенъ, посреди церкви, каменнымъ возвышеніемъ. Вроятно тутъ былъ склепъ; но вся западная сторона храма въ развалинахъ, въ концѣ устроена шестъ, ибо Турки уважаютъ память святыхъ Христіанскихъ. — Въ Лиддѣ окончательно простился

я съ остальными Иерусалимлянами, не безъ сердечнаго сокрушенія, и одиноко пустился въ дальній путь сей. Погода благоприятствовала, дорога была живописна, хотя и затруднительна отъ бывшихъ дождей. На каждомъ холмѣ встрѣчались развалины, или города Иудейскаго или башни Латинской, окруженныя столѣтнимъ деревомъ алоэ, сей вѣчно зеленою оградой Палестинской: вправо, высоко на горахъ, лежали селенія Арабскія, укрѣпленныя людьми, разрушенныя временемъ. Много было между ними именъ историческихъ, но кто назоветъ ихъ въ пустынь? знаю только, что въ долинь путь нашъ лежалъ мимо Франкскаго замка Расъ-эль-аннъ, или главы источниковъ, еще весьма величественнаго посреди опустошенія, и мимо древней Антипадриды, обращенной теперь въ груду обломковъ, съ нѣсколькими зданіями. Далѣе, у замка Какунъ, вѣщая сова, изъ старой башни, какъ бы предвозвѣстила намъ неудачу; мы потеряли дорогу въ поляхъ при вечернемъ сумракѣ; вставшая луна и проснувшіеся земледѣльцы опять указали ее къ селенію Баки, гдѣ провели ночь въ хижинѣ Арабской. Потомъ еще шли цѣлый день, по отлогостямъ горъ Иудейскихъ, къ высотамъ Кармила, и увидѣли на поморіи обширную ограду Кесаріи Палестинской, которую время выгло изнутри какъ пустой орѣхъ. Я помянулъ благочестиваго сотника Римскаго Корнилія и знаменитаго историка церковнаго Евсевія.

Величественное зрѣлище открылось мнѣ, съ пер-

выхъ выеотъ длиннаго Кармила, недалеко отъ того мѣста, гдѣ Пророкъ Илія принесъ свою чудную жертву предъ лицемъ Израиля; по истиннѣ мѣсто достойно избранія для такой жертвы: видны были въ многоименитыя вершины священныхъ горъ: въ лѣво Кармилъ заграждалъ море; на сѣверъ тянулась гряда Тирскихъ горъ къ Назарету, коего сладкое имя также на себѣ носятъ, и подымался за нею Антиливанъ; въ право отъ Назарета возвышались, какъ два острова изъ долины Эдрилонской, круглый отовсюду познаваемый Фаворъ и Эрмонъ, радующіеся псаломски о имени Господнемъ, въ виду пророческой славы Кармила. Казалось цѣлый отрывокъ ветхаго и новаго завѣта предсталъ, олицетворенный священными свидѣтелями ихъ великихъ событій. Благоговѣнно преклонился я предъ симъ чуднымъ зрѣлищемъ, которое мимоходомъ все вдругъ открылось путнику, и помыслилъ: сколько благочестивыхъ довольствовались бы и однимъ какимъ либо видомъ сихъ освященныхъ горъ! Доколѣ не скрылась отъ меня вершина Фавора, повторялъ я утѣшительный тропарь Преображенія: «преобразился еси на горѣ, Христе Боже, показавый ученикомъ твоимъ славу твою, якоже можаху; да возсіяетъ и намъ грѣшнымъ свѣтъ твой присносущный, молитвами Богородицы, свѣтодавче, слава тебѣ». Потокъ пророческій, Иліевъ Киссонъ, довелъ меня почти до мѣстечка Каифы, на берегъ моря; сильный вѣтръ, предвѣстникъ бури, встрѣтилъ меня на пути. Рано утромъ я под-

нялся въ монастырь Кармелитовъ, заимствующихъ имя свое отъ ихъ святой горы; онъ весь новый, устроенъ усердіемъ одного изъ иноковъ, недавно только умершаго; прежняя обитель разорена была Абдаллой Пашею Акры, но теперь и его дворецъ, построенный на развалинахъ Греческой обители, взошелъ въ ограду Латинской. Не болѣе двухъ сотъ лѣтъ существуетъ монастырь Франковъ надъ пещерою Пророка, которая, по всему вѣроятію, принадлежала Православнымъ; иначе зачѣмъ бы и селиться Римлянамъ, прежде на источникъ Иліи, гораздо далѣе, а потомъ переходить сюда? Церковь и монастырь весьма благовидны и гостепріимство иноковъ утѣшительно въ пустынь. Мѣсто очаровательно, отъ благоуханнаго воздуха и обилія травъ цѣлебныхъ, употребляемыхъ съ пользою Франками. Дорогою я видѣлъ дикихъ вепрей и козъ, на скатъ горы, и изумился, нашедши нѣсколько леопардовыхъ кожъ на Каршилѣ и въ Каифѣ, но услышалъ, что это обычные жители сей горной пустыни. Время было столь бурно, что мы не могли устоять на высокой терасѣ монастырской и любоваться прекрасными видами на долину Акры.— Подъ горою мнѣ указали еще обширную пещеру, бывшую церковью Православныхъ, выдолбленную въ скаль, но теперь заброшенную Латинами. Они называютъ ее школою Пророковъ, гдѣ будто бы собирались къ Иліи его ученики, Такъ какъ еще проглядывало солнце, то настоятель предсказывалъ мнѣ хорошее время до Бейрута; видно онъ не во-

спитывался въ этой школѣ : только до Акры до-
халъ я благополучно вдоль поморія. Суда , опа-
саясь бури Св. Антонія , славящейся въ сихъ окре-
стностяхъ , столпились въ Кавфѣ , лучшей пристани
всего берега Сирія .

Въ Акрѣ ожидало меня гостепрѣимство въ ми-
трополіи Птоломайдской , у почтеннаго Архіепа-
скопа Проконія , съ которымъ познакомился въ
Бейрутѣ , когда провожалъ онъ Патріарха . Это
Израильтянинъ простой и благодушный , въ немъ
же лести нѣтъ ; паства къ нему привязана и мно-
гихъ обратилъ онъ къ православію : пріятно встрѣ-
чать такихъ Пастырей . Мы поскорбѣли съ нимъ
о многомъ , ибо онъ здраво видѣлъ и судилъ пред-
меты . Остаткомъ вечера воспользовался я , чтобы
видѣть знаменитыя нѣкогда укрѣпленія Акры , по-
врежденныя Ибрагимъ Пашею во время осады и
разоренныя Англичанами , когда сдалась имъ Акра .
Они пришли на помощь Туркамъ , чтобы возвра-
тить имъ Сирію отъ Египтянъ , и на всякій слу-
чай разорили твердыню Сирія ; — такъ ли поступи-
ли мы въ Царьградѣ въ 1833 году ? Какъ велико-
душна наша политика въ сравненіи всѣхъ прочихъ !

Турки до сихъ поръ не могли исправить укрѣ-
пленій города . Впрочемъ , кромѣ сихъ историче-
скихъ стѣнъ , мало любопытнаго въ Акрѣ . Сна-
ружи указываютъ холмъ , насыпанный Наполео-
номъ во время тщетной его осады , который де-
сель носятъ его имя . Остатки древней Пто-
лемаиды , внѣ города , рассыпались въ щебень , кро-

мъ одной церкви на берегу моря, которую мнѣ однако не успѣли показать. Внутри все зданіе несетъ отпечатокъ крестоносцевъ, какъ въ Тирѣ и Сидонѣ, и самая митрополія кажется ихъ зданіе. Сожалю что меня не провели въ обширный госпиталь, устроенный Ибрагимъ-Пашею, близъ серая Паша и бани, вѣроятно въ древнемъ замкѣ Страннопримныхъ рыцарей, который такимъ образомъ возвратился къ своему прежнему назначенію, больница. Можетъ быть я ошибаюсь, но судя по обширности зданія, которое я видѣлъ только снаружи, въ минуту моего отъѣзда, и до выскочку его крыльцу, это было зданіе крестоносцевъ. Можетъ ли быть, чтобы не осталось въ Акрѣ слѣдовъ столѣтняго пребыванія ихъ воинственнаго, знаменитаго Ордена? Но я напрасно спрашивалъ о томъ и Консула и Владыку; никто не могъ мнѣ ничего отвѣчать и случаемъ проѣхалъ я мимо сего госпиталя. — Указали только мечеть Паши Джезара, великолѣпную своими мраморами, которую соорудилъ сей зѣлообразный властитель Акры, чтобы искупить потоки пролитой имъ крови; въ мина Джезара т. е. мясника, данное ему отъ его убійствъ, навсегда осталось ему клеймомъ.

Я оставилъ Акру съ вихремъ, къ счастью не совсемъ противнымъ, и пройдя лѣстницу Тирянь (scala Tyrogium), встрѣтилъ проливной дождь, который не оставлялъ меня до Тира; вчера весь день ревѣла буря и лилъ дождь, и въ эту ночь потопило нѣсколько судовъ въ пристани Сидона; разыгралась

етихія. Здѣсь встрѣтилъ я благочестиваго Епископа Тира и Сидона, Исаяю, обратившаго многихъ изъ Латинства въ Православіе. Услышавъ отъ своего Патріарха Меоодія, что я долженъ проѣхать чрезъ его епархію, онъ оставилъ свое горное жилище въ Хазбен и спустился въ Сидонъ; завтра въ воскресенье, хочетъ служить для меня литургію; хотя я собираюсь въ путь, не могу не согласиться однако на его усердное желаніе. Дай Богъ только достигнуть Бейрута, чрезъ весь потоки, а быть можетъ придется далеко обходить ихъ, въ горахъ Друзовъ, и побывать даже въ ихъ столицъ Демръэль-Камаръ.

Сей-часъ возвратился отъ вечерни, изъ церкви православной Св. Николая. Какая нищета! Уииты отняли у нашихъ половину храма, держатъ у себя ключи и служатъ первые, такъ что и для завтешней равней литургіи много было хлопотъ. Съ тѣхъ поръ, какъ за сто сорокъ лѣтъ тому назадъ, Архіепископъ Евѳимій перешелъ со всею папствою въ Латинство, не оставалось почти здѣсь Православныхъ; только въ послѣдніе шестнадцать лѣтъ обратилось около тридцати дворовъ; къ счастью они удержали за собою дошъ архіерейскій, въ которомъ церковь, и хотятъ теперь его устроить опять для жилища Архіерея Сидонскаго, жившаго досель въ горахъ Хазбен. Это благая мысль и можетъ утвердиться его присутствіемъ Православіе; на дняхъ обратилась цѣлая деревня.

Должно отдать полную справедливость отличному

нашему агенту въ Сидонѣ, изъ природныхъ Арабовъ, Фадуль Рескалла, который перешелъ въ Православіе изъ Уніи, со всемъ своимъ семействомъ, и благимъ примѣромъ поддерживаетъ соотечественниковъ, такъ какъ онъ самый почетный изъ мѣстныхъ жителей. Его гостепріимный домъ открытъ всемъ путешественникамъ и у него нашелъ я себя пристанище отъ многодневной бури, бунтующей во-кругъ меня и на морѣ и на сушѣ. Лишь бы утихла къ застрему и не остановила насъ бурная разлившаяся рѣка, на половинѣ дороги къ Бейруту. Мы уже посылали ее освидѣтельствовать и посланный подалъ надежду, что за ночь, если совершенно утихнетъ погода, стекуть горныя воды и можно будетъ переѣхать въ бродъ непроходимую сего дня рѣку.

Бейрутъ, 28 Января 1850 года.

Доканчиваю письмо изъ Бейрута. Благодарю усердію добраго агента, мы перешли, или вѣрнѣе сказать переплыли бурную рѣку, хотя и не безъ опасности; онъ самъ проводилъ насъ на противоположный берегъ. Толпа Арабовъ была собрана у рѣки и поддерживала каждаго съѣдока съ обѣихъ сторонъ, особенно выюки, чтобы не унесло ихъ бурное теченіе, которому и лошади едва могли противиться: такъ оно сильно. Утромъ, послѣ ранней обѣдни, мы уже начинали терять наде

жду, потому что опять пошелъ дождь; однако я рѣшился не отлагать, и дѣйствительно позже къ вечеру было бы еще труднѣе. — Убогая служба Архіепископа Сидонскаго Исѣи, съ двумя священниками безъ діаконовъ, въ церкви до половины ему принадлежащей, оставила во мнѣ грустное впечатлѣніе. Даже самая кафедра архіерейская, прислоненная къ иконостасу, находится на сторонѣ Уніятскаго придѣла, и оба Архіерея ею пользуются, а не весьма давно она была единственно Православною, какъ и вся церковь; надобно поддержать церковь Сидонскую.

Здѣсь въ Бейрутъ, въ домъ нашего Генеральнаго Консула, нашелъ я пріятное общество соотечественниковъ изъ Константинополя: Архимандрита Порфирія, возвращавшагося въ Іерусалимъ и двухъ нашихъ путешественниковъ, Князей Л и Т, которые ѣхали въ Палестину. — Эта встреча была весьма утѣшительна, послѣ долгаго моего странствія по Востоку. Теперь собираюсь въ путь, но еще не пришелъ пароходъ Австрійскій, вѣроятно задержанный непогодою; такой бурной зимы давно здѣсь не помнятъ, а между тѣмъ, въ промежуткѣ непогодъ, были свѣтлые дни. Консулъ нашъ заботится своимъ садомъ; я хотѣлъ оставить по себѣ память и посадилъ въ немъ фруктовое дерево: посмотримъ, принесетъ ли оно какой либо плодъ другому позднѣйшему путнику, который послѣ меня посетитъ землю Сиріи?

ПИСЬМО XL.

МУРА-ЛИКІЙСКАЯ И ГРОВНИЦА НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА.

*Смирна: на пароходъ Эрцгерцогъ Іоаннъ,
5 Февраля 1850.*

Наконецъ , послѣ бурнаго десятидневнаго плаванія изъ Бейрута , которое однако совершилось благополучно , достигъ я опять Смирны , гдѣ держу теперь карантинъ на пароходѣ и , съ помощію Божіею , надѣюсь быть чрезъ недѣлю въ Царьградъ ; оттолъ пошлю вамъ это письмо . Но , кромѣ радости возвращенія , я еще имѣю одно великое утѣшеніе : посѣтитъ дорогою Муру Ливійскую , и это , можно сказать , чуднымъ устройствомъ , какъ признаютъ всѣ бывшіе со мною на корабль ; потому что Мура лежитъ внѣ пути пароходовъ , и я уже потерялъ совершенно надежду туда достигнуть . Вамъ извѣстно , что еще осенью , въ Октяб-

ръ, много скорбѣлъ я, не добхавъ до Родоса, на нашемъ вѣнномъ брикѣ, изъ Аѳинъ: потому что тогда, оставшись на островѣ, я бы могъ, въ промежуткѣ двухъ пароходовъ, съѣздить въ Мѹру и опять возвратиться въ Родосъ, для дальнѣйшаго пути въ Сирію. Когда же, въ Ноябрь, я посѣтилъ Родосъ, то условился тамъ съ нашимъ Агентомъ, чтобы мнѣ, на обратномъ пути, выдержавъ на островѣ карантинъ, съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Мѹру, на купеческомъ суднѣ; а между тѣмъ онъ общалъ собрать для меня все нужныя о ней свѣдѣнія и достать кусокъ мрамора отъ гробницы великаго Чудотворца; но Святитель, мимо всѣхъ нашихъ человѣческихъ расчетовъ, все устроилъ по своему и разумется къ лучшему. По необычайнымъ бурямъ нынѣшней зимы, пароходъ запоздалъ два дня въ Бейрутѣ и еще три дня въ Кипрѣ, потому что невозможно было, не только пускаться въ море, но даже сообщаться съ берегомъ.

Потерявъ такимъ образомъ пять дней и, имѣя еще въ виду четырехдневный карантинъ въ Родосѣ, я уже не предвидѣлъ возможности съѣздить, на парусномъ суднѣ, оттуда въ Мѹру, (которая отстоитъ на сто морскихъ миль), до времени пришестья другаго парохода изъ Бейрута; не довольно было, при нынѣшнихъ жестокихъ буряхъ, пяти дней для столь труднаго плаванія; оставаться же еще на двѣ недѣли въ Родосѣ, до третьяго парохода, я не могъ. И такъ, сдѣлавъ все, что было въ моихъ силахъ, для посѣщенія гроба Святи-

теля, я предоставилъ прочее на его святую волю, и только для успокоенія своей совѣсти, спросилъ еще разъ въ Кипрѣ, капитана парохода (Жилиберта, ибо желаю сохранить имя сего добраго человека): «есть ли возможность посѣтить Мұру?»—«Вы знаете строгость нашихъ правилъ, запрещающихъ малѣйшее отклоненіе отъ назначеннаго пути, отвѣчалъ онъ; но если случится буря, которой впрочемъ не лѣзя предвидѣть послѣ нынѣшней, и мнѣ необходимо будетъ зайти куда-либо въ пристань, то я обещаю вамъ, вмѣсто острова Кастель-Россо, идти въ соседнюю Какаву, подлѣ которой лежитъ Мұра. Впрочемъ, прибавилъ онъ, почти шутя, но безъ кощунства, потому что самъ весьма благочестивъ, чтѣ стоитъ Св. Николаю послать для насъ попутную бурю противъ Мұры, такъ какъ вы съ доброю цѣлю хотите поклониться его гробу».

Прояснѣло, и до разсвѣта оставили мы неготеврѣнный берегъ Кипра, подлѣ котораго три дня било насъ волнами; цѣлый день плыли мы съ яркимъ солнцемъ; къ вечеру показались тучи, но капитанъ увѣрлялъ меня, что на другой день мы непременно будемъ въ Родосъ, и сожалѣлъ, что не можетъ удовлетворить моему благочестивому желанію; а я, съ грустнымъ сердцемъ, прочелъ камонъ Святителю, вмѣстѣ съ вечерними молитвами, и мысленно какъ бы говорилъ ему: «ты знаешь, какъ я желаю поклониться твоему гробу, дабы, если возможно, возстановить изъ развалинъ дерковъ новаго Сіона, тобою тамъ сооруженную; если

пріемлешь мое усердіе, даруй мнѣ и возможность посвятить твою бывшую кафедру; если же нѣтъ, буди твоя святая воля». — Къ ночи поднялся противный вѣтръ и волненіе сдѣлалось чрезвычайно сильно, полился дождь и молніи страшно освѣщали темную зимнюю ночь; около полуночи пріутихъ вѣтръ, но не преставалъ дождь; однако мы продолжали плаваніе, не теряя направленія къ Родосу; но съ разсвѣтомъ усилилась опять буря и до такой степени, что уже невозможно было идти далѣе. Я оставался въ своей каютѣ, страдая отъ морской-качки, и нарочно не выходилъ, чтобы не искушать доброй воли капитана, услужить мнѣ: потому что онъ могъ въ посвѣдствіи отвѣчать за это предъ своимъ начальствомъ. Вдругъ онъ входитъ самъ ко мнѣ и съ веселымъ лицомъ говоритъ: «знаете ли, куда мы идемъ?—въ пристань Какавы, потому что сегодня нечего и помышлять о Родосѣ: видно, святой Николай услышалъ вашу молитву. Мы бы могли зайти въ пристань Кастель-Россо, но для васъ я иду въ Какаву, такъ какъ это не сдѣлаетъ мнѣ никакой разницы, а я знаю, что нельзя шутить священными обѣтами. Святитель Николай есть покровитель всехъ мореплавателей; пусть и отъ меня приметъ сію жертву.» Вы можете представить себѣ мою радость. Сей-часъ же, въ виду острова Кастель-Россо, мы поворотили въ заливъ Какавы, отстоящій на осмнадцать миль, и, сквозь ограду его утесовъ, взошли въ тихую обширную пристань.

Какъ изволите объяснить такое странное событіе, если не особеннымъ устройствомъ Промысла Божія? но еще и другія были видимыя знаменія его покровительства. Мы не могли бы и помыслить взойти въ сію невѣдомую и никому не посвящаемую пристань, еслибы, по счастью, нашъ Греческій диалотъ, или кормчій, не посѣтилъ ее за тридцать лѣтъ предъ тѣмъ, когда, еще въ молодости, заготовлялъ тамъ дрова для Египта. Безъ него невозможно было бы плыть и въ Муру, отстоявшую еще за шесть миль, потому что мы не могли имѣть сообщенія съ берегомъ и искать себѣ провожатыхъ. Правда, древняя крѣпость Греческая высилась предъ нами посреди пристани, на скалахъ Какавы, и у ногъ ея было разсыяно нѣсколько убогихъ хижинъ; но лодка рыбаей, выѣхавшая намъ на встречу, едва лишь показала намъ мѣсто для якоря, и скрылась изъ виду. Кругомъ насъ были одни утесы, и на нихъ, равно какъ и на всемъ берегу, стояли пустынныя гробницы древнихъ Эллиновъ, остроковечныя, высѣченныя изъ одного или двухъ камней, на подобіе нашихъ могильныхъ памятниковъ. Заливъ сей отовсюду огражденный, прилично былъ названъ котломъ, по Гречески Какава, и грустно памятенъ, первую морскою битвою Христіанъ съ Магометанами, на которой суда Халифа одержали побѣду надъ Императоромъ Константіемъ, сыномъ Ираклія. Между тѣмъ, утихла ненастная погода и просіяло лѣтнее солнце, такъ что отыры-зась возможность пуститься въ лодкѣ на двухъ-

часовое плаваніе, сперва довольно безопасное, цѣль прикрытіемъ прибрежныхъ утесовъ и островковъ Какавы, но далѣе даже невозможное, если бы не усложнилось море: потому что около трехъ миль надобно было плыть открытымъ моремъ, до устья малой рѣчки, на которой лежитъ Мура. Не безъ Промысла Божія представилась мнѣ, и сія нечаянная тишина и то обстоятельство, что когда достигли устья рѣки, мы нашли на самомъ берегу вооруженнаго пастуха Турецкаго, который согласился дать вести ко храму Св. Николая, гдѣ по сѣдству было его жилище; иначе едва ли бы могли мы отыскать стезю между развалинъ до церкви, отстоявшей на полтора часа хода отъ пустыннаго поморія, потому что тутъ ограничивалось знаніе нашего кормчаго.

Было уже за полдень и признаюсь, когда я услышалъ отъ пастуха, что еще около двухъ часовъ до Муры, я поколебался на минуту: идти ли далѣе? Рассчитывая, что мы не можемъ за сѣтло воротиться на пароходъ, я боялся употребить во зло довѣренность добраго капитана, который отпустилъ со мною своего кормчаго, карантиннаго стража, дабы мы ни съ кѣмъ не сообщались, одного изъ офицеровъ и шесть вооруженныхъ матросовъ. Что подумаетъ онъ, если мы не воротимся къ вечеру? разсуждалъ я самъ въ себѣ, и однако, съ другой стороны, pomysлилъ также, что совѣстно оставлять неокончаннымъ столь благое начало, и что тотъ же великій Святитель увѣн-

часть его усивкомъ. Такъ мы пустились въ путь, вслѣдъ за нашимъ дикимъ вожатымъ, по стезь едва проложенной среди развалинъ, вдоль лѣваго берега рѣчки, и залитой дождями. Поляна Мұры обратилась въ обширное болото, но мы уже не смотрѣли на воду и все-подвигались впередъ къ священной цѣли. Чудныя развалины изъ громадныхъ камней представлялись намъ на пути, потому что, начиная отъ устья и до самаго храма, простиралась древняя Мұра, по обѣимъ сторонамъ своей живописной рѣки; но намъ нѣкогда было останавливаться, чтобы любоваться ими; самую рѣчку прошли мы въ бродъ и, хотя совершенно промокли ноги, однако не приключилось отъ того никакой болѣзни, не смотря на то, что человекъ мой страдалъ недавно лихорадкою и самъ я легко подвергаюсь простудѣ. Когда нравственное чувство преодолеваетъ физическое, тогда человекъ господствуетъ лучшею своею природою надъ худшею. Наконецъ увидѣли мы предъ собою, на довольно обширной равнинѣ, у подошвы горы увѣчанной замкомъ, величественныя развалины бывшей обители новаго Сіона, основанной дядею великаго Чудотворца, гдѣ самъ онъ святительство-валъ столько лѣтъ, и сердце наше исполнилось живѣйшей радости.

Сюда, сюда, въ пустынную Мұру Ликійскую, а не въ Калабрійскій чуждый намъ городъ Баръ, должны стремиться благочестивые православные поклонники, чтобы достойно почтить память вели-

каго Чудотворца Николая, надъ его гробомъ. Были въ XI вѣкъ казались утѣшительнымъ, что мощи его перенесены были изъ страны, уже обладеваемой Сарацинами, въ землю Христіанскую, которая находилась еще подъ властію духовнаго вселенскаго Патріарха Цареградскаго, то съ тѣхъ поръ все измѣнилось; весь берегъ западной Италіи, именуемый некогда великою Греціею и процвѣтавшій православіемъ, вскорѣ послѣ сего событія отделился отъ Востока и, подпавши самодержавію Рима, отпалъ вмѣстѣ съ нимъ и отъ православія, И сверхъ того, не болѣе утѣшенія духовнаго можетъ получить благочестивый поклонникъ въ Барахъ, нежели въ Муръ: потому что, хотя здѣсь стоятъ развалины храма надъ древнимъ гробомъ, а тамъ великолѣпная церковь надъ новымъ гробомъ Чудотворца, но сокровище мощей его одинаково недоступно, здѣсь и тамъ, и оба гробницы какъ бы равно упряднены. По западному обычаю, не открывается никому святыня мощей, и только, подъ престоломъ нижней церкви, указываютъ въ Барахъ мраморную раку, хранящую въ себѣ сіе сокровище, и то сквозь малое отверстіе, глубоко подъ землею, едва видна сія драгоценная рака. Въ Муръ же Ликійской, хотя и упрядненъ гробъ и открыта могила, изъ коей похищена святыня, но самое мѣсто освящено долголѣтними молитвами Святителя, и конечно ближе его сердцу священная его кафедра, имъ самимъ сооружен-

ная, вежели чуждые ему дальніе Бары. Да проститъ онъ сему моему помыслу!

Остатки обивирной ограды, сложенной изъ массивныхъ камней, свидѣтельствуютъ о прежней обширности обителя Муръ Линійскія; теперь нѣсколько хижинъ разсыяно на этомъ вустырьѣ, и изъ нихъ, весьма недавно, Турки сосѣднихъ селеній вытѣснили жителей Греческихъ. Не болѣе двухъ лѣтъ, какъ Турки овладѣли всѣми землями, принадлежавшими исконн обителя Св. Николая, и которыми безспорно владѣлъ игумень, назначаемый изъ Саталіи отъ Митрополита Писидійскаго. Теперь всякую зиму сходятъ они съ сосѣднихъ горъ, и остаются до лѣта въ Муръ, на самомъ дворѣ церковномъ, сдѣлавъ положеніе Игумена невыносимымъ, и это въ такое время, когда въ прочихъ предѣлахъ державы Оттоманской, Христіане начали нѣсколько отдыхать отъ тяжкаго ига. Не пришло ли время возстановить и права бывшей каеодры великаго Святителя Мурликійскаго, возвративъ земли убогой его церкви? Я слышалъ потомъ въ Родосѣ, что во время возстанія Греческаго, одинъ изъ здѣшнихъ Турковъ, досель еще живущій, отважился сокрушить верхнюю мраморную доску и арки на столбикахъ, надъ гробомъ Чудотворца, и хотѣлъ разорить всю церковь; но былъ наказанъ скоростижною смертію всѣхъ своихъ близкихъ и впалъ въ крайнее убожество. Этотъ прищвръ сильно подѣйствовалъ на прочихъ Турковъ и остановилъ ихъ нечестивые замыслы, а

святотатецъ остался до-нынѣ для нихъ свидѣ-
лемъ совершившейся надъ нимъ казни Божіей. Къ
несчастью, не было игумена въ Муръ, во время
моего посвященія; одинъ изъ его служителей,
молодой человекъ, по имени Антошій, съ большимъ
усердіемъ показалъ мнѣ всю святыню; но до двад-
цати вооруженныхъ Турокъ, тутъ живущихъ и при-
хавшихъ съ горъ, сидѣли внутри монастырской
ограды и на самомъ дворѣ церковномъ; съ дикимъ
изумленіемъ они на насъ смотрѣли и наше оружіе
не было лишнимъ.

Съ южной стороны, сквозь тѣсныя двери жилья
игуменскаго, взошелъ я на дворъ церковный, укра-
шенный мозаикой изъ мелкихъ бѣлыхъ и сѣрыхъ
каменей, но уже отчасти заросшій травою. Малая
гробовая церковь Святителя Николая, тѣсная и
низкая, сложенная сводомъ изъ тесаныхъ камней
и даже отчасти подземная, представилась первая
монмъ взорамъ, а за нею величественныя развали-
ны новаго Сіона, бывшаго кафедральнымъ собо-
ромъ Чудотворца. Надъ низкими южными дверя-
ми церкви былъ изсѣченъ крестъ на квадратной
плитѣ, съ числомъ 1730 года, и чрезъ сію дверь
спустился я нѣсколькими ступенями въ темное
преддверіе святилища, отдѣленное стѣною отъ вну-
тренней его части: глубокій мракъ царствовалъ
внутри храма. Когда нѣсколько привыкли къ не-
му глаза и зажжены были три убогія лампы
предъ иконостасомъ и надъ самою гробницею,
могли мы рассмотреть все горькое убожество и

видѣть неопыщенное сокровище сей церкви. Низкая четверугольная гробница Святителя, обложенная по краямъ мраморомъ, хорошо изваяннымъ, но отчасти отбитымъ, съ обширнымъ отверстіемъ по срединѣ, отколѣ похищена была нѣкогда рака, уцѣлѣла еще отъ буйства времени и людей. Длинна ея до осми четвертей, не болѣе трехъ ширина, а высота — одна четверть; внутри глубокая яма, наполненная землею, которую однако я могъ, хотя и съ трудомъ, достать рукою. Какъ я уже сказалъ, верхняя доска сей гробницы сокрушена была Турками и разбиты малые столбики, которые поддерживали надъ нею крестообразныя арки; по основанію одного изъ сихъ столбиковъ и кусокъ отъ мрамора гробницы, я беру съ собою на родину, потому что еще до моего пріѣзда, игуменъ Павсій Мирлинскій вручилъ ихъ для меня тому повѣренному, котораго посылалъ Агентъ нашъ Дуччи изъ Редоса, для освидѣтельствованія мѣста; при томъ есть у меня письмо игумена, скрѣпленное тремя свидѣтелями на самомъ мѣстѣ, о подлинности сихъ священныхъ остатковъ; еще не знаю, какой церкви столичной удѣлять сіи сокровища. Достоинно вниманія, что раззореніе Мѣры, полчищами Турецкими, послѣдовало въ 1087 году, около 50 лѣтъ, послѣ того какъ Калабрійцы увезли съ собою мощи великаго угодника, въ ихъ городъ Бари; быть можетъ премысль Божій, собственно для того и попустилъ сіе похищеніе, чтобы спасти св. останки Чудотворца отъ рукъ невѣрныхъ.

Ставъ на колѣна предъ самымъ гробомъ, я прочелъ тропарь Святителю: «справилъ вѣры и образъ протости», и молился о его ходатайствѣ за Державнаго Императора, ему тезоименитаго, и весь Его Августѣйшій Домъ, за васъ и всѣхъ монаховъ ближнихъ, особенно за носящихъ имя Святителя; потомъ осматривалъ внимательно церкви и признаюсь, грустно было то что видѣлъ: налой стоялъ предъ самымъ гробомъ, и на немъ лежала икона Святителя, но не древняя; древней я не нашелъ ни одной; тутъ же висѣло серебряное кадило, единственная цѣнная вещь всей церкви; все будто было готово для молебна, но не кому было служить. Иконостасъ кое-какъ складенъ изъ досокъ и въ немъ три иконы Греческия: Спасителя, Божіей Матери и Святителя, но совсѣмъ дурно написанныя, но уже новѣйшія; недостатокъ другихъ замѣнили нѣсколько Русскихъ печатныхъ образовъ, какіе продаются у Спасской башни Кремля: видно, что не богатый поклонникъ, отклонившійся отъ пути Палестинскаго, замѣсть ихъ сюда. Въ алтарь все обнажено; нѣсколько малыхъ иконъ лежало на каменномъ престолѣ, прислоненномъ къ стѣнѣ, гдѣ совершается ежедневная литургія, когда бываетъ игумень. Митрополитъ же Писидійскій, пребывающій болѣею частию на островъ Кастель-Россо, служить тутъ только однажды въ годъ, въ день Угодника Божія, и тогда бываетъ большое стеченіе народное, со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и даже ярмарка въ пустынной Муръ. Да будетъ вамъ изъ-

вѣстно, что хотя уже обременялъ васъ многимъ просьбами, я еще общалъ и здѣсь устроить, по возможности, благолѣпіе сей церкви и, такъ какъ заказанъ мною новый иконостасъ въ Родосѣ, то прошу васъ велѣть написать четыре небольшія иконы, (въ аршинъ съ четвертью длины и три четверти ширины) Спасителя, Божіей Матери, Святителя и Предтечи, на золотомъ полѣ. Необходимы при нихъ четыре серебряныя лампы и еще малое евангеліе и крестъ, съ нужною утварью, чашею и дискомъ, покровомъ для престола, занавѣсомъ и фризами для священника и діакона. Нужна еще аналойная икона Святителя въ серебряной ризѣ, чтобы съ нею ходить по окрестнымъ селеніямъ, по старому обычаю. Мнѣ не совѣстно утруждать тѣмъ обитель Святителя Николая, иже на Перервѣ, дабы подѣлилась своимъ достояніемъ съ гробовою церковію того, во имя коего она осѣнена благословеніемъ свыше; болѣе совѣстно мнѣ видѣть, какъ досель мы забыли нашего покровителя! Но этимъ малымъ частнымъ пожертвованіемъ не должно окончиться усердіе наше; нѣтъ, я хочу призвать всю Россію для возстановленія падшей обители Мурликійской, и прошу васъ огласить письмо мое печатью въ журналъ вашемъ: творенія Св. Отцевъ, и отдѣльными книжицами.

Когда я поклонился еще разъ гробу Святителя, и вышелъ изъ его церкви, молодой послушникъ или служитель, Антоній, сказалъ мнѣ: «что бы вы ни дали этой церкви, ближе будетъ нашему сердцу».

Часть II.

21

пу, если возстановите намъ соборную Св. Сіона, и неужели вы, Русскіе, сего не сдѣлаете?» Тогда онъ провелъ меня къ развалинамъ новаго Сіона, прилегающимъ съ сѣверной стороны къ гробовой церкви; пройдя подъ низкими сводами бокового придела, вошли мы въ внутренность бывшаго великолѣпнаго храма, достойнаго великаго Святителя. Еще сохранилась вся нижняя часть его до мраморнаго карниза, идущаго вокругъ всего здания и изящно изваяннаго цвѣтами; но помость засыпанъ землею; изъ нея выходятъ до половины три бѣлыя мраморныя колонны, еще стоящія, обозначающія иконостасъ, вѣроятно открытый какъ некогда въ Св. Софїи Царьграда; четвертая колонна лежитъ тутъ же на своемъ мѣстѣ, и другіе четыре малые столба стоятъ на мѣстѣ священной трапезы, какъ бы ожидая только мраморной доски, для совершенія богослуженія, прерваннаго уже столько вѣковъ. Еще цѣло и все полукружіе горняго мѣста, вѣроятно съ сопрестолиемъ и каедрю, засыпанными землею; даже полусводъ надъ сею частію алтаря сохранился, но не устоитъ при обновленіи; только нижняя часть храма до карниза можетъ оставаться въ прежнемъ видѣ. Катихумены съ сѣверной стороны, или верхняя часть хора, также сохранилась отчасти, и тутъ устроенъ престолъ во имя Св. Георгія, а подъ ними была церковь Св. Апостолъ; самый же соборъ, какъ и всѣ такъ называемыя Сіоны въ Грузіи, правдовадь успенію Божія Матери, потому что въ сему

дню соединился соборъ всѣхъ Апостоловъ на Сіонѣ Иерусалимскомъ. Но южная часть верхнихъ катихуменъ и западная совершенно обрушились; когда изнутри церкви посмотрѣлъ я къ верху, увидѣлъ, что весь карнизъ кругомъ унизанъ народомъ: Турки и Греки, женщины и дѣти, всѣ собрались, и безмолвно смотрѣли на посѣтителей, какъ бы въ чаяніи чего либо необычайнаго. Да исполнится сіе чаяніе вѣрныхъ и невѣрныхъ, ибо и они уважаютъ память Святителя, хотя тѣснятъ его достойніе! По моему соображенію, при сохраненіи нижней части храма и при искусствѣ мѣстныхъ Грековъ класть куполы, не болѣе пятидесяти тысячъ рублей ассигнаціями потребуется для довершенія полуобрушеннаго храма. Не ужели не станетъ столькихъ денегъ на Руси, для чести и памяти Чудотворца, ежедневно призываемаго въ молитвахъ? Впрочемъ я просилъ нашего Агента съѣздить весною, вмѣстѣ съ архитекторомъ, изъ Родоса въ Мѹру, снять вѣрный планъ всего зданія и прислать мнѣ смету издержкамъ, необходимымъ для возстановленія храма. Въ Маѣ надѣюсь получить эту смету и тогда уже дѣятельнѣе приступить къ сбору, но между тѣмъ полезно приготовить сердца къ сему благому дѣлу, которое благопріятно чести имени Русскаго, также какъ и благочестію каждаго.

Тронулъ меня ревностный Антоній. Когда мы вышли изъ оградаы, чтобы идти въ обратный путь, потому что время уже не позволяло медлить, онъ еще долго шелъ за мною и все повторялъ: «не-

ужели вы не обновите храма? неужели и вы только посетили безъ цѣли?—Другіе намъ обѣщали возстановить, и не исполнили. Ради великаго Чудотворца, не забудьте насъ; если бы игумень былъ здѣсь, и онъ просилъ бы васъ о томъ же. Ахъ, какъ будетъ онъ жалеть! ради Бога не забудьте и обновите храмъ! Какъ нищій бѣжалъ онъ за нами, умоляя насъ, Христа ради, подать милостыню, кому же? — великому Чудотворцу Николаю, отъ котораго многіе не однократно получали помощь! Не трогательна ли для насъ такая ревность невѣдомаго юноши, на развалинахъ Муры Ликійской? И неужели мы, Русскіе, откажемъ въ сей милостынь, собираемой во имя его? Нѣтъ; сердце мое говоритъ мнѣ и за другихъ, что не откажемъ, и что не пройдетъ и двухъ лѣтъ, когда величественно возстановится новый Сіонъ на развалинахъ древняго! Не напрасно Святитель, открылъ мнѣ путь къ своей древней каедрѣ: теперь я какъ бы обязанъ стараться всѣми средствами, о возстановленіи его храма, и уповаю твердо, что возстановится. Съ сею надеждою въ сердце, окинулъ я взоромъ въ послѣдній разъ величественныя развалины, уже отъ меня скрывавшіяся въ отдаленіи, посреди другихъ роскошныхъ обломковъ и окрестныхъ горъ, увѣчаныхъ башнями, и поспѣшилъ вною каменистою стезею къ морю, по правому берегу рѣки, чтобы избѣжать болотъ лѣваго берега. На каждомъ шагу тутъ еще болѣе встрѣчались мнѣ, или чудныя зданія, или гробницы съ надпи-

сами, подобныя тѣмъ, что въ Какавъ; но мысль моя была занята одною великою гробницею Святителя Николая.

Доскажу вамъ остатокъ моего странствія Мурликійскаго. Съ трудомъ могли мы взойти въ лодку съ прибрежныхъ утесовъ, отъ морскаго прибоя волнъ; какъ и прежде, надобно было опять въ бродъ переходить устье рѣчки, но уже на сей разъ перенесли меня на плечахъ добрые матросы Иллирійцы, которыхъ родное Славянское нарѣчіе пріятно было слышать на берегахъ Ликии. Оставалось не болѣе часа до захожденія солнца, и уже море начинало волноваться съвернымъ свѣжимъ вѣтромъ, который однако, по счастію, дулъ отъ земли; оттого не такъ велики были валы. Переплывъ открытое пространство моря, не безъ усилій, мы поспѣшили укрыться между утесовъ и спокойнѣе могли продолжать плаваніе внутренними каналами, которые хорошо были извѣстны нашему опытному кормчему. Совершенно почти смерклось, когда увидѣли издали огни парохода. Радость добраго капитана еще превосходила нашу, потому что онъ въ чрезвычайномъ страхѣ ожидалъ возвращенія лодки, и ради своей отвѣтственности и по участію ко мнѣ. Въ мѣстѣ столь дикомъ могли быть морскіе разбойники, которыми довольно богаты предѣлы Оттоманскіе. Уже онъ высылалъ намъ на встрѣчу другую вооруженную лодку, до захожденія солнца; но солнце съло, лодка воротилась, а насъ еще не было; онъ начиналъ прихо-

дять въ отчаяніе, и вотъ, внезапно, какъ черная точка показалась лодка наша изъ-за утеса Какавы, и онъ, не вѣря самъ глазамъ своимъ, распозналъ наконецъ, что это дѣйствительно мы. Въ радостномъ восторгѣ умножилъ онъ огни на пароходъ и началъ палить изъ пушекъ, въ честь счастливаго окончанія нашего труднаго плаванія, и чтобы почтить память Св. Николая, столь уважаемаго Славянскими благочестивыми моряками. Дружески обнялись мы и поздравили другъ друга съ радостнымъ событіемъ, которое сдѣлалось общимъ для всѣхъ.

Рано утромъ на другой день снялись мы съ якоря и поплыли въ Родось, мимо островка Кастель Россо. Тамъ недавно сооружена прекрасная церковь Св. равноапостольныхъ Константина и Елены и украшена колоннами весьма роскошными, которыя взяты изъ развалинъ Муръ Ликійской и соединенъ Патары, между коими лежитъ сей островъ. И такъ каѳедра и родина Святителя послужили для сооруженія храма, во имя современнаго ему Императора, внявшаго нѣкогда его предостерегательному гласу. И мимо пустынной, еще болѣе разоренной Патары, лежалъ морской путь нашъ: тамъ почти не видать и слѣда обломковъ; но мнѣ утѣшительно было, хотя издали, поклониться родинѣ великаго Чудотворца; мимоходомъ прочелъ я канонъ Святителю, чего не успѣлъ сдѣлать въ Мурѣ, надъ его гробомъ. Какое малое пространство отдѣляетъ мѣсто рожденія Святителя Николая, отъ

мѣста его долгаго священнослуженія и блаженной кончины, и какое необъятное пространство всемирной объѣмлетъ онъ своимъ покровомъ, ибо къ нему все притекають, особенно въ предѣлахъ восточныхъ, не только Христіане, но и неварные: такова особенная благодать, ему данная свыше!

До захожденія солнца мы были въ Родосѣ, и чрезвычайно удивился нашъ усердный Агентъ, услышавъ, что я уже посѣтилъ Мѹру. Между тѣмъ, въ ожиданіи моего прибытія, онъ приготовилъ мнѣ особенный домъ, для выдержанія карантинна и, пользуясь своимъ вліяніемъ у Паша Родосскаго, который есть Генераль-губернаторъ всѣхъ острововъ Турецкаго Архипелага, испросилъ у него пароходъ, для скорѣйшаго совершенія предполагаемаго нами плаванія. Благодаря Бога, все сіе уже оказалось излишнимъ, но тѣмъ не менѣе я остался ему чрезвычайно благодарнымъ за все его старанія, и это служить хорошимъ ручательствомъ для будущаго, что въ немъ мы можемъ найти человѣка вѣрнаго и съ вѣсомъ у мѣстнаго правительства, для исполненія благой цѣли возстановить церковь новаго Сіона въ Мѹрѣ Ликійской. По счастью, есть и хорошій архитекторъ въ Родосѣ, такъ какъ этотъ островъ сдѣлался теперь центромъ управленія Архипелага; слѣдственно, нужны только добрая воля и пособіе, со стороны нашей, для успѣшнаго оковчанія добраго начала. Да совершится оно, молитвами великаго Святителя и Чудотворца! Г. Дуччи доставилъ мнѣ письмо игу-

мена Пансія, котрымъ онъ умоляетъ меня сжалиться надъ бѣдствующею Мурою, каедрою великаго Святителя, и я, въ свою очередь, умоляю васъ, и всѣхъ православныхъ ревнителей Церкви, раздѣлить со мною сіе состраданіе, дѣйственнымъ оказаніемъ помощи.

ПИСЬМО ХЛІ.

ДРЕВНІЯ ЦЕРКВИ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Царьградъ, 20 Февраля 1850.

Въ день памяти Святителя Алексія , столь уважаемаго мною , достигъ я наконецъ Царьграда, предъ самою литургіей, и имѣлъ утѣшеніе слушать ее, на родномъ языкѣ, въ посольской церкви. И такъ совершилось трудное мое странствіе на Св. гору , въ Грецію и Палестину , которое столь нечаянно заключилось Мурой-Ликійскою. Благодареніе Господу, даровавшему мнѣ средства и силы исполнить предпріятіе мое, сквозь многія бури морскія и препятствія на сушѣ. Теперь отдохну мѣсяцъ въ Царьградѣ и въ половинѣ Марта, тотчасъ нослѣ Патріаршаго служенія въ недѣлю Правосла-

вія, поспѣшу на родину; давно уже жаждетъ ее душа моя!

Грустное впечатлѣніе оставила во мнѣ Смирна: въ самый день окончанія моего карантинна на пароходѣ, узналъ я о кончинѣ знаменитаго драгомана нашего посольства въ Константинополь, Князя Телемака Ханджери; я говорю знаменитаго не потому что онъ былъ сынъ Господаря Молдавскаго, но потому что дѣйствительно, по своей опытности въ дѣлахъ, отличному знанію языковъ Восточныхъ и общему уваженію, которымъ пользовался у духовныхъ властей Греческихъ и сановниковъ Порты, онъ имѣлъ на нихъ большое вліяніе. Потеря его невозвратима и о немъ сожальютъ не только Христіане православные, но и сами Турки. Едва сошелъ я на берегъ въ Смирнѣ, какъ пораженъ былъ печальною вѣстію о кончинѣ его, случившейся на канунъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ уже приглашеніе на погребеніе Князя, черезъ часъ, въ митрополи Смирнской; такъ это все дѣлается скоро на Востоку! Князь возвращался больной изъ Триеста, отъ своего семейства въ Константинополь, гдѣ съ нетерпѣніемъ его ожидали, и, почувствовавъ себя дурно, думалъ остаться на нѣсколько дней въ Смирнѣ, остался же на всегда. Погребеніе было величально по большому стеченію народа: Консулы всѣхъ націй собрались отдать послѣдній долгъ первому драгоману Русскому; едва можно было пробраться, по тѣсной улицѣ, до соборной церкви Св. Фотиніи. Митрополитъ Аванасій, съ своимъ Вика-

ріємъ и всемъ клиромъ, провожали тѣло. Послѣ отпѣванія, Святитель произнесъ приличное надгробное слово. На дворѣ церковномъ было приготовлено усопшему мѣсто послѣдняго упокоенія. Я еще разъ приходилъ, на слѣдующій день, служить по немъ панихиду; грустно было оставлять его на чужбинѣ, далеко отъ своихъ: это впечатлѣніе особенно тягостно для скитающагося путника.

Когда я нѣсколько отдохнулъ отъ дороги, первую мою мыслию было посѣтить тѣ изъ мечетей Царьградскихъ, которыя нѣкогда были церквами, потому что обыкновенно онѣ не возбуждаютъ любопытства посѣтителей; я это исполнилъ, какъ только мнѣ позволили зимнія непогоды хваленаго климата Константинопольскаго. Вчера, можно сказать, былъ первый красный весенній день, и я имъ воспользовался, чтобы осмотрѣть до семи мечетей, весьма занимательныхъ. Для этого необходимы Фирманъ и провожатый отъ Порты, но я взялъ съ собою одного только драгомана; зная по опыту, въ Св. Софій, какъ докучливы многочисленныя спутники, для такого рода поѣздокъ, и какъ мало можно съ ними видѣть занимательнаго. Рано утромъ спустились мы изъ Перы, чрезъ очаровательную кипарисовую рощу малаго поля мертвыхъ, къ старому мосту Галаты и, поднявшись на противоположащій берегъ Царьграда, начали осмотръ нашъ съ древней обители Пантократора, нынѣшней Зейрекъ-джамиси. Забытый, брошенный саркофагъ основательницы ея Императрицы Ирины, су-

пруги Кало-Іоанна Комнина, изъ зеленого великолѣпнаго мрамора, съ большими крестами со всѣхъ сторонъ, первый грустно поразилъ мои взоры, не далеко отъ двора мечети. Онъ, вѣроятно, находился прежде на дворъ обители, и его принимаютъ нѣкоторые за таинственный гробъ Царя Константина, съ пророческими на немъ писменами, о судьбахъ Царьграда. Хотя я и зналъ, что не Константиновъ памятникъ предо мною, но пусть онъ будетъ въ моихъ глазахъ Константиновымъ! А гробы Кало-Іоанна и Мануила Комниныхъ, мужа и сына сей Ирины, — гдѣ ихъ искать, посреди запустѣнія обители? Пусть и самый саркофагъ Ирины, обращенный въ кивотъ для фонтана.

Еще одно преданіе, близкое сердцу Православныхъ, нераздѣльно съ обителію Пантократора или Вседержителя. Послѣдній Императоръ Константинъ Палеологъ, угрожаемый конечною осадой завоевателя Магомета, вынужденъ былъ обратиться за помощію къ Папѣ и принялъ въ Св. Софію нашего измѣнника Кардинала Исидора, съ условіемъ однако, опредѣлить догматы православія послѣ минованія опасности. Тогда бѣжалъ народъ въ сію обитель, въ келлію затворника Геннадія, будущаго славнаго Патріарха, который еще, подъ мірскимъ именемъ Георгія Схоларія, подвизался за истину на Соборѣ Флорентинскомъ, вмѣстѣ съ Маркомъ Ефесскимъ. Не вышелъ къ толпѣ затворникъ, но выслалъ хартію, на коей пророчески начерталъ, ибо духъ предвѣдѣнія обиталъ въ немъ, и для близка-

го и для дальняго: «для чего обольщаетесь, несчастные Ромен, и удаляетесь отъ упованія на Бога? надъветесь на силу Франковъ и хотите вмѣстѣ съ городомъ, вмѣющимъ погибнуть, утратить и благочестіе ваше? Милостивъ буди мнѣ Господи; предъ нимъ свидѣтельствую, что я чистъ отъ сего пятна. Разсудите, что творите, бѣдствующіе сограждане! Да не лишитесь, съ грядущимъ на васъ игомъ, и отеческаго преданія, исповѣдавъ нечестіе; да не погибните въ день судный».

Никакихъ слѣдовъ древности не обрѣлъ я въ нынѣшней мечети; все забѣлено и закрашено, хотя и говорилъ мнѣ мулла, что есть мозаики, какъ и въ Св. Софіи, которыя будто бы хотятъ открыть при обновленіи; лишь бы не истребили и остальные! Даже четыре массивные столба Египетскаго мрамора, поддерживающіе главный куполъ, и тѣ забѣлены; остался неприкосновеннымъ одинъ наружный входъ т. е. порталъ, изъ краснаго богатаго мрамора. По расположенію храма видно, что въ немъ было три престола рядомъ, или лучше сказать три церкви, соединенныя вмѣстѣ довольно неправильно, подъ четырьмя куполами; при каждой свой особый жертвенникъ и діакониконъ. Такова нынѣ обитель великаго Патріарха Геннадія. Мы хотѣли видѣть по сосѣдству малую церковь Богоматери *της λιβυς*, основанную Патрикіемъ Константиномъ Ливомъ, при Львѣ Философѣ, и обновленную Палеологами, но не доискались муллы. Наружность оной весьма древняя, а нынѣшнее имя Цирцирь

джами. Тамъ была погребена наша В. Княгиня Анна, дочь Василія Дмитріевича и супруга Палеолога.

Первая въ Царьградъ и болѣе иныхъ именитая мечеть завоевателя Магомета, была сооружена имъ на мѣстѣ храма Апостоловъ, гдѣ собранъ былъ ихъ нетлѣнный ликъ и гдѣ почивали первые властители Царьградскіе дома Константинова, начиная съ Равноапостольнаго ктитора: она привлекла вниманіе наше послѣ обители Пантократора. И здѣсь можно воскликнуть, съ послѣднимъ историкомъ Византійскимъ, такъ заключившимъ лѣтопись падшаго царства: «се ли испыталъ градъ градовъ, похвала Христіанъ и сокрушеніе варваровъ, исполненный столькихъ сокровищъ духовныхъ? Гдѣ нынѣ тѣлеса Апостольскія, тамъ насажденныя искони, какъ бы въ нѣкоемъ вѣчно цвѣтущемъ раю? Гдѣ багрявица Господня, и копіе, и трость, и губа, столь долго тамъ хранимыя? Гдѣ тѣлеса преподобныхъ и мучениковъ? Гдѣ гробы великаго Константина и прочихъ державныхъ? Гдѣ торжища, и палаты, и распутія, и поля, и вертограды, нѣкогда всѣ исполненныя мощами Святыхъ, тѣлесами благородныхъ и славныхъ подвижниковъ? О бѣдствіе! о храмъ—земное небо и жертвенникъ небесный! о священный соборъ, и дивныя церкви, и книги божественныя и словеса Божія, ветхіе и новые законы! О благовѣстіе, изглаголанное самимъ Господомъ, и богословіе истекшее изъ устъ плотоносныхъ Ангеловъ, и ученіе богодухновенныхъ мужей! О учили-

ще героевъ , гражданство и народъ , и воинство , нѣкогда превышавшее мѣру а нынѣ исчезнувшее , какъ погружаемое судно ! Жилища частныя и царскія ! нынѣ васъ призываю и васъ оплакиваю , сдѣлавшись новымъ Іереміею сей бѣдственной трагедіи ! Какой языкъ можетъ разсказать разореніе града , и великое плѣненіе , и всеобщее запустѣніе , преселеніе и разсѣяніе повсемѣстное , разлученіе сына отъ отца и матери отъ дочери , измѣненіе языка въ иной языкъ , благочестія въ нечестіе , Божественнаго писанія въ чужія писмена ! По истинѣ , по истинѣ невозможно ! Помрачись солнце , стеной земля , ради всеобщаго лишенія , бывшаго во дни рода нашего , за грѣхи наши , по праведному суду Божию ! И дѣйствительно , если теперь еще такъ живо впечатлѣніе минувшаго , среди четырехъѣковыхъ развалинъ и утраченной святыни , какъ мучительно должно было раздирать всякое сердце самое зрѣлище повседнежнаго разоренія святилищъ .

Не жестокая ли была мысль завоевателя : скрыть до основанія древнее святилище Апостоловъ , стоявшее въ центрѣ и на лучшемъ мѣстѣ столицы , чтобы соорудить тамъ новую свою мечеть и тѣмъ изгладить съ лица земли память Константиновой державы , ибо тамъ былъ погребенъ ктиторъ Царьграда ! Мы должны сожалѣть объ утратѣ сего храма , болѣе нежели о Св. Софіи , потому что Св. Софія еще цѣла , а древнѣйшее зданіе Равноапостольнаго не существуетъ . Не могу повѣрить сло-

вамъ лѣтописцевъ , будто бы славный Патріархъ Геннадій, избранный и уважаемый самимъ Магометомъ, который уступилъ ему сіе святилище, отнявъ у Христіанъ Св. Софію, добровольно согласился оставить оное послѣ двухъ-лѣтняго патріаршества, подъ предлогомъ, что оно далеко отстоитъ отъ квартала Христіанъ. Развѣ онъ не могъ предвидѣть будущаго разоренія? уступаютъ ли такъ легко соборъ столь древній и священный, каковъ былъ Апостольскій, чтобы перейти въ церковь тѣсную и весьма обыкновенную, какова была новая патріархія «Всеблаженной», теперь также обращенная въ мечеть? да и она не весьма далеко была отъ храма Апостоловъ. Нѣтъ, вѣроятно, силою изгналъ Магометъ бѣдствующаго Патріарха, для того, чтобы именемъ своимъ истребить имя великаго Константина! И гдѣ же теперь его гробъ? Можетъ ли быть, чтобы Патріархъ, прочитавшій таинственныя писмена его, не старался спасти самаго ихъ кивота? все это странно. Распрашивая напрасно въ мечети о сей гробницѣ, мы по крайней мѣрѣ услышали о другой, весьма для насъ драгоценной, если только это справедливо, послѣдняго Константина, погребеннаго, по волѣ завоевателя, въ древней церкви, что нынѣ Гюль-джами, или мечеть розъ. Самъ побѣдитель торжественно покоится въ особенномъ зданіи, или тюрбе, близъ сооруженной имъ мечети. Видно, однако, что при строеніи своего храма Магометъ еще руководствовался очеркомъ и вку-

сомъ древняго, потому что великолѣпная мечеть напоминаетъ отчасти святилище Византійское, и странно, что не многіе путешественники ее посѣщаютъ. Особенно замѣчательны шесть гранитныхъ исполнскихъ столбовъ преддверія и двѣнадцать, различного мрамора, вокругъ двора, украшеннаго иными живыми столбами зеленыхъ кипарисовъ.

Подлѣ сей мечети видна посреди базара древняя высокая церковь съ куполомъ, которая теперь обращена въ складочное мѣсто, и безъ имени, хотя въ куполѣ замѣтны мозаики. Турки увѣряли насъ, что это древняя мечеть Султана Магомета, или завоевателя Фетихе, какъ они его величаютъ. Но кто же сомнѣвается, что все что только есть нѣсколько древняго въ Царьградѣ, старше сихъ незваныхъ гостей? Какъ бы слѣдуя по стопамъ гонимаго, изъ храма въ храмъ, Патріарха Геннадія, мы направились въ избранную имъ убогую кафедру Всеблаженной, послѣ великолѣпія Апостольской; тутъ она существовала до 1591 года, доколѣ при частыхъ перемѣнахъ Патріаршихъ, во время заточенія въ Родосъ знаменитаго Іереміи II, недостойный его противникъ Феопитъ сдѣлался виною превращенія сего храма въ мечеть, потому что не уплатилъ обещанныхъ имъ денегъ Беглербею Румелійскому, наперстнику Султана Амурата III. Едва успѣлъ вынести оттолъ Экзархъ Патріаршіи Никифоръ двѣ чудотворныя иконы мозаическія, Матери Божіей и Предтечи, бывшія нѣкогда въ Св. Софіи, и трое честныхъ мощей, въ ихъ ракахъ: преподобной

Евонніи, Саломіи матери Маккавеевъ и Царицы Теофаніи, которыя доселѣ хранятся въ новой патриархіи, съ частію священнаго столба, къ коему привязанъ былъ Спаситель нашъ, во время горькаго біенія за грѣхи наши. Нынешняя патриархія, во имя Великомученика Георгія, выстроена была на наши деньги Патриархомъ Іереміею, когда, посвятивъ перваго Русскаго Патриарха Іова, возвратился осыпанный милостынею царскою; въ послѣдствіи онъ опять просилъ пособія денежнаго, для сооруженія именно сей церкви, какъ значитса въ лѣтописяхъ нашихъ; помнятъ ли это теперь? Бывшая же патриархія Всеблаженной, *της Παμμακαρίστοῦ*, нынѣ известна подъ Турецкимъ прозваніемъ Фетихе-джамиси.

Внутри ея находились гробницы основателя, Императора Алексія Комнина, и знаменитой его дочери Анны, описавшей въ поэмѣ подвиги отца, и послѣднихъ Палеологовъ; но все это истребили Турки, овладѣвъ святилищемъ. Кругомъ всей наружной стѣны на карнизѣ, или лучше сказать поясъ церковномъ, есть надпись, но она такъ забѣльена, что нельзя разобрать ни одного слова. Вся церковь, лишенная главнаго алтаря, застроена внутри перегородками, для направленія молитвеннаго къ полудню; но еще замѣтно трехпрестольное ея расположеніе и, что удивительно, уцѣлѣлъ весь мозаическій куполъ праваго придела, въ коемъ изображенъ Спаситель съ Апостолами. Не понимаю, какъ это могло сохраниться при истребленіи всего про-

чаго? По срединѣ церкви есть кладезь или агіазма, какъ называютъ его сами Турки, предлагая пить изъ него посѣтителемъ, но вода имѣетъ соленый вкусъ.

Не далеко отъ бывшей патриархіи, подлѣ вратъ Адрианопольскихъ, самая любопытная по своимъ остаткамъ мечеть Кахріэ, вѣкогда знаменитаго обитель сельская *της Χώρας*, во имя Спасителя; въ нее прежде всѣхъ вторглись Турки, когда во время бѣдственной осады проникли они въ тайную дверь, забытую Греками въ стѣнахъ города. Тамъ находилась тогда чудотворная икона Одигитріи, по сосѣдству царскихъ палатъ, и она истреблена была варварами. Обитель сія сооружена вначалѣ Іустиніаномъ, на седьмомъ и послѣднемъ холмѣ новаго Рима, и вновь воздвигнута на томъ же мѣстѣ, тещею Императора Алексія Комнина; самая ея наружность напоминаетъ зданіе XI вѣка; внутренность раздѣлена на три части, съ двойнымъ портикомъ или нарѣиксомъ и пятью куполами. Великій Логоветъ, или канцлеръ Императора Андроника старшаго, Феодоръ Траханиотъ, обновилъ обветшавшее зданіе въ XIII вѣкѣ; тамъ нашелъ онъ себѣ послѣднее упокоеніе, подъ рясою иноческою, и самую могилу, когда при изгнаніи Андроника впалъ въ крайнюю нищету. Онъ еще изображенъ, во всей своей славѣ, надъ дверьми внутренняго притвора, подносящимъ обновленную имъ церковь Христу Спасу, и украшенъ почетною шапкою, данною ему отъ Императора, какую еще

недавно носили бояре Моллаванскіе. На его гробницѣ, ученикѣ его и лѣтописецѣ, Григорасѣ, написанъ стихи въ честь своего учителя; стихи сохранились въ лѣтописи, но гдѣ могила? — Гдѣ также рака святаго Патріарха Германа, пострадавшаго за иконы, и Михаила Синкелла знаменитаго философа, тутъ же опочившихъ, и самаго Григораса лѣтописца, здѣсь заточеннаго Кавтакузиномъ? Все потревожили завоеватели и задѣлали сообщеніе внутреннее между различными частями святилища, отдѣливъ отъ олтаря жертвенникъ и діакониконъ. Уцѣлѣлъ мраморъ на стѣнахъ, но мозаики храма исчезли: они должны были быть великолѣпны, судя по тѣмъ, которыя еще остались, хотя отчасти и забытныя, въ обоихъ преддверіяхъ и въ боковой галлерей оглашенныхъ. Трудно было разсмотрѣть ихъ во внутреннемъ темномъ притворѣ; тамъ, гдѣ проломанъ нѣсколько сводъ, видѣнъ Господь въ бѣломъ одѣяніи, стоящій предъ женщиною въ черной одеждѣ, съ сіяніемъ кругомъ главы, и дважды повторяются тѣже священныя лица; въ другомъ мѣстѣ черноризица сія молится, съ поднятыми къ небу руками, предъ гробницею, которая возвышается тремя уступами, въ вертоградѣ. Я сперва думалъ, что это Божія Матерь, но ее никогда не изображали въ черномъ: можетъ быть представлена кто либо изъ святыхъ отшельницъ, или нѣкое таинственное видѣніе. Прочаго, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, разобрать я не могъ отъ темноты сего притвора. Въ боковой галлерей также сохранился отличный мозаикъ: воинъ,

сожигающій руку свою на жертвенникъ предъ воеводою, сидящемъ на престолѣ. Это что либо изъ житія одного изъ двухъ Великомучениковъ Феодоровъ, Ангеловъ Траханіота; кажется, тутъ былъ и гробъ его, потому что на стѣнѣ есть мраморное изваяніе, благословляющаго Спасителя съ двумя Ангелами по сторонамъ, противъ южнаго входа въ церковь. Всего яснѣе могъ я различить мозаики перваго претвора, потому что солнце ярко свѣтило на нихъ, сквозь отверстую западную дверь. Прекрасно начертанъ, какъ бы искусною кистью, бракъ въ Канѣ Галилейской, надъ дверьми, и Господь требующій прещенія отъ Іоанна на водахъ; это цѣлыя картины изъ многихъ лицъ, изящно расположенныя. Есть и отдѣльныя фигуры на аркахъ: мучениковъ Георгія и Димитрія и самаго Императора Андроника, въ царской одеждѣ, съ надписью, и много другихъ, уже отчасти стертыхъ.

Остатокъ древности временъ Палеологовъ, и по счастію еще Христіанской, привлекъ мое вниманіе въ той же части города, ближе къ Фанару, кварталу Греческому. Это знаменитая церковь крови, или Канъ-килиси, такъ названная потому, что въ ней погибло множество Христіанъ во время осады, подъ мечемъ Турковъ, сюда устремившихся изъ первой обители Хорасъ. Она носитъ также названіе Мунгіотисы, или Матери Божіей Монгольской, потому что ее основала близкая намъ, по воспоминаніямъ историческимъ, Царевна Марія изъ рода Палеологовъ, супруга жестокаго Хана Узбе-

ка, встрѣбившаго весь родъ Князей Тверскихъ. Марія покровительствовала бѣдствующимъ Князьямъ нашимъ, Св. Михаилу и сыновьямъ его Дмитрію и Александру, избѣненнымъ въ Ордѣ, и по смерти Хана возвратилась на родину, гдѣ соорудила церковь сію, въ честь Пресвятыя Дѣвы; церковь носитъ отпечатокъ XIII вѣка, и одна только изъ всѣхъ Греческихъ имѣетъ куполь. Трижды покушались отнять ее Турки, но, Промысломъ Божіимъ, находились покровители между Господарями обоихъ княжествъ, которые спасли это сокровище, и такъ оно осталось неприкосновеннымъ до нашихъ временъ; однако внутри его нѣтъ примѣчательныхъ остатковъ древности. Наконецъ, приближаясь опять вдоль Фанара къ старому мосту, мы посѣтили бывшую церковь Св. Θεодосіи, которую Турки, обративъ въ мечеть, назвали поэтическимъ именемъ Гюль-джамисъ т. е мечетию розъ, быть можетъ отъ того, что временно она принадлежала Латинамъ и носила имя Богоматери del Rosario. Тамъ назначали намъ муллы, мечети Магометовой, могилу послѣдняго Константина, и мулла мечети розъ не только подтвердилъ ихъ слова, но даже указалъ намъ предполагаемую могилу, внутри самой церкви, съ правой стороны, между алтаремъ и боковымъ приделомъ, въ верхней тѣсной палаткѣ, куда на лобно подняться нѣсколькими ступенями. Тамъ стоитъ действительно каменный гробъ, но чей онъ? кто поручится за истину? Пусть будетъ послѣдняго Константина! это утѣшительно для

сердца, при утратѣ гробницы перваго. Лѣтопись говоритъ, что побѣдитель, обрѣтшій голову убіеннаго Императора, велѣлъ пригвоздить ее къ столбу, а тѣло позволилъ погребсти съ честію въ бывшемъ Христіанскомъ святилищѣ, какъ уже не опаснаго врага, когда всѣмъ извѣстна стала его кончина; такое преданіе повторяютъ и Турки, во славу своего героя, и весьма естественно, что Христіане старались сколько можно укрыть гробницу, даже внутри церкви. Да почиетъ сей державный съ миромъ, въ храмъ розъ, пожавшій столько терній на полѣ жизни!

ПИСЬМО XLII.

ЖИВОНОСНЫЙ ИСТОЧНИКЪ И ОБИТЕЛЬ СТУДІЙСКАЯ.

Царьградъ, 25 Февраля 1850

Вчера былъ я опять у Живоноснаго Источника, потому что лѣтомъ не засталъ тамъ чудотворной иконы, и на сей разъ предварительно просилъ Вселенскаго Патріарха Анѳима, чтобы принесли туда икону и повременили служеніемъ литургіи; обыкновенно служба бываетъ такъ рано, что нѣтъ возможности посвѣтъ изъ Перы въ Балуклы, отдаленную на разстояніи двухъ часовъ, за стѣнами города; къ тому же икона находится тамъ только по пятницамъ и праздникамъ, когда собирается народъ; прочее же время хранятъ ее въ патріархіи и оттогда обносятъ по болящимъ, какъ нашу Иверскую. Весеннее утро благопріятствовало моей по-

вздкѣ; переѣхавъ опять, по старому мосту, заливъ сладкихъ водъ, отдѣляющей Перу отъ Царьграда, мы неслись, можно сказать, по извилистымъ улицамъ и переулкамъ нечистаго и запутаннаго города, чтобы не опоздать къ литургіи, часто останавливаемые караванами ословъ и верблюдовъ, или, что еще хуже, арбами воловъ, которые заграждали вдоль и поперегъ всю улицу; тогда надобно было осторожно пробираться между ихъ рогами, или искать боковаго проулка. Я это вамъ описываю, чтобы вы могли себѣ отчасти представить, что такое нынѣшній Царьградъ: не думаю впрочемъ, чтобы и старый Греческій городъ былъ построенъ иначе, потому что главныя искривленныя улицы слѣдуютъ по старому направленію, къ различнымъ городскимъ воротамъ, которыхъ шесть или семь со стороны земли. Я вздохнулъ свободно, когда мы выѣхали, наконецъ, на свѣжій воздухъ, подъ сѣнь могильныхъ кипарисовъ Турецкаго необъятнаго кладбища, чрезъ знаменитыя врата Топъ-капу или пушки; но я вздохнулъ и по другой причинѣ, вспомнивъ, что это были тѣ древнія врата Св. Романа, гдѣ наиболѣе кипѣла битва, потому что сюда направлена была исполинская пушка завоевателя, давшая имъ свое имя, и тутъ погибъ, съ мечемъ въ рукахъ, послѣдній Константинъ, на развалинахъ своей столицы.

Обрушены стѣны и башни Св. Романа, отчасти засыпанъ и глубокій ровъ, и обломились зубцы старой низкой ограды. Роскошно вьется плющъ по

сокрушеннымъ забраламъ Византіи, зеленою мантією прикрывая разсыпны башень, какъ будто природа взялась сама защищать завѣтныя твердыни обезсиленныхъ мужей; и какъ прилично освѣняетъ кипарисовая роща все это поле смерти, физической и нравственной! Отъ вратъ Св. Романа до другихъ Мевлане-капу, слѣдовали мы вдоль живописныхъ бойницъ Царьграда, и потомъ повертели, между кипарисовъ кладбища, въ Балуклы, отстоящую за четверть часа отъ ограды. Все это мѣсто было нѣкогда покрыто палатами вельможъ Цареградскихъ, и сами Императоры торжественно перѣзжали всякую весну, въ день вознесенія, въ свой загородный дворецъ *τῆς πηγῆς*, или источника, на равнину Золотыхъ воротъ, которая славилась тогда раемъ Византійскимъ, отъ чистоты ея воздуха и благовонія садовъ. Вѣроятно, стояла тутъ какая либо церковь, во имя Св. Троицы, потому что на дорогѣ остановилъ меня инокъ Греческій, со священной водою отъ Св. Троицы, и указывалъ на сосѣдній ключъ. Въ прекрасной рощѣ, на маломъ холмѣ, сооружена обитель Живоноснаго источника, обновленная во дни просвѣщеннаго Патріарха Константія, усердіемъ Грековъ и милостынею Русскихъ; одна незабвенная Графиня Орлова пожертвовала до 50000 піастровъ.

Умилительно первое лѣтописное преданіе, о началѣ Живоноснаго источника, въ половинѣ V вѣка, при Императорѣ Маркіанѣ, супругѣ Царевны Пулхеріи. Левъ Макеллъ, или великій, будущій Царь,

еще престымъ воеводою, встрѣтилъ однажды въ рощѣ Балуклійской, въ жаркій лѣтній день, слѣпца изнемогавшаго отъ жажды, который просилъ его дать ему каплю воды и посадить подѣ тѣнь какого либо дерева. Добродушный Левъ исполнилъ второе его желаніе, но не могъ удовлетворить первому, по недостатку воды, и напрасно искалъ живительной струи, чтобы спасти умирающаго. Тогда послышался ему голосъ изъ чащи: «Левъ, не трудись искать воды далеко; здѣсь близко есть вода». тотъ же голосъ повторилъ изумленному: «Левъ Царь, взойди во внутренность рощи, тамъ обрѣтешь воду живую; помажь ею очи слѣпаго, утливъ прежде его жажду, и прозрѣть. Кто я, предизбравшая сіе мѣсто, вскорѣ узнаешь: я же вспомоществую тебѣ соорудить здѣсь храмъ во имя мое, дабы въ немъ благочестивые, съ вѣрою призывающіе меня, воспринимали исполненіе благихъ своихъ желаній и исцѣленіе въ болѣзняхъ». Смятенный и обрадованный Левъ исполнилъ небесное велѣніе, обрѣлъ воду, и мгновенно исцѣлился вкусившій ее и помазанный ею слѣпой; молва о семъ чудѣ разнеслась по всей столицѣ. Воцарившись спустя семь лѣтъ, Императоръ прежде всего озаботился, о сооруженіи великолѣпнаго храма въ честь Богоматери на мѣстѣ предсказанія и чуда, и украсилъ мусією его своды, а надъ самымъ источникомъ изобразилъ икону пречистой Дѣвы съ предвѣчнымъ Младенцемъ, такъ что казалось, изъ лона ихъ

истекала благодатная вода: оттого самый источник прослылъ живоноснымъ.

Сто лѣтъ спустя, другой великій Императоръ Иустиніанъ, получилъ исцѣленіе отъ каменной жестокой болѣзни, по гласу Богоматери, которая въ ночномъ видѣніи послала его къ своему источнику, и соорудилъ новый храмъ, еще болѣе великолѣпный, на мѣстѣ Леонова, изъ остатковъ матеріала Св. Софіи, устроивъ тамъ обитель иноковъ. Храмъ сей, по описанію Прокопія, не уступалъ красотою Влахернскому, но въ послѣдствіи времени пострадалъ отъ страшнаго землетрясенія. Одинъ изъ могущественныхъ властителей, коего родъ около 200 лѣтъ царствовалъ въ Константинополѣ, Василій Македонскій, достойно обновилъ святилище Льва и Иустиніана, какъ свидѣтельствуемъ внукъ его, державный лѣтописецъ Константиъ Багрянородный. Храмъ былъ разрушенъ до основанія при взятіи Царьграда Турками; однако, и послѣ разоренія своего царства и обители, не оставляли православные Живоноснаго источника, подъ грудой его развалинъ; потому что отъ времени до времени совершавшіяся исцѣленія знаменовали его цѣлебную силу даже самимъ Туркамъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, дано было дозволеніе соорудить малую часовню надъ источникомъ, и тамъ поставленъ былъ стражъ Турецкій, чтобы собирать дань съ Христіанъ въ пользу Магометанской больницы. Въ бѣдственную эпоху возстанія Греческаго обрушилась и часовня, которую выжгли разбойники, и уже по-

чти заглохъ источникъ подъ грудю каменной, но десять значительныхъ исцвлений, записанныя теперь на мраморной доскѣ подлѣ него, возобновили его древнюю славу; въ числѣ исцвленныхъ былъ одинъ изъ разбойниковъ Турецкихъ, ограбившихъ святилище и потомъ впадшій въ расслабленіе. Наконецъ съ 1830 году ревностный Патріархъ Константиій испросилъ у Султана позволеніе возстановить изъ развалинъ древнюю церковь, и соорудилъ ее вновь съ благолѣпіемъ, приличествующимъ святости мѣста и древней его славы. Но хотя и найдены были прежнія основанія храма, они не послужили чертежемъ для устройства новаго, по ихъ обширности, и только малая церковь агіазмы, т. е. самаго источника, стоитъ на прежнемъ основаніи; она и главный соборъ, празднующій Живоносному источнику въ пасхальную пятницу, украшены сѣрымъ мраморомъ, съ изящными ваяніями по иконостасу и мозаическимъ поломъ. Между новѣйшими зданіями Греческими ни одно не можетъ сравниться съ храмомъ Балуклы.

Достоинно вниманія, что челолюбивая цѣль досель соединена съ устройствомъ новой обители Живоноснаго источника; потому что доходы ея отчасти илутъ на сосѣднюю больницу Греческую, устроенную на двѣсти кроватей, противъ воротъ семибашеннаго замка, такъ какъ здѣсь духовное начальство содержитъ общественныя благотворительныя заведенія, а церковь Балуклы почитается собственно ставропигіею Патріаршею. Когда на-

чали копать землю для фундамента, нашли въ преддверіи два древніе гроба: одинъ того Феттала, который будучи боленъ поплылъ искать исцѣленія, у Живоноснаго источника и, умирая на пути, заклиналъ своихъ присныхъ, хотя мертвымъ, донести его до живительныхъ струй и трижды облить имъ тѣло его, прежде нежели предать землѣ. Онъ воскресъ и потомъ избралъ себѣ упокоеніе при жизни и по смерти въ сей обители. Другой гробъ былъ жены придворнаго сановника Магистриссы Елены, которая взяла себѣ двѣ мозаическія иконы изъ сего святилища, во время землетрясенія, и потомъ принуждена была, по тайному гласу, возвратить достояніе церковное. Лишившись трехъ своихъ дѣтей, она съ любовію передала ихъ Господу и сама пожелала успокоиться, со всею семьею подъ свнію обители. Гробы сіи и теперь находятся въ преддверіи храма. Есть еще нѣсколько памятниковъ Патріаршихъ, бѣлаго мрамора съ двуглавыми поверхъ орлами, на церковномъ дворѣ обители; но ихъ не много, потому что довольно рѣдко Патріархи Вселенскіе умираютъ на своей каедрѣ; тогда погребеніе бываетъ чрезвычайно торжественно и, по древнему преимуществу, однихъ только Патріарховъ хоронятъ сидящими на каедрахъ. Турки не препятствуютъ церковному шествію открыто идти по всемъ улицамъ Царьграда. — Замѣчательны чудныя обстоятельства при строеніи церкви Балуклійской: огромный камень упалъ на ноги одному изъ работниковъ, такъ что съ трудомъ могъ

ли извлечь его изъ-подъ тяжкаго бремени; но какъ только полили его освященною водою отъ источника, миновалась боль и даже ноги остались совершенно невредимы. Еще двое упали съ высокой лѣстницы, во время постройки храма; но ни одинъ не пострадалъ, такъ какъ оба заняты были живописью и ваянiемъ въ пользу церкви, чему есть еще много живыхъ свидѣтелей. Таково доннынѣ благословенiе Божiе надъ святымъ мѣстомъ, издавна привлекающимъ къ себѣ любовь и усердiе благочестивыхъ Христіанъ и даже Магометанъ.

Я засталъ еще утреню, въ большой церкви Живоноснаго источника, и просилъ, чтобы отслужили обѣдню въ нижней малой церкви, у самаго источника. Но хотя Вселенскій Патріархъ прислалъ своего протопсалта, я не остался доволенъ служенiемъ, не отъ недостатка благочестiя въ служащихъ, но отъ того что не нашелъ порядка, къ которому привыкъ у насъ на Руси. Оставивъ обитель Балуклы, мы вступили опять въ кипарисовую рощу, устѣянную бѣлыми чалмами Турецкими до воротъ Силиврійскихъ и далѣе, вдоль ограды до семи башенъ. Что бы сказали древнiе Императоры Византійскіе, если бы, возставъ изъ своихъ гробовъ, они увидѣли сіе полчище мертвыхъ Оттоманскихъ, посреди своихъ очаровательныхъ рощей, гдѣ любили встрѣчать весну и наслаждаться благодатною природою, въ окрестностяхъ своей чудной столицы.

Златыя, или красныя врата, великихъ Константина и Феодосiя, задѣланы по древнему преданiю.

о русыхъ побѣдителяхъ. Не тутъ ли былъ нѣкогда пригвожденъ и щить Олега? Мы въехали въ городъ крайними вратами семи башень (Едикуле-каписи), и взошли въ самый замокъ, нѣкогда столь страшный въ Европѣ, когда высокая Porta Оттоманская, какъ ее величали Дворы Западные, грозила сею темницею ихъ посламъ. И нашихъ двое испытали заключеніе, Булгаковъ и Обрѣзковъ, посѣдѣвшій тамъ въ одну ночь: я видѣлъ сырую темницу ихъ заключенія и подивился смѣлости Оттоманской. Семибашенный замокъ теперь въ запустѣніи, внутри все поросло травою; нѣсколько солдатъ сидѣли на дворѣ и продавали старыя монеты. Арабъ сторожъ, прочитавъ фирманъ, повелъ насъ по обрुшеннымъ ступенямъ на высокую стѣну, покрытую мохомъ, по которой разбросаны были обломки лафетовъ и пушки, проглядывавшія изъ зелени. Я взошелъ на высочайшую изъ семи башень, чтобы полюбоваться очаровательнымъ видомъ на городъ и окрестность, и на Мраморную пучину съ островами Прицевъ; все въ ней колыхалось; бились по вѣтру сломанныя оконницы, сгнившая лѣстница трещала, такъ что сторожъ предварялъ о ступеняхъ, и казалось самый полъ башни, плясавшій подъ тяжелою стопою посетителя, готовъ былъ провалиться, а ключъ башни не могли найти и отперли гвоздемъ.

Прямо отъ семи башень мы направились въ часть города, называемую Псоматія, вѣроятно отъ хлѣбной пристани, надъ моремъ Мраморнымъ, ис-

каты древнихъ церквей Греческихъ, и прежде всего посѣтили большой монастырь Армянъ, вмѣстѣ мужескій и женскій, который въ 1643 году отняли они у Православныхъ, происками одной изъ своего племени, поступившей въ гаремъ Султана Ибрагима. Онъ называется Сулу-монастырь, отъ агіазмы, находящейся подъ церковью монахинь, но вода сей агіазмы весьма солена. Очаровательный видъ на Мраморное море, острова Принцезы и дальній берегъ Анатолиі открывается съ высокой террасы двора монастырскаго, какъ бы висящей надъ моремъ, хотя еще продолжается подъ нею городъ до низкаго поморія. Обѣ церкви сей обители пространны, но совершенно обновлены послѣ пожара 1782 года, и утратили свои мозаики, изображавшія Императора Михаила Палеолога и супругу его Феодору, ибо онъ обновилъ церковь, много пострадавшую во время осады крестоносцевъ, которые унесли отсюда въ Венецію мощи отшельника Павла Аеонскаго. Тогда церковь сія праздновала Срѣтенію Господню, и по красотѣ своей мѣстности называлась Перивлептось. Основателемъ ея былъ Императоръ Романъ Аргиръ въ 1031 году, и пятьдесятъ лѣтъ спустя, другой Кесарь Никифоръ Вотоніатъ обновилъ ее; оба погребены тамъ, но гдѣ искать ихъ гробницъ послѣ столькихъ опустошеній?

Мнѣ весьма жаль, что по сбивчивости названія мечетей, бывшихъ церквами, я не посѣтилъ, по соудству Сулу-монастыря, мечети Хаджи Мустафы

Паши, потому что это некогда былъ храмъ Апостола Андрея Первозваннаго, основанный сестрою Императора Θεодосія младшаго и обновленный великолюбно Василиемъ Македонскимъ. Не знаю, позволить ли мнѣ теперь время и отдаленность сей части города воспользоваться фирманомъ для осмотра мечети. Визирь Хаджи, перваго Султана Селима, похитилъ ее у Христіанъ и такъ, мало по малу, переходили святилища ихъ въ руки Магометанъ, потому что не вдругъ сдѣлалось запустѣніе; сперва побѣдители щадилъ своихъ новыхъ подданныхъ, но съ умноженіемъ фанатизма съ одной стороны, и безсилія съ другой, каждое новое царствованіе лишало бѣдныхъ Грековъ какого либо сокровища.

Но если я не успѣлъ видѣть бывшей церкви моего Ангела, за то я вознагражденъ зрѣлищемъ знаменитой обители Студитовъ, столь близкой нашему сердцу, потому что отсель почерпнулъ пренеподобный Θεодосій Печерскій монашескій уставъ, распространившійся на всю Россію. И такъ, послѣ лавры Св. Саввы, послужившей началомъ церковному уставу, и Св. горы Аѳонской, гдѣ усвоился уставъ сей съ VII вѣка, чрезъ пришельцевъ, бѣжавшихъ изъ Палестины, обитель Студійская была для насъ вторымъ Аѳономъ. Но обитель сія, гдѣ процвѣтали Θεодоры и Іосифы, теперь обращена въ текѣ или монастырь дервишей, подъ именемъ Эмиръ - Ахоръ джамиси, отъ главнаго конюшаго Султанскаго, отъявшаго ее у Христіанъ. Она стоитъ недалеко отъ

иори Мраморнаго и лѣтомъ, когда я объѣзжалъ лодкою стѣны Византии, начиная отъ пристани Псоматин, я покушался проникнуть въ святилище, но не имѣя фирмана, не былъ туда допущенъ; видѣлъ только одинъ дворъ монастырскій, теперь же, вооруженный фирманомъ вошелъ я въ завѣтную внутренность. Известно, что церковь сія, во имя Предтечи, основана была Іоанномъ Студіемъ, въ царствованіе Великаго Льва; почти разрушенная крестоносцами, она была великолѣпно обновлена Константиномъ Палеологомъ Багрянороднымъ, братомъ старшаго Андроника, и до тысячи иноковъ въ ней обитали; недавно она опять пострадала отъ пожара и тогда уничтожились все ея мозаики и вся правая сторона мраморныхъ зеленыхъ столбовъ. Четыре Коринскія колонны преддверія забѣданы варварствомъ дервишей; по счастью уцѣлѣли неприкосновенными семь зеленыхъ колоннъ съ лѣвой стороны, стоящихъ вдоль храма, и другія семь малыхъ надъ ними, на хорахъ. Правыя подавлены подъ мраморъ, но позади нихъ, у сѣвей стѣны, есть невѣдомая гробница, быть можетъ кого либо изъ великихъ Студитовъ или обновителя Кесаря. Еще одна обширная мраморная плита, съ двумя изваянными крестами, прислонена теперь къ стѣнѣ внутри мечети и, какъ намъ говорили дервиши, вынута была изъ средины помоста церковнаго, когда устроили они сверху возвышенный полъ, для своихъ безумныхъ плясокъ. Семь гробницъ покрывала сія доска, но кто сія

бессмертные почившіе, надъ коими пляшетъ теперь неистовая нога дервишей, внутри бывшаго храма Претечи, какъ плясала нѣкогда, ради главы его, неистовая Иродіада? Что если тутъ самъ блаженный Феодоръ или Іосифъ псевдописецъ, или Патрикій Студій? О горькое оскорбленіе покоя святыхъ! На боковомъ дворѣ монастырскомъ, подлѣ церкви, видны развалины обширнаго зданія и подъ нимъ цистерна, съ двадцатью четырьмя великолѣпными столбами Коринтскаго ордена: потому что всѣ древнія обитатели необходимо имѣли при себѣ дождевое хранилище водъ, по совершенному недостатку источниковъ въ Константинополѣ. Водопроводъ Валентовъ, проходящій по всѣмъ холмамъ города, снабжалъ главную по срединѣ, которая донынѣ известно подъ громкимъ именемъ: тысячи колоннъ. — И такъ какъ все, въ Царьградѣ, обращено мысленно къ священному центру Св. Софіи, то и въ отдаленной цистернѣ Студійской, находящейся на краю города, дервиши указывали намъ таинственно дверь, будто бы ведущую подземнымъ ходомъ до самой Св. Софіи: таково священное вліяніе сего завѣтнаго имени!

ПИСЬМО XLIII.

МЕЧЕТИ И ЦЕРКВИ, ПОСЪЩЕНИЕ ПАТРИАРХОВЪ И СВ. СОФІИ.

Царырадъ, 28 Февраля 1850.

Еще два дня посвятилъ я на осмотръ мечетей, бывшихъ церквами и не бывшихъ, древнихъ и новыхъ, исключая Солиманіа и Св. Софіи, которыя оставилъ до времени, чтобы сравнить ихъ между собою. Зодчество новыхъ мечетей, почти однообразно, а прежнія церкви обезображены до такой степени, что ихъ нельзя узнать; горькое чувство остается въ душѣ послѣ ихъ осмотра. Таковы, въ центрѣ города, около Эскисера, мечети Мееа-джамми и Мустафы - Паши. Первая была храмомъ Св. Феодора Тирона, куда обыкновенно съ торжествомъ ходили Императоры въ первую субботу великаго поста; зодчество ея напоминаетъ совершенно Аеон-

скія обители, съ двойными нарѣжками, пятью куполами и сводами, лежащими на четырехъ тонкихъ колоннахъ. Основанная при Аркадіи, она была обновлена Львомъ Премудрымъ, и въ ней хранилась глава Великомученика, увезенная въ послѣдствіи Латинами: ее собственно называютъ Килисиджами, т. е. церковь-мечеть. Другой храмъ Архангеловъ, болѣе обширный, былъ основанъ Василиемъ Македонскимъ и, величавымъ зодчествомъ, превосходилъ многіе. Визирь завоевателя, Мустафа-Паша, долгомъ почелъ подражать Султану отнятіемъ сего храма у Христіанъ: все внутри забѣлено и покрашено. Великолѣпная мечеть Османа стоитъ подлѣ, все подавляя вокругъ своею громадностію и оригинальнымъ зодчествомъ, мало похожимъ на прочія мечети. Достойна еще особеннаго вниманія мечеть Султана Баязета, чрезвычайно изящная по своимъ формамъ и столбамъ преддверія: они разноцвѣтнаго мрамора, надъто все изъ обители Бадуклійской, и даютъ понятіе о ея бывшемъ великолѣпнѣ. Съ такими роскошными матеріалами легко было Туркамъ соорудить свои мечети.

Говорить-ли о малой Св. Софіи, наименованной великую, основанной тамъ же Императоромъ Юстиніаномъ, въ честь Св. Сергія и Вахда, близъ Мраморнаго моря, почти на мысу Цариградскомъ? Замѣчательны ея легкія колонны и стѣны въ честь Самодержца, кругомъ хоръ; я имѣлъ случай видѣть ее и въ первое мое путешествіе. Тутъ начинается собственно кварталъ Армянскій и тя-

нется вдоль моря, иногда выходя за стѣны города; на пути встрѣчаются двѣ опустѣвшія пристави, заросшія травой и обращенныя въ огороды безпечностію Турковъ, хотя, во дни имперіи, галеры царскія стояли въ Кадриси-лиманъ, а малый флотъ въ нынѣшнемъ Вланго-бостанъ. Оттолъ, по дорогѣ къ мечети завоевателя Магомета, обширная цистерна съ осмидесятью столбами, и новая мечеть Бурдумъ, обозначаютъ мѣсто древней обители Мурэлеонъ. Она была женская, гдѣ постригались и погребались Царевны рода Комнинныхъ; теперь тутъ по сосѣдству стоитъ красивая мечеть тюльпановъ, или Люле-джамиси, славящаяся мраморомъ своихъ бѣлыхъ колоннъ. Мнѣ хотѣлось непремѣнно видѣть еще разъ мечеть завоевателя, чтобы распросить о гробѣ великаго Константина, но случился вечерній часъ молитвы и невозможно было въ нее взойти. Однако всѣ, которыхъ мы спрашивали изъ числа служащихъ при мечети, утверждали, что нѣтъ никакого гроба внутри; снаружи только указывали на вросшую въ землю колонну, будто поставленную надъ зодчимъ Христодуломъ, котораго убилъ Магометъ, оставшись недовольнымъ новою мечетью.

Наконецъ я видѣлъ и монастырь Пантеопта или Всевида, такъ названный отъ обширности своихъ видовъ, надъ заливомъ Золотаго рога; трудно было отыскать его, подъ мало извѣстнымъ именемъ Эски-имареть-джами. Теперь это запустѣвшая мечеть, принадлежащая дому имама, но вид-

но, что ея зодчество, въ полномъ смыслѣ Византійское, было стройно во всѣхъ частяхъ. Мать Императора Алексія Комнина, основала ее въ XI вѣкѣ и тиранъ Мурсуфъ, овладѣвшій городомъ во время осады Латинской, наблюдалъ отселъ за движеніемъ судовъ крестоносцевъ. Довольно и сихъ немногихъ, чтобы дать понятіе о состояніи прочихъ. Впрочемъ хотите ли видѣть обитатели Царьграда? не выходите изъ Москвы. Сей третій Римъ, какъ называютъ летописцы нашу блокаменную столицу, можно сказать, заключаетъ въ себѣ всѣ памятники минувшей Византіи. — Уединенныя некогда обитатели, по краямъ города, на распутіи главныхъ улицъ, или гдѣ либо на глухомъ пустырьѣ внутри столицы; древніе соборы, столпившіеся вмѣстѣ на главныхъ площадяхъ; малыя живописныя церкви и часовни, знаменующія какое либо историческое событіе и служащія вѣковою гранію крестныхъ ходовъ, съ незапамятныхъ временъ; самыя украшенія сихъ святилицъ, внутренія и виѣшнія, и даже старинныя названія урочищъ, которыя свидѣтельствуютъ о давноминувшемъ: — все это живо напоминаетъ Москву, и нельзя себѣ иначе представить древней Византіи, судя по остаткамъ нынѣшней. Не должно ли удивляться благому Промыслу, который совокупилъ вначалѣ всю святыню въ Царьградъ, изъ сокрушеннаго Востока, и потомъ, когда надлежало пасть сему забралу, приготовилъ сперва новое завѣтное вмѣсталище, для святыни, въ сердцѣ вновь просвѣщенной Руси, толь-

ко что избавившейся отъ тяжкаго ига варваровъ; въ этомъ священномъ кивотѣ спасено было, не только внѣшнее сокровище, но и внутреннее догматовъ, преданій и обрядовъ.

Я желалъ видѣть весь такъ называемый заливъ Золотаго рога до сладкихъ водъ, и объѣхать его кругомъ, начиная отъ предмѣстія Галаты до противулежащаго Фанара, чтобы такимъ образомъ составить себѣ ясное понятіе о знаменитыхъ окрестностяхъ Царьграда. Къ тому же письмо бывшаго Патріарха Анеѣма, уединенно живущаго въ селевіи Хашъ-кіюй, призывало меня на берегъ сего залива, и я выбралъ пятницу, день Магометанскаго праздника, чтобы въ то же время видѣть оживленными всѣ сіи мѣста и торжественное шествіе Султана, въ завѣтную для Европейцевъ мечеть Эюба, на концѣ Золотаго рога. Начало шествія могъ я видѣть съ своего балкона; отсюда мнѣ открывается самый очаровательный видъ, на устьѣ залива и кипарисовый мысъ Серая, съ мечетями Софійскою и Ахметовою, на противулежащій Скутари и Принцевы острова, съ дальними горами Анатолиі. Когда смотришь на этотъ чудный видъ изъ окна, кажется, что какая либо фантастическая картина вставлена въ раму. Въ полдень громъ всѣхъ орудій Турецкаго флота и военныхъ судовъ Европейскихъ, стоявшихъ при устьѣ Босфора, возвѣстилъ шествіе Владыки Оттоманскаго. Онъ плылъ съ семействомъ, въ двухъ длинныхъ позлащенныхъ ладьяхъ, подъ балдахинами, какъ рисуютъ

древнія галеры; предъ нимъ и за нимъ неслись множество кавковъ его свиты, и это быстрое движеніе скользящихъ лодокъ, оживляя восточную картину, придавало ей еще болѣе прелести. Я поспѣшилъ верхомъ вдоль берега, надѣясь застать гдѣ либо, ближе къ предмѣстію Эюба, выходъ Султана изъ мечети сего имени, но опоздалъ. Ревность Магометанская хранитъ въ ней мечь своего Пророка и оцоясываетъ имъ на царство своихъ Султановъ, предъ гробомъ одного знаменитаго шейха Арабскаго, здѣсь сраженнаго еще во времена Халифовъ, когда тщетно былъ осаждаемъ ихъ полчищами Царьградъ. Султанъ остался на весь день во дворцѣ любимой сестры своей, близъ Эюба, и только вечеромъ возвратился при свѣтѣ факелокъ, какъ мнѣ сказывалъ на другой день Патріархъ Іерусалимскій, видѣвшій шествіе сіе изъ высокаго своего терема въ Фаанаръ.

Между тѣмъ, проѣхавъ новый и старый арсеналь и атмейданъ, или ристалище, гдѣ тѣшились первые Султаны метаніемъ стрѣлъ, когда еще кипѣлъ въ нихъ воинственный духъ ихъ предка Османа, спустился я въ селеніе Хашъ-кіой, къ жилищу Патріарха. Однажды льтомъ, я посетилъ его на противоположномъ берегу Азіи, близъ Скутари, но съ тѣхъ поръ неспросилъ онъ себя позволеніе переехать сюда, въ собственный домъ свой. Удачно живетъ онъ, окруженный большимъ семействомъ своего брата, которое отчасти было виною его удаленія; впрочемъ Анеимъ, человекъ про-

зрѣливый и дѣятельный, хорошо разумѣлъ нужды церковныя и былъ ревностнымъ блюстителемъ православія. Тягостно положеніе сихъ Іерарховъ по сдѣ ихъ удаленія: прежняя опасность миновалась, но не смотря на то, они должны таиться въ какомъ либо безвѣстномъ пріютѣ, близъ приходской церкви, чтобы имѣть утѣшеніе молиться, но безъ эпархіи, какъ бы лишенные правъ епископскихъ, хотя и съ титуломъ Патріарха. Теперь, кромѣ нынѣшняго Вселенскаго Патріарха Анеима и Іерусалимскаго Кирилла, еще пять бывшихъ Патріарховъ живутъ на покое въ Царьградѣ и его окрестностяхъ: первый Константій, Архіепископъ горы Синайской, восьмидесяти четырехъ лѣтній старецъ, пользующійся общимъ уваженіемъ, пребываетъ на своемъ подворьѣ въ Фанарѣ; второй Константій, его смѣнившій, въ селеніи Армаутъ-кюй, и тамъ же еще два другихъ Патріарха: Григорій знаменитый подвижникъ и ревнитель Церкви, достойный соименнаго ему Святителя, который пострадалъ въ 1821 году, и Германъ основатель духовнаго училища на островѣ Халки. Анеимъ, котораго и посѣтилъ въ селеніи Хашъ-кюй, смѣнилъ только въ прошломъ году, и есть еще Артемій, пользующійся титуломъ Патріаршимъ, котораго избрали на кафедру Александрійскую, вопреки желанія мѣстной Церкви; посему не былъ онъ принятъ въ Египтъ. Три Патріарха: Царьграда, Антиохіи и Іерусалима, принуждены были, какъ въ древнія времена, послать отъ себя трехъ Митропо-

литовъ Ефеса, Сидона и Севастіи, для правильнаго рукоположенія новаго Патріарха Александрійскаго Іерооея, изъ Архимандритовъ мѣстныхъ.

Я продолжалъ путь мой, чрезъ остальные предметія, къ самой оконечности Золотаго рога, тамъ гдѣ онъ раздвояется при впаденіи двухъ рѣкъ, древнихъ Варвиса и Кивара; онъ теперь извѣстенъ подъ общимъ именемъ сладкихъ водъ Европы, потому что есть сладкія воды и на Азіятскомъ берегу. Мѣсто это очаровательно даже въ нынѣшнее время года, лишенное зелени: что же должно быть весною, когда все тутъ цвѣтетъ и благоухаетъ и мавитъ подъ роскошную сѣнь своихъ платановъ? Здѣсь находились нѣкогда увеселительныя палаты Императоровъ Греческихъ, замѣненные теперь кіосками Султановъ, надъ журчащими струями сладкихъ источниковъ, которыя превращаются далѣе въ соленыя воды, еще на довольно большомъ разстояніи отъ залива. Султанъ Ахметъ III соорудилъ здѣсь великолѣпныя палаты, на подобіе Версальскихъ, но онѣ были разрушены бунтовавшими Янычарами, въ 1740 году, и отъ нихъ остались только мраморныя бесѣдки надъ водами; нынѣшніе кіоски какъ будто слѣплены изъ лубковъ, на обширномъ лугѣ Султанскаго атмейдана или ристалища, которое простирается по цвѣтущей долинѣ до селенія Кіатъ-хане. Такъ какъ день былъ праздничный, то вся долина оживлена была гуляющими, конными и пѣшими, при пѣсняхъ и дикой музыкѣ. На статныхъ коняхъ красовались наезд-

ники Турецкіе и въ позлащенныхъ арбахъ тянулись медленно гаремы сановниковъ, окруженные своими черными охранителями. Я переѣхалъ, по легкимъ деревяннымъ мостикамъ объ рѣки, на довольно большомъ разстояніи одну отъ другой, въ двухъ различныхъ долинахъ и направился къ Царьграду, чрезъ предмѣстіе Эюбъ, по западной сторонѣ залива Золотого рога. На пути встрѣтилась мнѣ агіазма, у подошвы горы осѣненной кипарисами, и обширныя развалины древней церкви или обители; быть можетъ это та, во имя Св. Маманта, которую основалъ Императоръ Левъ великій и обновилъ Исаакъ Ангель, и гдѣ былъ погребенъ несчастный Кесарь Маврикій, обезглавленный со всемъ своимъ семействомъ, тираномъ Фокою. Кантакузень, державный искатель уединенія, хвалитъ мѣсто сіе, какъ особенно располагающее къ молитвѣ, по его безмолвію; таковымъ вѣроятно оно было, доколь новые завоеватели не соорудили тутъ своей завѣтной мечети. Чрезъ ворота Хайванъ-серая, прежнія Ксилопорта, вѣхалъ я опять въ городъ, къ развалинамъ древняго Влахернскаго дворца, отъ коего остались только обломки посреди сада. Я уже былъ тутъ однажды лѣтомъ, но хотѣлъ еще разъ поклониться мѣсту, столь священному для насъ Русскихъ, потому что отъ погруженія хранившейся здѣсь ризы Богоматери, въ волны залива, восшумѣла спасительная буря для Князей Оскольда и Дира, и отъ ея пречистаго лика возсіяло намъ православіе. Теперь, подъ древними сводами, сохра-

нилась только агіазма или водоемъ, гдѣ по чину омывались Императоры, прежде вступленія ихъ на царство; съ благоговѣніемъ черпають до нынѣ Христіане освященную воду; лампады и свѣчи горятъ въ полумракѣ и чествуется малая древняя икона Богоматери, съ предвѣчнымъ Младенцемъ въ серебряной ризѣ; лики уже полустерты. Первый образъ Одигитріи унесенъ былъ Венеціанами и хранится въ соборѣ Св. Марка, второй уничтоженъ Турками во время бѣдственной осады, въ обители Спасовой Хорасъ, гдѣ тогда находился по случаю. Мнѣ сказали во Влахернахъ, что еще большая икона сего имени сохраняется въ сосѣдней церкви Великомученика Димитрія, что у Ксилопорты. Я в нее посѣтилъ, но остаюсь при томъ же мнѣніи, что настоящей иконы нѣтъ въ Царьградѣ, хотя и та что въ церкви Св. Димитрія, носитъ отпечатокъ древности.

На слѣдующее утро, въ такъ называемую субботу душъ, предъ сырною недѣлею, Патріархъ Іерусалимокій Кириллъ служилъ, по моей просьбѣ, литургію, въ церкви Св. Георгія на своемъ подворьѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть его служеніе, потому что лишенъ былъ сего утѣшенія въ Іерусалимѣ. Когда возшелъ я въ церковь, Святитель уже стоялъ облаченный на амвонѣ, окруженный своимъ клиромъ, и возгласилъ: «слава въ вышнихъ Богу»; по окончаніи сего Ангельскаго гимна, началась литургія. Но такъ какъ при немъ не было Архіереевъ, то ни какой особенности не замѣтилъ я въ Патріар-

немъ служеніи противъ Іерусалимскаго, кромѣ того, что онъ и архидіаконъ, послѣ «достойно есть», номинвали прочихъ трехъ Патріарховъ по имянно, заключая обычнымъ возгласомъ, «и всѣхъ и вся». Послѣ обѣдни засталъ я у Патріарха; Архіепископа Фаворскаго и двухъ бывшихъ Архіепископовъ: Тримионта, каедры Святителя Спиридона, и Писидія, въ области коего находилась Мѣра Ливійская. Я говорилъ сему послѣднему о моемъ желаніи, чтобы обновилась обитель Чудотворца, и много гвѣмъ утѣшилъ старца. Въ ожиданіи трапезы, посѣтилъ я давняго моего знакома, Патріарха Константія, который переехалъ съ острова Антигоны на свое Синайское подворье, въ предмѣстіе Балаты. Онъ напоминалъ мнѣ, какъ за двадцать лѣтъ предъ симъ, еще до его патріаршества, я посѣщалъ его на этомъ самомъ подворьѣ, и со вздохомъ сказалъ: «вотъ я опять туда же возвратился теперь съ каедры Вселенской». — Мы много бесѣдовали, о посѣщенныхъ мною мечетяхъ, бывшихъ церквами, которыя онъ описалъ, и ему любопытно было слышать о ихъ нынѣшнемъ состояніи. Послѣ Константія посѣтилъ я опять Патріарха Вселенскаго Аноѣма, который всегда принимаетъ меня весьма ласково. Я рассказывалъ ему о моемъ счастливомъ плаваніи въ Мѣру-Ливійскую, и онъ также весьма желаетъ чтобы обновилась обитель Чудотворца. Патріархъ радовался устроенію новаго снѣта Русскаго, Св. Апостола Андрея Первозваннаго на Св. горѣ, который уже утверждень его

собрною грамотою, и общежитію въ обители Зографской; инокі ея недавно сюда пріѣхали за грамотою Патріаршей. Святѣишею Анеимъ пригласилъ меня присутствовать при его богослуженіи въ недѣлю Православія. Послѣ трапезы Патріарха Іерусалимскаго, возвратился я въ Перу и, по указанію ученаго Константія, искалъ въ сосѣдней Галатѣ гробницу знаменитаго поборника православія Марка Ефесскаго, о которой намекаетъ въ своей книгѣ «Антипапа» ученый Аѳанасій Парійскій; но я не могъ ее найти: забыта память великаго мужа. Мнѣ показали въ церкви Богоматери, ветхую ея икону, перенесенную Греками изъ Кафы или Θεодосіи, когда Магометъ II, послѣ взятія Царьграда отнялъ Кафу у Генуезцевъ и принудилъ Грековъ переселиться въ Галату.

Есть еще одно мѣсто по сосѣдству Перы и Галаты, не далеко отъ пристани Топхане, которое должно быть особенно священо Царьграду, потому что тутъ, по преданіямъ старины, Св. Апостоль Андрей Первозванный, основалъ церковь и рукоположилъ перваго Епископа Византійскаго Стахія, отъ котораго начинается рядъ Святителей новаго Рима. Въ древности мѣсто сіе называлось Аргирополисъ, а теперь Фундукли, но ни чѣмъ не ознаменовано. Оно лежало на пути моемъ, въ Арнаутъ-кюй, гдѣ обитаетъ одинъ изъ лучшихъ Патріарховъ Царьграда, Григорій, оставившій по себѣ память мужа твердаго и безкорыстнаго. Я поспѣшилъ его въ уединеніи, познакомившись съ нимъ

еще лѣтомъ, и теперь бесѣда наша обнимала всѣ любопытныя мѣста, которыя съ тѣхъ поръ успѣлъ я видѣть. Онъ принималъ во всемъ живое участіе, какъ добрый пастырь о бывшей своей паствѣ; особенно занимали его обители Аѳонскія и я почелъ священнымъ долгомъ представить ему всѣ предметы, въ томъ видѣ, какъ ихъ нашелъ, съ тою надеждою, что слова искренняго путешественника не могутъ быть ему неприятны.

Наконецъ, въ третій и послѣдній разъ, видѣлъ я Св. Софію. Мнѣ хотѣлось сравнить ее съ мечетью Солимана и повѣрить то впечатлѣніе, какое можетъ она произвести, послѣ зрѣлища лучшаго произведенія зодчества Магометанскаго, въ эпоху самую блестящую для Оттомановъ; но я еще болѣе убѣдился, что не можетъ быть никакого сравненія съ Св. Софіею. Величественна, обширна Солиманія, роскошна колоссальными столбами, которые всѣ похищены изъ храма Халкидонскаго Св. Евѳимія; но никто изъ зодчихъ не могъ разгадать гармонической стройности Св. Софіи и создать подобное совершенство. Яркое солнце, какъ бы для послѣдняго прощанія, озарило драгоцѣнное мнѣ святилище Софійское; сквозь всѣ окна лились потоки свѣта, внутрь сего чуднаго нѣкогда вмѣстилища Божественнаго свѣта, отколѣ мы сами его почерпнули для нашего спасенія. Нѣчто родное, близкое сердцу неволью исполнило сердце, подъ свѣтлоу храма, изъ котораго языческіе предки наши вышли съ убѣжденіемъ Христіанства.

ПИСЬМО XLIV.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СУЛТАНУ.

Царьградъ, 10 Марта 1850.

Вчера, на первой недѣлѣ великаго поста, когда мы все были заняты духовнымъ приготовленіемъ сихъ высокихъ дней, совершенно нечаянно случилось мнѣ представиться Султану Абдуль-Меджиду, и я скажу вамъ нѣсколько словъ о томъ, кто заступилъ здѣсь мѣсто Кесарей и Халифовъ.

Только наканунѣ и довольно поздно вечеромъ извѣстилъ Посланника нашего, Рейсь-ефенди, или Министръ иностранныхъ дѣлъ, Али Паша, Французскимъ письмомъ: что на слѣдующій день мы будемъ удостоены Султанскаго приема, въ загородномъ дворцѣ его Чораганъ, на Европейскомъ берегу. Около полудня отправились мы, въ двухъ Цареградскихъ коляскахъ, весьма беспокойныхъ, по

овратамъ между кладбищъ, освященныхъ кипарисами, на Воспорскую набережную, въ жилище Падишаха, которое отстоитъ за часъ вѣды отъ Перы. Не воображайте себѣ что либо величественное, когда слышите о палатахъ Султанскихъ; много такихъ дворцевъ разсыяно по обѣимъ сторонамъ Воспора, лѣтнихъ и зимнихъ; повелитель Оттоманскій, на позлащенной ладѣ своей, переезжаетъ безпрестанно изъ Азіи въ Европу и обратно, судя по различнымъ временамъ года, съ тѣхъ поръ какъ оставленъ былъ Махмудомъ древній серай. Это непостоянство жилья Султанскаго, часто переносимаго изъ одной части свѣта въ другую, чрезъ завѣтный проливъ, какъ будто напоминаетъ первобытное кочевье воинственной орды Туркоманской, выросшей въ столь великое царство. Дворцы сіи, полускладенные изъ мрамора, полудостроенные изъ дерева, скорѣе могутъ назваться роскошнымъ становищемъ, нежели палатами царскими; главный ихъ корпусъ, по срединѣ, назначенъ для торжественныхъ пріемовъ и соединенъ галереями съ отдѣльными зданіями гаремовъ; лицевая сторона обращена къ морю, гдѣ и нарядная пристань, а съ противоположной раскинутъ обширный садъ по прибрежнымъ высотамъ. Такъ и въ Чорагавъ; только садъ отдѣленъ отъ дворца широкою улицею, чрезъ которую переброшены, для сообщенія, бронзовые мостики довольно красивые. Всѣ должны, по старому обычаю, спѣшиваться, проходя по сей царственной улицѣ: но мы, по привилегіи посольской, избавлены

были отъ строгаго правила и подѣхали прямо къ заднему двору, гдѣ обыкновенно въ особомъ домѣ отдыхаютъ Посланники, въ ожиданіи Султанскаго приѣма: это остатокъ бывшаго угощенія на дворѣ древняго серая, чтобы не являться голодными предъ лице Падишаха; но какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ!—Вмѣсто дикихъ Янычаръ, которые шумѣли на великолѣпныхъ дворахъ Султанскаго жилища, теперь Турецкіе визамы, въ красивыхъ мундирахъ, совершенно по Европейски, стройно отдали намъ воинскую почесть, на тѣсномъ дворикѣ.

Съ Посланникомъ, кромѣ драгомана и двухъ членовъ посольства, былъ еще почтенный Князь Вяземскій, привлекшій общую любовь жителей Перы, во время зимняго своего пребыванія въ столицѣ Оттоманской, я и еще два морскихъ офицера, съ военныхъ судовъ нашихъ. Али Паша, самый ловкій и образованный изъ Министровъ Турецкихъ, бывшій долго въ Вѣнѣ и Парижѣ, принялъ Посланника въ первой залѣ и ввелъ въ гостинную, гдѣ угощали насъ трубками и кофеемъ, въ чашкахъ осыпанныхъ алмазами. Разговоръ свободно вели на Французскомъ языкѣ, такъ что ни здѣсь, ни въ присутствіи Султана, не оказалось ни малѣйшей нужды въ драгоманѣ. Черезъ полчаса извѣстили, что Его Величество готовъ принять насъ; мы прошли опять чрезъ тотъ же дворикъ, въ калитку, на внутренній садикъ предъ дворцомъ Султанскимъ, насаженный миртами и кипарисами, символами любви и грусти, которые при-

личествуютъ гаремамъ. Въ обширномъ преддверіи, на ступеняхъ высокаго мраморнаго крыльца и въ верхнихъ сѣняхъ, стояли въ красныхъ мундирахъ, напоминавшихъ отчасти наши гусарскіе, почетная стража и пажы, или ичогланы Султанскіе. Я ожидалъ еще многихъ залъ и переходовъ до приемной палаты, какъ вдругъ изъ самыхъ сѣней увидѣлъ, во глубинѣ обширной залы, просвѣченной множествомъ оконъ, самаго Повелителя Оттомановъ, одиноко стоящаго, съ наклоненною головою, у Европейскаго дивана. Признаюсь, такая нечаянность меня изумила, потому что понятіе, которое мы себѣ составляемъ о Владыкахъ Восточныхъ, необходимо требуетъ болѣе наружнаго блеска. На Султанъ былъ обыкновенный кафтанъ, шитый по краямъ золотомъ и красная феска съ золотымъ на ней знакомъ; большой брилліантовый орденъ Нишана и богатая сабля, составляли лучшее украшеніе его наряда. Благообразное лице его выражало кротость, въ противоположность грозному величію отцовскому; потупленный взоръ едва ли не былъ условнымъ приличіемъ, въ древнемъ этикетѣ Турецкаго двора, чтобы не подвергать невѣрныхъ блистательному взгляду Падишаха.

Мы поклонились трижды Его Величеству, начиная отъ порога, и стали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, покамѣстъ Посланникъ вручалъ ему поздравительное письмо, о новорожденныхъ Принцахъ, и выразилъ, посредствомъ Али Паши, тѣ привѣтствія, какія имѣлъ сообщить отъ Императорскаго Двора. Все это происходило шопотомъ, по

тому же этикету Оттоманскому, и хотя такое представление мало соответствовало громкой молве о древнемъ великолѣпнѣй лунной державы: но, въ присутствіи великаго Падишаха, этотъ шопоть долженъ былъ выражать глубокое благоговѣніе; быть можетъ онъ былъ поразительнѣе въ роскошномъ, полумрачномъ кіоскѣ древняго серая, гдѣ на одинъ только мигъ являлся, во всемъ своемъ величій Повелитель Оттоманскій, послѣ всѣхъ утомительныхъ приготовленій для ожидавшихъ сей блаженной минуты. Трудно соединить формы Европейскаго образованія съ обычаями Востока, и оттого мы себѣ иначе воображали торжественную аудіенцію наследника Халифовъ Арабскихъ. Подражаніе поэтическаго Востока упрощенному Западу не представлялось удовлетворительнымъ, а между тѣмъ была и примѣсь обрядовъ собственно восточныхъ: потому что сановники Порты, при каждомъ обращеніи къ своему повелителю, клали руку на сердце, уста и чело, по древнему обычаю. Жаль, что и въ самой одеждѣ, Султанъ Махмудъ уничтожилъ прежнюю величавость, замѣнивъ высокую чалму, непріятною для глазъ фескою, и пышные кафтаны узкимъ полу-европейскимъ платьемъ. Болѣе впечатлѣнія производили на меня еженедѣльные шествія Султана по пятницамъ, конныя или на ладьяхъ, въ различныхъ мечети Царьграда, потому что тогда онъ еще является въ духовной славы древняго Халифата.

Мы пробыли съ полчаса въ присутствіи Султа-

на ; Посланникъ представлялъ ему каждого изъ насъ, и каждому было сказано милостивое слово. Его Величество пожелалъ мнѣ счастливаго окончанія моего путешествія , когда я сказалъ ему: что никогда прежде Сирія не наслаждалась такимъ спокойствіемъ, какъ въ его правленіе , потому что я могъ путешествовать , почти безъ стражей, тамъ гдѣ за двадцать лѣтъ тому назадъ подвергался безпрестанной опасности ; казалось , онъ это выслушалъ благосклонно. При выходѣ, насъ еще угостили шербетомъ восточнымъ , въ нижней залѣ дворца ; потомъ мы пошли осматривать богатыя оранжереи Султанскія и садъ его, разбитый, въ Англійскомъ вкусѣ, на противоположащемъ холмѣ. Хотя и съ чувствомъ разочарованія вышелъ я изъ палатъ *Султанскихъ*, однако остался весьма доволенъ, что имѣлъ случай видѣть сего Падишаха, добраго и любимаго своими подданными, какъ видѣлъ нѣкогда и славнаго отца его Махмуда, отблескъ древняго величія Османовъ, Муратовъ и Солимановъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія онъ пріобрѣлъ искреннюю любовь православныхъ своихъ подданныхъ, за тѣ благодѣянія, которыми какъ будто старался изгладить память минувшихъ печальныхъ дней для Церкви.

ПИСЬМО XLV.

ПАТРИАРШЕЕ СЛУЖЕНИЕ ВЪ НЕДѢЛЮ ПРА- ВОСЛАВІЯ.

Царьградъ 12 Марта 1850.

Сегодня, наконецъ, послѣ столькихъ лѣтъ ожиданія, видѣлъ я въ недѣлю Православія служеніе Патріарха Вселенскаго; при служеніи же прочихъ трехъ имѣлъ случай присутствовать прежде. Весьма давно, во время перваго моего путешествія, совершилъ при мнѣ литургію, въ крестное Воскресеніе, Патріархъ Александрійскій Героеей, теперь уже усопшій; нынѣшнею осенью, на праздникъ Введенія во храмъ Богоматери, утѣшилъ меня своимъ

служеніемъ, въ Дамаскъ, осьмидесятилѣтній старецъ, Патріархъ Антиохійскій Меодій, и недавно, въ субботу душъ, уже здѣсь въ Царьградъ, служилъ по моей просьбѣ, на своемъ подворьѣ, Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ, котораго не засталъ я въ Св. градѣ.—Но всѣ три служили только съ Архимандритами, а нынѣ Вселенскій Анонимъ совершалъ божественную службу, съ двѣнадцатю Митрополитами, въ полномъ блескѣ своего высокаго сана. — Видѣлъ я, пять лѣтъ тому назадъ, и пасхальную литургію Григорія XVI Папы Римскаго, нѣкогда первенствовавшего между Патріархами, съ полнымъ соборомъ его Кардиналовъ, и даже соборное служеніе Католикоса Армянскаго Нерсеса, съ двѣнадцатю Епископами, въ престольной обители его Эчміадзина: такимъ образомъ могу сказать, что вся Восточная и Западная Церковь представлялись постепенно моимъ взорамъ, во всемъ своемъ величій; ибо что можетъ лучше выразить внѣшнюю красоту Церкви, если не торжественное служеніе ея предстоятелей? — Въ Римскихъ письмахъ описалъ я служеніе Первосвященника Западнаго, и съ тѣмъ же безпристрастіемъ изображу вамъ литургію Вселенскаго Патріарха.

Я увѣренъ, что всѣ тѣ, которые увлекаются пышностію обрядовъ Римскихъ, при служеніи Папскомъ, не вникая во внутренній смыслъ ихъ и частое нарушеніе правилъ церковныхъ, возопіютъ противъ Грековъ и противъ отсутствія внѣшняго благолѣпія, при служеніи Вселенскаго Патрі-

арха, также не выкинуть, что тутъ пострадала одна только вышность, отъ долгаго ига; все же каноническое, заветное, сохранилось невредимо. Въ Римъ, напротивъ того, гдѣ самодержавно властвовалъ Первосвященникъ и слѣдственно все зависѣло отъ его собственныхъ распоряженій, внутреннее уступило вышнему и священныя чиноположенія измѣнены произвольно. Не буду говорить о томъ уже, что Кардиналы, діаконы и даже инодіаконы, сидятъ выше не только Епископовъ, но и титулярныхъ Патріарховъ, назначаемыхъ вопреки каноновъ въ Римъ, и слѣдственно тѣмъ нарушена іерархія, во главѣ коей самъ Папа. Не странно ли и то, что при соборномъ его служеніи, которое усиленно представлять вселенскимъ, (ибо тутъ кругомъ Папы возсѣдаютъ представители всѣхъ Церквей) приобщается однако, въ свѣтлый день Пасхи, одинъ лишь Папа, съ двумя сослужащими ему Кардиналами, діакономъ и инодіакономъ, а прочіе Епископы и пресвитеры, для краткости, должны приобщиться заблаговременно за ранними обѣдами? Кто понимаетъ всю важность соборнаго установленія евхаристіи, на тайной вечери, для всѣхъ присутствовавшихъ Апостоловъ, тотъ изумится такому ясироверженію канона. Кто же не выкинетъ въ оное и только восхищается вышнимъ блескомъ, болѣе мірскимъ нежели церковнымъ, окружающимъ престолъ безкровной жертвы въ Римъ, тотъ съ пренебреженіемъ будетъ смотреть на обряды Царьградской литургіи, въ сравненіи съ вели-

колыбіемъ Римскимъ. — Тронъ Первосвященника, посреди чудной базилики Св. Петра, при предсто-
лннн всего свѣтскаго и духовнаго его двора и во-
инской стражи, Римской и Швейцарской, въ ея го-
тическихъ нарядахъ, безъ сомнѣнія болѣе подѣй-
ствуетъ на воображеніе, нежели смиренная кафедра
Златоуста, на которой стоитъ Патріархъ Вселен-
скій, при сослуженіи двѣнадцати своихъ Митропо-
литовъ, и при шумномъ волненіи толпы народной,
въ тѣснотѣ нынѣшней Патріаршей церкви Велико-
мученика Георгія; она замѣнила для него древнее
великоколѣпіе Св. Софін и храма Св. Апостоловъ.

Посмотримъ однако, съ духовной точки, на оба
служенія, дабы справедливѣе о нихъ судить, и то-
гда убѣдимся, какъ все то, что представляется
теперь нестройнымъ въ Патріаршемъ, можетъ лег-
ко исправиться, потому что происходитъ отъ при-
чинъ внѣшнихъ; а то, что повреждено въ Памскомъ,
встекаетъ изъ внутреннихъ началъ, все примѣнив-
шихъ къ цѣли влаетительства Римскаго, хотя бы
чрезъ то страдали каноны; по сей причинѣ оно не
можетъ быть исправлено, иначе, какъ кореннымъ
измѣненіемъ своего начала. Дайте, напротивъ, бо-
лѣе свободы и образованія клиру Константинополь-
скому, возвратите ему храмъ Св. Софін, гдѣ предки
наши мнили видѣть предъ собою служеніе Ангель-
ское, и тогда сравните съ Римскимъ, если только не
хотите услышать опять отвѣтъ пословъ Владиміро-
выхъ: «никто, вкусивъ однажды сладкаго, не за-
хочетъ горькаго!» — Одно лишь, въ чемъ Патрі-

архи Вселенскіе уподобляются Папамъ, это рѣдкость ихъ служенія, и не знаю, на чемъ основанъ такой обычай, что Первосвятители служатъ только три раза въ годъ, если нѣтъ какого либо особаго случая, рукоположенія или погребенія. Здѣсь есть только нѣкоторое различіе въ самыхъ дняхъ, потому что, кромѣ Пасхи и рождества Христова, Патріархъ служитъ еще въ недѣлю Православія, а Папа въ день Св. Петра. Съ нѣкотораго времени, по прошенію Сербовъ, Вселенскій Святитель совершаетъ торжественную объѣдню еще въ день Св. Андрея Первозваннаго, основателя каѳедры Византійской.

Прочіе три Патріарха не слѣдуютъ сему примѣру, ибо служеніе ихъ повторяется довольно часто. Должно предполагать, что такая рѣдкость служенія Патріаршаго произошла въ позднѣйшія времена, отъ тяжести ига, затруднявшаго церковныя собранія. Первосвятители обязаны были торжественно, т. е. съ полнымъ соборомъ двѣнадцати Архіереевъ, совершать литургію только трижды въ годъ; въ прочіе же праздники они вѣроятно служили, какъ прочіе Архіереи съ Архимандритами и потому, мало по малу, оставили сей обычай, являясь народу только въ полнотѣ величія своего верховнаго сана, быть можетъ, для большаго впечатлѣнія на паству, особенно когда, подъ державою Турецкою, Патріархъ Вселенскій сдѣлался отчасти и гражданскою главою Грековъ. — Наши Московскіе Па-

тріархи не пропускали ни одного церковнаго торжества безъ личнаго соборнаго служенія. Отдаю однако полную справедливость Вселенскимъ предъ Римскими, въ томъ, что они удержали древнее чиноположеніе въ своемъ служеніи, будучи подчинены канонамъ Вселенскихъ Соборовъ, и потому соборная литургія Константинопольскаго Патріарха, для опытнаго глаза, не смотря на ея вѣдшее по видимому неблаголѣпіе, не оскорбляетъ православнаго чувства, когда напротивъ того, блистательное зрѣлище богослуженія Римскаго (да простятъ мнѣ сіе Римляне!) невыносимо для взора и слуха Православныхъ. Теперь приступлю къ описанію самой службы, послѣ сего необходимаго вступленія.

Утренняя только что началась, когда на разсвѣтъ, взошелъ я въ соборную церковь Патріаршую, проведя ночь на соседнемъ подворьѣ Іерусалимскомъ Фанара, чтобы не опоздать къ службѣ. Но уже много было народа, и съ трудомъ могъ я пробраться за деревянную рѣшетку, отдѣлявшую Патріаршее и княжескія мѣста Господарей съ клиросами, отъ прочихъ частей храма, тѣснаго и не соответствовавшаго своему назначенію. Не смотря на возрастающую непрестанно толпу, успѣлъ я приложиться къ двумъ завѣтнымъ иконамъ Пречистой Дѣвы и Предтечи, изъ древней мозаики, и къ тремъ нетлѣннымъ мощамъ, открыто почивающимъ въ деревянныхъ ракахъ: Великомученицы Евиміи всехвальной, Саломіи, матери Маккавеевъ, и Теофаніи,

супруги Императора Льва премудраго. Съ трудомъ спасены были они изъ столькихъ сокровищъ Св. Софїи въ эпоху гоненїй; но самое драгоценное изъ нихъ есть часть мраморнаго столба, къ коему привязанъ былъ нашъ Искушитель, во время бїенїя за грѣхи наши; другой обломокъ его видѣлъ я въ Иерусалимѣ, а третїй въ Римѣ; такъ три знатнѣйшія Церкви раздѣляли святыню сію между собою.

Спѣшно шла утренняя, безъ каенїя; во время полумеля зажглись многочисленныя хрустальныя лампы, висѣвшія между столбовъ, и волненїе народное возвѣстїю приходъ Патріаршїи. Съ трудомъ могъ подвигаться Святитель, съ помощїю своихъ архидіаконовъ, сквозь густую толпу, и потому шествїе его не имѣло подобающаго величїя. Но за недѣлю предъ тѣмъ, въ прощальное воскресенье, имѣлъ я случай видѣть, въ первый разъ, входъ Патріаршїи въ свою каедральную церковь, и признаюсь, не смотря на ея убожество, это пастырское шествїе тронуло меня болѣе великолѣпнаго выхода Папскаго въ базилику Св. Петра, посреди его стражи, въ одну изъ пятницъ великаго поста, хотя тогда не было также толпы народной. Не имѣлъ вокругъ себя готическихъ воиновъ, отовсюду оцѣпившихъ Первосвященника Царя, вторый по немъ, по чину іерархїи церковной, и теперь первый ради соблюденнаго православїя, Патріархъ Вселенскїй; онъ шествовалъ смиренно, окруженный только своими клиромъ: до двѣнадцати діаконовъ, архидіаконовъ и пресвитеровъ, ему предшествовали

въ черныхъ своихъ рясахъ, сложивъ крестообразно руки: за ними Патріархъ; съ посохомъ въ рукѣ, поддерживаемый своимъ архидіакономъ и протосинкелломъ, а потомъ еще шесть церковныхъ чиновъ его домашняго клира, архимандритъ, эконономъ великой Церкви, сакелларій, — вотъ вся свита Первосвященника Восточнаго. Не болѣе, я полагаю, было у его предѣшника Златоуста, на чьей кафедрѣ онъ сталъ, ибо по преданію она уцѣлѣла, хотя и обновленная дважды при Комнинахъ въ 1085 году, и Господаремъ Валахскимъ Кантакузиномъ въ 1680 году, какъ свидѣтельствуетъ надпись. Благоговѣнно преклонялся предъ нимъ народъ.

На сей разъ Патріархъ былъ въ богатой мантии лиловой съ шитыми скрижалями. Мнѣ указали мѣсто подлѣ второй меньшей кафедры Патріаршей, рядомъ съ протопсалтомъ, а самую кафедру, обитую краснымъ сукномъ, ради тѣсноты, занялъ на сей разъ великій Логоетъ, долженствовавшій читать громогласно символъ вѣры, по древнему обычаю. Величественная наружность нынѣшняго Патріарха Анеима, старца маститаго, высокаго, съ сѣдою окладистою бородою, соответствовала достоинству его сана; признаюсь, сердце мое было глубоко тронуто, видя преемника Богослова и Златоуста, на самой кафедрѣ одного изъ сихъ великихъ угодниковъ Божіихъ, въ столь же убогомъ положеніи, въ какомъ были они сами, когда собирали вѣрныхъ въ малыхъ церквахъ, одинъ отъ ярости Аріанъ,

другой отъ гоненій Египетскихъ. Эта мысль примирала меня съ настоящимъ убожествомъ Вселенской іерархіи, и даже возвышала ее въ моихъ глазахъ, когда припоминалъ, что мы совершаемъ православіе въ столицѣ Оттоманской, гдѣ шаткій престолъ Византійскій могъ однако, сквозь четырехвѣковую бурю, устоять твердо, въ догматической своей чистотѣ, и Апокалиптической его свѣтильникъ не былъ сдвинутъ съ своего мѣста, хотя испыталъ многое отъ бури временъ и челоуковъ.

Послѣ пѣнія: «слава въ вышнихъ Богу» шесть архидіаконовъ и діаконовъ, съ трикиріями и дикиріями, вышли изъ алтаря, и подошла къ каедрѣ Патріаршей, возгласили трижды: «іерен изыдите». Владыка сошелъ на средину церкви для облаченія, гдѣ поставлены были древнія высокія кресла, украшенныя перламутромъ; перламутръ и мозаика всегда были однимъ изъ любимыхъ украшеній церковныхъ. Между тѣмъ, два священника въ ризахъ вынесли сперва двѣ складныя иконы, Спасителя и Богоматери, Предтечи и Великомученика Георгія, къ коимъ приложился Патріархъ, при чтеніи входныхъ молитвъ, а потомъ священныя для него облаченія, съ драгоценною митрою, окованною золотомъ, увѣчанною алмазнымъ крестомъ, съ зубчатою вокругъ короною: митра сія, хотя и новѣйшая, напоминала минувшія времена славы Византійской. Между тѣмъ, прежде нежели началъ облачаться Патріархъ, двѣнадцать Архіереевъ вышли изъ алтаря, чтобы принять его благословеніе для литургіи;

когда же совершенно облачился, и осѣнилъ свѣчани народъ, при известномъ возглашеніи: «такъ да просвѣтится свѣтъ твой предъ челоуѣки» архидіаконъ возвалъ опять: «Архіереи изыдите». Всѣ они, уже облаченные, начиная съ младшихъ, стали выходить по двое, изъ царскихъ вратъ, и заняли подобающія имъ по степени церковной мѣста, по степенямъ Первосвятителя Вселенскаго. О какія принопамятныя наименованія Восточныхъ престоловъ, по заслугамъ ихъ древнихъ великихъ Святителей, предстали въ лицѣ сего іерархическаго верховнаго Собора Церкви Цареградской! Сердце мое сильно забилось, при видѣ священнаго сонма Митрополитовъ и Архіепископовъ, которые соединяли собою, въ глазахъ моихъ, вѣка минувшіе съ настоящимъ, и переносили воображеніе къ первымъ блаженнымъ временамъ цвѣтушаго на Востокъ Христіанства.

Первый сталъ одесною Патріарха Вселенскаго, въ испещренномъ саккосѣ и бѣломъ омофорѣ, но безъ митры, ибо ее не носятъ въ присутствіи Патріаршемъ, почтенный старецъ Памсій, всѣми уважаемый за свою добродѣтель пастырскую, Митрополитъ Кесаріи Каппадокійскія, преемникъ кафедръ Св. Василія Великаго, ради сего преемства возвеличенный титуломъ первопрестольника, пречестнаго изъ пречестныхъ и Экзарха всея Анатоліи; но всѣ сіи титула болѣе громкія, нежели существенныя, уступаютъ тому достоинству, что онъ возсѣдаетъ, не мнимо а дѣйствительно, на кафедрѣ небожлен-

наго Василія , коего литургія должна была совершаться въ сей самый день Православія вселенскаго. Напротивъ Кесарійскаго старца сталъ , по лѣвую руку Патріарха, Анеимъ Митрополитъ Ефесскій, втораго трона, одной изъ семи Церквей Апокалипсиса , прославленной откровеніемъ и долгимъ жительствомъ Св. Апостола Іоанна, и своимъ именитымъ соборомъ , на коемъ положено было : ничего не измѣнять въ символъ вѣры. Такимъ образомъ Анеимъ , Экзархъ всея Асіи по титулу, предстоялъ тутъ, какъ бы непреложный свидѣтель сего завѣтнаго запрещенія, свято соблюденнаго Церковью православною. Третьимъ стоялъ , по порядку старшинства, Панаретъ, Митрополитъ Ираклійскій, Предсѣдатель пречестныхъ, и Экзархъ всея Оракіи, одинъ имѣющій и донинѣ право вручать жезлъ правленія новому Патріарху Вселенскому, при его поставленіи, потому что въ его епархіи, хотя и убогой теперь , находилась убогая некогда Византія, возвеличенная въ послѣдствіи престоломъ имперіи, но гдѣ заранѣе, въ духъ предвѣднія, Св. Апостолъ Первозванный рукоположилъ ученика своего Стахія, первоначальникомъ будущихъ Патріарховъ Вселенскихъ. Четвертое мѣсто занялъ Экзархъ Геллеспонта, Іоакимъ, Митрополитъ Кизическій ; пятое Экзархъ Виенніи . Діонисій , Митрополитъ Никоидіи, временно бывшей столицы Кесарей, гдѣ мужественно пострадалъ отъ Діоклитіана священномученикъ Епископъ Анеимъ, съ двумя тѣмами Христіанъ своей паствы, и гдѣ крестилъ

ся и скончался великій Императоръ Константинъ. Еще ли мало такихъ воспоминаній? — Назову и другихъ, хотя не всѣ равно имениты: Неофитъ, Митрополитъ Дерконскій или Неохоріона, одной изъ подгородныхъ епархій Цареградскихъ на Воспоръ, которая числится между дванадцати соборныхъ престоловъ патриархіи Вселенской, стоялъ противъ Никомидійскаго. За нимъ слѣдовалъ Митрополитъ Критскій Хрисанеъ, вызванный для засѣданія въ правительственномъ Синодѣ Цареградскомъ и напоминавшій лице великаго Іерарха Критскаго Андрея, который написалъ умиленный канонъ для первыхъ дней сей великой седмицы поста. Митрополитъ Серронскій, Іаковъ, Экзархъ всея Македоніи, и Сизагаеопольскій Прокопій, Экзархъ Чернаго моря, также члены Синодальные, занимали осьмую и девятую степень, представляя уже епархіи Болгарскія. Десятымъ сталъ старецъ Аврамій, бывшій Митрополитомъ Тримиунтскимъ, кафедръ Чудотворца Спиридона, и одиннадцатымъ бывшій Митрополитъ Писидіи Герасимъ, въ чьей епархіи находилась разрушенная нынѣ Мура Ликійская, кафедръ великаго Чудотворца Николая. Оба они, хотя уже оставившіе свои кафедръ, стояли однако въ рядахъ іераршескихъ сего соборнаго служенія, которое напоминало о столькихъ подвижникахъ перваго Вселенскаго Собора Никейскаго, гдѣ подвизались Святители Николай и Спиридонъ, какъ величайшіе защитники Православія. Послѣднимъ былъ также живущій на покоѣ, Митрополитъ Раскопри-

зренскій Игнатій, бывший Экзарх Мизіи, когдо эпархія отдѣлена недавно отъ древней Болгаріи, возведенной по мѣсту рожденія великаго Іустиніана.

Такой святительскій сонмъ предстоялъ и сослужилъ Архіепископу новаго Рима и Вселенскому Патріарху Аноиму. Конечно, онъ далеко уступалъ блескомъ и числомъ, торжественному собранію Кардиналовъ, Епископовъ и Прелатовъ, присутствовавшихъ при служеніи другаго Вселенскаго Епископа древняго Рима: ибо тогда, до ста лицъ и болѣе, воссѣдаютъ въ два ряда на багряныхъ скамьяхъ, у подножія его выпренняго престола, болѣе царственнаго нежели святительскаго. Но хотя между ними есть именуемые Патріархами и Митрополитами древнѣйшихъ областей церковныхъ: однако ихъ историческія имена суть одиъ громкія титла, потому что настоящіе преемники и представители сихъ Апостольскихъ кафедръ всѣ на Востокъ. Если много умалилась, то не уничтожилась однако ихъ паства; они продолжаютъ быть законными пастырями своего малаго, но вѣрнаго стада, и не бѣжали, яко наемники, отъ волковъ хищныхъ, изъ среды бурь многострадалнаго Востока, чтобы спокойно величаться одними суетными титлами посреди западной тишины. Нѣтъ, каждый изъ нихъ стоитъ на указанномъ ему мѣстѣ отъ Пастыреначальника Христа, какъ добрый пастырь, готовый положить душу свою за овцы своя, а потому лице сихъ немногихъ истинныхъ предстоятелей своихъ Церквей, сослужившихъ Патріарху, было для меня уважи-

тельнѣе и ближе сердцу, нежели весь сонмъ титулярныхъ Архіереевъ, окружавшихъ Папу, ради блеска его двора, а не ради соучастія въ службѣ божественной. Если кто назоветъ мое мнѣніе пристрастнымъ, пусть положитъ руку на сердце и сознаетъ, на чьей сторонѣ истина преданія? Особенно величественнымъ представлялось зрѣлище соборное, когда всѣ сіи двѣнадцать въ свѣтлыхъ ризахъ, напоминавшіе собою старцевъ Апокалипсиса, возсѣли съ обѣихъ сторонъ кафедры Патріаршей, предъ кою предстоали шесть архидіаконовъ съ свѣтильниками, во время пѣнія антифоновъ, и въ ожиданіи малаго входа съ евангеліемъ,

Благословеніе царства Пресвятыя Троицы, ознаменовавшее начало литургіи, возгласилъ въ алтарѣ одинъ изъ двухъ сослужившихъ пресвитеровъ; но они оба были какъ бы потеряны и не замѣтны въ сонмѣ столькихъ Святителей, которому не соответствовало ихъ ограниченное число. Вѣроятно, но тѣснотѣ алтаря, назначены были къ служенію только необходимые для совершенія проскомидіи и для несенія святыхъ даровъ на великомъ входѣ. Но мнѣ казалось, что если бы при двѣнадцати Архіереехъ еще столько же пресвитеровъ, и еще одинъ архидіаконъ при шести бывшихъ діаконахъ, сослужили Патріарху: то, кромѣ величія обоехъ входовъ въ алтарь, малаго и великаго, прилично явилось бы тутъ полное число семи свѣтильниковъ и двадцати четырехъ старцевъ Апокалипсиса, предстоавшихъ престолу Агнца. Малый входъ во свя-

тилище Патріарха, съ двѣнадцатью Митрополитами и всемъ клиромъ, былъ достоинъ его высокаго сана; но тѣмъ окончилось внѣ алтаря благолѣпіе его службы, да и внутри алтаря тѣснаго, наполненнаго духовенствомъ и мірянами, не видно было прежняго величія. Когда внѣ святилища, движимый усердіемъ народъ ломился за деревянную рѣшетку, ограждавшую средину церкви, и съ шумомъ втѣснялся иногда за завѣтную черту, я нимало не смущался такимъ волненіемъ, виною коего было ревностное желаніе приблизиться къ святынь. Пріятнѣе было видѣть такой безпорядокъ народный, нежели воинскій порядокъ внутри пустаго безнароднаго храма Св. Петра, при служеніи Папскомъ, и престолъ Божій обставленный стражею съ обнаженными мечами, ради царской почести, воздаваемой Первосвященнику, хотя многимъ это казалось весьма торжественнымъ. Не то внутри алтаря, гдѣ архидіаконы могли бы распорядиться властно и не впускать никого кромѣ клира: тогда бы водворился желанный порядокъ. Каждый изъ сослужившихъ Архіереевъ имѣлъ при себѣ діакона, для снятія омофора и держанія молитвенной книги; если бы все они были не въ обыкновенной рясы, а въ стихарь, и стояли благочинно за своимъ Архіереемъ, это бы умножило благолѣпіе соборнаго служенія. Скажу однако, что безпорядокъ сей только внѣшній а не внутренній, ибо не касается каноновъ церковныхъ, и весьма легко его исправить.

Быть можетъ, я бы съ меньшимъ равнодушіемъ

на это смотрѣлъ, если бы девятимѣсячное пребываніе на Востокъ не дало мнѣ нѣкоторой опытности, отличать главное отъ посторонняго, возникшаго въ теченіи долгаго угнетенія, и не примирило бы меня, силою самыхъ обстоятельствъ, съ симъ невольнымъ неустройствомъ. Но даже и посреди безпорядка просіявало свѣтлое величіе нашего богослуженія, которое такъ хорошо само по себѣ, что не можетъ затмиться чѣмъ либо внѣшнимъ; знающій можетъ всегда выискнуть въ его красоту, какъ опытный въ живописи, по однимъ гениальнымъ очеркамъ, угадать кисть великаго художника, и не предпочтетъ ей яркихъ красокъ обыкновенной картины. Такъ, послѣ торжественнаго кажденія внутри и внѣ святилища, самимъ Патріархомъ, умиленно сердцу было пѣніе Трисвятаго, всемъ старческимъ хоромъ Святителей. Первосвятитель начиналъ оное, знаменуя крестообразно трикиріемъ св. евангеліе на престолѣ, какъ бы заимствуя отсюда свѣтъ познанія Трисвятаго Божества, и трижды повторялъ сіе знаменательное дѣйствіе, при соборномъ пѣніи «Святый Боже». Въ Греческомъ богослуженіи, и наипаче въ Патріаршемъ, особенная торжественность облакаетъ таинственный гимнъ сей, во славу Трисвятаго, Трїедиаго Бога, дабы догматъ былъ глубже напечатлѣнъ въ сердца народа, какъ основаніе вѣрованія Христіанскаго; это напоминаетъ времена Богослова и Златоуста, столько подвизавшихся противъ Аріанъ за сей догматъ. Еще торжественнѣе было соборное восшествіе Па-

тріарха на горнее мѣсто, для слушанія Апостола и Евангелія. Двѣнадцать Митрополитовъ поднялись въ слѣдъ за нимъ, на высокое двухстепенное со-престоліе, коего нижняя ступень оставлена была для пресвитеровъ, и стали по сторонамъ Вселенскаго Владыки, не измѣняя своего іерархическаго порядка, такъ что Кесарійскій всегда находился одесную, а на лѣво Ефесскій; у подножія престола стали діаконы со свѣтильниками.

И вотъ, съ высоты сей горней каеэдры, послышались изъ устъ Патріарха тихія рѣчи, погрузившія меня мгновенно въ первые вѣка мученичества. Поднявъ взоры и руки къ небу, онъ возгласилъ: «Господи, спаси благочестивыя, и услыши ны!» Умилительно было слышать слова сіи изъ устъ Патріаршихъ, посреди ига Агарянскаго, предъ тѣми вратами, гдѣ еще недавно былъ повѣщенъ одинъ изъ его предшественниковъ, Святитель Григорій! Шесть архидіаконовъ и діаконовъ громко повторяли, одинъ за другимъ, слова Патріарха, у горней его каеэдры, и потомъ, также одинъ за другимъ, двѣнадцать Митрополитовъ возгласили: «Святѣйшему Апостолу, Архіепископу новаго Рима и Вселенскому Патріарху, многая лѣта». Замѣчательна простота сего Патріаршаго титула, хотя и получившаго старѣйшинство соборное, когда напротивъ того, въ титулахъ прочихъ Патріаршихъ престоловъ, мелко изчисляются области церковныя, отчасти уже утраченныя ими. Слово же «Вселенскій» не знаменуетъ Архіепископа вселенной; ина-

че оно поставлено было бы въ существительномъ а не въ прилагательномъ, но означаетъ только перваго Архіерея во вселенной, равнаго однако прочимъ тремъ Патріархамъ, которые съ самостоятельными Іерархами и Синодами, составляютъ верховную Іерархію Церкви Каѳолической, т. е. Соборной, по Славянскому переводу сего слова. Замѣчательно еще, что во время слушанія Апостола одинъ только Патріархъ воссыдалъ на своей мраморной горшей каедрѣ, украшенной царственными орлами Византіи, прозіе Архіереи стояли. Не діаконь, но молодой клирикъ читалъ Апостолъ со ступенчатой Златоустовой Патріаршей каедрѣ, и Архідиаконь возглашалъ евангеліе съ высоты другой горшей каедрѣ, которая, по преданію, уцѣлѣла вмѣстѣ съ треномъ отъ времени Златоуста.

Не стану говорить о пѣніи ликовъ, которое, какъ вамъ извѣстно, неприятно на Востокъ; но вы знаете, что я не восхищался и западнымъ пѣніемъ кафедлы Папской; здѣсь, по крайней мѣрѣ, мѣтѣ осморбительны были звуки сіи для стоящаго внутри алтаря. При началѣ Херувимской пѣсни, Патріархъ, окруженный своими діаконами, читалъ умиленную молитву: «никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотѣми приближаться и вр.,» потомъ, съ посохомъ въ рукахъ, кидалъ кругомъ престола и въ царскія врата; обычай сей не существуетъ въ нашей Церкви, потому что каждое предоставлено въ сію минуту діакону и посохъ не употребляется у насъ внутри алтаря: вѣроятно это

преимущество сана Патриаршаго. Осънивъ народъ, Патриархъ приступилъ къ жертвеннику, чтобы совершить на немъ свою проскомидію о живыхъ и усопшихъ, и вслѣдъ за нимъ всѣ двѣнадцать Архіереевъ, одинъ за другимъ, вынимали части на жертвенникъ, что продолжило чрезвычайно Херувимскую пѣснь. Между тѣмъ, такъ называемый великій входъ со Св. дарами, представлялся гораздо смиреннѣе малаго, потому что, кромѣ діаконовъ, два только пресвитера несли чашу и крестъ; всѣ же Архіереи оставались по чину своему вокругъ престола въ алтарѣ. Патриархъ поминалъ въ царскихъ вратахъ: «всякое Епископство православныхъ, блаженныхъ и приснопамятныхъ Царей и Патриарховъ, ктиторовъ и благодѣтелей Церкви, и всѣхъ православныхъ Христіанъ», съ нѣкоторыми именами, и тоже повторилъ принимая потиръ. Митрополитъ Кесарійскій взялъ въ рукъ его дискось, возгласивъ: «святительство твое да помянетъ Господь Богъ», и тѣмъ же отвѣчалъ ему Патриархъ; Митрополитъ Ефесскій такимъ же порядкомъ принялъ чашу.

Литургія продолжалась по обычному чину; трогательно было опять соборное цѣлованіе Патриарха со всеми Архіереями и пресвитерами, при пѣніи единомысленнаго ихъ исповѣданія: «Отца и Сына и Св. Духа». Число и санъ сослужащихъ возвышали торжественность самаго дѣйствія. При чтеніи символа вѣры, который по древнему чиноположенію возгласилъ великій Логоуетъ посреди церкви, Па-

тріархъ преклонилъ голову подъ воздухъ, колеблемый надъ нимъ Архіереями. Когда настало время тайнодѣйственныхъ словъ, собственно Христовыхъ, не Патріархъ произносилъ оныя, довольствуясь одними тайными молитвами, а сонмъ Архіереевъ возглашалъ попеременно важнѣйшія слова, которыя обыкновенно произноситъ первенствующій. Поелику третій возгласъ, до Херувимской пѣсни, остановился на Ираклійскомъ Митрополитѣ, то Кизическій, какъ четвертый по степени, возгласилъ: «побѣдную пѣснь»; потомъ Никомидійскій: «пріимите, ядите,» Дерконскій: «пійте отъ нея вси» и наконецъ Критскій: «твоя отъ твоихъ». Патріархъ произнесъ только: «изрядно о пресвятѣй» и потомъ опять прочіе Архіереи продолжали по порядку возгласы, не исключая и: «сподоби насъ Владыко» предъ чтеніемъ: «Отче нашъ.»—«Святая святымъ», опять произнесъ Патріархъ. Когда я говорилъ о томъ въ послѣдствіи съ Архіереями, они объясняли это такимъ образомъ: что возгласы различно раздѣлялись между ними, дабы каждый, хотя однимъ словомъ, могъ участвовать въ священнослуженіи; но бывший Патріархъ Константій сказалъ мнѣ, что онъ не предоставлялъ возглашать тайнодѣйственныхъ словъ Архіереямъ. При возгласѣ: «въ первыхъ помани Господи» Патріархъ поминалъ только всякое Епископство православныхъ, а всѣ Архіереи по порядку: Вселенскаго Анеима; архидіаконъ же, виѣ алтаря, поминалъ еще трехъ Патріарховъ, ктиторовъ и благодѣтелей, заключая обыч-

ными въ Греческой Церкви словами: «и всѣхъ, которыхъ каждый имѣеть въ своей мысли». Это дополнительное слово, хотя и не внесено въ древнихъ служебникахъ, но выражаетъ много сердечнаго.

Когда же настала минута приобщенія и Патриархъ вкусилъ тѣла и крови Господней, онъ не сталъ приобщать прочихъ Архіереевъ, но отошелъ въ боковой придѣлъ Богоматери, для чтенія благодарныхъ молитвъ, предоставивъ каждому изъ нихъ приобщаться самому по себѣ, какъ это бываетъ при общемъ служеніи равныхъ между собою Архіереевъ. Последний изъ нихъ, Митрополитъ Раскопризренскій приобщилъ остальныхъ пресвитеровъ и діаконовъ. Я спрашивалъ о семъ Митрополита Ираклійскаго и онъ мнѣ сказалъ: что хотя обычай приобщенія Архіереевъ Патриархомъ существуетъ издавна, однако нѣкоторые изъ новѣйшихъ Патриарховъ, находя его слишкомъ господственнымъ, ради смиренія, иногда отмѣняли, но не всѣ, какъ напримѣръ Константиѣ и Григорій. Спрашивалъ я о томъ же двухъ Патриарховъ, самаго Константіа и Иерусалимскаго Кирилла, которые оба служили по случаю торжества Православія, каждый съ двумя Архіереями; они подтвердили существованіе сего обычая, въ Иерусалимѣ, Антиохіи и Александріи. Наконецъ, успѣлъ я спросить бывшаго Патриархомъ Анеима, который не болѣе года, какъ оставилъ свой престолъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что действительно предшественники

его Мелетій и Аноимъ, оба уже умершіе, такъ поступали; но что онъ всегда самъ приобщалъ сослужившихъ Архіереевъ. Скажу опять: Патріаршая литургія, хотя и лишенная во многомъ вышшняго великолѣпія, могла однако назваться справедливо соборною нежели Папская: потому что Папа приобщается только одинъ съ двумя Кардиналами, не смотря на присутствіе всего своего кавра въ день Пасхи, а здѣсь, вмѣстѣ съ Патріархомъ, приобщались двѣнадцать Митрополитовъ, два пресвитера и шесть діаконовъ; т. е. всѣ присутствовавшіе; слѣдственно, это ближе къ первоначальному учрежденію литургіи и словамъ Господнимъ, о своей новозавѣтной крови: «пійте отъ нея вси».

Патріархъ Вселенскій, который, во все время пребыванія моего въ Царьградъ, оказывалъ мнѣ милостивое вниманіе, тотчасъ по освященіи даровъ и возгласа: «изрядно», подозвавъ меня чрезъ своего Архидіакона, вручилъ мнѣ у самого престола антидоръ, обыкновенно благословляемый въ сію минуту для раздачи вѣрнымъ. Потомъ я видѣлъ, что онъ раздавалъ малыя просфоры нѣкоторымъ, изъ сослужившихъ Архіереевъ, вознеся ихъ прежде крестообразно надъ Св. дарами, и тоже сдѣлалъ для тѣхъ, которые подавали ему свои просфоры, съ произношеніемъ имени каждаго. По окончаніи литургіи Патріархъ хотѣлъ было служить соборную панихиду въ храмъ, о усопшихъ Царяхъ и Патріархахъ, потому что тяжесть ига не дозволяетъ полнаго торжественнаго чина, какъ это

бываетъ у насъ въ недѣлю Православія, съ такимъ назиданіемъ для народа. Но отъ чрезвычайной тѣсноты въ храмѣ, предпочелъ совершить панихиду сію у себя въ Синодальной залѣ, гдѣ стоитъ тронъ Патріаршій, обитый краснымъ сукномъ; потому всѣ Святители въ облаченіяхъ вышли туда боковыми дверями изъ алтаря, и тамъ проѣли соборную панихиду. Мы последовали за Архіереями въ ихъ собраніе, и можно сказать, что я не только присутствовалъ при соборномъ служеніи, но видѣлъ послѣ и засѣданіе Синода Цареградскаго. Такимъ образомъ, начавъ обозрѣніе Царьграда съ храма Св. Софіи, окончиваю оное служеніемъ Вселенскаго Патріарха въ недѣлю Православія.

ПИСЬМО XLVI.

О ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ.

Царьградъ, 14 Марта 1850.

Вамъ угодно было узнать, по свѣжимъ впечатлѣнїямъ, мысли мои о Церкви такъ называемой Великой или Константинопольской, и я скажу вамъ искренно то, что у меня на сердцѣ, какъ православному православному. Приведу слова Апокалипсиса: «что Духъ глаголалъ Церквамъ» и во первыхъ Ангелу Ефесскїя Церкви, которая стоитъ на второй степени въ Иерархіи Великой Церкви, потому что слова къ ней обращенныя могутъ отчасти относиться къ Цареградской: «вѣмъ твоя дѣла и трудъ твой и терпѣніе твое, и яко не можеша носити злыхъ, и искусилъ еси глаголющыя быти

Апостолы и не суть, и обрѣлъ еси ихъ ложны, и по-
неслъ еси, и терпѣніе имаши, и за имя мое трудил-
ся еси и не изнемогъ еси.» (Апок. II 2. 3). Это
отрадное слово можетъ относиться къ тѣмъ гонені-
ямъ, какія приняла Церковь Православная, въ раз-
личныя времена отъ тяжкаго ига и къ тѣмъ иску-
шеніямъ, какія непрестанно терпитъ отъ лже-апо-
столовъ Запада, умѣя различать духи, хотя она, по
другому слову Апокалипсиса, подобно Пергамской
Церкви: «живетъ идѣже престолъ сатанинъ и не
отверглася вѣры.» (III. 13). Раскрою предъ ва-
ми пространнѣе, скорбную и вмѣстѣ утѣшительную
картину, нынѣшняго ея положенія и будущихъ на-
деждъ. Вѣрую, что не сдвинется никогда ея свѣтиль-
никъ, и что къ ней, какъ заключающей въ себѣ всѣ
семь Церквей Апокалипсиса, относятся и свѣтлыя
его обѣтованія: «побѣждающій сотворится стол-
помъ въ Церкви Божіей, и напишется на немъ имя
Бога, и имя града Божія Іерусалима новаго, стоя-
щаго съ небесъ отъ Бога.» (глава III. 12).

Римляне, смотря на вселенную изъ тѣснаго, хо-
тя и высокаго окна Ватиканскаго, нынѣ нѣсколь-
ко понизившагося, утверждаютъ будто въ Церкви
Восточной мало жизненнаго движенія; справед-
ливо, если разумѣютъ о догматахъ, въ коихъ она
неколебима, но ошибаются, если такъ думаютъ
о внутренней ея жизни. Лучшимъ противъ нихъ
обличеніемъ служить то, что въ теченіе столѣтій
вѣковъ и при столькихъ усиліяхъ и средствахъ, они
ничего не могли сдѣлать и не выиграли ни одного

шага на оспориваемомъ ими поприщѣ: не были это сильное доказательство жизни; ибо съ мертвымъ поступаютъ какъ хотятъ? Последнее ихъ покушеніе осталось стольже же мало удачнымъ; только шумъ пошатнувшагося престола Папскаго, заглушилъ молву о неудачномъ нападеніи на Православіе.—Чего ожидать въ будущемъ, увидимъ послѣ; не смотря однако на нѣкоторыя нестроенія Церкви Восточной, вкравшіяся отъ ига, и на недостатокъ внѣшняго образованія, нигдѣ не видалъ я такой жизни, ибо тѣсенъ союзъ между пастырями и паствою: слѣдственно есть жизненное обращеніе крови въ тѣлѣ церковномъ.

Не говорю здѣсь о трехъ Восточныхъ Патріархатахъ, гдѣ союзъ сей еще тѣснѣе, потому что ихъ паствы малочисленнѣе, и тамъ вѣра составляетъ какъ бы отечество народовъ; говорю о великой Церкви или собственно Цареградской. Вы спросите, отъ чего же такое жизненное начало?—Отъ того, что Церковь на Востокъ есть не только домъ молитвы или приходъ, но въ полномъ смыслѣ собраніе и соединеніе вѣрныхъ, гдѣ подъ сѣнію ихъ Іерархіи, высшей и низшей, житейскія нужды, частныя и общественныя, невольно сплетаются съ духовными; слѣдственно Церковь не есть что либо отвлеченное, но близкое и осязательное для всѣхъ и каждаго. Пришельцу, во время богослуженія, покажется страннымъ, что по нѣскольку разъ собирается подаваніе вѣрныхъ, иногда съ увѣщаніемъ отъ настоятеля, то въ пользу клира, то собствен-

но для церкви, или для больницы и нищих, то для Св. гроба, а иногда и возвышается о какой либо общенародной дани или складчинѣ; такимъ образомъ всѣ интересы слиты во едино и каждый приходъ составляетъ дѣйствительно общину, гдѣ ничего не можетъ утаиться взаимно, наипаче отъ настоятеля. Пусть кто либо не соблюдеть поста или, будучи запрещенъ у своего пресвитера, пойдетъ искать разрѣшенія у другаго; сейчасъ вступится въ нарушение правилъ мѣстный Епископъ, всегда близкій по малости епархіи, и дѣло дойдетъ до Патріарха: малѣйшая струна сейчасъ отзовется въ сердце, и все это на словѣ, слѣдственно и на дѣлѣ. Вотъ почему и умноженіе Епископовъ до нѣкоторой степени полезно; ибо дѣйствительно, они могутъ тогда надзирать т. е. епископствовать, по Греческому значенію сего слова. Трудно, при такихъ началахъ, чуждому элементу ворваться въ Церковь, кромѣ развѣ какихъ либо частныхъ случаевъ, и расторгнуть жизненную связь главы съ членами тѣла, какъ премудро выразились сами Патріархи, въ своемъ окружномъ отвѣтномъ посланіи, на горделивую буллу Папскую минувшаго года: «у насъ хранителемъ православія и народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнною.» При малѣйшей ереси или отступленіи отъ правилъ, Патріархи съ своими Митрополитами соединяются догматически, въ одномъ соборномъ обличительномъ посланіи, и вѣрныя съ покорностію пріемлютъ ихъ окружное рѣшеніе, какъ бы догматъ Вселенскій.

Здѣсь по истинѣ Церковь можетъ назваться Каеолическою т. е. Соборною: ибо равенство четырехъ Патриарховъ соблюдается, при несоразмѣрности ихъ областей церковныхъ; Цареградскій дѣйствуетъ только какъ почетная глава, въ отношеніи ихъ, хотя и облеченъ нѣкоторою властію гражданскою, въ отношеніи своего народа. Такого соборнаго равенствія духовныхъ силъ и началъ, никакъ не могутъ понять Римляне, не вида царственнаго Первосвященника на престолѣ Востока, потому что все хотятъ приравнять къ своему порядку дѣлъ, и оттого дѣйствуютъ безуспѣшно, не смотря на вѣковыя усилія опрокинуть Православіе, котораго сущности не разумѣютъ.

Я раскрылъ Апостольскую сторону Церкви Восточной, которая дѣлаетъ ее неодолимою; раскрою и печальную. Известно, что со времени завоеванія Оттоманскаго, Церковь лишилась всѣхъ своихъ имуществъ и бремя скудости ея легло на плечи вѣрныхъ, которые должны ее поддерживать житейски, какъ она ихъ духовно. Взаимно почувствовали они, что въ ихъ обоюдной связи вся ихъ крѣпость, и противъ невѣрія и противъ оболъщеній Запада. Господари Валахскіе и Молдавскіе пылали сыновнею ревностію, будучи готовы жертвовать Церкви всемъ своимъ богатствомъ, и не уступали имъ именитые Фанариоты; богатые купцы столицы и процвѣтавшихъ острововъ Архипелага, ревновали щедрыми даяніями, другъ передъ другомъ; такимъ

образомъ, сильная аристократія взяла на себя бремя ея содержанія, облегчивъ народъ; но все это рушилось въ несчастную эпоху возстанія Эллинскаго: Церковь лишилась средствъ къ своему содержанію, ибо пали Фанарь и торговля; нѣтъ болѣе Медицисовъ Греческихъ, Зосимы и Варваціевъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ, новѣйшая народность Эллиновъ и Молдо-влаховъ обнаружила притязанія на церковныя имущества, искони ими пожертвованныя. Съ возстаніемъ Эллинскимъ произошло и другое невозвратимое зло: пали всѣ училища духовныя, которыми процвѣталъ Востокъ, въ минувшемъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго, ибо оттуда вытекали свѣтила церковныя. Но что всего ужаснѣе, въ одну и ту же годину, пали совокупно всѣ лучшія украшенія Церкви: Святители, начиная съ Патріарха Григорія, которые болѣею частію принадлежали къ числу, не только самыхъ просвѣщенныхъ мужей своего вѣка, но и самыхъ почетныхъ по рожденію, потому что аристократія Греческая восходила на каедры святительскія. — Чудно еще какъ могла оправиться Церковь, послѣ столь страшныхъ и внезапныхъ утратъ, духовныхъ и вещественныхъ, и это есть величайшее доказательство Промысла Божія ея соблюдающаго. При уменьшеніи внутренняго благосостоянія, умножились внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства; Порта начала входить ближе, въ отношенія Патріарховъ къ народу, и стала ограничивать гражданскія права Вселенскихъ; за

тѣмъ послѣдовали болѣе прежняго частыя ихъ смѣны.

Патріарху необходимо имѣть средства, чтобы прикрывать всѣ расходы въ отношеніи Порты, и поддерживать школы, больницы и собственный дворъ, потому что все лежитъ на немъ одномъ: гдѣ же взять денегъ, когда нѣтъ помощи ни отколѣ? Онъ принужденъ, по старому праву и обычаю, о которомъ упоминается и въ нашихъ древнихъ грамотахъ, одесятствовать церковные акты и суды. Однако это не мѣшаетъ пастырямъ Восточной Церкви, при малѣйшей заразе духовной или ереси, вооружаться всеми силами противъ нововведеній или грубыхъ страстей; тутъ можно видѣть какъ непогрѣшительно дѣйствуютъ Святители *сiа ех cathedra*, и это много придаетъ силы Церкви Восточной. Одно только грустно: они будто не примѣчаютъ развитія религіознаго Болгаръ и не довольно покровительствуютъ сей юной Церкви; въ епархіяхъ Славянскихъ народъ скучаетъ непонятнымъ ему богослуженіемъ Греческимъ. Впрочемъ Патріархъ Цареградскій отчасти начинаетъ исправлять ошибку, потому что въ духовномъ училищѣ острова Халки, отколѣ должно ожидать добрыхъ пастырей, уже есть классъ Славянскаго языка и учреждена въ Царьградѣ, въ домѣ Князя Самоскаго, приходская Болгарская церковь. Между тѣмъ, при недостаткѣ народныхъ школъ Греческихъ для образованія духовнаго, во всѣ епархіи ежегодно назначаются дидакалы и іерокириксъ т. е. учителя и проповѣдники, особенно на время

великаго поста, и это поддерживает вѣру народную въ первобытной ея чистотѣ; такое учрежденіе, при всѣхъ недостаткахъ церковныхъ, свидѣльствуетъ о жизненномъ началѣ, которое никогда не замирало въ Церкви Восточной.

Аѳонъ служилъ также въ эпоху ига и служить доселѣ свѣтильникомъ вѣры, хотя и много пострадалъ во время возстанія Греческаго; но знаете ли кто его болѣе посѣщаетъ? не богатые выходцы Царьградскіе или Эллинскіе, съ острововъ окружающаго его Архипелага, но убогіе Болгары, изъ Македоніи и Фракіи, толпами стекаются туда ежегодно. Вотъ почему весьма важно нынѣшнее устройство общежитія въ Зографѣ, обители собственно Болгарской, ибо однѣ только общины процвѣтаютъ на Св. горѣ. Быть можетъ подѣйствуетъ примѣръ сей къ водворенію и въ прочихъ обителяхъ общежитія, котораго и Патріархъ желаетъ. Много есть святыни на Св. горѣ Аѳонской, и она, какъ величественный памятникъ мивушаго, покрываетъ своею обширною тѣнію, не только окрестныя страны и острова, но всю Великую Церковь; ибо на нее издали указываютъ, какъ на свѣтило Православія, и безбурное пристанище, одолѣвшее всѣ страшныя тревоги Церковныя. Надобно отдать справедливость, что черное духовенство, которое гораздо многочисленнѣе бѣлаго на Востокъ, по своему безбрачному положенію, принесло много пользы въ годину испытаній, ибо могло свободно страдать съ ввѣренною ему паствою, и весьма замѣчательна эта сто-

рона Греческой Церкви. Изъ сорока приходоуь Константинопольскихъ, едва ли есть нѣсколько, гдѣ служитъ духовенство бѣлое, а между тѣмъ, вмѣсто монастырей, повсюду есть Архіерейскіе дома съ многочисленнымъ клиромъ и подворья.

Между тѣмъ, силою обстоятельствъ, и какъ бы само собою возникаетъ и возрастаетъ церковная жизнь Православія, въ училищахъ и въ повременныхъ изданіяхъ книгъ, и даже въ общественномъ быту, потому что Церковь внезапно и повсемѣстно дала почувствовать необходимость своихъ каноноуь. Не есть ли это дѣло тайнаго Провидѣнія Божія? Уже Болгарія оживаетъ и жаждетъ своей Іерархіи; уже Греція почувствовала свою одинокость и прислала ходатайствовать о союзѣ съ Великою Церковью. Дѣла церковныя Молдо — Влахійскія должны скоро устроиться; частая перемѣна Патріархоуь сдѣлалась непріятною для самихъ гонителей, и уже, послѣ недавняго удаленія Аноима, избрали прежде бывшаго, чтобы не умножать числа отставныхъ Патріархоуь. Грядущее вѣдаетъ Богъ, но въ ожиданіи большаго усовершенствованія, прошу васъ составить себѣ, изъ сего краткаго очерка, болѣе полную и утѣшительную картину Церкви Православной.

Есть однако въ сей Великой Церкви, при виѣншемъ видимомъ ея убожествѣ; такое богатство духовное, котораго не вѣдаютъ позволяющіе себѣ осуждать ее, изъ числа ревнителѣй западныхъ, и о которомъ даже мы не всѣ слышали, хотя

это лучшей вѣнецъ ея, мученической. Послушайте какъ Римляне превозносятъ подвиги своихъ миссіонеровъ, иногда избиваемыхъ язычниками, и какъ они стараются тѣмъ доказать жизненность своей Церкви, противопоставляя ей мнимую мертвенность Восточной. Но знаютъ ли они, употребляющіе усилія свои на Востокъ, не столько для обращенія невѣрующихъ, сколько для совращенія православныхъ, знаютъ ли, какимъ обиліемъ мученичества, можетъ обличить ихъ неумѣстную ревность, пренебрегаемая и непознанная ими Церковь? Не менѣе ста осьми мучениковъ вписаны ею въ свой новый Мартирологій, всякаго возраста и званія, мужей и женъ, простыхъ и именитыхъ, воиновъ, карабельщиковъ, ремесленниковъ, священно-иноковъ, Епископовъ и даже Патріарховъ. Всѣ они прославляются службами церковными, которыя собственно для нихъ составлены, потому что одни, какъ истинные пастыри, положили душу свою за паству, другіе же запечатлѣли кровію исповѣданіе своей вѣры и послужили назидательнымъ примѣромъ собратіи, въ самую тяжкую годину испытанія, трехъ послѣднихъ столѣтій, которая не поколебала ихъ православія.

Сто восемь новыхъ мучениковъ: много ли представить, въ теченіи сего времени, Римская Церковь? ибо здѣсь не принято въ число ихъ множество невинно погибшихъ, подъ мечемъ варварскимъ: тогда бы можно насчитать ихъ тысячами, какъ и въ первобытныя времена записывала Цер-

ковъ своихъ страдальцевъ; такъ на примѣръ 19 Августа: память Св. мученика Андрея Стратилата и съ нимъ двухъ тысячъ девяноста трехъ пострадавшихъ, или 28 Декабря: святыхъ мученикъ дву тму въ Никомедіи сожженныхъ и тому подобное.—Нѣтъ, въ этотъ новый мартирологій, поступили только отдѣльно страдавшіе, за исповѣданіе вѣры; ихъ акты записаны, подобно древнимъ мученическимъ, если не въ судахъ Турецкихъ, какъ нѣкогда въ Римскихъ, то въ сердцахъ и памяти присутствовавшихъ Христіанъ, которые также омокали платки въ ихъ крови, для исцѣленія болящихъ, и сами возбуждались ихъ подвигомъ, къ твердому перенесенію бѣдствій житейскихъ ради небснаго царствія. Не безъ особенной причины вписаны имена Первосвятителей. Много Патріарховъ и Епископовъ пострадало, отъ меча и глада и другихъ истязаній, въ теченіи сихъ трехъ вѣковъ, но прославленъ одинъ только Патріархъ Пареній Цареградскій, столько же ради подвига, сколько и ради святой жизни, и три только Архіерея: Гавріилъ Архіепископъ Сербскій, другой Епископъ того же имени, оба пострадавшіе въ Бруссъ, въ 1650 и 1657 годахъ, и Серафимъ Епископъ Фанара, мучительно скончавшійся въ Царьградѣ въ 1682 году. Это показываетъ, съ какою осторожностію, составляли новый мартирологій.

А сколько въ немъ замѣчательныхъ житій и близкихъ сердцу страданій, разноплеменныхъ но во едино слитыхъ мучениковъ! Тутъ и Константій,

пресвитеръ Русскій, бывшій сперва при посольствѣ нашемъ и удалившійся на Аеонъ, и Павелъ отпущенникъ Русскій, и Зорзисъ Грузинъ, и Влахъ Іоанвъ, и Сербъ Гавріилъ, и множество Болгаръ, и даже носящій имя Ахмета, обратившійся въ 1682 году. А сколько преподобныхъ и священномучениковъ? есть даже равноапостольные: Косьма, проповѣдовавшій слово Божіе въ Албаніи. Трогательно читать и такія простыя отличія между мучениками: Дука швецъ, (съ него содрали кожу въ Царьградъ), Іоаннъ корабельщикъ, соженъ на островъ Косъ, Михаилъ садовникъ, усъченъ мечемъ въ Царьградъ, Захарій разсъченъ на части въ Патрасъ. Тутъ и разность состояній и разнообразіе мукъ, какъ и въ первыя времена Христіанства. Должно обратить вниманіе на одно весьма замѣчательное обстоятельство сихъ послѣднихъ вѣковъ: это страсть къ мученичеству, возбужденная до высшей степени какъ при началъ Христіанства, особенно въ концѣ минувшаго вѣка и въ первыхъ годахъ нынѣшняго. Надобно было останавливать исповѣдниковъ а не возбуждать ихъ; юныхъ насильственно укрывали въ монастыри, чтобы они сами себя не обличали предъ Магометанскими властями; началомъ же такой ревности обыкновенно бывало невольное совращеніе въ пылкомъ возрастѣ юношества, котораго не могъ простить себѣ взрослый, хотя уже давно опять обратившійся къ Христіанству: въ его сердцѣ глубоко западала одна мысль,

что только второе крещеніе крови можетъ омыть постыдное отреченіе отъ перваго.

Таковы были Феодоръ Византійскій, братъ Митрополита Адрианопольскаго Григорія, котораго я зналъ на Св. горѣ, и мученики Агаангелъ и Тимоѳеѣй, коихъ священные останки сохраняются въ обители Эсфигменской. По истинѣ Церковь Восточная можетъ возгласить сію мученическую пѣснь, которая поется при освященіи ея храмовъ: «иже во всемъ мірѣ Церковь твоя, Христе Боже, кровію мученикъ твоихъ украсившеса, яко же висономъ и багряницею, усты ихъ къ тебѣ вопіеть: няспосли людемъ твоимъ щедроты, миръ даруй жителству твоему и душамъ нашимъ велию милость.» И кромъ сихъ мучениковъ, сколько еще Святителей, преподобныхъ, отшельниковъ, просіяли въ теченіи сего многострадальнаго времени, въ различныхъ пустыняхъ! Житія ихъ записаны на небѣ, въ книгъ жизни, на землѣ же, для назиданія вѣрныхъ, въ особую книгу, называемую новый Лимонарь, или Духовный лугъ, въ подражаніе Палестинскому Іоанна Мосха, который описалъ подвиги отшельниковъ Св. Земли. Что, если къ сему сонму Греческихъ повоявленныхъ Святыхъ, присоединить еще ликъ Россійскій угодниковъ Божиихъ, во множествѣ просіявшихъ въ то же время? Какой величественный сонмъ избранниковъ, представить Церковь Православная на Сѣверъ и на Востокъ!

Последнее гоненіе, которое претерпѣла, въ 1821

году, Церковь Восточная, въ эпоху возстанія Эллинскаго, ужасами своими, напомнило десятое послѣднее гоненіе Діоклитіаново на все Христіанство, и облекши ее въ багряницу мученическую, увѣнчало вѣнцомъ многострадальнымъ. Однако, по свѣжести воспоминаній, еще ни одинъ изъ ея славныхъ страдальцевъ не вписанъ въ новыя мартирологіи, хотя конечно никогда не являлось ихъ столько и столь достойныхъ, какъ въ сіе бѣдственное десятилѣтіе, когда Церковь очищалась какъ золото въ горнилахъ испытанія. Казалось она сотрясалась въ своихъ основаніяхъ, какъ и Вселенская, предъ счастливою эпохою великаго Константина. Римская, не много ранѣе представила только, какъ бы исповѣдника, въ лицѣ своего кроткаго Первосвятителя пія VII; Константинопольская же явила полнаго мученика, въ своемъ великомъ Патріархѣ Григоріѣ V, и пораженная во главу, пострадала во всѣхъ своихъ членахъ. Пять Архіепископовъ Синода Патріаршаго, въ одно время съ нимъ погибли различными муками въ Царьградѣ. Бывшій Патріархъ Кирилъ, мужъ праведный, повѣшенъ въ Адрианополи, какъ и настоящій Первосвятитель Константинополя Григорій. Во многихъ епархіяхъ, пастыри положили души свои за паству, безъ всякой вины, потому только что гонители, въ лицѣ ихъ, хотѣли поразить ужасомъ народъ. Самый страшный примѣръ такой жестокости, не слыханной даже и въ первыя времена борьбы язычества съ Христіанствомъ, явленъ былъ въ Кипрѣ, для того

что остров сей долго и болѣе другихъ процвѣталъ, подѣ сѣню іерархическаго своего правленія. Архіепископъ его, Кипріянь съ тремя подчиненными ему Епископами и всеми настоятелями многочисленныхъ обителей Кипра, повѣшены были все вмѣстѣ и въ тотъ же часъ, на вѣтвяхъ столѣтней смоковницы, предѣ вратами бывшихъ Королевскихъ палатъ Лузиніановыхъ, въ горькую насмѣшку Христіанамъ, и такъ висѣли они нѣсколько дней, какъ бы райскіе плоды, созрѣвшіе къ вѣчности. Говорить ли о прочихъ ужасахъ, частныхъ и общественныхъ? о цвѣтущей Кидоніи, съ ея духовнымъ многочисленнымъ училищемъ, внезапно опустѣвшимъ? о цѣломъ островѣ Хіосѣ, преданномъ огню и мечу, гдѣ вмѣстѣ погибли пастыри и пасомые, о последнемъ опустошеніи Морей и нѣкоторыхъ острововъ Архипелага, жители коихъ, спасшіеся отъ меча, распроданы въ неволю? И безмолвная гора Аеонская не избѣгла испытаній: въ одно время лишилась она всѣхъ своихъ духовныхъ настоятелей, старцевъ праведныхъ, которые погибли въ узахъ темничныхъ въ Солунѣ. Какое обширное поле мученичества открылось внезапно, во всѣхъ областяхъ и островахъ имперіи Оттоманской, въ трехъ частяхъ свѣта, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ страдали первые подвижники Христовы, такъ что не измѣнились даже названія епархій новыхъ священномучениковъ. Что если бы собрать все сіи имена во едино?—какой изумительный мартирологій составился бы вновь, къ чести Православной

Церкви, не поколебавшейся посреди всѣхъ сихъ ужасовъ, ибо врата адовы не одолѣютъ ей, по обѣтованію Спасителя, такъ какъ она основана на твердомъ камнѣ исповѣданія Апостольскаго: «камень же бѣ Христосъ.» (I. Корин. X. 4).

ПИСЬМО XLVII.

ПРОЩАНІЕ СЪ ЦАРЬГРАДОМЪ.

Царьградъ 17 Марта 1850.

И такъ я оставляю опять чудный Царьградъ, съ его погребальными кипарисами и минаретами, которые любятъ золотить яркое солнце Востока, Царьградъ, самымъ именемъ, выражающій свое высокое значеніе, одинъ изъ трехъ вѣчныхъ городовъ вселенной, около коихъ, какъ на осяхъ, вращаются завѣтныя судьбы ея! Я видѣлъ всѣ три, Иерусалимъ, Римъ и Царьградъ, сей новый Римъ, не уступающій древнему, и оставляю его, проникнутый его многознаменательнымъ минувшимъ. «Мати Сіонъ речеть чловѣкъ» по словамъ псалма, о колыбели нашей вѣры, и Сіонъ всегда останется

ея сокровищницею. Духъ мірскаго преобладанія дважды назнаменовалъ державный Римъ, въ вѣка язычества и даже Христіанства, которое сдѣлало его опять градомъ судебъ, рѣшительныхъ для западнаго міра. Но не отъ свѣтлаго ли нѣкогда Царьграда произошли судьбы обращеннаго къ нему Востока? Не онъ ли, первый и единственный, созданъ былъ, по мановенію великаго Константина, чистымъ отъ всякой примѣси язычества, исключительно столицей Христіанства, какъ и Св. Софія создана была первымъ храмомъ, который вполне соответствовалъ Богослуженію православному, въ самую блистательную эпоху его развитія? Посему Царьградъ и тринадцативѣковая Св. Софія не уступятъ никогда Риму, съ его новѣйшею базиликою Св. Петра, хотя и временно какъ бы померкла первая столица Христіанства.

Не старый, а новый Римъ, былъ отголоскомъ Іерусалима, и вся его благодатная святыня, сямъ царственнымъ путемъ, излилась на Востокъ и даже на Западъ. Не на Вселенскихъ ли соборахъ Царьграда и Церквей ему подлежащихъ, Никен, Ефеса, Халкидона, провозглашены и защищены всѣ основные догматы Христіанства, когда еще надъ Западомъ висѣла мгла нашествія столькихъ языковъ? Даже свѣтлый вѣнецъ искусствъ, недавно украсившій чело ветхаго Рима, не изъ Византійскихъ ли, разсѣянныхъ бурей листьевъ, былъ ему сплетенъ въ средніе вѣка? Если же угасавшій Царьградъ имѣлъ такое вліяніе на жизнь Европы,—

что же если бы не угасалъ? И не воскресъ ли онъ опять, въ лицѣ третьяго Рима, который возникъ на семи холмахъ сѣверныхъ и назнаменованъ свыше завѣтнымъ величіемъ, предъ коимъ безмолвно смиряется Востокъ? По манію Господа возникаютъ всенародные царственные исполны, коимъ вручается нить событій и мѣрило судеб! Не безъ тайнаго Промысла воздвигся и третій сѣверный Римъ, когда угасалъ второй, какъ бы свѣтильникъ возженный отъ его искры, и ярко горитъ нынѣ при оскудѣніи перваго.

Прости Царьградъ, съ твоими кипарисами и твоимъ солнцемъ, хотя оно погружено сегодня, въ темныя тучи, застилающія твое ясное небо.